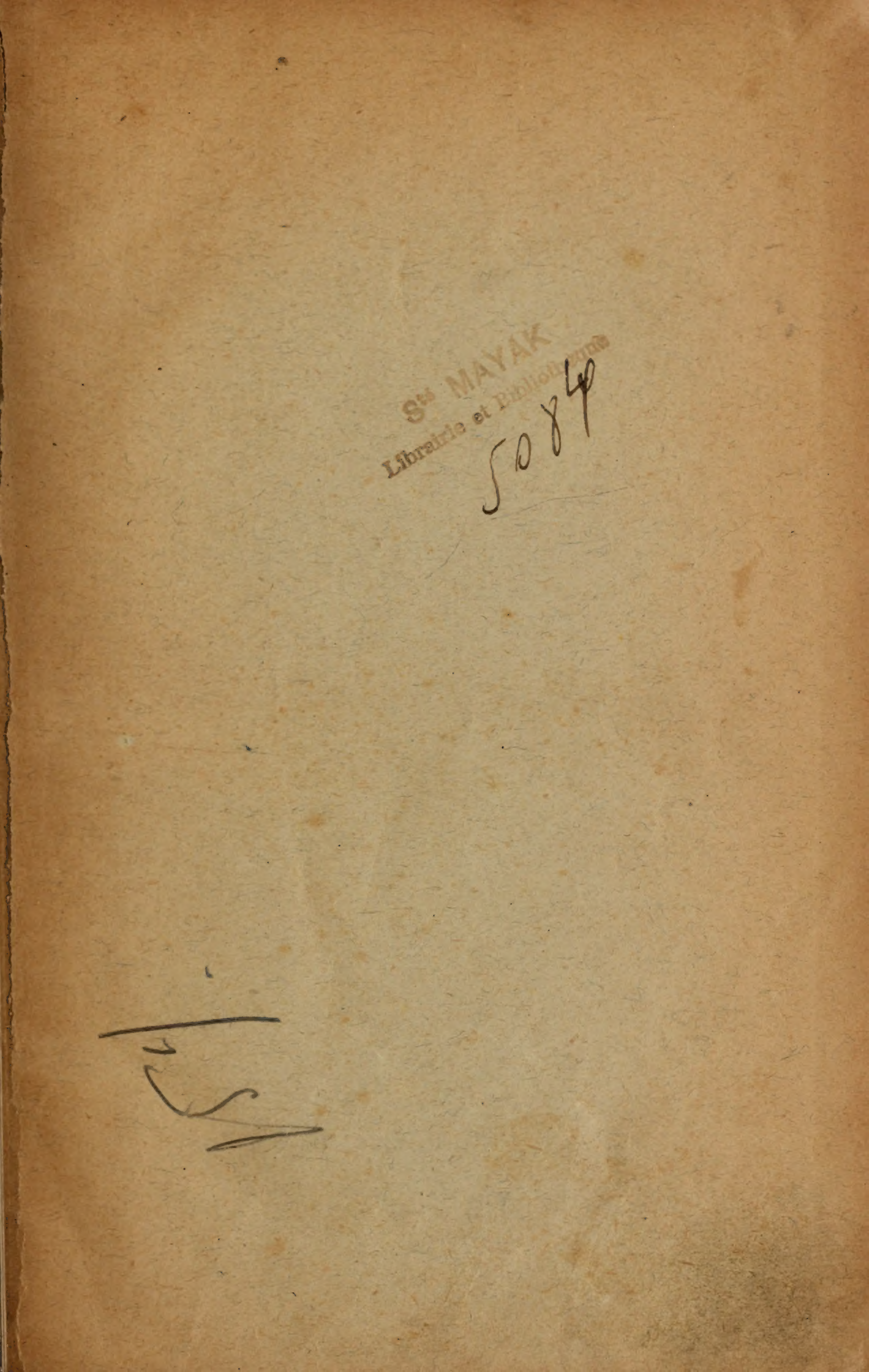

3 1761 08821290 7

Sté MAYAK
Librairie et Bibliothèque
5084

А. АМФИТЕАТРОВЪ

ЖЕНСКОЕ

НЕСТРОЕНІЕ

3-е дополненное изданіе

Типографія т-ва «Общественная Польза», Больш. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

*) Отмѣчены статьи, не бывшія въ первомъ и второмъ изданіи.

О борьбѣ съ проституціей.

I.

Опять газеты полны разговорами о борьбѣ съ развитіемъ проституціи, объ уничтоженіи торга бѣлыми невольницами, о правилахъ для одиночекъ, квартирныхъ хозяекъ, объ охранѣ отъ разврата малолѣтнихъ и т. д. Собираются и ожидаются съѣзды, слагается союзъ «защиты женщинъ», готовятся проекты, сочиняются рѣчи, пишутся статьи. Сколько хорошихъ словъ, благихъ намѣреній, — надо отдать справедливость, — весьма часто переходящихъ и въ доброжелательные поступки, и въ полезныя пробныя мѣропріятія! И изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе повторяется одна и та же исторія: доброжелательные поступки приводятъ къ результатамъ чуть ли не обратно противоположнымъ желанію, а изъ мѣропріятій выростаетъ для женскаго пола, совсѣмъ неожиданнымъ сюрпризомъ, какая-нибудь новая житейская каторга, горшая прежнихъ. И сатана, гуляя по своему аду, полъ въ которомъ, какъ извѣстно, вымощенъ добрыми намѣреніями, — послѣ каждаго съѣзда или конгресса о проституціи, все крѣпче, все съ большею самоувѣренностью топаетъ копытами по тому мѣсту, гдѣ похоронены сотни разрѣшеній вопроса о падшихъ женщинахъ, язвительно смѣется и приговариваетъ:

— Вотъ гдѣ у меня основательно, густо вымощено!

Борьба съ распространеніемъ проституціи, обыкновенно, проектируется съ двухъ точекъ отправленія: этиче-

ской—для самихъ жертвъ проституціи, медицинско-профилактической—для общества, въ средѣ котораго проституція развивается, служа показательницею его, какъ принято выражаться, темперамента. Въ дополненіе къ отвѣтамъ на эти главные устои вопроса, ищутся разгадки второстепенныхъ осложненій, изъ него истекающихъ; въ томъ числѣ, съ особеннымъ усердіемъ предлагается дилемма объ улучшеніи быта проститутки, объ охранѣ ея человѣческихъ и гражданскихъ правъ, словомъ, такъ сказать, о защитѣ ея отъ жестокаго обращенія. Опять-таки—прекрасныя, истинно гуманныя задачи: и упражняться въ рѣшеніи подобныхъ житейскихъ шарадъ—благороднѣйшее занятіе для мыслителя благонамѣреннаго и любвеобильнаго. Но сатана, все-таки, топочетъ копытами, смѣется и восклицаетъ:

— Нѣтъ, господа,—это мѣсто у меня надежно, крѣпко вымощено!

Я зналъ въ жизни своей очень много членовъ разныхъ обществъ покровительства животнымъ, въ томъ числѣ иныхъ очень дѣятельныхъ,—но только одного, который покровительствовалъ имъ дѣйствительно и вполнѣ послѣдовательно. Онъ сдѣлался вегетаріанцемъ, всегда и всюду ходилъ пѣшкомъ и не держалъ въ домѣ своемъ ни кота, ни собаки. Этотъ человѣкъ устранилъ себя отъ потребностей въ животномъ мірѣ, и тогда животный міръ получилъ нѣкоторую гарантію, что онъ не будетъ терпѣть отъ этого человѣка жестокаго обращенія, по крайней мѣрѣ, вольнаго потому что, вѣдь, въ концѣ-то концовъ, все наше отношеніе къ животнымъ—сплошь жестокое, даже когда мы считаемъ его кроткимъ. Нельзя съ нѣжностью лобанить быка, хотя бы на самой усовершенствованной бойнѣ, нельзя мягкосердечно перерѣзать горло барану и отрубить голову индюку; нельзя воображать, будто доставляешь необычайное наслажденіе лошади, впрягая ее въ вагонъ конно-желѣзной дороги; и хотя гастрономы утверждаютъ, будто карась

любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ, однако врядъ ли они отъ карася это слышали. Не быть жестокимъ по отношенію къ животнымъ можетъ только то общество, которое въ состояніи обходиться безъ животныхъ. Всякое иное покровительство животнымъ заботится не о благополучіи животнаго міра, а объ успокоеніи нервной чувствительности общества человѣческаго, объ умиротвореніи поверхностными компромиссами человѣческой совѣсти, внутреннимъ голосомъ своимъ протестующей въ насъ противъ грубыхъ формъ эксплоатаціи живого, дышущаго существа. Защищая истязуемое или напрасно убиваемое животное, мы оберегаемъ не его, но собственный нравственный комфортъ, собственное самодовольство. Если въ оправданіе истязанія или убійства животнаго имѣется хоть маленькій, понятный и выгодный человѣку предлогъ, оно уже не считается ни истязаніемъ, ни напраснымъ убійствомъ. Научные интересы—достояніе немногихъ: поэтому тысячи людей возмущаются до глубины души откровенными жестокостями вивисекціи, цѣлей которой они не понимаютъ. Вкусовые интересы доступны всѣмъ: поэтому тѣ же тысячи людей не смущаются ѣсть раковъ заживо сваренныхъ въ кипяткѣ, и требуютъ, чтобы кухарка сѣкла налима предъ закланіемъ его въ уху, такъ какъ отъ сѣченія налимъ «огорчается», и вкусная печенка его распухаетъ.

Прошу извиненія за грубоватую аналогію, но мнѣ сдается, что въ вопросѣ о проституціи мы весьма недалеко ушли отъ сомнительной условности обществъ покровительства животнымъ. Вопросъ ставится совершенно на тѣ же шаткія основы компромиссовъ между безусловнымъ и неизбѣжнымъ зломъ общественнаго явленія и его условною, житейски-практическою «пользою».

Мы хотимъ остановить распространеніе проституціи и, для начала, обуздать наглую торговлю живымъ товаромъ. Очень хорошо будетъ, если переловятъ разныхъ

аферистовъ и аферистокъ, промышляющихъ бѣлыми невольницами на проституціонномъ рынкѣ, если затруднять кандидаткамъ въ проституцію доступъ къ позорному ремеслу и т. д. Но я не думаю, все-таки, чтобы всѣ эти палліативы стоили названія борьбы съ распространеніемъ проституціи и чтобы, даже при самомъ тщательномъ проведеніи ихъ въ жизнь, проституція перестала распространяться: ростъ ея не отъ нея зависитъ, и остановится онъ и пойдетъ на убыль не отъ тѣхъ искусственныхъ мѣръ, какими мы воображаемъ упорядочить рыночное предложеніе проституціи, но только и исключительно отъ этическихъ, соціальныхъ, экономическихъ, реформъ, которыя, преобразовавъ физіономію современнаго общества, естественнымъ путемъ уничтожатъ проституціонный рынокъ или, по крайней мѣрѣ, понизятъ на немъ спросъ. Пусть общество не нуждается или какъ можно меньше нуждается въ проституткѣ, и промыселъ самъ собою сведется на нѣтъ, фатально исчезнетъ, ликвидируется. Проститутка—рабочая на половой инстинктъ. Трудъ ея подчиненъ тѣмъ же законамъ роста, какъ и всякій трудъ: гдѣ есть въ немъ потребность, онъ развивается; гдѣ падаетъ потребность,—тамъ замираетъ, сокращается, уничтожается и онъ. Въ состояніи ли общество, при современныхъ условіяхъ своего быта, отказаться отъ обладанія этимъ женскимъ классомъ, отъ спроса на его услуги? Дѣйствительность говоритъ: нѣтъ, не въ состояніи. Тогда не будемъ и хвалиться столь громкими предпріятіями, какъ борьба съ проституціей. Условимся лучше замѣнить широкія задачи просто выработкою кое-какихъ внѣшнихъ приличій, чтобы обществу было не столь зазорно и опасно пользоваться жертвами своего темперамента и, воспользовавшись, потомъ смотрѣть имъ въ глаза,—чтобы свинство спроса вуалировалось благовидностью и закономѣрностью предложенія.

— Злополучная падшая женщина! порочная и несчастная торговка собственнымъ тѣломъ! Отвѣтствуй намъ: что

ты за сфинксъ неразрѣшимый? Мы учреждаемъ для тебя исправительные пріюты: тебя въ нихъ не заманишь и калачомъ, а, заманутая, ты бѣжишь изъ нихъ, куда глаза глядятъ, только бы уйти. Мы учреждаемъ для надзора за тобою врачебно полицейскую инспекцію: ты обращаешь ее въ вѣдомство, за покровительство коему муза трагедіи споритъ съ музою оперетки. Мы арестуемъ, судимъ, сажаемъ въ тюрьмы, ссылаемъ твоихъ развратителей и рабовладѣлицъ... и эта гидра неистребима, на мѣсто каждой отрубленной головы ея выростаютъ три новыхъ. Только-что защитили тебя отъ жестокой, наглой эксплоатаціи, а ты уже опять по уши увязла въ ней, и опять вся, какъ паутиною, опутана долгами, контрактами, условіями разныхъ агентовъ и агентшъ, сводниковъ и своднeй. Ужели ты неисправима? Ужели тщетны наши усилія, и милъ тебѣ развратъ для разврата, и нельзя тебя отвлечь отъ него ни крестомъ, ни пестомъ, ни честною молитвою? Однако, вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ насъ увѣряютъ неподдѣльные знатоки сердца человѣческаго, что ты—самое несчастное и страдающее существо въ подлунномъ мірѣ, что ты ужасаешься самой себя, льешь о себѣ покаянныя слезы, что ты—Соня Мармеладова, святая душа въ оскверненномъ тѣлѣ. Если такъ, опомнись, Соня Мармеладова! Брось стези порока, по коимъ водитъ тебя продажный развратъ, и возвратись на путь добродѣтели, куда мы тебя великодушно призываемъ...

Соня Мармеладова отвѣчаетъ:

— Я со всею готовностью-съ... Но, вѣдь, вступивъ на путь добродѣтели, стоять на немъ неподвижнымъ столбомъ невозможно-съ, а надо по оному пути идти впередъ, далѣе, въ текущую жизнь-съ?

— Конечно!.. Мы поведемъ тебя! Мы просвѣтимъ тебя! Мы покажемъ тебѣ прямую дорогу!

— Чувствительнѣйше благодарна. Только вотъ что скажу вамъ, милостивые государи мои: чтобы идти,—тамъ

ли, сямъ ли,—впередъ, нужны средства-силенки. А у меня и на пути порока часто подкашиваются ноги отъ голодухи. Такъ боюсь, что на пути добродѣтельномъ-то я и вовсе паду, какъ заѣзженная кляча-съ... вотъ какъ надорвалась, царство ей небесное, Катерина Ивановна, покойная мачеха моя, ежели изволите ее помнить.

Этическія воздѣйствія—сила хорошая, но и они—палка о двухъ концахъ. Нѣтъ на свѣтѣ книги болѣе свѣтлой, благой, братолюбивой, чѣмъ Евангеліе Христово. И, однако, я зналъ человѣка, который изъ всего Евангельскаго содержанія любилъ только одинъ стихъ, потому что толковалъ его, какъ благословеніе на ненависть къ человѣчеству. Былъ онъ парень гордый, рабочій, нищій, не попрошайка. Остался, послѣ болѣзни, безъ мѣста, перебивался, чѣмъ и какъ могъ, жилъ въ углахъ; наконецъ, силъ не стало: протягивай руку за подаяніемъ, либо околѣвай. И вотъ навернулся благотворитель. Прочелъ истощенному, озлобленному, полубольному, голодному человѣку лекцію о смиреніи, о промыслѣ, о прилежаніи въ трудѣ, подарилъ Евангеліе, пожалѣлъ, что «нѣтъ у меня для васъ никакой работы», далъ рубль денегъ и изчезъ. Изъ рубля у парня три четвертака отняла за долгъ хозяйка угла, гдѣ онъ сгнивалъ, четвертакъ онъ проѣлъ—а, четверо сутокъ спустя, подобрали его на Даниловомъ кладбищѣ, за Москвою, въ тифѣ, и отвезли въ больницу. Натура была сильная: выдержалъ. Врачи заинтересовались интеллигентомъ, который чуть не умеръ отъ голода, поддержали его кое-какою работою: онъ сталъ на ноги, вышелъ въ люди и впослѣдствіи былъ извѣстенъ въ адвокатурѣ, какъ... рвачъ самой жестокой и безсовѣстной марки. И однажды, въ интимномъ и очень бурномъ разговорѣ на благотворительную тему, въ которой онъ былъ близко и нехорошо заинтересованъ, онъ крикнулъ мнѣ, пишущему эти строки, жестокія, самозабвенныя слова:

— Что вы попрекаете меня христіанствомъ, Евангеліе

въ примѣръ приводите? Что вы въ немъ понимаете? Что вы можете понимать? Вы читали Евангеліе въ теплой комнатѣ, сытый; а я—на Даниловомъ кладбищѣ, подъ осеннимъ дождемъ, съ пустымъ брюхомъ... Помню-съ: «алкалъ я, и вы не дали мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили меня»... А потомъ я продалъ Евангеліе кладбищенскому нищему за пятачекъ, а силы пойти, чтобы себѣ хлѣба купить, мнѣ уже недостало, и я легъ на могильную плиту и сталъ умирать... Вотъ и все мое Евангеліе. «Алкалъ я, и вы не дали мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили меня». Помню это,—и довольно съ меня. Тутъ цѣлое міровоззрѣніе!

Если бы всѣ господа благотворители хорошо помнили этотъ стихъ, они никогда не посмѣли бы давать Евангеліе въ руки голоднымъ людямъ, прежде чѣмъ ихъ накормить.

Такъ, вотъ, я думаю, что и съ этическими воздѣйствіями на міръ падшихъ женщинъ мы не будемъ имѣть ни малѣйшаго успѣха до тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ алкать и жаждать, а мы не сумѣемъ накормить и напоить ихъ иначе, какъ при условіи продолженія ими той же профессіи, отъ которой мы беремся ихъ спасать.

Мнѣ скажутъ:

— Позвольте. Одинъ изъ наиболѣе существенныхъ пунктовъ программы къ борьбѣ съ проституціей въ томъ и заключается, что мы предлагаемъ падшей женщинѣ замѣнить добычу труда позорнаго заработкомъ труда честнаго.

Милостивые государи! Еще разъ повторю: этика— вещь прекрасная. Но вѣдь и политическая экономія— наука недурная. А она, увы! не дѣлитъ труда на позорный и честный, но лишь на легко добывающій и трудно добывающій, при чемъ учитъ, что благо, добытое трудомъ легкимъ, натурѣ человѣческой свойственно предпочитать благу, добытому трудомъ тяжкимъ, и что трудовой идеалъ человѣчества—отнюдь не въ потѣ лица ѣсть свой хлѣбъ, выбирая его изъ волчцовъ и тернія, но наи-

большая заработная выгода при наименьшей затратѣ рабочей силы. И еще: однажды обладавъ какимъ-либо благомъ, человѣкъ не легко примиряется съ его лишеніемъ и очень туго соглашается на сбавку блага. И потому-то позорный, но легкій, по доходности, промыселъ проститутки побѣждаетъ честные, но тяжелые и маловыгодные виды женскаго труда. Потому-то проститутка, извлеченная изъ дома терпимости, или отъ тайной эксплоататорши-хозяйки и опредѣленная къ какому-нибудь утомительно-рабочему, а тѣмъ паче къ «черному» мѣсту, почти обязательно обращается чрезъ нѣкоторое время вспять, оказывается рецидивисткою. И до тѣхъ поръ, пока нравственный уровень нашего общества не поднимется настолько, что честные виды женскаго труда будутъ цѣниться, если не вровень, то хоть въ одну треть заработка проститутки, до тѣхъ поръ я сильно опасаюсь, что кадры вреднаго злополучнаго класса не будутъ задержаны въ прогрессивномъ ростѣ своемъ ни нравственными воздѣйствіями, ни полицейскими мѣрами.

Если хотите, чисто-проституціоннаго вопроса не существуетъ вовсе. Есть только вѣчный, жгучій вопросъ женскаго подчиненія и женскаго труда, одною изъ болячекъ котораго является проституція. Мы видимъ въ ней аномалію, и она, дѣйствительно, является аномаліей въ общественномъ укладѣ христіанскаго государства, но аномаліей не самостоятельной, а производной, уродливою вѣтвью отъ уродливаго корня, а не корнемъ. Очень хорошо заботиться о томъ, чтобы женщинъ въ проституцію не совращали, а совращенныхъ не обижали. Но сколько бы реформъ въ этомъ направленіи ни было проведено, всѣ онѣ— только полумѣры безъ успѣха или съ кратковременнымъ, мнимымъ успѣхомъ. Серьезною, коренною реформою можетъ очистить общество отъ проституціи только рѣшительная, полная переоцѣнка культурою будущаго столь огромной міровой цѣнности, какъ женщина, крутой переломъ въ нашихъ отношеніяхъ къ ея личности, труду, образованію, праву.

Проститутка по природной развращенности, по лѣни и неохотѣ къ честному труду,—очень рѣдкое явленіе, по крайней мѣрѣ, въ Россіи. Русская падшая дѣвушка, въ девяти случаяхъ изъ десяти, становится продажною исключительно потому, что честный трудъ ее не кормитъ или кормитъ при слишкомъ ужъ тяжкихъ условіяхъ. Изъ этого правила я не исключаю и тѣхъ, которыя были вовлечены въ развратъ обманомъ, такъ какъ для нихъ честный трудъ, плохо кормящій и непорочныхъ, дѣлается особенно скуднымъ и даже почти недоступнымъ по этическому лицемѣрію общества; мы—мастера губить дѣвушекъ, но еще большіе мастера возмущаться потомъ ихъ паденіемъ. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ и трагикомическихъ обмановъ нашего мужского лицемѣрія состоитъ въ томъ, что мы даже каторжныя формы женскаго труда, существующія въ современной цивилизаціи, опредѣлили женщинѣ не просто, а какъ бы въ награду за ея добродѣтельное поведеніе. Ты добродѣтельна,—ну, вотъ тебѣ за это высокая честь: каторга труда кухарки, горничной, «бонны за все», гувернантки при семи ребятахъ, телефонной барышни, телеграфистки съ суточными дежурствами. Наслаждайся своею добродѣтелью и своимъ трудомъ. Ты пала,—кончено: мы не позволимъ тебѣ быть ни «бонною за все», ни гувернанткою при семи дѣтяхъ, ни телефонною барышнею ни телеграфисткою съ суточнымъ дежурствомъ. Всѣ эти блаженства для цѣломудренныхъ; ты же ступай, куда знаешь,—пожалуй, хоть и въ проститутки.

Земледѣльческій періодъ русской цивилизаціи быстро идетъ къ концу. Городъ беретъ верхъ надъ деревнею, городской теленокъ все громче похваляется, что онъ умнѣе деревенскаго быка, люди скорѣе согласны босячить, но на асфальтовой мостовой и подъ электрическими фонарями, чѣмъ сидѣть въ лѣсу и молиться пню, даже при изобиліи. При отсутствіи же изобилія, слишкомъ ярко характерномъ для послѣднихъ лѣтъ нашего отечества, переселеніе деревни

въ городъ особенно мощно и многолюдно. Городской трудъ великъ и многообразенъ, но и въ его области «цѣнъ па бабу нѣтъ».

Помню я: въ одномъ интеллигентномъ семействѣ большого южнаго города, очень порядочномъ, зашла рѣчь о развращенности современной прислуги,—тема, излюбленная хозяйками всѣхъ вѣковъ и народовъ. Въ данномъ случаѣ, хозяйка дома была особенно пылко заинтересована: ей везло такое несчастіе, что въ теченіе года у нея «сманули» послѣдовательно двухъ молодыхъ горничныхъ. Теперь служила третья, дѣвица юная, некрасивая, неумѣлая, взятая именно за то, что она прямо изъ деревни и не испорчена городскими мѣрами.

— По-моему,—возразилъ отецъ семейства, человѣкъ свободно-и благомыслящій,—по-моему, вся эта пресловутая развращенность—дамская фантазія. И удивляться надо не тому, что извѣстный процентъ Машекъ и Ленокъ уходитъ отъ насъ, обывателей, изъ прислуги въ погибшія, но милыя созданія, но тому, какъ процентъ этотъ еще вдесятеро не выше.

— Почему это?—взволновалась хозяйка.

— Потому что возьмемъ хотя бы эту Дуню, которая теперь намъ служитъ. Мы считаемся добрыми, хорошими господами, прислуга нась любитъ. Однако, при всей нашей добротѣ и прекраснодушіи, вотъ дневная работа Дуни. Встала она въ шестомъ часу утра, растопила четыре печи, вымела и вытерла тряпкою полъ въ семи комнатахъ, облазила со щеткою углы, зеркала, картины, мебель (мы любимъ чистоту), подала на столъ и убрала со стола самовары для трехъ чаевъ со всѣмъ подобающимъ сервизомъ, накрыла завтракъ и обѣдъ на семь человѣкъ и служила имъ, перечистила платье и обувь для семи человѣкъ, гладила на кухнѣ для барыни, разъ двѣнадцать выпустила и впустила на подъѣздъ своихъ и чужихъ, разъ шесть, семь бѣгала по нашимъ порученіямъ въ лавку, трижды чистила «невѣже-

ство» за котами Марьи Сергѣевны, привела въ порядокъ семь постелей на ночь... Сейчасъ уже двѣнадцать часовъ ночи, у насъ всегда сидятъ до двухъ и больше, а она не спитъ, и завтра ей вставать опять въ половинѣ шестого. Комнаты у нея нѣту, и постель ея стоитъ за шкапомъ въ коридорѣ. Ѣстъ она на ходу. При этомъ отъ нея требуются опрятность, быстрота, ловкость, сообразительность, чистоплотность, преданность и желаніе соблюдать господскіе интересы паче собственныхъ. И все это цѣнится въ десять рублей серебра мѣсячнаго жалованья, то есть въ 33 копейки за день,—при чемъ всѣ пріятельницы увѣряютъ Марью Сергѣевну, что прислуга насъ просто грабитъ. И, дѣйствительно, вы можете имѣть въ нашемъ городѣ прислугу и на пять, на шесть рублей, а въ недородный годъ шли за три. Если, при многочисленности своихъ занятій, Дуня въ чемъ-нибудь не довернется, вы, все за тѣ же 33 копейки въ день, имѣете право обругать ее негодницею, лѣнтяйкою, дармоѣдкою, а, въ случаѣ упорства или непослушанія, тѣмъ болѣе дерзости, можете бросить ей паспортъ и выгнать ее на улицу. Повторяю: мы слывемъ добрыми, хорошими господами. И я не сомнѣваюсь, что личныя симпатіи къ намъ значительно задержали и Машу, и Лену въ стремленіи катиться по наклонной плоскости. Отъ другихъ онѣ бѣжали бы на содержаніе мѣсяцемъ, двумя раньше. Но вполнѣ парализовать наклонной плоскости мы, конечно, не могли.

— Что же онѣ—въ деревнѣ меньше что ли работы видѣли?—вспылила «сама».

— Не меньше. Но не забудь, что отъ деревенской работы онѣ ушли въ городъ,—стало быть, искали не такого труда, чтобы былъ вровень съ деревенскимъ, а лучшаго. болѣе доходнаго и легкаго. А попали на — вонъ какой! Не говорю уже о томъ, что есть огромная психологическая разница между работою на себя въ натуральномъ хозяйствѣ деревенскаго дома

и работою на чужихъ, въ качествѣ вольнонаемной прислуги у господъ. Да-съ. Пришли искать лучшаго и легчайшаго,—анъ, опредѣлились на маленькую каторгу за 33 копейки въ день.

— А помнишь, въ Ниццѣ намъ служила одной прислугой Сюзаннъ? Какая работница была: десять нашихъ ея не замѣнятъ. И платили мы ей франкъ въ день. И не знала она никакихъ увлеченій...

— Франкъ въ день! Шутишь ты съ франкомъ въ день! Тамъ франкъ,—мѣстная денежная единица, какъ у насъ рубль, и на франкъ, по условіямъ быта, можно прожить, какъ у насъ на рубль. Тридцать франковъ для ниццардки — тридцать рублей, а для нашей Дуни—только двѣнадцать. Это—разница. Изъ десяти рублей своего жалованья Дуня семь отсылаетъ роднымъ въ деревню. Такимъ образомъ, честный городской трудъ лично ее вознаграждаетъ за рабство десятью копейками въ день,—меньше, чѣмъ оплачивается самая низшая поденщина, не требующая ничего, кромѣ тупой физической силы. Лестно, не правда ли? Такъ что же и удивляться, если этотъ злополучный гривенникъ не въ состояніи выдержать конкурренціи съ десятирублевымъ золотымъ, который ей предлагаетъ частный повѣренный Чижикъ за то, что она придетъ къ нему на квартиру пить чай съ конфектами, изъ фарфороваго блюдечка, съ серебряной ложечки? За гривенникъ въ сутки— перспектива убирать «невѣжество» за котами; за десять рублей въ сутки—серебряная ложечка и фарфоровое блюдечко. Ей-Богу, бой соблазновъ слишкомъ неравенъ.

— Должны же быть нравственныя начала въ человѣкѣ!

— А вотъ ты сперва внѣдри ихъ въ человѣка, эти нравственныя начала, а потомъ уже съ него и спрашивай стойкой нравственности. Да внѣдряй-то разумно, съ ранняго дѣтства, да, главное, въ сытаго и не битаго. А то у насъ, за спорами, какія школы лучше для народа, вовсе никакихъ нѣтъ. Откуда же ему нравственными началами

раздобываться? Ищемъ, чего не положили, и сердимся, что не находимъ.

Читатель остановитъ меня:

— Позвольте. Вы начали положеніемъ, что проституція уничтожится только тогда, когда совершится реформа женскаго труда, образованія, права. А теперь выходитъ у васъ какъ-то, что чуть ли не вся бѣда въ томъ, что мы платимъ мало жалованья женской прислугѣ. Такъ прибавить,—и вся недолга.

— Прибавить? А ну-те-ка! прибавьте!

И вспоминаются мнѣ блестящіе черные глаза и насмѣшливое лицо одной странной интеллигентной дѣвушки, самаго оригинальнаго и гордо разочарованнаго существа, какое зналъ я въ жизни. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она перебывала учительницею, гувернанткой, помощницею бухгалтера въ банкирской конторѣ, телефонною барышнею, выходною актрисою, счетчицею въ желѣзнодорожномъ правленіи, секретарствовала у знаменитаго писателя и завѣдывала книжнымъ магазиномъ. Служила всюду хорошо, по службѣ нигдѣ никогда никакихъ упущеній, но... всегда и вездѣ всѣ какъ будто немножко, а иногда и очень множко недоумѣвали: зачѣмъ это ей? Красавица, а служитъ. Ей бы на содержаніи, въ колясках кататься, а не надъ конторкою спину гнутъ.

— Женскій трудъ! Боже мой! Я работала, какъ волъ, по двѣнадцати часовъ въ сутки, становилась полезнѣе всѣхъ служащихъ,—и не могла подняться выше пятидесяти, шестидесяти рублей жалованья. Когда я жаловалась, что мало получаю, что моя работа стоитъ дороже, на меня широко открывали глаза и возражали:—Помилуйте! Это мужской окладъ! Сколько у насъ мужчины получаютъ!— Да вѣдь они за пять часовъ получаютъ и еще дѣлаютъ вамъ все, спустя рукава, а мы по двѣнадцати сидимъ...

— Невозможно-съ! По принципу-съ!.. На то они мужчины... Но, стоило мнѣ перестать быть «служащею», а

улыбнуться и пококетничать, какъ полагается женщинѣ «по природѣ ея», и... Сезамъ отворялся. И прибавка, и ссуда, и награда... Такъ вотъ и тычутъ тебѣ въ носъ всю жизнь: покуда ты, баба, лѣзешь заниматься нашимъ мужскимъ дѣломъ, дотолѣ тебѣ, баба, цѣна ломаный грошъ, хоть будь ты сама Семирамида Ассирiйская. А вотъ займись ты, баба, своимъ женскимъ дѣломъ, и—благо тебѣ будетъ: купайся въ золотѣ, сверкай брилліантами, держи тысячныхъ рысаковъ. А женское дѣло выходитъ, по-ихнему,—проституція *).

Добывать честнымъ трудомъ хлѣбъ свой—и право и обязанность каждаго человѣка. Но что въ правѣ, если оно ограничено въ дѣйствіи своемъ настолько, что не можетъ быть осуществлено? Какой нравственный смыслъ сохраняетъ обязанность, если она неисполнима при обычныхъ условіяхъ жизни, если она обращена въ хроническій подвигъ, ежедневно требующій геройскихъ усилій? Да! Между русскими трудящимися мужчинами — много героевъ; но русская женщина, умѣющая работать бодро и не ропща при современныхъ унизительныхъ и тяжкихъ условіяхъ ея честнаго труда,—всегда героиня, при томъ героиня незамѣтная, неоцѣненная; на геройство ея какъ-то принято не обращать вниманія. Она—точно обязана быть героинею, точно предписаніе геройства поставлено въ непремѣнныя нравственныя условія ея трудового контракта съ нами, «мужскимъ сословіемъ».

— Самостоятельности хочешь? Не желаешь смотрѣть на свѣтъ изъ-за мужниной спины! Ну, и бейся, какъ рыба, объ ледъ.

— Господа, будьте же справедливы! За что?

— Ни за что, а... выходи замужъ.

— Да если я никого не люблю?

— Глупая, хлѣбомъ будутъ кормить.

---

*) См. мой романъ „Викторія Павловна" (Именины) и послѣсловіе къ нему.

— Я желаю быть обязана своимъ хлѣбомъ только самой себѣ.

— Такъ вотъ тебѣ и говорятъ: бейся, какъ рыба объ ледъ.

Замужъ—это выходъ «благородный», это—«женщинѣ счастье»: избавили отъ труда и за супружескія ласки кормятъ хлѣбомъ. При меньшемъ счастьи, народы изумляются: почему ты труженица, а не содержанка? Почему ты изнываешь «въ боннахъ за все», когда въ кафешантанномъ хорѣ даютъ уйму денегъ за одну фигуру? Почему ты стираешь бѣлье въ прачечной, а не идешь пить чай къ частному повѣренному Чижику? Недоумѣніе и борьба. И чтобы успѣшно выдержать борьбу, женщина должна быть либо героинею, либо дурнушкою. Зато и не везетъ же имъ!

Проституція вьетъ свои гнѣзда не только по улицамъ и вертепамъ, она и живетъ и свирѣпствуетъ много выше. Она многолика и ловитъ женщину въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и на всѣхъ путяхъ ея къ самостоятельному труду и существованію, отъ нижайшихъ слоевъ общества до верхушекъ его, отъ горничныхъ Маши и Лены, которыхъ какая-нибудь подвальная ходебщица сватаетъ въ наложницы частному повѣренному Чижику, до блистательной столичной актрисы, которая сходится съ театральнымъ тузомъ, потому что «безъ покровителя невозможно», до свѣтской дѣвушки, которую поспѣшно выдаютъ замужъ за антипатичнаго ей человѣка, потому что онъ съ состояніемъ, а она замѣчена въ преступной «склонности къ идеямъ».

— Выйди замужъ и имѣй свои идеи... на всемъ готовомъ, если мужъ позволитъ. А порядочная дѣвушка должна быть безъ идей.

Проституція можетъ чувствовать себя госпожею положенія даже въ лонѣ наизаконнѣйшей семьи. И вотъ я и думаю, что пока общество не справится въ собственныхъ нѣдрахъ своихъ съ этою проституціей, что создается жен-

скимъ трудовымъ, правовымъ и образовательнымъ неравенствомъ, безсильно оно и регулировать проституцію улицы и домовъ терпимости. Потому что вторая—только логическій плодъ и неизбѣжный житейскій отбросъ первой.

Обѣ проституціи невозможны тамъ, гдѣ мужчина и женщина—равнозначущія, связанныя взаимнымъ уваженіемъ, общественныя силы.

Обѣ неизбѣжны тамъ, гдѣ одинъ—мужчина—общественная сила, ревнивая и надменная въ своей дѣятельности, а женщина,—исключительно или прежде всего,—«земля для посѣва», какъ характеризуютъ ее мусульмане.

Уравняйте женщину съ собою въ правахъ на образованіе, трудъ и заработную плату. Поставьте ее такъ, чтобы проституція, въ какой бы то ни было формѣ, не оказывалась для нея выгоднѣе честнаго труда,—и тогда вамъ не нужно будетъ собирать ни съѣздовъ, ни конгрессовъ: вопросъ о проституціи умретъ самъ собою. А безъ общественнаго равенства трудящейся женщины съ трудящимся мужчиною всѣ съѣзды и конгрессы—только новые кирпичи въ адскую мостовую добрыхъ намѣреній, надъ которою такъ злобно хохочетъ сатана...

У него тамъ славно вымощено!

1902.

II.

Мои мысли о борьбѣ съ проституціей вызвали пылкія возраженія со стороны аболиціониста В. В. Зѣньковскаго.

Г. Зѣньковскій упрекаетъ меня, какъ «мечтателя о коренныхъ реформахъ» въ области женскаго вопроса, въ презрительномъ равнодушіи къ великому аболиціонистическому движенію, которымъ сейчасъ энергично всколыхнулись Европа и Россія. Источникъ моего якобы пре-

зрительнаго отношенія къ аболиціонистической работѣ г. Зѣньковскій усматриваетъ въ маломъ моемъ знакомствѣ съ нею. «Если бы г. Иксъ*) потрудился прочитать хотя бы книги Ренне-Амъ-Рина («Недостатки современнаго надзора за общественною нравственностью»), Гюйо (La Prostitution»), Окорокова («Международная торговля дѣвушками для цѣлей разврата»), Покровской («Регистрація способствуетъ вырожденію народа»), — онъ понялъ бы, что задачи, которыя себѣ ставитъ аболиціонизмъ, жизненны и чрезвычайно широки».

Имѣю эти труды, читалъ: они интересны, полезны, поучительны**). А, сверхъ того, полагаю, что неоспоримое положеніе г. Зѣньковскаго: «Задачи, которыя себѣ ставитъ аболиціонизмъ, жизненны и чрезвычайно широки»,— не требуетъ никакихъ искусственныхъ и книжныхъ доказательствъ. Оно ясно безъ всякихъ книгъ. Само собою, «нутромъ» ясно. Аболиціонизмъ—инстинктивный протестъ испуганной и возмущенной человѣческой натуры противъ слишкомъ нагляднаго и осязательнаго, мучительнаго зла. Законность этого естественнаго протеста не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Больше того: черствое сердце у того человѣка, который не присоединяется къ протесту. Мое же,—по не весьма для меня лестному мнѣнію г. Зѣньковскаго,—оказывается черствымъ изъ черствыхъ, такъ какъ я, будто бы, даже издѣваюсь надъ аболиціонизмомъ, поднимаю его на смѣхъ. Откуда это г. Зѣньковскій взялъ,— не усматриваю въ своей статьѣ, равно какъ и того, чтобы я проповѣдывалъ «квіэтизмъ» по отношенію къ проституціонному вопросу... Аболиціонистическіе опыты и упражненія я очень уважаю, самъ въ нихъ неодно-

*) Подъ этимъ случайнымъ псевдонимомъ печатался весь рядъ статей о проституціи въ „Спб. Вѣдомостяхъ“.

**) Нѣкоторыя статьи г-жи Покровской даже печатались въ одной изъ Петербургскихъ газетъ, которую я тогда фактически редактировалъ.

кратно участвовалъ, охотно участвую и, конечно, не разъ еще буду участвовать. Думаю, словомъ, что практически я—столько же аболиціонистъ, не принимая на себя этой клички, сколько и мой оппонентъ. Теоретическая же разница между нашими взглядами та, что г. Зѣньковскій оптимистически вѣритъ:

— Спасая и охраняя падшихъ женщинъ, аболиціонисты уничтожаютъ проституцію.

Я же, менѣе склонный къ радужнымъ упованіямъ и розовымъ миражамъ, говорю:

— Спасая и охраняя падшихъ женщинъ, мы спасаемъ и охраняемъ (при томъ, рѣдко съ удачею) только извѣстное количество извѣстныхъ намъ падшихъ женщинъ. Проституцію же, какъ соціальный институтъ, мы благородными палліативами аболиціонизма уничтожить не можемъ. Ростъ проституціи остановится (а, что остановилось въ ростѣ, обречено на вымираніе) исключительно отъ этическихъ, общественныхъ, экономическихъ реформъ, которыя уравняютъ образованіе, трудовыя и гражданскія права женщины съ таковыми же правами мужчины. И, прежде всего, практически необходимо равенство правъ экономическихъ. Какъ скоро увеличатся въ числѣ и расширятся въ компетенціи области честнаго женскаго труда, какъ скоро честный заработокъ женщины будетъ въ состояніи парализовать для нея необходимость или соблазнъ заработка черезъ половую самопродажу,—смертный приговоръ проституціонному институту (по крайней мѣрѣ, въ современныхъ его формахъ) будетъ произнесенъ; а приведеніе приговора въ исполненіе временемъ станетъ дѣломъ весьма короткаго срока.

Итакъ, еще разъ: чтобы уничтожить проституцію, нужно, прежде всего, уничтожить соблазнъ ея экономическихъ преимуществъ предъ честнымъ женскимъ трудомъ, возвысивъ его заработную плату до мужского уровня, что̀ достижимо только коренною реформою женскихъ

правъ въ обществѣ будущаго. Слѣдовательно, давайте стремиться къ коренной реформѣ женскихъ правъ. Вотъ прямой и, я полагаю, единственно возможный выводъ изъ моей статьи. Сколько въ немъ «квіэтизма», предоставляю судить читателю.

Г. Зѣньковскій укоряетъ меня теоретическимъ «смотрѣніемъ въ корень» въ ущербъ (?) живому, практическому дѣлу, и черезчуръ, по его мнѣнію, большимъ значеніемъ, которое я придаю въ вопросѣ о проституціи фактору экономическому. Онъ напоминаетъ мнѣ, что зло проституціи можетъ быть порождено и иными соціальными причинами и принужденіями, какъ, напримѣръ, въ античномъ мірѣ существовала проституція религіозная. Но возраженіе г. Зѣньковскаго не опровергаетъ, а только подтверждаетъ необходимость «смотрѣнія въ корень», которое онъ странно ставитъ мнѣ въ вину. Экстатически-чувственные восточные культы, проникавшіе и въ Европу, создали религіозную проституцію, отголосокъ докультурной поліандріи. Существуетъ ли религіозная проституція въ настоящее время? Нѣтъ, не существуетъ,—по крайней мѣрѣ, въ странахъ европейской цивилизаціи. Что убило ее? Старанія античныхъ аболиціонистовъ? Увы, ихъ не было. Убила «коренная реформа»: міровая побѣда религіозныхъ культовъ духа (іудаизма, христіанства, ислама,—изъ древнихъ религій: миѳраизма, Изиды, синкретической религіи неоплатониковъ) надъ культами плоти. Религіозная проституція умерла потому, что засохъ корень ея. уничтожились культы, желавшіе проституціи. Наша проституція происхожденія экономическаго. Корень ея—женское неравенство съ мужчиною въ трудовыхъ правахъ и заработной платѣ. Женщина поставлена въ невозможность существовать иначе, какъ на счетъ мужчины, пріобрѣтающаго ее, семейно или внѣсемейно. Самостоятельная жизнь для женщины окупается такимъ жестокимъ, тяжкимъ, почти аскетическимъ подвигомъ,

что нести его бодро и успѣшно дано только натурамъ выдающимся, необычайнымъ, святымъ; это — героини и мученицы идеи. Для женщины средняго уровня способностей и энергіи, самостоятельная трудовая жизнь,— крайне неблагодарно вознаграждаемая, житейская каторга. Для женщины слабой утомленіе этою неблагодарною каторгою заурядъ разрѣшается въ дезертирство изъ-подъ трудового знамени: самопродажею обратно подъ мужскую опеку и на мужскіе кормы. Таковы отвратительные браки съ первымъ встрѣчнымъ, лишь бы хлѣбомъ кормилъ,—и проституція. Марья Андреевна въ «Бѣдной Невѣстѣ» — очень близкая родственница Сонѣ Мармеладовой. И покуда Марьямъ Андреевнамъ нѣтъ дороги къ достаточно сытному куску хлѣба иначе, какъ черезъ спальню Максима Беневоленскаго, — наивно изумляться и плакаться, что Марьи Андреевны гибнутъ въ неравныхъ, вынужденныхъ бракахъ сотнями тысячъ. Это — роковое, неизбѣжное. Покуда Соня Мармеладова не въ состояніи накормить себя, помочь измученнымъ трудомъ мачехѣ, ссудить отцу двугривенный на выпивку, да хоть сколько-нибудь прибрать и хоть копѣечнымъ пряникомъ побаловать малютокъ Мармеладовыхъ, — не въ состояніи иначе, какъ навязываясь прохожимъ на Невскомъ проспектѣ, — до тѣхъ поръ наивно изумляться и слезно плакаться, что Сонями Мармеладовыми кишатъ вечернія улицы и дома терпимости. Это —роковое и неизбѣжное. И тутъ аболиціонистическое движеніе, при всей его почтенности, совершенно безсильно. Потому что, какъ изъ сотни кроликовъ не выходитъ одной лошади, такъ и тысячи падшихъ женщинъ не составляютъ собою проституціи. И, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, даже тысячи дѣвушекъ, не допущенныхъ къ самопродажѣ или извлеченныхъ изъ нея филантропическимъ путемъ, все-таки не рѣшаютъ проституціоннаго вопроса: что обществу дѣлать, чтобы исцѣлиться отъ проституціонной язвы. Кто беретъ на себя смѣлость посильно разсу-

ждать о загадкѣ столь глубокой важности, тому, право же, лучше смотрѣть въ корень ея, чѣмъ довольствоваться плаваніемъ по видимой поверхности вопроса...

Я говорилъ и повторяю:

Очистить общество отъ проституціи можетъ только рѣшительная, полная переоцѣнка культурою будущаго столь огромной міровой цѣнности, какъ женщина: крутой переломъ въ нашихъ отношеніяхъ къ ея личности, труду, образованію, праву.

Цитируя мои слова, г. Зѣньковскій признаетъ, что съ ними «врядъ ли кто не согласится,—врядъ ли не согласятся и тѣ, непріятные для г. Икса, люди, которые такъ энергично борются съ проституціей».

Откуда взялъ г. Зѣньковскій увѣренность, будто мнѣ непріятны люди, которые энергично борются съ проституціей, и за что онъ бросаетъ въ меня этою оскорбительною фразою, — оставляю на его совѣсти. Не въ томъ дѣло. Главное «врядъ ли кто не согласится». Что касается аболиціонистовъ, то, конечно, они, какъ болѣе и ближе знакомые съ условіями проституціоннаго міра, даже не «врядъ ли», а прямо-таки должны согласиться прежде всѣхъ другихъ. Но тутъ-то и обличается мое коварство. Я сказалъ очень хорошо, по аттестаціи г. Зѣньковскаго. Но,—это, господа, будетъ уже не мое, а г. Зѣньковскаго «но»:— «Обратите вниманіе на его (т. е. мои) слова: «рѣшительная полная переоцѣнка», «крутой переломъ». Такъ какъ ясно, что этотъ крутой переломъ и рѣшительная переоцѣнка во всемъ объемѣ наступятъ очень и очень нескоро, то, конечно, можно остаться совершенно спокойнымъ и ровно ничего не дѣлать, такъ какъ ни единоличными усиліями, никакими конгрессами «крутого перелома» не создать».

Да? въ самомъ дѣлѣ? Ну, на этотъ разъ перевѣсъ въ оптимизмѣ за мною. Я не имѣю столь твердой вѣры въ хронологическую устойчивость женскаго рабства, поддерживаемаго буржуазною культурою, и былъ бы очень несча-

стливъ, если бы мнилъ исторію двадцатаго вѣка улитою, которая ѣдетъ, когда-то будетъ. Девятнадцатый вѣкъ пробилъ въ стѣнахъ женской Бастиліи столько брешей, что часъ перелома, о которомъ мы говоримъ, представляется мнѣ совсѣмъ не такимъ безнадежно далекимъ, а работа для его ускоренія совсѣмъ не такимъ отвлеченнымъ, теоретическимъ «смотрѣніемъ въ корень», какъ воображаетъ ее г. Зѣньковскій, столь благонадежно уповающій на черепашій ходъ улиты.

Г. Зѣньковскій относитъ меня къ разряду тѣхъ сторонниковъ коренныхъ реформъ, которые, признавая цѣлесообразными единственно таковыя, спѣшатъ въ то же время оговориться, что онѣ невозможны. Опять г. Зѣньковскій приписываетъ мнѣ,—и еще въ кавычкахъ, стало быть, какъ цитату моихъ точныхъ словъ,—идею, которой нѣтъ въ моей статьѣ. То-есть, что единственными цѣлесообразными къ излѣченію проституціонной язвы средствами я признаю коренныя реформы во всей общественной постановкѣ женскаго вопроса,—это вѣрно; а вотъ, что я будто бы считаю коренныя реформы «невозможными»,—это ужъ г. Зѣньковскій сочинилъ отъ себя. Вся статья моя—наглядное доказательство, что для меня онѣ — не только надежда полной возможности, но и убѣжденіе требовательной и неотложной необходимости. Г. Зѣньковскій навязываетъ мнѣ собственную свою мысль. Возвращаю по принадлежности и, признаюсь, безъ благодарности. Въ контрастъ мечтателямъ о коренныхъ, но невозможныхъ реформахъ, г. Зѣньковскій восхищается тѣми, которые думаютъ, что «нужно дѣлать то, что̀ можно дѣлать». У всякаго—свой вкусъ! Спасибо этимъ добрымъ и хорошимъ людямъ, дѣлающимъ, «что̀ можно», но не хочу терять надежды, что будетъ открытъ Сѣверный полюсъ, ни многихъ другихъ «невозможныхъ» надеждъ. «Можность», предлагаемая г. Зѣньковскимъ въ мѣрило вещей и потребностей міра сего,— начало весьма растяжимое, не говоря уже о томъ, что

совершенно субъективное. То, чего нельзя предполагать «можнымъ», не посмотрѣвъ или даже опасаясь смотрѣть въ корень, весьма часто оказывается не только можнымъ, но и должнымъ, когда въ оный посмотримъ попристальнѣе. И,—да проститъ мнѣ г. Зѣньковскій (впрочемъ, онъ наговорилъ мнѣ столько безпричинно непріятныхъ словъ и обвиненій, что я имѣлъ бы право и безъ извиненій примѣнить къ нему правило: «долгъ платежемъ красенъ»),—проповѣдуемая имъ теорія безапелляціонной «можности» противъ зловреднаго «мечтательства» ужасно напоминаетъ классическій кодексъ умѣренности и аккуратности подъ торжествующимъ девизомъ: «Въ мои лѣта не должно смѣть свое сужденіе имѣть». Хорошъ былъ бы прогрессъ человѣческій, если бы общество измѣряло свои идеалы современною возможностью ихъ осуществленія! Volere—potere, говоритъ итальянская пословица. И—пусть людей съ идеалами «невозможнаго» называютъ не только мечтателями, но даже безумцами...

Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню!
Безумству храбрыхъ поемъ мы славу!
Безумство храбрыхъ есть мудрость жизни..,

А что касается добрыхъ людей съ идеалами «можнаго», они тоже поступаютъ отлично, очень благородно, дѣлая свое «можное» какъ умѣютъ наилучше и со всякимъ тщаніемъ, потому что вреда отъ того нѣтъ, а многимъ даже можетъ быть и существенная польза. Ибо, за неимѣніемъ гербовой, пишутъ на простой, и палліативы далеко не безполезны. Если, скажемъ для примѣра, въ глухой деревнѣ повальный дифтеритъ, то, разумѣется, нѣтъ никакого резона оставлять больныхъ вовсе безъ лѣченія, покуда не пріѣдетъ изъ города врачъ съ противодифтеритною сывороткою. Хорошо дѣлать больнымъ припарки, компрессы, инголяціи бензойнымъ натромъ, спринцованія известковою водою и многое другое, рекомендуемое «Домашнею Медициною» Флоринскаго. Похвальные труды эти успѣшно вознагра-

ждаются, когда изъ сотни больныхъ души двѣ-три возьмутъ, да и поправятся при участіи собственной крѣпкой натуры. Честь и хвала тѣмъ, кто поставилъ ихъ на ноги,—ну, а безъ противодифтеритныхъ прививокъ эпидеміи все-таки не сломить, а безъ радикальной дезинфекціи ея изъ деревни не выжить.

Г. Зѣньковскій, заимствуя красивое mot у Н. К. Михайловскаго, находитъ у меня порокъ «любви къ дальнему вмѣсто любви къ ближнему». Собственно говоря, mot это—не Михайловскаго, а Достоевскаго, изъ «Братьевъ Карамазовыхъ», но г. Зѣньковскій нашелъ его у Михайловскаго въ самостоятельной разработкѣ и ссылается на Михайловскаго. Весьма уважая Н. К. Михайловскаго, я долженъ, съ нѣкоторымъ стыдомъ, сознаться, что не помню, въ какомъ своемъ произведеніи, какъ и къ какому именно случаю онъ это эффектное mot примѣнилъ, а собранія его сочиненій, живя въ глуши, для справки достать не могу Поэтому я не въ состояніи судить, въ томъ ли смыслѣ повторилъ онъ свой каламбуръ, какъ понимаетъ г. Зѣньковскій. Но, думаю, что, должно быть, тутъ есть недоразумѣніе,—и mot сказано не въ томъ смыслѣ. Апоѳеозъ суженія мысли, чувства и дѣятельности къ предѣламъ «можнаго» совершенно не въ характерѣ знаменитаго публициста. Въ толкованіи цитаты г. Зѣньковскимъ каламбуръ звучитъ довольно остро, но нельзя сказать, чтобы мѣтко и мудро. Безъ любви къ дальнему не можетъ быть разумной любви къ ближнему. И вообще примѣнять къ любви линейныя мѣры разстоянія отъ ея предмета—способъ довольно двусмысленный и опасный. Вѣдь прилагательныя, какъ извѣстно, имѣютъ степени сравненія, и если любовь къ ближнему (не къ евангельскому «ближнему» вообще, а къ ближнему, какъ противопоставленію дальняго) должна торжествовать надъ любовью къ дальнему, то любовь къ болѣе близкому, по этой логикѣ, выше любви къ просто близкому, а прелестнѣйшею и самою желанною любовью окажется любовь къ

ближайшему, т. е. любовь животнаго инстинкта, семейная интимность и та близорукая сентиментальность, которой, въ вопросахъ общественнаго зла, по хорошей русской пословицѣ, «изъ-за деревьевъ не видать лѣса». Дѣятельная любовь слагается изъ вѣры въ общественный идеалъ и стремленія приблизить къ нему явленія реальной жизни. Я высказалъ свой идеалъ реформы женскаго вопроса и говорю: осуществите его въ реальномъ явленіи,—иначе борьба съ проституціей, вами предпринятая, никогда не увѣнчается рѣшительнымъ успѣхомъ. Ложный ли идеалъ провозглашаю я? Нѣтъ: г. Зѣньковскій соглашается, и едва-ли кто не согласится, что истинный... Такъ въ чемъ же дѣло? Откуда негодованіе г. Зѣньковскаго, что я возглашаю истину—и очень не новую вдобавокъ? Какимъ образомъ моя «дальняя» истина можетъ приглушить его «ближнее» дѣло, а тѣмъ паче отвлечь отъ него сочувственниковъ и содѣятелей, на что̀ именно г. Зѣньковскій и жалуется? Развѣ задачи аболиціонизма противорѣчатъ идеѣ женскаго равенства? Конечно, нѣтъ. По какому же тогда случаю шумъ и попреки, будто я сыгралъ въ руку какимъ-то врагамъ аболиціонизма? Напротивъ: я говорилъ о дѣятеляхъ движенія въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, которыя только г. Зѣньковскому почему-то угодно принимать за скрытыя насмѣшки. Между нами вышло въ данномъ случаѣ нѣчто въ родѣ комическаго qui pro quo на провинціальномъ балу. Кавалеръ говоритъ хорошенькой дамѣ:

— Ольга Ивановна. вы сегодня свѣжи, какъ роза.

А Ольга Ивановна, глядь, вдругъ ни съ того, ни съ сего обидѣлась, надулась и огрызается:

— Оставьте, пожалуйста, ваши насмѣшки. Вы думаете, я не понимаю, что вы мнѣ это въ шпильку? Довольно даже вамъ должно быть стыдно.

— Помилуйте! Ей-Богу, отъ чистаго сердца!..

— Да ужъ, пожалуйста! Знаемъ мы васъ, знаемъ...

— Ей-Богу же, мои комплименты шли отъ чистаго сердца,—о, подозрительная и сердитая аболиціонистская роза!

Итакъ, мой идеалъ признается истиннымъ, но, по мнѣнію г. Зѣньковскаго, призывать къ нему нельзя, потому что его провозглашеніе, какимъ-то непостижимымъ образомъ, мѣшаетъ аболиціонистамъ «дѣлать, что̀ можно». Очень это курьезно, что идеалъ препятствуетъ практической дѣятельности во имя идеала; но, куда ни шло, допустимъ такое невѣроятіе. Однако... кто же, въ такомъ случаѣ, оказывается дурного мнѣнія объ аболиціонизмѣ? Кто умаляетъ (чтобы не сказать: уничтожаетъ) его общественное значеніе? Кто вынимаетъ изъ-подъ ногъ его идейную опору и, чрезъ то, сводитъ роль его къ красивому самообману и игрѣ въ хорошія чувства? Я или г. Зѣньковскій? Похоже, что не я...

Бываютъ средства радикальныя. Аболиціонистское движеніе—палліативъ, которымъ общество пытается подлѣчить свою проституціонную язву. И отлично. Пусть подлѣчиваетъ, сколько можетъ: все, что̀ оно сдѣлаетъ, пойдетъ, конечно, на плюсъ, а не на минусъ. Никто и не сомнѣвается, что «аболиціонизмъ сражается не съ вѣтряными мельницами, когда собираетъ конгрессы, учреждаетъ общества, издаетъ брошюры и книги, создаетъ теченіе». Прекрасно, прекрасно. Покуда нѣтъ радикальнаго средства, пусть общество лѣчится отъ проституціи палліативами конгрессовъ, брошюръ, книгъ и «теченія». Чѣмъ больше палліативовъ будетъ найдено и примѣнено къ дѣлу, тѣмъ лучше для человѣчества. Но странно успокаиваться совѣстью на лѣченіи дифтерита бензойнымъ натромъ, зная, что существуетъ противодифтеритная сыворотка, или лѣчить укушеннаго бѣшеною собакою прижиганіями вмѣсто Пастеровыхъ прививокъ. И рѣшительно не могу уяснить себѣ, почему такъ гнѣвается на меня г. Зѣньковскій, когда я, отдавая должное бензойному натру и прижиганіямъ,

позволяю себѣ мечтать о противодифтеритной сывороткѣ и Пастеровыхъ прививкахъ.

Общество больно проституціей. Аболиціонизмъ—наша первая домашняя помощь при наиболѣе острыхъ и явныхъ припадкахъ болѣзни. Этой роли у него никто не отнимаетъ, да, кажется, никто и не думалъ и не думаетъ отнимать. Г. Зѣньковскій намекаетъ, что противъ аболиціонистовъ дѣйствуютъ какія-то реакціонныя силы, равно какъ реакціонная печать. Находясь далеко отъ центровъ, я не знаю, какъ относилась реакціонная печать къ движенію аболиціонизма въ послѣднее время, но не помню, чтобы ранѣе она враждовала съ нимъ остро и рѣзко. Напротивъ: въ то время, какъ положительно прогрессивные шаги русскаго вѣка, въ родѣ пересмотра законодательства о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, либо публицистической агитаціи за свободу развода, были встрѣчаемы реакціонною печатью криками яраго гнѣва, или злобнымъ шипѣніемъ, аболиціонистамъ неоднократно расточались ею даже кислосладкіе комплименты, а многія, уже совсѣмъ не либеральныя, силы охотно принимали участіе въ молодыхъ начинаніяхъ аболиціонизма и даже брали ихъ подъ свое руководство и покровительство. И это симптомъ не изъ лестныхъ,—особенно, при той лютой враждѣ, которую проявляетъ реакціонная печать къ женскому образованію, къ женскому труду, къ расширенію женской гражданской и семейной правоспособности, т. е. ко всѣмъ положительнымъ и общимъ орудіямъ женскаго прогресса и освобожденія. Симптомъ этотъ доказываетъ, что реакціонныя силы не видятъ въ аболиціонизмѣ, съ его спеціально запретительною и узко ограниченною дѣятельностью, серьезнаго врага и даже охотно поддерживаютъ легкое возбужденіе имъ, какъ бы давая тѣмъ нѣкоторую идейную взятку общественной энергіи, ищущей себѣ исхода. Г. Зѣньковскій произвелъ меня въ тайные реакціонеры за то, что, проповѣдуя общую и коренную реформу женскаго вопроса, я мѣшаю будто бы частичнымъ успѣхамъ

аболиціонизма. Есть другая, гораздо болѣе частая и успѣшная уловка реакціи. Когда назрѣваетъ въ обществѣ слишкомъ крупный и нежелательный реакціи вопросъ,—его спѣшатъ размѣнять съ рублей на гривенники, т. е. общественное вниманіе стараются разсѣять, отвлекая его отъ огромной «дальней» сути вопроса къ второстепеннымъ «ближнимъ» частностямъ, отъ «невозможныхъ» корней къ красивымъ вѣтвямъ со столь симпатичнымъ для г. Зѣньковскаго девизомъ «что̀ можно»... Маленькихъ «можностей» открывается цѣлая куча, и изъ-за деревьевъ становится не видать лѣса. Въ самомъ скоромъ времени огромная суть вопроса оказывается искусственно загроможденною множествомъ декоративныхъ частностей, изъ которыхъ ни одна не въ состояніи подвинуть вопросъ къ разрѣшенію, а между тѣмъ каждая какъ будто свидѣтельствуетъ, что вопросъ не умеръ, что ему дано жить и развиваться. Помилуйте, молъ! Какъ же вы жалуетесь, будто прогрессъ бездѣйствуетъ? Неужели вы не слышите, какъ онъ топочетъ ногами? А топочетъ-то онъ, стоя на одномъ мѣстѣ, и плачевнѣе всего то, что, топоча, доходитъ иногда и самъ до лестнаго самообмана, будто и впрямь идетъ впередъ, «какъ можно». Хотя опять-таки «долгъ платежемъ красенъ», однако я не позволю себѣ обзывать реакціонерами поклонниковъ мнимо-прогрессивнаго топанія на мѣстѣ. Но сознаюсь, что не могу безъ улыбки наблюдать, какъ дешево стоющая идейная взятка можетъ довести россійскаго интеллигента до умиленнаго состоянія, въ которомъ онъ безсознательно лобызается съ природными своими врагами и радъ хоть на ножи противъ скептиковъ, не желающихъ дѣлить его восторговъ.

На мѣстѣ г. Зѣньковскаго, я не отчаявался бы такъ въ скорой достижимости коренныхъ реформъ, которыми должна уничтожиться экономическая проституція. «Невозможное» часто оказывается ближе и прекраснѣе самыхъ пылкихъ «возможныхъ» чаяній. Тысячи либеральныхъ людей въ соро-

ковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, стоя на почвѣ «возможныхъ» ожиданій, пріискивали палліативы, для упорядоченія отношеній между крѣпостными крестьянами и помѣщиками-душевладѣльцами. Многіе изъ палліативовъ были полезны, остроумны и красивы, какъ полезенъ и красивъ аболиціонизмъ, вдохновляющій г. Зѣньковскаго. И много горькихъ жалобъ со стороны этихъ искренно либеральныхъ, но черезчуръ ужъ умѣренно-аккуратныхъ искателей палліативовъ вызывали крайне немногочисленные охотники «смотрѣть въ корень», находившіе единственнымъ разумнымъ и дѣйствительнымъ выходомъ изъ вѣковыхъ историческихъ золъ рабовладѣльческаго вопроса «невозможную» реформу освобожденія крестьянъ съ землей. А между тѣмъ, кремлевская рѣчь Царя Освободителя и манифестъ 19 февраля 1861 года были уже куда какъ не за горами. Какой московитъ въ концѣ семнадцатаго вѣка предвидѣлъ Петербургъ и полную перестройку стараго государства? Когда вопросы созрѣваютъ и времена ихъ исполняются, они заставляютъ общество давать отвѣты прямые, быстрые, рѣшительные. А развѣ мы не чувствуемъ, что женскій вопросъ назрѣваетъ не по днямъ, а по часамъ? Развѣ устроить для женщины точныя и болѣе выгодныя трудовыя нормы не становится неугомонною, крикливою необходимостью, столь же важною для мужчинъ, какъ и для самихъ женщинъ? Быстрое вздорожаніе культурной жизни во всѣхъ странахъ европейской цивилизаціи неуклонно ведетъ къ банкротству современнаго семейнаго мужевластительства. Однѣхъ мужскихъ силъ дѣлается уже недостаточно, чтобы оправдывать семейный расходъ; подспорье женскаго труда, жена и мать-добычницы сейчасъ уже настойчиво желательны, вскорѣ будутъ необходимы. А разъ трудъ женщины станетъ необходимымъ и для мужчинъ (какъ подспорье, безъ котораго нельзя жить въ довольствѣ), то придется нормировать его такими условіями, чтобы онъ окупалъ себя наравнѣ съ мужскимъ:

иначе какой разсчетъ женщинѣ ему отдаваться? И, какъ скоро нормы женскаго труда сравняются съ нормами мужского, женщинѣ не станетъ нужды себя продавать, и экономической проституціи — конецъ и вѣчная память.

Г. Зѣньковскій увѣряетъ, будто, въ качествѣ мечтателя о коренныхъ реформахъ, я оказываю «своими краснорѣчивыми строками громадную услугу всѣмъ тѣмъ силамъ, для которыхъ движеніе аболиціонистовъ угрожало смертью». Увы, г. Зѣньковскій! Аболиціонизмъ въ тѣхъ формахъ и рамкахъ, какъ вы его понимаете, съ девизомъ «что можно», рѣшительно никакимъ темнымъ силамъ смерти нанести не въ состояніи. При всей своей симпатичности, онъ слишкомъ ограниченъ и въ компетенціи, и въ средствахъ дѣйствія. Спасибо ему и за то уже, если ему удается иной разъ временно парализовать вредное вліяніе нѣкоторыхъ темныхъ силъ на нѣкоторыя (хотя бы и считаемыя въ тысячахъ, какъ увѣряетъ г. Зѣньковскій) жертвы, избранныя, счастливымъ случаемъ, чтобы привлечь вниманіе аболиціонистской полиціи. Спасибо аболиціонизму уже и за то, если ему удастся сдѣлать извѣстныя гражданскія и уголовныя непріятности нѣсколькимъ (хотя бы считаемымъ въ десяткахъ и сотняхъ) представителямъ темныхъ силъ, которые окажутся настолько наглы или неловки, что не успѣютъ скрыть своихъ грязныхъ и жестокихъ дѣлъ отъ бдительности аболиціонистской полиціи. Рогатый силлогизмъ о томъ, сколько надо снять волосъ съ головы человѣка, чтобы его было можно считать плѣшивымъ, становится еще рогатѣе, когда приходится приложить его мѣрку къ буйно-косматой и тучно обрастающей головѣ спроса на развратъ. Внѣшніе, рознично-количественные успѣхи въ борьбѣ со зломъ, если и бывали иногда рѣшеніемъ вопроса, то столь медленнымъ, что и хронологическое терпѣніе г. Зѣньковскаго, пожалуй, устанетъ ожидать. Обиліе волковъ было очень острымъ зломъ въ средневѣковой Европѣ. Англичанамъ удалось

истребить волковъ на своемъ островѣ, волчьяго вопроса въ Англіи не существуетъ болѣе. Но, чтобы погибъ последній британскій волкъ, Англіи надо было ждать отъ Альфреда Великаго до королевы Викторіи...

Выше я употребилъ выраженіе «аболиціонистская полиція», потому что аболиціонистское движеніе, какъ полезная попытка массовой самообороны отъ злоупотребленій полового торга, есть, конечно, прежде всего, приглашеніе обществу превратиться въ полицію нравовъ для самого себя. Это—нѣчто въ родѣ общественнаго самоуправленія въ примѣненіи къ одной изъ вреднѣйшихъ и прочнѣйшихъ сторонъ соціальнаго строя. Цѣль прекрасная, истинно «ближне» практическая и чреватая многими благими послѣдствіями частнаго, розничнаго характера. Я вполнѣ понимаю, почему множество добрыхъ и честныхъ людей бросились къ ней съ пылкимъ энтузіазмомъ: хорошо это съ ихъ стороны, что бросились, и дай Богъ, чтобы они нашли себѣ многихъ подражателей и продолжателей. Трудъ ихъ полезенъ и достоинъ благодарности. Но было бы жестокою, до маніи величія ошибкою воображать себя, при работѣ въ условіяхъ аболиціонистской программы, а тѣмъ болѣе съ подчиненіемъ девизу «что можно», радикальными цѣлителями проституціоннаго недуга. Прекрасно удержать дѣвушку отъ проституціи; прекрасно возродить падшую женщину къ честной жизни, прекрасно истребить торговца живымъ товаромъ; прекрасно отмѣнить регистрацію проститутокъ съ ея живодерными правами и послѣдствіями; прекрасно переработать къ лучшему общую регламентацію злополучнаго института; прекрасны сотни проектовъ,—какъ я писалъ уже, часто получающихъ осуществленіе,—вызванныхъ аболиціонистскимъ движеніемъ. Но всѣ эти мѣры—самодовлѣющія, живущія въ самихъ себя. Онѣ создаютъ нравственныя удобства настоящаго, а не свободу будущаго. Онѣ не прекращаютъ проституціи, но упорядочиваютъ ея внѣшнія про-

явленія такъ, чтобы гнуснымъ зрѣлищемъ и запахомъ своимъ она не оскорбляла щекотливой морали и не раздражала впечатлительныхъ нервовъ буржуазнаго общества, потребностями котораго и для потребностей котораго она живетъ. Это—санитарно-полицейское оздоровленіе института примѣнительно къ наиудобнѣйшему, наиприличнѣйшему и наигуманнѣйшему онымъ пользованію, а отнюдь не уничтоженіе женскаго бѣлаго рабства. И вся эта общественная работа—для себя, на насъ самихъ, каковы мы сейчасъ, на общественный строй съ подавляющимъ преобладаніемъ мужского права, интереса и первенства. Для женщины же мы не дѣлаемъ въ ней почти что ничего, такъ какъ причинъ, толкающихъ ее въ самопродажу, не уничтожаемъ, а иногда, какъ оказывается, даже и негодуемъ на дерзающихъ мечтать объ уничтоженіи причинъ, потому что таковое-де—«невозможная коренная реформа». А покуда существуетъ причина, будетъ неукоснительно проявляться и слѣдствіе.

Если въ странѣ голодъ, никакія мѣры надзора и пресѣченія не могутъ воспрепятствовать развитію въ ней добывающихъ пороковъ и преступленій. Удержать быстро падающую нравственность края можно тогда только энергичною хлѣбною, денежною, трудовою помощью, т. е. накормивъ народъ. Въ той странѣ, которая имѣетъ больше безработнаго и голодающаго люда, больше и голодныхъ пороковъ. Сословія, экономически обездоленныя и приниженныя, осуждены давать процентъ добывающей преступности большій, чѣмъ сословія, матеріально обезпеченныя.

«Женское сословіе»—называютъ женщинъ шуточною кличкою русскіе мужики, купцы, мѣщане. Въ этой народной остротѣ много невольно сказавшейся правды .. Женщины въ современномъ обществѣ дѣйствительно уже не только второй полъ разныхъ сословій, но именно самостоятельное назрѣвающее экономически, отдѣльное новое

сословіе. Это «пятое сословіе» слишкомъ обдѣлено благоденствіемъ всюду, а ужъ у насъ на Руси въ особенности. Оно бываетъ сыто лишь любовною милостью или семейною обязанностью мужскихъ сословій. Само по себѣ безправное, оно предано нуждѣ и, слѣдовательно, обречено выдѣлять проституціонный контингентъ, въ формѣ ли скитаній Сони Мармеладовой по Невскому проспекту, въ формѣ ли законнаго супружества Марьи Андреевны съ Максимомъ Беневоленскимъ. Г. Зѣньковскій распространяется о противодѣйствіи проституціонному наплыву теченіями религіозной, нравственной и умственной жизни. Все это очень хорошія воздѣйствія до тѣхъ поръ, покуда аболиціонизмъ работаетъ въ розницу, по частнымъ случаямъ, но совершенно невліятельныя, какъ скоро аболиціонистская партизанская война изъ частной борьбы за такихъ-то и такихъ-то проститутокъ превращается въ общую борьбу противъ проституціи. Г. Зѣньковскій считаетъ меня ярымъ фанатикомъ экономической вѣры, не желающимъ, глядя изъ-за ея катехизиса, какъ изъ-за каменной стѣны, признавать серьезными психологическія и соціальныя надстройки нашего быта и важность ихъ для проституціоннаго вопроса. И это г. Зѣньковскій отъ себя на меня взводитъ. Въ силу боковыхъ теченій сказаннаго порядка и во вліяніе «надстроекъ» я вѣрю настолько, что въ моей же статьѣ г. Зѣньковскій можетъ найти мнѣніе, что если бы честный трудъ давалъ женщинѣ хоть одну треть того заработка, который даетъ проституція, то дѣло послѣдней было бы уже надломлено. «Надстройки», о которыхъ говоритъ г. Зѣньковскій, достаточно сильны, чтобы удержать на честномъ пути женщину, зарабатывающую рубль, отъ перехода на путь позорный, хотя бы онъ сулилъ заработокъ въ три рубля. Но когда путь позорный сулитъ, какъ ему свойственно, три рубля, а путь честный едва вознаграждается черствымъ хлѣбомъ, тутъ вліяніе «надстроекъ» совер-

шенно парализуется несоотвѣтствіемъ общественной морали съ дѣйствительностью, и, на мой взглядъ, даже прибѣгать-то къ нему не всегда великодушно, потому что — сперва накормите, а потомъ уже и проповѣдуйте, учительствуйте. Заповѣдь заботиться не объ единомъ хлѣбѣ огромно велика, но заповѣди сидѣть безъ хлѣба никогда не было дано.

Русскій мужикъ Бондаревъ, сочинившій замѣчательную книгу о земледѣльческомъ трудѣ, изданную только во французскомъ переводѣ («Le Travail»), предлагаетъ своему читателю:

— Если ты собираешься критиковать мою книгу, обѣщай мнѣ, что сперва не будешь ѣсть три дня.

Этотъ своеобразный пріемъ подготовки къ критикѣ вопроса о хлѣбѣ насущномъ, пожалуй, годится и для писателей о женскомъ вопросѣ, старающихся умалить въ проституціонномъ недугѣ значеніе экономическаго фактора и уповающихъ побороть проституцію «чѣмъ можно», порицая мечтателей о невозможныхъ коренныхъ реформахъ.

Вотъ и все, — хотя довольно длинное все, — что я долженъ былъ изъяснить по существу замѣчаній г. Зѣньковскаго. Pro domo sua говорить не буду. Совершенно излишнія въ идейной полемикѣ, патетическія грубости г. Зѣньковскаго меня не трогаютъ. Упрекъ въ сочувствіи реакціонерамъ, какъ попавшій ужъ черезчуръ не по адресу, доставилъ мнѣ нѣсколько веселыхъ минутъ. Да! между прочимъ, г. Зѣньковскій называетъ мой фельетонъ «очень умнымъ, но глубоко его возмутившимъ». Вотъ ужъ этого противопоставленія я никакъ не могу себѣ уяснить. Если фельетонъ «очень уменъ», то чѣмъ же въ немъ глубоко возмущаться? Если онъ глубоко возмутителенъ, то какъ же онъ можетъ быть «очень умнымъ»? Что-нибудь одно. А то странно какъ-то: истинный идеалъ мой г. Зѣньковскій воспрещаетъ провозглашать, а «очень умныя» слова

мои его возмущаютъ... Что за «Великій Инквизиторъ» такой, желающій осчастливить человѣчество, закрывая ему глаза на правду и доводы разсудка?

Еще отмѣчу негодующія восклицанія почтеннаго оппонента: неужели г. Иксъ не понимаетъ, кому въ руку онъ играетъ? Неужели г. Иксъ не понимаетъ, съ кѣмъ въ одинъ голосъ онъ поетъ?

Я никому не играю въ руку, потому что не привыкъ играть вопросами общественной важности вовсе — ни одинъ, ни съ партнерами. Я ни съ кѣмъ не пою въ одинъ голосъ, потому что я—не хористъ и пою свою партію solo, самъ отъ себя. А кто, слыша меня, хочетъ и будетъ мнѣ подпѣвать, это меня не касается и мнѣ рѣшительно безразлично, если только припѣвъ не испортитъ моей пѣсни. Во всякомъ случаѣ, это будутъ люди, которые не боятся истины и ея слова. Важна же только истина, а не люди и ихъ клички. Сила въ своемъ, свободно и логически выработанномъ мнѣніи, а не въ хоровыхъ символахъ.

Слышалъ я стараго сойотскаго шамана. Долго онъ пѣлъ и причиталъ, тряся своимъ разрисованнымъ бубномъ. И, когда я попросилъ знакомаго инородца перевести мнѣ смыслъ пѣсни,—вотъ что, оказалось, пѣлъ шаманъ:

— Я стою одинъ на высокомъ холмѣ и пою въ снѣжную степь свою громкую пѣсню. Меня слышитъ пустыня, я не слышу никого. Слова мои замерзаютъ въ воздухѣ, потому что стоитъ жестокая зима. Когда наступитъ лѣто, они растаютъ, разольются съ холма шумными ручьями, и пустыня отвѣтитъ имъ...

Хорошо думалъ и пѣлъ старый сойотскій шаманъ. Съ удовольствіемъ принимаю пѣсню его своимъ девизомъ...

1903 г.

III.

(Г. А—ту въ «Нов. Времени»).

М. Г.!

Прочиталъ я вашъ фельетонъ «Понемногу о многомъ», а въ немъ отдѣлы «Бѣлыя невольницы» и «Правда ли это?» со слѣдующими строками по моему адресу:

«Нашелся какой-то очень краснорѣчивый Иксъ (побоялся выступить безъ забрала, несчастный!), который дерзнулъ сказать, что бѣлыя невольницы попадаютъ въ неволю не по роковому предназначенію, а потому, что это выгодно женщинѣ въ экономическомъ отношеніи. Конечно, такая дерзость безнаказанной пройти не могла, и явились горячіе протестанты, предавшіе Икса растерзанію по всѣмъ правиламъ благонамѣренныхъ прописей и чувствительной филантропіи.

«Увы! Иксъ струсилъ и пошелъ на компромиссы и сталъ каяться и божиться, что онъ и не думалъ нападать и оскорблять бѣлыхъ невольницъ, но что онъ хотѣлъ только подчеркнуть, какъ можно рѣзче, что всѣ пріюты, создаваемые для реабилитаціи и спасенія кающихся Магдалинъ, суть палліативы и что, пока женщинъ не сравняютъ вполнѣ въ правахъ съ мужчинами на экономическомъ ристалищѣ труда и заработка, до тѣхъ поръ проституція неизбѣжна, такъ какъ, несомнѣнно, женщинѣ она выгодна, какъ профессія.

«Ахъ, какъ я огорчился такому выпаду несомнѣнно умнаго, но, вѣроятно, еще несомнѣннѣе, трусливаго человѣка! И ты, благородный Брутъ, за уравненіе правъ? И вы за нѣчто невыполнимое и немыслимое? — думалъ я, стараясь въ то же время выяснить себѣ экономическое неравенство трудящихся мужчинъ и женщинъ. Вѣдь сколько объ

---

*) Владимиръ Карловичъ Петерсенъ. Скончался въ 1904 году.

этомъ неравенствѣ сказано жалкихъ словъ— и перечислить немыслимо»!..

Чувствительнѣйше благодаря за комплименты моему уму, я долженъ, однако, замѣтить, что статьи мои о борьбѣ съ проституціей вы прочитали, вѣроятно, изъ пятаго въ десятое, потому что приписываете мнѣ мысли, которыхъ я не имѣлъ, и поступки, которыхъ не совершалъ. А именно:

1. По вашему мнѣнію, я «дерзнулъ сказать, что бѣлыя невольницы попадаютъ въ неволю не по роковому предназначенію, а потому, что это выгодно».

Не знаю, что вы хотите выразить словами «роковое предназначеніе», въ качествѣ противоположенія «выгодѣ». Моя мысль была такова: въ деспотически мужскомъ строѣ современнаго общества женщина—безправная и дурно оплаченная работница, въ которой наивысшую цѣну имѣетъ ея полъ; поэтому, покуда строй мужского преобладанія будетъ управлять обществомъ, женщинѣ выгоднѣе промышлять своимъ поломъ, чѣмъ инымъ трудомъ: поэтому, въ современной цивилизаціи торговля поломъ есть именно роковое предназначеніе женщины, отъ котораго честному, самостоятельному труду удается отбивать для себя только натуры выдающіяся—героинь и мученицъ; масса обречена кормиться своимъ поломъ, въ формѣ ли брака, въ формѣ ли проституціи, за милость мужчины... Торговля собою— единственный настояще выгодный промыселъ, оставленный женщинамъ мужскою опекою. Какого же вамъ еще рокового предназначенія угодно?

2. «Иксъ струсилъ и пошелъ на компромиссы и сталъ каяться и божиться, что онъ и не думалъ нападать и оскорблять бѣлыхъ невольницъ» и т. д. Я не могъ ни въ чемъ подобномъ каяться—тѣмъ паче съ божбою,—прежде всего потому уже, что изъ оппонентовъ моихъ, мнѣ извѣстныхъ, никто меня въ этомъ не обвинялъ, да, полагаю, и не могъ обвинить, потому что тезисы мои быть можетъ,

непріятны для мужского самолюбія и лицемѣрія, а ужъ никакъ не для женщинъ, которыхъ эти милыя силы нашей культуры держатъ въ физическомъ и нравственномъ рабствѣ, вяжутъ по рукамъ и по ногамъ. Я же зову женщину къ свободѣ, къ равноправію съ мужчиною. Равенство половъ во всѣхъ правахъ и отношеніяхъ общественныхъ опредѣлитъ новую культурную эру, о которой взываетъ наша дряхлѣющая цивилизація. А зарею такого равенства является для меня все болѣе и болѣе наростающая потребность въ экономическомъ уравненіи женщинъ и мужчинъ.

3. Да, я — за уравненіе правъ, что̀ отнюдь не значитъ — «за нѣчто невыполнимое и немыслимое». О невыполнимости и немыслимости я уже достаточно сказалъ, отвѣчая г. Зѣньковскому на его теорію «можности». Есть слово:

— Необходимость.

И... гдѣ оно раздается, тамъ нечего говорить о можномъ и неможномъ, о выполнимомъ и невыполнимомъ, о мыслимомъ и немыслимомъ. Необходимо, — и должно быть. Вопросъ о равенствѣ общественныхъ правъ мужчины и женщины уже близокъ къ этой принудительной грани.

4. Въ качествѣ «человѣка, несомнѣнно, умнаго, но, еще несомнѣннѣе, трусливаго» я спрошу г. А—та, какъ человѣка, несомнѣнно, храбраго:

— Потребность въ женскомъ добычливомъ трудѣ наростаетъ для общества съ каждымъ днемъ. Семья уже не въ силахъ кормиться заработкомъ одного мужчины. Вы признаете, что наивыгоднѣйшій способъ заработать деньги для женщины — проституція. Предположимъ, что такъ. Какую же будущность готовятъ обществу эти положенія?

Полагаю, что, когда потребность въ женскомъ трудѣ насущно необходима, а способовъ къ удовлетворенію потребности нѣтъ, могутъ быть предложены только два исхода:

Или широкое изысканіе новыхъ формъ и областей

женскаго труда, которое завершится полнымъ равенствомъ его съ мужскимъ.

Или признаніе существующихъ способовъ правомѣрными и согласными съ нравственностью общества.

То есть, попросту говоря, либо надо дать женщинѣ выгодный выходъ изъ области полового труда во всѣ остальныя трудовыя сферы, либо признать половой трудъ, т. е. проституцію, законнымъ, честнымъ, нравственнымъ, равнымъ всякому другому.

Первый выборъ—мой. Второй неминуемо вытекаетъ изъ разсужденій г. А—та о неисполнимости и немыслимости коренной реформы женскаго вопроса. Полюсы женскаго будущаго: или равноправіе съ мужчиною, или общественное торжество проституціи. И... какъ бы ни поддразнивалъ меня г. А—тъ трусостью, я сознаюсь откровенно, что не имѣю достаточно храбрости, чтобы утѣшаться второю перспективою, какъ соціальнымъ идеаломъ. Belle, oneste e stimatissime cortigiane di Venezia («прекрасныя, благородныя и высокопочтенныя венеціанскія проститутки») очень хороши на картинахъ Бордоне, Тиціана, Веронезе, но сомнѣваюсь, чтобы и г. А—тъ желалъ видѣть этотъ почетный классъ воскреснувшимъ къ жизни.

Г. А—тъ, сомнѣваясь въ малоцѣнности женскаго труда, приводитъ въ примѣръ высокіе заработки пѣвицъ, актрисъ, талантливыхъ художницъ, модистокъ и мамокъ.

На это я отвѣчу:

а) Доказывать, что женщинамъ хорошо и заработно живется, именами Самокишъ-Судковской, Бемъ, М. Фигнеръ, Дузе, Сарры Бернаръ, Савиной, столько же логично, какъ—если бы я сталъ, напр., дѣлать выводы о зажиточности русскаго мужика по состояніямъ Кокорева, Губонина, а о степени его развитія по генію Ломоносова, по талантамъ Кольцова, Никитина, Сурикова. Геній не имѣетъ пола, большой талантъ также. Женщины, названныя г. А—томъ—«выдающіяся»: онѣ возвысились, въ дарованіяхъ

своихъ одинаково надъ мужскою и женскою массою. Удача исключительной личности не можетъ быть мѣриломъ благополучія общественной единицы. Впрочемъ, за развитіемъ этой части моего возраженія я попрошу г. А—та обратиться къ «Послѣсловію» моего публицистическаго романа «Викторія Павловна»: тамъ оно изложено подробно.

б) Въ этомъ же романѣ г. А—ть найдетъ главу о доходности женскаго сценическаго труда, о соотношеніи въ немъ заработной платы съ расходами производства и т. д. Здѣсь же я отмѣчу только, что женскій сценическій трудъ— очень недавнее завоеваніе женской эмансипаціи: ему всего 150—200 лѣтъ... При томъ лишь весьма немного лѣтъ тому назадъ,—у насъ, въ Россіи, пожалуй, нѣтъ еще и полувѣка,—трудъ актрисы и пѣвицы очистился отъ *обязательной* проституціонной примѣси. Этому геройскому завоеванію женской эмансипаціи гг. мужчины покорились не съ большею радостью, чѣмъ, напр., крѣпостники — освобожденію крестьянъ. И процессъ этого завоеванія до сихъ поръ нельзя считать совершенно законченнымъ, что̀ доказывается закулиснымъ обиліемъ негласной и привилегированной проституціи добровольной. Въ обществѣ, обладающемъ столь поучительною пьесою, какъ «Таланты и поклонники», актриса—честная труженица только для лучшихъ мужчинъ его, для Мелузовыхъ; для массы она— добыча, приманка, соблазнительная кандидатка въ половой развратъ.

в) Оставляя въ сторонѣ сценическій трудъ исключительно талантливыхъ, успѣвшихъ стать внѣ пола величинъ, разсматривая условія его для средней работницы, надо опять-таки съ грустью отмѣтить, что доходность сцены для женщины растетъ постольку, поскольку амплуа ея соприкасается съ половыми особенностями. Г. А—тъ взялъ въ примѣръ огромнаго заработка г-жу Вяльцеву: какъ пѣвица, эта сценическая дѣятельница—совершенное ничтожество, но она, какъ никто, умѣетъ дѣйствовать голосомъ и инто-

націями своими на чувственность публики; это—талантъ половой, и успѣхъ его половой. Здѣсь огромныя суммы платятся не за вдохновеніе, трудъ и искусство, а за упраздненіе, такъ сказать, вокальнаго стыда. То же самое Отеро, Кавальери e tutte quante. Насколько публика предпочитаетъ половыя сценическія впечатлѣнія чистому искусству, насколько въ актрисѣ женщина милѣе ей, чѣмъ талантъ, разительное и трагическое доказательство явилъ Петербургъ осенью 1902 г., въ отвратительной исторіи самоубійства антрепренера Морева изъ-за нарушившей контрактъ Кавальери. Труппа, собранная изъ лучшихъ артистовъ Европы, не могла утѣшить публику въ потерѣ наслажденія видѣть очень красивую женщину съ ореоломъ скандала вокругъ головы, съ тѣнью кафе-шантана за спиною. Толпа «плевать хотѣла» на Маркони, Баттистини, Баронатъ и требовала деньги назадъ *). Антрепренеръ прогорѣлъ и застрѣлился... А исторія русской драмы, которую 25 лѣтъ держала въ черномъ тѣлѣ оперетка, покуда полового владычества послѣдней не сломилъ уже совсѣмъ откровенно половой кафе-шантанъ? Сейчасъ Мельпомена какъ будто возрождается. Но въ преуспѣяніи ея тоже приходится поставить не малую долю на счетъ тому новшеству, что строгая богиня очень смягчила свой былой пуризмъ, и о платонической любви декламируетъ нынѣ «Принцесса Греза» съ разрѣзомъ платья, какъ у «Прекрасной Елены»; учить супружеской вѣрности приходитъ «Монна Ванна», въ чемъ мать родила; цѣломудріе проповѣдуютъ «Рабыни веселья», а семейное начало читаетъ публикѣ проститутка «Заза».

г) Трудъ мамки есть чисто половая функція, взятая въ наймы. О немъ не къ чему и упоминать въ числѣ доходностей женскаго самостоятельнаго труда. Менѣе противный, а потому и болѣе благосклонно принимаемый обществомъ

*) Сравните ниже этюдъ „О дѣвицѣ-Торсъ и господахъ Кувшинниковыхъ“.

трудъ мамки, по существу своему,—такая же соціальная болѣзнь, какъ и проституція, и, подобно ей, также представляетъ собою «торговлю поломъ».

д) Трудъ модистки имѣетъ хорошую цѣну только тогда, когда ставитъ конечною цѣлью половое украшеніе женщины. Маши, шьющія женскую одежду, зарабатываютъ 30—50 копеекъ въ день. Бѣшеныя деньги платятся работницамъ не одеждъ, но туалетовъ, доводящихъ мужскіе умы до восторга. Такимъ образомъ цѣнность труда модистки исходитъ изъ полового же источника, и опять-таки растетъ постольку, поскольку модистка содѣйствуетъ половому успѣху:

Не одѣнешься лучше камелій
И богаче французскихъ актрисъ.

е) Г. А—тъ обмолвился дивною характеристикою женскаго труда въ фразѣ: «кухарки, въ самомъ дѣлѣ за повара, оплачиваются выше плохихъ поваровъ». Совершенно вѣрно. Нельзя быть болѣе мѣткимъ и правдивымъ! Но г. А—тъ врядъ-ли когда-нибудь видалъ, чтобы кухарка въ самомъ дѣлѣ за повара оплачивалась, какъ въ самомъ дѣлѣ поваръ. То же самое,—прошу дамъ не обижаться на сравненіе,—надо сказать о беллетристкахъ, художницахъ, переводчицахъ; очень хорошія изъ нихъ удостаиваются цѣниться наравнѣ съ очень плохими беллетристами, художниками, переводчиками или даже немного выше. Прекрасная работница стоитъ въ одной цѣнѣ съ никуда негоднымъ работникомъ: это справедливо! По мнѣнію г. А—та, это—благополучная постановка женскаго вопроса?!

Одна фраза въ статьѣ г. А—та очень непріятно меня удивила и даже покоробила. Это—упрекъ за подпись псевдонимомъ: «побоялся выступить безъ забрала, несчастный»! Знаете ли, счастливый безъ забрала,—старому литератору, къ тому же также пишущему подъ псевдонимомъ, испускать такія восклицанія какъ будто и неловко бы.

Проработавъ въ журналистикѣ чуть не четверть вѣка, пора бы знать, что авторъ часто «опускаетъ забрало» не потому, что «боится». Иногда забрало столько же пріятно опускать, какъ надѣвать желѣзную маску...

1903.

IV.

Въ «Новомъ Времени» (№ отъ 30 апрѣля 1903 г.) я нашелъ фельетонъ г. А—та, отвѣчающій на мое возраженіе.

Г. А—тъ подвергаетъ критикѣ мое положеніе, что необходимое возможно. «Чтобы спасти женщинъ отъ бѣлаго невольничества, необходимо сравнять ихъ экономически съ мужчинами, а, если необходимо, то это и возможно». Разбивая мою «счастливую идиллію» по механическимъ законамъ спроса и предложенія, г. А—тъ оставляетъ женщинѣ только двѣ дѣятельности, въ коихъ она необходима и незамѣнима: рожать дѣтей и кормить ихъ грудью. То-есть— признаетъ женщину существомъ исключительно и фатально половымъ, что̀ я и выяснялъ о г. А—тѣ въ возраженіи своемъ, изобличая присутствіе полового элемента во всѣхъ женскихъ профессіяхъ, выставленныхъ г. А—томъ въ примѣръ успѣшныхъ и хорошо оплаченныхъ.

Затѣмъ: «необходимо сравнять женщинъ экономически съ мужчинами». При такой формѣ императива, г. А—тъ, стоящій на мужской точкѣ зрѣнія, пожалуй, остался бы правъ, сомнѣваясь въ необходимости, мною утверждаемой. Потому что необходимо не *сравнять* женщинъ, но необходимо *равенство* женщинъ съ мужчинами, которое будетъ достигнуто, конечно, не столько потребностью мужчинъ сравнять съ собою женщинъ, сколько стремленіемъ женщинъ сравняться съ мужчинами. Я говорю не о равенствѣ, которое дадутъ мужчины, а о равенствѣ, которое

возьмутъ женщины. Полагаю, что оттѣнокъ ясенъ, и онъ совершенно мѣняетъ дѣло.

Слово «необходимость» подразумѣваетъ вопросъ: для кого? Отрицая необходимость женскаго равенства въ современномъ обществѣ, г. А—тъ,—повторяю,—по-своему, по сурово, узко-мужскому, правъ, потому что современный строй общества—мужевладычный, и, въ соображенiи спецiально мужскихъ интересовъ, экономическое равенство женщины—не выигрышъ, что̀ г. А—тъ, со свойственною ему прямотою, и отмѣчаетъ. Сейчасъ повелительная необходимость равенства громко говоритъ о себѣ лишь очень немногимъ изъ мужчинъ, охочимъ пытливо заглядывать въ будущее. Но *равенство уже необходимо женщинамъ*, и женщины развиваютъ движенiе къ нему. А развитiе движенiя, толкуя смыслъ и укрѣпляя практику равенства, сдѣлаетъ его мало-по-малу сперва выгоднымъ, а потомъ необходимымъ уже и для мужчинъ. Женскiй вопросъ переживаетъ въ этомъ направленiи ту же эволюцiю, что̀ пережилъ и переживаетъ еще вопросъ рабочiй, который, за XIX вѣкъ, перестроилъ соцiальную систему Европы. Давно ли рабочiй вопросъ почитался злѣйшимъ врагомъ и разрушителемъ государственности? А теперь государства ищутъ заключить съ нимъ союзъ, стараются нормировать ходъ его подъ своимъ знаменемъ, предлагаютъ ему опору и просятъ у него опоры для себя. Родился «государственный соцiализмъ», доктрина коего, иногда не безъ успѣха, пытается сочетать, казалось бы, несочетаемое. А совершилось это потому, что необходимости рабочей силы расширились въ необходимости обществъ, построенныхъ на взаимоотношенiяхъ хозяевъ съ рабочими, и, проникая въ законъ и обычай, медленно, но послѣдовательно и упорно преобразили культурный укладъ. И творятся подобныя реформы-самоцвѣты, именно, «дѣйствiемъ одного только чисто механическаго закона спроса и предложенiя», который признаетъ г. А—тъ, безъ примѣси нравственныхъ

соображенiй, которыя онъ, по девизу «les affaires sont les affaires», изъ разсужденiй о женскомъ трудѣ удаляетъ.

Что касается необходимости для женщинъ въ мужскомъ трудѣ и въ мужскихъ размѣрахъ заработной платы, я, хотя и не люблю отступать отъ общихъ доказательствъ логическаго построенiя къ частнымъ примѣрамъ, позволяю себѣ на этотъ разъ, краткости ради, указать г. А—ту на одно весьма достопримѣчательное, хотя и мало замѣченное, явленiе современной русской жизни. Въ теченiе одного 1902 года газетная хроника огласила нѣсколько судебныхъ дѣлъ о трудящихся женщинахъ, жившихъ по мужскимъ паспортамъ либо, вообще, выдававшихъ себя за мужчинъ съ цѣлью получать мужской заработокъ, пока случай не разрушалъ ихъ невиннаго обмана и не возвращалъ ихъ на бабье положенiе. Одинъ изъ этихъ курьезныхъ процессовъ возникъ потому, что баба-рабочiй осмѣлѣла въ самозванствѣ до рѣшимости «жениться». А жениться надо было затѣмъ, чтобы избавить товарку-односелку отъ мужскихъ приставанiй. Подъ Кiевомъ желѣзнодорожный сторожъ оказался—давно уже пропавшею безъ вѣсти, напрасно разыскиваемою... гимназисткою!

Г. А—тъ энергически возстаетъ противъ мужчинъ, живущихъ за счетъ женскаго труда, тѣмъ паче полового: сутенеровъ, альфонсовъ и т. д. Нечего и говорить, какъ справедливо его негодованiе. Но врядъ ли законны его обобщенiя, изъ негодованiя истекающiя:

— Какъ позоренъ тотъ мужъ, у котораго женѣ приходится искать отхожихъ промысловъ, конечно, при наличности дѣтской семьи! Какъ позорно то общество, гдѣ женщина обречена на трудъ поденщицы!

Первое восклицанiе попадаетъ совершенно незаслуженнымъ плевкомъ, прежде всего, въ огромную часть русскаго крестьянства и мѣщанства, въ которыхъ сотни тысячъ женщинъ осуждены на поиски отхожихъ промысловъ вовсе не по лодырничеству мужей, а потому, что

только совмѣстный заработокъ мужа и жены окупаетъ, съ грѣхомъ пополамъ, цѣну жизни и позволяетъ выростить новое поколѣніе, хотя бы и на хлѣбной соскѣ. Поднимаясь въ область трудящейся интеллигенціи, предлагаю г. А—ту вспомнить очеркъ Салтыкова о супругахъ Чемезовыхъ, лучшее изображеніе столичной четы мучениковъ бѣлаго труда, какое мнѣ извѣстно въ русской литературѣ. Не думаю, чтобы у кого-либо поднялась рука бросить камень въ Чемезова, какъ въ «позорнаго мужа», хотя супруга этого бѣдняги—въ тяжкомъ отхожемъ промыслѣ съ утра до вечера. А Чемезовы—не единичный случай, но типъ и, при томъ, наиболѣе распространенный.

Второе восклицаніе я измѣнилъ бы такимъ образомъ:

— Какъ позорно то общество, гдѣ женщина обречена на трудъ поденщика за плату поденщицы!

Въ томъ, что женщина трудится хотя бы и поденщицею, нѣтъ ничего позорнаго ни для нея самой, ни для общества, въ которомъ она живетъ. А вотъ, что общество, управляемое мужскимъ строемъ, норовитъ воспользоваться женскимъ трудомъ какъ можно болѣе на даровщинку,—это, дѣйствительно, чрезвычайно позорно. И напрасно г. А—тъ старается увѣрить читателя, будто «говорить и работать въ этомъ направленіи (къ поднятію женской заработной платы), право, не стоитъ». Всякій, кто платитъ за трудъ одинаковаго достоинства женщинѣ меньше, чѣмъ мужчинѣ, тѣмъ самымъ отбиваетъ ее отъ труда, закрѣпляетъ ее половой силѣ и является безсознательнымъ, неумышленнымъ, но, все-таки, подстрекателемъ къ проституціи. Если хозяинъ хорошо платитъ женской прислугѣ и не мучитъ ее чрезмѣрною работою, онъ—уже борецъ противъ проституціи, хотя бы не состоялъ членомъ ни въ какомъ аболиціонистскомъ кружкѣ. Если хозяинъ платитъ дурно, а работы требуетъ каторжной, онъ толкаетъ служанку въ проституцію, онъ факторъ проституціи, хотя бы имя его значилось въ спискахъ всѣхъ обществъ предупрежденія, охра-

ненія, спасенія, возрожденія и возвращенія. Всякій, не пустословно сантиментальничающій, но намѣревающійся искренно и послѣдовательно свое дѣло дѣлать, союзъ аболиціонистовъ долженъ, по-моему, начинаться круговою порукою, что участники союза будутъ оплачивать трудъ женщинъ, работающихъ у нихъ или для нихъ, не по дешевизнѣ «женскаго сословія», но по соотвѣтственнымъ цѣнамъ мужского рынка.

По мнѣнію г. А—та, нѣтъ вопроса женскаго или мужского, но есть вопросъ дѣтскій и материнскій. Это—очень эффектный ударъ меча по гордіеву узлу, но, къ сожалѣнію, узлы ли нынѣ вяжутся изъ болѣе жесткихъ ремней, мечъ ли худо отточенъ,—только узелъ остался неразрубленнымъ. «Параллельно съ торжествомъ феминизма,—жалуется г. А—тъ,—число бросаемыхъ младенцевъ доходитъ до степеней поразительныхъ; абортная практика врачей совершенствуется; есть уже умы, предлагающіе кастрацію, ради уменьшенія порочнаго и лишняго человѣчества. Сутенерство... и т. д.». Я не улавливаю связи, почему всѣ эти прелести сопоставляются г. А—томъ съ торжествомъ феминизма (да и гдѣ оно, это торжество?), но думаю, что къ суженію женскаго вопроса въ дѣтскій и материнскій онѣ отнюдь не располагаютъ. Число бросаемыхъ младенцевъ и аборты стоятъ въ прямой зависимости отъ экономическихъ причинъ, желѣзную силу коихъ такъ основательно уважаетъ г. А—тъ. Достаточно заглянуть въ отчеты воспитательныхъ домовъ, чтобы видѣть, въ какой строгой послѣдовательности по недороднымъ годамъ, когда дорожаетъ хлѣбъ, падаетъ «предложеніе» материнскаго самоотверженія, къ которому обращается г. А—тъ, и растетъ «спросъ» на воспитательный домъ. Лучшее средство обезпечить ребенку благополучное возрастаніе—это дать его матери свободный и доходный трудъ. Положеніе внѣбрачныхъ дѣтей въ русскомъ народѣ очень плачевно всюду, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ уголковъ нашего отече-

ства, гдѣ женская самостоятельность гарантирована необходимостью для мужчинъ-промышленниковъ бабьей рабочей помощи: у Бѣлаго моря, на Уралѣ, на Дону, на Кубани, въ Кимрахъ. Экономическая необходимость и трудовое равноправіе женщины очень легко разрѣшаютъ вопросъ о «внѣбрачныхъ, естественныхъ или пусть хотя бы святыхъ (?) дѣтяхъ»,—какъ выражается г. А—тъ, остря въ этихъ эпитетахъ, сказать правду, довольно-таки странно. Поморка-артельщица, которую мужики приглашаютъ на сходки, какъ равноправнаго товарища, сама добычница, независимая отъ мужскихъ рукъ въ прокормѣ себя и своего дитяти, ничуть не конфузится внѣбрачнаго ребенка:— *Мой* «парень». И дѣтство дѣвкина, внѣбрачнаго парня не умаляется въ обычныхъ правахъ, сравнительно съ ея брачными парнями отъ законнаго супружества. Тамъ, гдѣ полы общественно равны, дѣленіе дѣтей на брачныхъ и внѣбрачныхъ естественно сводится на-нѣтъ. Въ примѣръ крушенія феминистической гордости, г. А—тъ напоминаетъ мнѣ, что «Викторія Павловна» въ моемъ романѣ была горько наказана за уклоненіе отъ материнскихъ обязанностей къ своему внѣбрачному ребенку. Г. А—тъ забываетъ, что, при условіи общественнаго равноправія половъ, Викторія Павловна не имѣла бы и причинъ уклоняться отъ своего ребенка.

Что касается альфонсизма или сутенерства, въ какихъ бы формахъ они ни скрывались—грубыхъ или изящныхъ, низменныхъ или великосвѣтскихъ, то, конечно, тутъ феминизмъ ужъ ровно ни при чемъ. Сутенеръ—прямой и естественный врагъ женской свободы, и развитіе феминизма должно уничтожить сутенерство не только, какъ отвратительное явленіе общественной безнравственности, но и просто какъ чужеядный видъ экономической эксплоатаціи, протягивающей жадную лапу даже къ единственной, при современныхъ условіяхъ, доходной статьѣ женскаго труда—къ полу. Я убѣжденъ, что труженицамъ женскаго

освобожденія не страшно принять вызовъ на подвигъ, за цѣну котораго г. А—тъ согласенъ привѣтствовать торжество феминизма:

— Чтобы дряннымъ душонкамъ, позорящимъ человѣческое имя пошлякамъ и тунеядцамъ женщиною сильной и властной былъ положенъ тотъ самый категорическій и достойный трутней конецъ, который мы воочію наблюдаемъ въ пчелиныхъ ульяхъ.

V.

Молодо и живо написанная статья г. Владимира Ж. о проституціи, въ «Руси», вызвала толки и подверглась разностороннему обсужденію въ печати. Мнѣ лично статья эта очень нравится, во-первыхъ, своимъ смѣлымъ тономъ и прямолинейною откровенностью, а, во-вторыхъ, основательнымъ взглядомъ г. Владимира Ж. на вопросъ «борьбы съ проституціей», тѣсно сходнымъ съ моимъ собственнымъ взглядомъ, изъясненію котораго посвящено большинство статей моей книги «Женское нестроеніе». Нельзя называть борьбою съ проституціей современные палліативы аболиціонистическаго движенія: при всей ихъ симпатичности, этотъ титулъ имъ не по чину. Побѣда общества надъ проституціей совершится лишь коренною реформою общаго соціальнаго положенія женщины, ростомъ ея образовательныхъ, рабочихъ и гражданскихъ правъ. Современная проституція есть проституція экономическая въ такомъ подавляющемъ преимуществѣ, что не болѣе десяти процентовъ надо отчислить въ ея дѣйствующемъ составѣ на проституцію по инымъ мотивамъ, чуждымъ экономическихъ побужденій. Для Петербурга, изъ объясни-

тельныхъ категорій врача *А. И. Федорова*, такихъ побужденій, собственно говоря, лишена лишь одна—«На зло любовнику» (5,5%). Остальныя, не исключая «Захотѣла погулять» и «Подруги сманили»,—всѣ экономическія. На безработицу, по разнымъ причинамъ, падаетъ 43%. На откровенное предпочтеніе легкаго заработка—51,5%. Нарочно выбираю цифры Федорова, врача, пропитаннаго буржуазною моралью и очень суроваго къ проституціонному классу.

Проституція непобѣдима, при современномъ общественномъ соотношеніи половъ, потому, что она—единственный, хорошо оплачиваемый видъ женскаго труда, и быть проституткою настолько выгоднѣе, чѣмъ быть работницею, что, напримѣръ, для Петербурга можно смѣло сказать: заработокъ работницы кончается тамъ, гдѣ начинается заработокъ проститутки. Вотъ цифры А. И. Федорова изъ брошюры «Позорный промыселъ», изданной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (Спб. 1900).

«При 15—18-часовомъ трудѣ плата работницъ различныхъ промысловъ не превышаетъ 30 рублей на своемъ содержаніи. Это мы приводимъ высшій заработокъ, но бываетъ много ниже. Такъ, напримѣръ:

1) Прислуга получаетъ отъ 5 до 12 р. въ мѣсяцъ при хозяйскомъ столѣ.

2) Вязальщицы чулокъ зарабатываютъ отъ 10 до 15 рублей въ мѣсяцъ (на своемъ).

3) Прачка по 60 к. въ день, при случайной работѣ, а въ мѣсяцъ 6 руб. на хозяйскомъ столѣ и 15 руб. на всемъ своемъ.

4) Бѣлошвейки—отъ 10 до 20 руб. (на своемъ).

5) Цвѣточницы—отъ 6 (на хозяйскомъ содержаніи) до 15 руб. (на своемъ).

6) Папиросницы—отъ 10 до 20 руб. (на своемъ).

7) Портнихи—отъ 10 до 30 р. въ мѣсяцъ».

Въ промыслѣ же развратомъ—«самая плохая работ-

ница можетъ получить въ мѣсяцъ до 40 рублей, а хорошая получаетъ 500—700 р. въ мѣсяцъ». Еще въ 1871 году г. Михаилъ Кузнецовъ высчитывалъ, что женщина, эксплоатируемая въ петербургскомъ первоклассномъ домѣ терпимости, даетъ своей хозяйкѣ ежемѣсячно 1.000 р. и выше «валового дохода». Изъ цифръ этихъ совершенно ясно, что плетью обуха не перешибить, и—покуда экономическое положеніе женщины въ обществѣ построено такъ, что проститутка сыта, а работница голодаетъ,—до тѣхъ поръ ни магдалининскіе пріюты, ни благочестивыя книжки, ни вразумительные визиты филантроповъ и филантропокъ къ жертвамъ, павшимъ или готовымъ пасть, ни даже ловля разныхъ негодяевъ и негодяекъ, торгующихъ «живымъ товаромъ», и судьбища надъ оными, ни искусственныя организаціи тощаго «честнаго» труда,—словомъ, ничто въ оборонительномъ арсеналѣ аболиціонизма не въ состояніи сколько-либо серьезно парализовать развитіе проституціи. И—ужъ само собою разумѣется—еще менѣе способенъ задержать это развитіе арсеналъ другой партіи, тоже якобы антипроституціонной, борьбы: полицейскій арсеналъ регламентаціи, совершенно разбитый въ наши дни логическими наблюденіями западной соціальной науки, съ Ивомъ Гюйо во главѣ. У насъ наиболѣе рьянымъ и громкимъ врагомъ регламентаціи явилась въ послѣднее время г-жа В. Авчинникова: рекомендую читателямъ ея блестящій рефератъ, направленный противъ профессора Тарновскаго. Болѣе ранніе бойцы русскаго аболиціонизма—Елистратовъ, Ахшарумовъ, Покровская, Окороковъ, Якобій, Стуковенковъ, Никольскій, Жбанковъ и др.

Работница голодна—проститутка сыта; заработокъ работницы кончается тамъ, гдѣ начинается заработокъ проститутки; быть проституткою выгоднѣе, чѣмъ быть работницею; желѣзный экономическій законъ, положившій идеаломъ человѣческаго труда «наименьшую затрату силъ съ наибольшею доходностью», оказывается всецѣло на сто-

ронѣ проституціи и ограждаетъ ее отъ палліативныхъ атакъ морали крѣпкою бронею, стѣнами нерушимыми. И дырявится броня эта, и расшатываются стѣны только тамъ, гдѣ трудъ женскій, въ оплатѣ своей, хоть приблизительно догоняетъ трудъ мужской, гдѣ повышается экономическій цензъ «женскаго сословія», во взаимодѣйствіи съ расширеніемъ образовательныхъ и гражданскихъ правъ женщины. До торжества правъ этихъ—экономическая проституція будетъ могуча, какія бы мѣры противъ нея ни изобрѣтались. Съ торжествомъ ихъ—она начнетъ гаснуть сама собою, потому что станетъ невыгоднымъ промысломъ. Если мужчина зарабатываетъ рубль тамъ, гдѣ женщина 30 копеекъ, то остальныя 70 копеекъ у нея есть соблазнъ, а гораздо чаще горькая необходимость приработать цѣною своего тѣла. Но, если женщина зарабатываетъ тоже рубль, соблазнъ и необходимость эти исчезаютъ сами собою, и къ услугамъ проституціи остается только крайне незначительный процентъ «прирожденныхъ проститутокъ». Ихъ генезисъ хорошо изслѣдовали Ломброзо и Ферреро (у насъ Тарновскій), но—по хорошемъ изслѣдованіи—впали въ ошибку, уничтожившую всѣ плоды ихъ работы: исключенія возвели въ правило и единицы, въ типъ. Работы Тарда, Лорана, Лакассана, Франца Листа, А. Коха, Бэра разрушили правовѣрныя теоріи о прирожденно-преступной и прирожденно-проституціонной расахъ, столь модныя лѣтъ двадцать назадъ. Что касается до «прирожденной проститутки», то одна изъ почтеннѣйшихъ русскихъ писательницъ по вопросу, убѣжденная ломброзистка, признается, что «расовые признаки» наблюдала ясно выраженными только на трехъ женщинахъ изъ сотенъ изслѣдованныхъ ею за десятокъ лѣтъ. Словомъ, повторяю, неэкономическіе привносы въ проституцію столь незначительны, что ихъ почти не стоитъ считать въ составѣ «соціальнаго порока»: какъ скоро умретъ экономическая проституція, слово проститутка потеряетъ свое позорное значеніе, ибо проституція

станетъ тогда символомъ уже не антиморальнаго промысла, но просто половой болѣзни, и проститутку общество примется лечить, какъ опасную больную, какъ выродившееся существо съ пониженнымъ самосознаніемъ.

Такимъ образомъ, истинная война съ проституціей, для меня,—въ войнѣ за общее экономическое преуспѣяніе «женскаго сословія». Исчезновеніе же проституціи—естественная контрибуція, которая сама собою истекаетъ изъ мирнаго договора о равенствѣ труда между вынужденнымъ къ тому Адамомъ и побѣдоносною Евою. Въ царствѣ женскаго равноправія проституціи не будетъ, а если и будетъ она,—то какая-либо иная, изъ новыхъ началъ, уже не экономическая.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о томъ, что въ яркой статьѣ г. Владимира Ж. представляется мнѣ непослѣдовательнымъ,—именно при согласіи его съ взглядомъ на проституцію, какъ на органическое зло стараго порядка, должное естественно погибнуть въ порядкѣ новомъ, съ торжествомъ равенства народовъ, сословій, половъ, вѣръ, состояній. По мнѣнію г. Владимира Ж., надежды на новый порядокъ очень прекрасны, но до этого благополучія міру еще далеко. А покуда намъ надо признать проститутку равноправною работницѣ, снять пятно презрительнаго отчужденія съ ея личности и промысла, ввести проституціонный вопросъ въ общую массу рабочаго вопроса,—словомъ, дать всѣ средства жизнеспособности институту, объ исчезновеніи котораго мечтаютъ всѣ, о немъ пишущіе, начиная съ г. Владимира Ж., и который, по его надеждамъ, обреченъ смерти «въ день, когда не станетъ предразсудковъ и границъ». Г. Владимиръ Ж. требуетъ, чтобы общество заботилось о проституткѣ не до ея паденія и не послѣ того, какъ проститутка покинетъ свое ремесло,—это, по его совершенно справедливому мнѣнію, прекрасныя, но палліативныя покушенія, а я прибавлю: и, увы, съ довольно негодными средствами!—но въ самомъ моментѣ проституціи,

когда женщина барахтается въ ея болотѣ. Вполнѣ понимая чувство жалости, вдохновляющее г. Владимира Ж., я, все-таки, думаю, что отъ болотной трясины женщина можетъ быть спасена лишь тремя способами: 1) или надо не допускать женщину упасть въ трясину, 2) или надо вытащить женщину изъ трясины, 3) или надо уничтожить трясину, засыпать и высушить ее, чтобы женщина не могла ввалиться въ нее ни сознательно, ни безсознательно. Двумя первыми спасательствами—въ розницу—усердно занимаются аболиціонисты. О третьемъ упорно твердятъ тѣ, кто считаетъ проституцію логическимъ результатомъ женскаго безправія и единственное радикальное лекарство противъ нея видитъ въ утвержденіи и ростѣ женскихъ правъ.

На этомъ упованіи настаиваю я. На немъ держится, въ первой половинѣ своей статьи, и г. Владимиръ Ж. И вотъ почему особенно странно выдѣляется затѣмъ непослѣдовательность его требованій признать за болотными колоніями института, антипрогрессивнаго и обреченнаго на смерть, права институтовъ, жизнеспособныхъ и двигающихъ прогрессъ. Къ чему же мы будемъ лѣвою рукою спасать то, что правою сознательно бьемъ на смерть, и въ гибели чего видимъ свой гражданскій долгъ и идеалъ?!. Если принять сравненіе г. Владимира Ж. проституціи съ болотомъ, то бываютъ болота обширныя, зыбучія, глубокія, топкія, непроходимыя, но, необходимыхъ къ сохраненію, болотъ нѣтъ. Единственное, что можетъ сдѣлать человѣческая цивилизація съ болотомъ, это—дренажировать его и сушить, дондеже оно не превратится въ годную къ обработкѣ земельную площадь. Гнилая жизнь болота, конечно, при этомъ погибнетъ самымъ жалкимъ образомъ, но зато возникнетъ и разовьется культурная жизнь плодоносной почвы. Если же болото,—въ томъ числѣ и то, о которомъ мы говоримъ, проституціонное,—не легко подвергается осушкѣ, и судьба ему пятнать собою цивилизацію еще

долго,—то, въ этомъ случаѣ, береговымъ жителямъ остается лишь принимать мѣры, чтобы міазмы болота не отравляли людей маляріей и прочими недугами отъ дурной воды. То есть, бросая метафоры, приходится человѣчеству сосредоточить свое вниманіе на профилактическомъ надзорѣ за проституціей, до прелестей регистраціи включительно. Къ такому плачевному выводу неминуемо долженъ былъ придти, выйдя изъ ошибочной посылки, и дѣйствительно, пришелъ г. Владиміръ Ж. въ безспорномъ противорѣчіи съ самимъ собою: проповѣдь аболиціонизма (въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ освободительнаго движенія) ему пришлось закончить совсѣмъ нежелательнымъ заключеніемъ о необходимости регламентаціи, лишь смягченной нѣсколько въ формахъ,—при чемъ многія смягченія, выставляемыя авторомъ, какъ pia desideria, уже теперь существуютъ, но—что попъ, что батька—отъ нихъ ни проституткѣ, ни обществу ничуть не лучше. Напримѣръ, въ Москвѣ надзоръ за проституціей давно уже переданъ изъ рукъ полиціи въ руки городского самоуправленія. Страховка петербургской проститутки, на случай ухода ея изъ профессіи, процентными вычетами изъ заработка введена лѣтъ пять назадъ Клейгельсомъ: къ 1 января 1900 года сберегательная касса проститутокъ петербургскихъ имѣла капиталъ свыше 40.000 рублей, накопленный 25% отчисленіемъ въ теченіе полугода. Передача врачебныхъ осмотровъ въ распорядительство женщинъ-врачей—тоже вопросъ, назрѣвающій съ такою положительною скоростью, что его можно считать уже на порогѣ къ разрѣшенію; а кое-гдѣ эта надежда, усиліями аболиціонистовъ, уже и осуществлена, если не въ видѣ принципіальной монополіи, то фактической. Усовершенствованія регламентаціи даются обществу сравнительно легко, но—bonnet blanc, blanc bonnet—сама-то регламентація—антипрогрессивное начало и никуда она не годится.

Сравнивать проституціонный вопросъ съ рабочимъ не-

удобно, ибо онъ, относительно, все-таки узокъ: рабочій вопросъ—столь широкая сила, что и женскій-то вопросъ вливается въ него,—хотя и равноправно и равномощно,—какъ Кама въ Волгу. При томъ же рабочій вопросъ неразлученъ съ элементами дешеваго производства на спросъ и механическихъ двигателей, каковыхъ элементовъ въ вопросѣ проституціонномъ не имѣется и имѣться не можетъ. Если проститутка—рабочій, то—лишь кустарь, не только до электричества, но и до Уатта. Рабочій вопросъ централизуетъ въ силу заводъ, рудникъ, фабрика. Никакія преуспѣянія проституціи не могутъ создать фабрикъ полового наслажденія, ибо оно, по самому существу своему, индивидуально и—увы!—шаблонъ машины здѣсь пасуетъ, и потребности въ «половой машинѣ» у человѣчества такъ мало, что ея никто до сихъ поръ не пожелалъ изобрѣсти,—хоть обыщите весь списокъ привилегій, выданныхъ департаментомъ торговли и мануфактуръ, со дня его основанія. Стало быть,—даже въ самой растяжимой аналогіи,—проституція—только кустарное ремесло, за личный ли страхъ кустаря, въ наемной ли группѣ отъ хозяина, въ той ли наконецъ «ассоціаціи», которую мечтала создать съ подругами своими Ирма, героиня г. Владимира Ж. Изъ кустарнаго состоянія сей промыселъ, волею природы, никогда не выйдетъ, а слѣдовательно,—за исключеніемъ законовъ рыночнаго спроса и предложенія,—остальныя аналогіи рабочаго уклада терпятъ здѣсь крушеніе. Попытка навязать обществу взглядъ на регламентацію, какъ на фабричное законодательство,—старая штука. Въ особенности, усердно смаковали этотъ взглядъ французскіе буржуа, напримѣръ, Мартино въ своей «La Prostitution clandestine», съ самыми трогательными и краснорѣчивыми доказательствами, что тайная проститутка должна быть преслѣдуема со всею неукоснительностью по тому же закону, по которому начальство опечатало утюгъ и нитки у щедринскаго портного Гришки, не оплатившаго «пакентовъ». А затѣмъ—цѣлыя

страницы доказательствъ съ точки зрѣнія профилактики и—даже—охраненія общественной тишины и спокойствія. Словомъ, вся забота о томъ, чтобы доброму буржуа были предоставлены всѣ удобства вкушать «предметъ потребленія» доброкачественный, съ гарантіей за физическую безопасность потребителя (въ родѣ пломбы на окорокѣ, свидѣтельствующей о неимѣніи въ ономъ трихинъ и финновъ) и за комфортъ нравственный — «безъ шкандалу, тихо, смирно, благородно!» Я отнюдь не думаю, чтобы подобный буржуазный кодексъ пользоваться женскимъ тѣломъ удовлетворялъ требованіямъ не только «половой морали», которую г. Владимиръ Ж. черезчуръ горячо и спѣшно называетъ нелѣпостью, но и просто идеѣ равенства человѣческаго, которой г. Владимиръ Ж. врагомъ быть не можетъ. Въ концѣ концовъ, при томъ строѣ, что проповѣдуетъ Мартино, проститутка совершенно лишается человѣческой личности и грубо обращается въ оптовый товаръ... Ну, разъ буржуа нуженъ «товаръ», то его дѣло и блюсти, чтобы попался ему не линючій, а добротный ситецъ, свѣжій, а не подгнившій кусокъ мяса. Его и дѣло отстаивать регламентацію со всѣми ея взглядами на женское тѣло, какъ на мясо къ потребленію. Но г. Владимиръ Ж —не буржуа въ такомъ множествѣ своихъ мыслей, что, надо думать, и тутъ у него лишь что-то не вышло въ словахъ, а идейнаго сходства съ Мартино и К° я отъ молодого писателя не ожидаю.

Въ словахъ иногда, бываетъ, что-то не выходитъ. Такъ, я охотно вѣрю г. Владимиру Ж., что онъ или его босякъ совсѣмъ не хотѣли вносить въ ученіе о проституціи аристократической тенденціи искупленія расою илотокъ цѣломудрія дѣвушекъ достаточнаго класса. Однако, оно такъ вышло дословно въ поэмѣ босяка. Продолжаетъ такъ выходить и теперь въ разъясненіи г. Владимира Ж.: безъ проституціи—«армія спроса, не найдя на рынкѣ арміи предложенія, ринулась бы тѣмъ или инымъ путемъ въ наши

буржуазные дома» и т. д. И затѣмъ—красивая декламація Ирмы о жертвахъ общественнаго темперамента, какъ клапанѣ, устроенномъ, «дабы мощь разврата потокомъ по землѣ не разлилась», а иначе, безъ клапана, «вѣчно алчущая страсть» зальетъ, бушуя, всю вселенную. Со смиреніемъ ли, съ гордостью ли за свою роль, высказываетъ Ирма это исповѣданіе, — безразлично, потому что идея «живыхъ клоакъ для излишка половой энергіи», какъ выражается г. Владимиръ Ж., сама уже по себѣ, независимо отъ настроенія Ирмы,—въ высшей степени, аристократически-буржуазная идея, опять-таки усиленно проповѣдуемая регламентаторами во Франціи. Изъ послѣднихъ, д-ръ Мирёръ (H. Mireur) даже провозгласилъ торжественно проституцію необходимою для поддержанія порядка и общественнаго строя. «Безъ проституціи чистота нравовъ исчела бы, и нарушился бы весь строй. Представимъ себѣ только на одну секунду (!) городъ Парижъ или Лондонъ безъ проституціи и проститутокъ, чтобы это сталось? Г. Владимиръ Ж. видитъ, что ученіе его Ирмы совпадаетъ со страхами цѣломудреннаго врача марсельской полиціи нравовъ почти дословно. И—не о смиренной resignation рѣчь, а о томъ, что въ самой основѣ проституціи лежитъ идея капиталистическаго неравенства, — искупленія или, чтобы не употреблять столь «мистическаго» слова, страховки цѣломудрія богатыхъ развратомъ нищихъ,—которую нельзя скрасить никакими изящными образами и пестрыми словами. Противъ грубой идеи, что проституція предохранительный клапанъ общественной безнравственности, спасающій отъ поруганія буржуазную семью, съ негодованіемъ возставала еще сатира *Огюста Барбье.* У насъ отъ нея съ брезгливостью отказываются даже піэтисты, вродѣ пастора Дальтона. Г. Владимиръ Ж. приравниваетъ своихъ гордыхъ илотизмомъ, проститутокъ къ крѣпостнымъ мужикамъ, которые 50 лѣтъ назадъ могли сказать барину *для того* мы мякинники, *чтобы* ваша милость могла ку-

пать цыганокъ въ шампанскомъ... Если бы была раса, способная провозгласить о себѣ такое «для того, чтобы», ей нечѣмъ было бы гордиться въ себѣ, пропащая бы эта была раса. Потому, что рѣшительно нелестно чувствовать себя скотомъ, сознательно обрекшимся ѣсть мякину, чтобы другой скотъ могъ купать цыганокъ въ шампанскомъ. И никакою гражданскою провиденціею тутъ утѣшиться невозможно: нечѣмъ. И русскій крѣпостной мужикъ никогда и ничуть не гордился своею крѣпостью, а, напротивъ, ненавидѣлъ ее всѣми силами своей души. И, ужъ если говорить отъ его имени, то формулу, вложенную въ его уста г. Владимиромъ Ж., надо снабдить знакомъ вопроса—и очень рѣзко:

— Развѣ для того мы ѣдимъ мякину по праздникамъ, чтобы ты могъ купать цыганокъ въ шампанскомъ?!

Умные и чуткіе государственные люди слышали этотъ вопросъ, со дней Пугачевщины, черезъ Радищева и декабристовъ, до дней Александра II съ его страшно глубокою и многознаменательною рѣчью къ московскому дворянству: начнемъ раскрѣпощеніе сверху, чтобы оно не началось снизу,—и съ манифестомъ 19 февраля.

Бываютъ ядущіе и бываютъ ядомые. Ядомые могутъ составить организацію противодѣйствія, чтобы перестать быть ядомыми и воспрепятствовать ядущимъ ясти ихъ. Это понятно, разумно, всѣмъ знакомо. Но организація ядомыхъ, направленная къ тому чтобы наиудобнѣйше оставаться жертвами ядения, облегчаетъ положеніе ихъ не болѣе, чѣмъ бѣлый соусъ положеніе цыпленка, котораго иначе поваръ изжарилъ бы въ соусѣ красномъ. Можно и должно жалѣть проститутку, можно любить ее, можно не только извинять, но и уважать мотивы, которые толкнули въ позорный промыселъ какую-нибудь Соню Мармеладову, но въ самомъ промыслѣ проституціонномъ уважать рѣшительно нечего. Никакими софизмами не обратить его изъ силы противообщественной въ силу, работающую на об-

щество, если только не считать соціальнымъ идеаломъ современный капиталистическій буржуазный укладъ, которому она—какъ разъ по Сенькѣ шапка и вѣрная раба. Не знаю, «нелѣпость» ли половая мораль, но знаю, что, напримѣръ, забастовку проститутокъ съ цѣлью уничтожить промыселъ и заставить общество дать имъ честно-доходную работу, я понялъ бы, а ассоціація проститутокъ, съ цѣлью наиуспѣшнѣйше торговать собою, столь же странна, какъ и тотъ одесскій трактиръ, о которомъ писали недавно въ газетахъ, что, открывшись на артельныхъ началахъ, онъ съ мѣста въ карьеръ началъ широкую торговлю женщинами. И опять-таки идея давняя, идея расцвѣта буржуазіи, выношенная во Франціи конца имперіи. У насъ же еще некрасовскій Леонидъ провозглашалъ общественнымъ идеаломъ «мысль центральнаго дома терпимости», повторяя собою античнаго Солона, который наполнилъ государственныя диктеріи невольницами, дабы общественный темпераментъ не обращался на гражданокъ. Любопытно, что идея Леонида чуть было не осуществилась лѣтъ шесть назадъ въ Софіи, и уже было воздвигнуто прекрасное зданіе для этой государственной цѣли, но затѣя рухнула изъ-за негодованія болгарскихъ женщинъ и... отказа проститутокъ!

«Нелѣпость» ли, нѣтъ ли половая мораль, однако, она очень жива въ падшихъ женщинахъ. Очень рѣдкія проститутки, хотя, казалось бы, совершенно утратившія стыдъ въ печальномъ промыслѣ самопродажи, относятся безъ отвращенія къ торговлѣ «живымъ товаромъ». Лишь незначительная часть такихъ торговокъ выходитъ изъ среды проститутокъ. Такъ, по даннымъ Кузнецова въ 1870 году изъ 66 содержательницъ домовъ терпимости въ Москвѣ ранѣе были проститутками, только 7.

Общественный темпераментъ—сила огромная, но значеніе ея, все-таки, принято весьма преувеличивать. Уже широкія рамки колебаній то въ ростѣ, то въ упадкѣ проституціи (напримѣръ, какъ то наблюдено, для Германіи и

особенно для Берлина, въ соотвѣтствіи отъ большихъ или меньшихъ цѣнъ на хлѣбъ) показываютъ, насколько поддается сокращеніямъ энергія общественнаго темперамента, какъ скоро дешевый спросъ осѣкается о дорогое предложеніе, т. е. какъ скоро экономическое положеніе женщины улучшается настолько, что она можетъ прокормить себя не только тѣломъ своимъ, какъ самка, но и трудомъ, соотвѣтственнымъ достоинству человѣка. Мысль человѣческая энергически работаетъ надъ усвоеніемъ закона этихъ сокращеній, и недалекъ тотъ день, когда онъ будетъ провозглашенъ громко и проведенъ въ жизнь. Гораздо ближе, чѣмъ думаютъ! Уничтожить проституцію, освободить женщину отъ проституціи—одна изъ благороднѣйшихъ задачъ, которымъ можетъ посвятить себя современный человѣкъ. Упорядочивать же нѣдра проституціи «на продолженіе» значитъ лишь мѣнять одну полицію нравовъ на другую, то есть мѣнять цвѣтъ соусовъ, въ коихъ жарятся цыплята. Но объ этомъ я много говорилъ уже въ «Женскомъ нестроеніи» и не хочу повторяться. Прибавлю лишь одно соображеніе, сейчасъ пришедшее мнѣ въ голову: то примиреніе общества съ проституціонною профессіею, какъ силою временно-фатальною, которое рекомендуетъ г. Владиміръ Ж., должно зарѣзать состраданіе къ проституткѣ и свести на нѣтъ борьбу съ ея ремесломъ, какъ общественнымъ порокомъ. Почему? Да потому, что если мы признаемъ проституцію нормальнымъ ремесломъ вровень со всякимъ другимъ, то, съ этого момента, проститутка достойна жалости не только не болѣе, но даже менѣе, чѣмъ кто-либо изъ работницъ, ибо экономически она поставлена лучше всѣхъ, а съ соображеніями «половой морали», заставляющими насъ сожалѣть о ней нынѣ, что же мы будемъ считаться, разъ условились «половую мораль» зачеркнуть? Вмѣсто страдающей, униженной и оскорбленной женщины остается уже наголо лишь «предметъ потребленія», которому тѣмъ сытнѣе существовать на свѣтѣ, чѣмъ больше на него

спросъ. Теперь это «чѣмъ больше», приводитъ насъ въ ужасъ, смущаетъ нашу совѣсть тяжелыми угрызеніями, а тогда— чѣмъ же смущаться? Шибко торговля идетъ,—благополучіе, въ нѣкоторомъ родѣ, горою создается,—ну, стало быть, и хвала сліянію Венеры съ Меркуріемъ, да здравствуетъ коммерція и—все добро зѣло, то-есть безвредно и прекрасно!

1904.

VI.

Въ «Случайныхъ Замѣткахъ» іюньской книжки «Русскаго Богатства» (1904) привлекаетъ вниманіе читателя маленькая статья—«Соня Мармеладова на лекціи г-жи Лухмановой» *), подписанная всѣмъ понятнымъ псевдонимомъ Вл. К. Разговаривать о такой квинтъ-эссенціи надменнаго буржуазно-институтскаго «юродства», сытой безжалостности и глубочайшаго соціальнаго невѣжества, какъ лекціи г-жи Лухмановой о проституціи, не стоило бы, если бы въ Житомирѣ это пустословіе во всеуслышаніе не вызвало примѣчательнаго протеста: одна изъ женщинъ, обозванныхъ добродѣтельною переводчицею «Дамы отъ Максима» въ порывѣ цѣломудреннаго негодованія «тварями» и «животными», прислала въ редакцію газеты «Волынь» письмо, пытаясь оправдать свое паденіе. Письмо потрясающее, какъ всѣ подобныя письма. Я долго занимался проституціоннымъ вопросомъ, и въ рукахъ моихъ перебывало много подобныхъ документовъ. Письмо житомирской Сони Мармеладовой отличается отъ нихъ только грамотностью и ясностью слога, вѣроятно, приданными ему въ редакціи. Какъ истинная Соня Мармеладова, дѣвушка эта пала, чтобы кормить и воспитать двухъ братьевъ и двухъ сестеръ, которымъ она осталась старшею въ семьѣ послѣ смерти матери, потому что отецъ скрылся безъ вѣсти. Три года двѣ-

*) Надежда Александровна Лухманова скончалась года два тому назадъ. Отбрасываю, поэтому, полемическій конецъ этой статьи, появлявшійся въ прежнихъ изданіяхъ „Женскаго Нестроенія (1907).

надцатичасового «честнаго труда» на табачной фабрикѣ, съ поденщиною по 25 к. въ сутки, что давало около 7 рублей въ мѣсяцъ—на содержаніе пяти человѣческихъ душъ! «Прирабатывала»: за 50 коп. въ мѣсяцъ таскала воду изъ колодца—послѣ двѣнадцатичасовой-то поденной работы! На четвертый годъ, когда братья и сестры стали подрастать, требуя еще большихъ расходовъ, дѣвушка не выдержала—начала «прирабатывать» къ фабричной поденщинѣ проституціей... Ну, и результаты обычные,—сразу сказался «наиболѣе доходный способъ женскаго труда»: семья стала на ноги—«одинъ братъ поступилъ въ ученье къ сапожнику, другой дома, а двѣ сестры одѣты, по воскресеньямъ идутъ въ воскресную школу, а въ будни у печки стряпаютъ и моютъ бѣлье».

Исключительный ли это, рѣдкій ли фактъ? Насколько онъ подлежитъ обобщеніямъ?

Я недавно имѣлъ случай говорить съ читателями о современной проституціи, какъ о злѣ, въ подавляющемъ преимуществѣ своего состава, экономическомъ, истекающемъ изъ общаго безправнаго положенія женщины въ буржуазномъ строѣ общества и безобразно приниженныхъ условій женскаго труда. Не повторяясь въ общихъ разсужденіяхъ, я хочу на этотъ разъ освѣтить житомірскій случай однѣми голыми цифрами.

Изъ 4.812 проститутокъ, изслѣдованныхъ въ Петербургѣ въ 1893—96 гг. докторомъ П. Е. Обозненко, по даннымъ врачебно-полицейскаго комитета и Калинкинской больницы, паденіе свое въ торговлю тѣломъ объяснили экономическими причинами—прямыми или косвенными:

1.348—нужда, бѣдность.

364—неимѣніе мѣстъ и занятій.

39—ссора съ родными или бѣгство изъ семьи по стыду, вслѣдствіе потери невинности.

35—желаніе нажить деньги.

78—продажа близкими людьми или своднею.

6—ради воспитанія дѣтей.

10—неимѣніе паспорта.

9—неспособность къ труду по болѣзни.

13—«дали бланку».

Итого—2.901.

Затѣмъ въ спискѣ г. Обозненко выставляются неопредѣленныя, но, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ проституціоннымъ міркомъ, тому очень хорошо понятныя рубрики: «собственное желаніе», «отрицающія занятіе проституціей», «причины неизвѣстны».—«Собственное желаніе»—полицейская формула-отмѣтка, которою отдѣлываются проститутки отъ пытливыхъ вопросовъ—«какъ дошла ты до жизни такой?», когда не хотятъ или не умѣютъ на нихъ отвѣчать. Изъ 765 женщинъ этой рубрики можно ручаться за 500—600, что, участливо и пристально изслѣдуемыя, онѣ, въ концѣ-концовъ, обнаружили бы побужденія матеріальной нужды, обычныя для большинства жертвъ проституціи. Въ «скрывающихъ занятіе проституціей» этотъ % долженъ быть взятъ еще выше: отсылаю къ книгѣ г. Обозненко искать потрясающія картины, какъ голодающая угловая женщина, на днѣ столичнаго населенія, борется противъ необходимости стать явною проституткою, и какъ ея борьба, при суровыхъ притязаніяхъ нашей регламентаціи, оказывается напрасною и беззащитною.

— Что-жъ? Дали бланку—нужно гулять!—слишкомъ частая судьба женщинъ, преслѣдуемыхъ и загоняемыхъ въ проституцію регламентаціонною формалистикою,—по словамъ г. Обозненко,—только «за то, что она бѣдна, за то, что она не нашла себѣ мѣста, за то, что живетъ въ грязномъ углу, а не въ первоклассной гостиницѣ». Страшно сказать, но угловая женщина въ Петербургѣ можетъ очутиться въ проституціонной больницѣ, никогда не бывъ проституткою! Для этого ей достаточно имѣть на тѣлѣ прѣлыя пятна или просто, съ позволенія сказать, обовшивѣть;

«комиссіонныя женщины»,—т. е. взятыя полицейскими обходами въ ночлежныхъ квартирахъ за неимѣніемъ паспорта, за нежеланіемъ объявить постоянное мѣстожительство, за неуказаніемъ опредѣленныхъ занятій—«комиссіонныя женщины», при обнаруженіи свидѣтельствованіемъ не только слѣдовъ сифилиса, но даже царапинъ и расчесовъ или нечистоплотности, подлежатъ препровожденію въ Калинкинскую больницу, гдѣ и формируются выгоднымъ примѣромъ подругъ уже въ явно-поднадзорныхъ проститутокъ. Почти роковая неизбѣжность чернорабочей бабѣ, оставшись въ столицѣ временно безъ труда, пополнить собою проституціонные кадры настолько понята классомъ этихъ горемычныхъ полунищихъ, «что находятся предусмотрительныя женщины, которыя, приходя въ столицу на заработки, *прежде всего* идутъ въ в. п. комитетъ и берутъ бланку - *на всякій случай*!». Какого ужаса, какого паденія, какого развращенія среды фатумомъ нужды еще искать! Вотъ какія формы страхованія отъ потери труда создала петербургская безработица. Ужъ истина, что голь на выдумки хитра! Вотъ въ какія унизительныя уловки самопомощи приходится опускаться женской рабочей массѣ, выдѣляющей изъ себя, въ судорогахъ отчаяніи, тѣхъ «тварей» и «животныхъ», которымъ наши пурятанки съ зажирѣлыми сердцами объявляютъ лишенными правъ на общественное участіе.

Итакъ, къ вышеприведеннымъ цифрамъ доктора Обозненко, и безъ того крупно характеризующимъ экономическій складъ петербургской проституціи, надо прибавить еще, по крайней мѣрѣ, тысячу женщинъ изъ трехъ рубрикъ неопредѣленныхъ. Что же остается на факторы посторонніе—на побужденія психологическія, на случай и т. д.? Нѣсколько сотенъ, при чемъ еще о значеніи одного фактора — «лѣность» (334 женщины)—можно много условливаться и спорить.

Въ процентномъ реестрѣ д-ра А. И. Федорова («По-

*

зорный промыселъ», изд. мин. внутр. дѣлъ) неудачной рубрики «лѣность» нѣтъ вовсе, хотя этотъ изслѣдователь и очень суровъ къ проституціонному классу и, подобно г-жѣ Лухмановой, отрицаетъ нужду, какъ причину проституціи. Рубрикѣ «лѣность» у него соотвѣтствуетъ рубрика «легкій заработокъ», гораздо болѣе выразительная и справедливая. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою «лѣность» чернорабочаго человѣка? Лѣнтяй-поденщикъ заслуживаетъ свою репутацію уже тѣмъ, что норовитъ выкрасть на отдыхи и передышки изъ двѣнадцатичасового рабочаго дня, всѣми правдами и неправдами, какихъ-нибудь минутъ сорокъ. Каждый изъ насъ, съ репутаціей усердныхъ работниковъ на своемъ дѣлѣ, въ педѣлю сдохъ бы, если бы былъ поставленъ замѣнить лѣнтяя-поденщика на его работѣ; о замѣнѣ хорошихъ дѣлателей мзды своея, что ужъ и думать! Лѣнивая работница—это просто та, которая, вмѣсто 15—18 часовъ въ сутки, обычныхъ (по А. И. Федорову) для петербургскаго «честнаго женскаго труда», способна выдерживать его не болѣе 10—12 часовъ, и которую за эту «лѣнь» не держатъ на мѣстахъ. Попробуйте сѣсть—дѣлать папиросы: этотъ заработокъ сравнительно легче другихъ и немножко лучше оплачивается (отъ 10 до 20 р. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ). Вы пяти часовъ этой муки не выдержите, а дѣвушка-папиросница, не-лѣнтяйка, должна высиживать 15! За десять-то рублей! Что же удивительнаго, если 9 проц. петербургской проституціи выходитъ изъ папиросницъ? Не забывайте твердой аксіомы: *цифра честнаго заработка рабочей труженицы кончается тамъ, гдѣ начинается цифра заработка проститутки*. Наилучшая работница-портниха (высшій заработокъ женскаго ремесленнаго труда въ Петербургѣ) получаетъ 30 рублей въ мѣсяцъ, самая плохая неудачница-проститутка—40 рублей (Федоровъ).

Кто же остается въ спискѣ г. Обозненко за сдѣланными погашеніями? Дѣвочки, вовлеченныя въ развратъ «по глу-

пости и легкомыслію» (81), не владѣющія собою, безвольныя алкоголички, пьянствомъ лишенныя трудоспособности (88), больныя нимфоманіей, которыхъ гонитъ въ развратъ половая потребность (27), и жертвы любовныхъ трагедій, мстящія своимъ срамомъ любимому человѣку (ихъ довольно много—128; рубрика эта даетъ крупный % и у Федорова: 5,5%). Всѣ эти жалкія созданія не даютъ и 10% къ общему контингенту изслѣдованія и, какъ бы ни было печально ихъ зрѣлище, какъ бы ни владѣлъ ими и ни губилъ ихъ порокъ, у кого же—кромѣ компетскихъ агентовъ—повернется языкъ обозвать «тварями» и «животными» человѣческія существа, загубленныя дѣтскимъ незнаніемъ, природнымъ слабоуміемъ, невѣжествомъ и обманомъ, либо физическими недугами и аномаліями, по большей части—наслѣдственными? Онѣ ли виноваты передъ обществомъ? Обществу ли, ими пользующемуся, презирать ихъ и клеймить? Тутъ нужны лечебницы и школы, умная трудовая помощь, а не бранныя клички и надменное фырканье буржуйнаго чистюльства... на этихъ коняхъ давно уже перестали ѣздить даже сочувственники г-жи Лухмановой,—конечно, не вовсе лишенные, какъ эта почтенная писательница, эрудиціи по темамъ, за которыя берутся, и достаточно умные и добросовѣстные, чтобы не рѣшать соціальныхъ вопросовъ капризною отсебятиною.

Часто ли попадаются Сони Мармеладовы, подобныя житомірской? Увы! Есть въ проституціонномъ мірѣ и грознѣе явленіе, еще не изображенное въ полной мѣрѣ своего трагизма никакимъ Достоевскимъ! Не забывайте, что въ проституціонной средѣ 8% женщинъ, имѣющихъ дѣтей. Возьмите докладъ д-ра Штюрмера «Проституція въ городахъ». Вы узнаете о женщинахъ, проституирующихъ, чтобы дѣти ихъ могли воспитываться въ гимназіяхъ! Вы узнаете о женщинахъ, проституирующихъ, чтобы самимъ достать средства на цѣли самообразованія! Знаменитый Parent Duchatelet, основатель научнаго изслѣдованія прости-

туціи, нашелъ изъ 5.183 парижскихъ проститутокъ—37, вступившихъ на дорогу разврата съ цѣлью пропитать своихъ престарѣлыхъ родителей, 23—съ цѣлью поднять на ноги многочисленную семью и 29—чтобы вывести въ люди сестеръ, братьевъ или племянниковъ. Совсѣмъ уже рубрика для житомірскаго случая! Г. Вл. К., со справедливымъ уваженіемъ, указалъ на нравственную силу, съ какою житомірская Соня Мармеладова не позволила «грязному потоку хлынуть за порогъ ея семьи». И это постоянно такъ: старинная мелодія Густава Надо...

Дитя есть у Адели
Сынъ, жизнь ея души,
Она отъ колыбели
Хранитъ его въ тиши:
Надѣнетъ онъ когда-то
Честной мундиръ солдата
И матери стыдомъ
Ему не поперкнется.
Адель моя! Зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

Ломброзо и Карлье группируютъ множество примѣровъ этой самоотверженной проститутки, въ помощь сестрамъ, братьямъ, сиротамъ-родственникамъ,—проституціи, губящей собственныя тѣла, чтобы дочери и сестры не стали проститутками, а сыновья и братья нищими или ворами. Мечта Адели, мечта Фантины Виктора Гюго!

— Если бы моя дочь узнала, кто я, я наложила бы на себя руки!—говорила Ломброзо проститутка, которая «работала» сверхъ силъ, чтобы воспитывать дочь въ иногороднемъ пансіонѣ.

Михаилъ Кузнецовъ, авторъ одного изъ старѣйшихъ русскихъ трудовъ о проституціи, говоритъ съ положительностью, что въ русскихъ городахъ контингентъ «материнской проституціи» гораздо больше, чѣмъ на Западѣ! Лично могу подтвердить это мнѣніе на томъ основаніи, что въ маленькомъ архивѣ моихъ собственныхъ опросовъ подобные благородные мотивы къ женскому позору сказались у

13 проститутокъ изъ 91—по большей части, впрочемъ, тайныхъ, слѣдовательно, еще не перечисленныхъ оффиціально изъ общества въ міръ «тварей» и «животныхъ», подлежащихъ оплеванію г-жами Лухмановыми.

— Кто безъ грѣха, пусть первый бросить въ нее камень!

Г. Вл. К. хорошо замѣтилъ, что—счастье, что, когда Христосъ судилъ блудницу, въ толпѣ не было г-жи Лухмановой, — иначе роковой камень полетѣлъ бы въ несчастную изъ ея добродѣтельной руки... Но есть арабская пословица:

— Грязь, бросаемая въ страдающаго, прилипаетъ къ рукѣ!...

1904.

Къ этому же роду статей о борьбѣ съ проституціей относится послѣсловіе мое къ повѣсти «Марья Лусьева», которое не включаю сюда, какъ тѣсно связанное съ дѣйствіемъ повѣсти. Желающіе могутъ найти его въ третьемъ изданіи «Марьи Лусьевой».

О равноправіи.

Я такъ много писалъ, въ послѣдніе годы, по женскому вопросу, что мнѣ распространяться о своемъ отношеніи къ чаемому равноправію женщины и мужчины было бы излишне, если бы не естественное и цѣлесообразное желаніе, свойственное всякому катехизатору: лишній разъ прочитать вслухъ свой символъ вѣры. По моему глубочайшему убѣжденію, женское равноправіе—единственное лекарство противъ язвъ соціальнаго строя, разъѣдающихъ современную цивилизацію одинаково и въ хорошихъ, и въ дурныхъ политическихъ условіяхъ. Нѣтъ политическихъ строевъ, которые не ветшали бы до необходимости обновиться назрѣвшимъ соціальнымъ переворотомъ. Культура ширится, прогрессъ раздвигаетъ свои рамки, стирая грани между старыми сословіями, но соціальная лабораторія неутомима, и глубина жизни поднимаетъ все новые и новые пласты человѣческіе съ заявленіями о законномъ ихъ правѣ на личную свободу, на гражданское равенство, на долю въ контролѣ государственныхъ союзовъ. XVIII вѣкъ вошелъ въ жизнь съ двумя политическими сословіями, а кончилъ жизнь—съ тремя. Изъ нихъ третье, новое опередило и опустило ниже себя два первыя, старшія. XIX вѣкъ далъ въ наслѣдство XX четыре сословія. Изъ нихъ, опять-таки, новое, четвертое, оказывается наиболѣе жизнеспособнымъ,

могучимъ и грозно наступаетъ на три первыя. У насъ въ Россіи это наступленіе уже обострилось повсемѣстно въ ярко выраженныя формы разнообразныхъ революціонныхъ вспышекъ. Въ Европѣ умѣряемое политикою мирныхъ компромиссовъ, оно зрѣетъ, глухо тлѣя и копя тепловую энергію подъ пепломъ внѣшняго спокойствія. Историческая побѣда четвертаго сословія фатальна. Ее равно безсильны парализовать и пушки, и конституціи. Можно тормозить—нельзя остановить. Можно затянуть сроки—нельзя уничтожить. Міръ отбылъ революцію правъ человѣка и живетъ въ революціи труда.

Слѣдующею міровою революціей прогрессъ выдвинетъ—революцію пола. За революціями равенства въ государствѣ и обществѣ—революція равенства въ семьѣ. Эта революція—на очереди, но она не необходима въ смыслѣ острой классовой борьбы, потому что слишкомъ предвидима. Въ злую необходимость борьбы она можетъ вызрѣть только въ томъ случаѣ, если четвертое сословіе, въ торжествѣ надъ эпохою, пренебрежетъ пятымъ, не подумавъ объ его нуждахъ, какъ, сто лѣтъ назадъ, торжествующее третье сословіе не подумало о нуждахъ четвертаго. Пятымъ сословіемъ, ждущимъ равноправія государственнаго, общественнаго и семейнаго, являются женщины. И это пятое сословіе, конечно,—наиболѣе могучее изъ всѣхъ четырехъ, потому что оно проникаетъ всѣ остальныя. Даже оставляя въ сторонѣ убѣжденія и доводы гуманности, справедливости и прочихъ психическихъ факторовъ и моторовъ прогресса, которые очень хорошо звучатъ, но на большинство изъ нашего брата, мужчинъ, дѣйствуютъ въ женскомъ вопросѣ не сильнѣе, чѣмъ душеспасительное слово на Плюшкина; даже оставаясь на почвѣ сухой логики; даже наблюдая ростъ вѣка только съ эгоистической точки зрѣнія историческаго практицизма,—эпоха наша должна, во что бы то ни стало, вызвать и привить къ жизни равноправіе женщины, чтобы

гарантировать отъ экономическаго раздора и краха ту самую новую цивилизацію, которую она стремится создать: чтобы революція труда, послѣ кратковременнаго торжества, не омрачилась революціей пола. Но все это я весьма часто и подробно развивалъ въ статьяхъ, изъ которыхъ составилось мое «Женское Нестроеніе», а потому умолкаю, дабы не впасть въ многорѣчіе повтореній.

Одно лишь замѣчаніе. Удивительно, чудотворно летятъ впередъ событія! Когда три года назадъ я печаталъ статьи, доказывая безсиліе всѣхъ современныхъ мѣръ борьбы съ проституціей, потому что къ исцѣленію этой глубочайшей соціальной язвы можетъ быть дѣйствительно лишь одно средство—равенство женщины съ мужчиною въ трудѣ, образованіи, въ семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ правахъ,—меня встрѣтили не только ругательства обскурантовъ и стародумовъ, но и недоброжелательная полемика многихъ людей передового образа мыслей. Меня упрекали, что я проповѣдую любовь къ дальнему въ ущербъ любви къ ближнему и чуть-ли не убѣждаю общество къ квіэтизму, отклоняя умы отъ симпатій къ полезнымъ палліативамъ во имя коренныхъ реформъ, невозможныхъ и, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно отдаленныхъ. Но вотъ прошло всего два года, и этою коренною реформою, будто бы невозможною и, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно отдаленною, кипитъ вся Россія. Ею возбуждены всѣ русскіе женскіе умы. Вопросъ о государственномъ представительствѣ, выдвинутый для отечества нашего XX вѣкомъ, внезапно оказался въ такой тѣсной смежности и взаимозависимости съ подспудно назрѣвшими требованіями женскаго равноправія, что, даже получивъ счастливое разрѣшеніе, врядъ-ли онъ въ состояніи будетъ укрѣпить свои устои, не цементируя ихъ удовлетвореніемъ гражданскихъ запросовъ до сихъ поръ безправнаго пола. Десять лѣтъ тому назадъ о по-

ловомъ равноправіи сознательно мечтали въ Россіи едва-ли не сотни женскихъ головъ,—сейчасъ ихъ уже десятки тысячъ. Изъ городовъ въ столицу летитъ вопль женскихъ митинговъ и адресовъ. И вопль этотъ—совсѣмъ не прежній вопль исключительныхъ натуръ женской «эмансипаціи»: кричатъ не «феминистки», не «синіе чулки», не «семинаристы въ желтой шали и академики въ чепцѣ»,—завопила женщина массовая, женщина семьи, потому что—опять повторю одно изъ положеній «Женскаго Нестроенія»—женская равноправность есть экономическая необходимость современной семьи, и безъ трудового равенства супружеской пары, семья осуждена на разрушеніе, ибо становится со дня на день роскошью, обществу все болѣе и болѣе недоступною по заработнымъ средствамъ.

Къ глубокому сожалѣнію, въ то время, какъ русскій женскій прогрессъ нашелъ такъ быстро и опредѣленно колею къ массовому движенію, въ то время, какъ широко пробудившійся общественный инстинктъ ведетъ русскую женщину къ вѣрной гражданской побѣдѣ, я вижу, что даже благожелательная къ движенію часть нашей печати продолжаетъ пестрѣть тѣми благосклонно-оскорбительными «анекдотами о женскомъ умѣ», читая которые, я всегда омрачаюсь непріятнѣйшими сомнѣніями о наличности и зрѣлости русскаго женскаго вопроса. Какъ въ щедринскія времена, такъ и сейчасъ благожелательныя перья скрипятъ патетическими восклицаніями: «Развѣ телеграфистки не доказали? развѣ учительницы не доказали? развѣ женщины-врачи не доказали?» По-прежнему равенство вымаливается, какъ отличіе, какъ похвальный листъ за благонравіе и успѣхи. Все еще нѣтъ сознанія, что оно—не орденъ, вѣшаемый высшимъ на низшую за интеллигентность и услужливость, но естественное половое право, должное дѣйствовать одинаково во всѣхъ слояхъ общества силою самодовлѣющей

справедливости, по законамъ исторической логики, непреложно диктуемымъ экономическими тяготами прогресса.

* *
*

Среди разсужденій, порожденныхъ и подкрѣпляемыхъ «анекдотами о женскомъ умѣ», меня поразило неожиданною наивностью одно—судя по газетнымъ откликамъ, имѣвшее, кажется, успѣхъ значительный, хотя и своеобразный. Одна изъ дѣятельницъ русскаго женскаго вопроса внесла къ чаяніямъ полового равноправія поправку необычайной внезапности, — въ полномъ смыслѣ слова законодательный экспромптъ. Формула поправки такова: «Избирательное право должно имѣть въ виду въ качествѣ избирательницы только женщину-матрону, женщину, уже отслужившую роду и закончившую воспитаніе дѣтей, если таковыми наградила ее судьба». Мотивировка формулы: «Кто же изъ молодыхъ женщинъ — будь она хотя семи пядей во лбу—въ состояніи принять на себя отвѣтственность за участіе въ веденіи государственнаго корабля въ томъ возрастѣ, когда бьетъ ключемъ личная жизнь, а въ духовной области одно увлеченіе, одинъ порывъ смѣняется другимъ?» Выводъ: «Если избирательницами могутъ быть всѣ женщины, достигшія 25-лѣтняго возраста, то избранницей можетъ быть именно только женщина-матрона, которая уже была матерью, какъ женщина, уже обладающая полною гармоніей всѣхъ своихъ силъ и богатствомъ опыта жизни». Подписано, — Авчинникова-Архангельская.

У насъ на Руси любятъ «звукъ». Зналъ же я поручика, который хотѣлъ ѣхать сражаться за Мадагаскаръ, потому что, говоритъ,—Мадагаскаръ—этакое слово молодецкое! «Матроны» г-жи Авчинниковой - Архангельской звучатъ красиво, и многимъ пришлось удивительно, какъ по вкусу, чтобы въ предполагаемомъ смѣшанномъ

парламентѣ россійскомъ засѣдали матроны. У!.. Римляне!

Къ сожалѣнію, въ новоявленномъ римскомъ пристрастіи добрыхъ россіянъ кроются большія недоразумѣнія историко-филологическаго свойства, препятствующія мнѣ раздѣлить ихъ восторги къ матронамъ. Дѣло въ томъ, что «матрона»—кличка самой двусмысленной условности. Если мы обратимся къ раннимъ эпохамъ Рима, когда слово «матрона» было окружено благоговѣйнымъ почтеніемъ, то увидимъ, что оно обозначаетъ женщину гинекея, которая, обрѣтаясь «въ мужней рукѣ», смирно «сидитъ дома и прядетъ шерсть»—слѣдовательно, является воплощеннымъ отрицаніемъ всякой общественной дѣятельности, а потому и принципіально, и практически не годится рѣшительно ни въ какой парламентъ. Этого мнѣнія крѣпко держался и старый римскій сенатъ: вспомните легенду о Претекстатѣ! Матрона республики отрицаетъ женскій вопросъ. Если мы обратимся къ Риму императорскому, то встрѣтимъ матрону Тацита, Светонія, Марціала, Ювенала; — эту матрону женскій вопросъ отрицаетъ. Въ «Satyricon» Петронія «matrona» далеко не почтенная кличка. Новые языки латинскаго происхожденія и народы романской цивилизаціи унаслѣдовали «матрону» больше во вкусѣ Петронія и Марціала, чѣмъ въ духѣ добродѣтельной эпохи, когда грибы воевали, и Лукреція пронзала себя кинжаломъ, въ наказаніе всѣмъ будущимъ туристамъ, шатающимся по картиннымъ галлереямъ Европы. Въ Италіи — особенно на югѣ полуострова и въ Сициліи—назвать женщину matrona не только неудобно, но даже и небезопасно, ибо, съ позволенія вашего сказать, этотъ комплиментъ обозначаетъ «сводню». Въ языкѣ французскомъ «matrone» обозначаетъ повивальную бабку-знахарку, ироническое жаргонное ругательство, въ родѣ нашего «эка фря!» и... содержательницу непотребнаго дома! Итакъ, не будемъ обольщаться звукомъ «матроны».

Какъ видите, историческая эволюція перенесла этотъ красивый ярлыкъ на элементы столь анти-соціальные, что уповать на нихъ никакое народное представительство не можетъ, а женское равноправіе, въ числѣ своихъ ближайшихъ задачъ, къ тому-то и стремится, чтобы истребить подобные элементы изъ цивилизаціи.

Покончивъ съ «матроною», как историко-филологическимъ недоразумѣніемъ, займемся тѣмъ образомъ, который ошибочно рисуется подъ этимъ именемъ воображенію г-жи Авчинниковой-Архангельской, какъ политическій идеалъ, и рекомендуется къ исключительному заполненію имъ женской половины въ Россійской Государственной Думѣ. Великій русскій философъ Кузьма Прутковъ говоритъ, «что дѣвицы подобны шашкамъ: каждая изъ нихъ норовитъ выйти въ дамки», къ сожалѣнію своему, я усматриваю не только подтвержденіе, но и поощреніе этого скептическаго афоризма въ «матрональномъ проектѣ г-жи Авчинниковой-Архангельской, закрывающемъ гражданскую дѣятельность для дѣвицъ, не успѣвшихъ выйти въ дамки. «Выходъ въ дамки», то-есть замужество, такимъ образомъ, полагается въ основу гражданскаго ценза, и свобода женщины дебютируетъ тѣмъ, что женщина должна быть отдана въ опеку мужчины! Столь матримоніальный и матрональный исходъ женскаго равноправія приводитъ въ справедливый восторгъ всѣхъ любителей, чтобы хорошія слова громко топтались на мѣстѣ, не переходя въ дѣло, и, въ то время, какъ прекрасныя мысли звучатъ металломъ звенящимъ, дѣйствительность увязала бы въ болотѣ впредь до грядущихъ намъ на смѣну поколѣній, либо даже, подъ шумокъ, сползала бы потихоньку подъ гору, назадъ! Одинъ изъ поклонниковъ «матрональнаго проекта» уже успѣлъ договориться до афоризма, что, само-собою разумѣется, гражданскія права должны быть открыты только замужней женщинѣ, такъ какъ сама по себѣ женщина есть

пустая форма, а содержаніемъ ее наполняетъ мужчина! Великолѣпно! Еще одинъ шагъ, и мы—въ Коранѣ Могаммеда: «Женщина есть поле для посѣва мужчины»,— и въ гостяхъ у византійскихъ монаховъ, увѣрявшихъ, будто женщина подобна кошельку съ золотомъ, покуда она беременна, и не стоитъ больше вытряхнутаго кошелька, какъ скоро не носитъ плода. Мудрено серьезно спорить съ подобными откровенностями! «Равноправія, такъ равноправія,—чортъ возьми!»

Какъ кричитъ на вдову Попову чеховскій «Медвѣдь». Разъ бракъ и дѣторожденіе признаются цензомъ для политической дѣятельности, я тоже предлагаю проектъ: избираемъ въ Государственную Думу можетъ быть только мужчина, доказавшій свои производительныя способности въ количествѣ браковъ, отъ одного до трехъ, дозволенныхъ по закону. И такъ какъ три доказательнѣе одного, то предпочтеніе должно быть оказано, конечно, тѣмъ кандидатамъ, кои, уже уморивъ неумѣреннымъ дѣторожденіемъ двухъ женъ, патріотически продолжаютъ тотъ же цензовый процессъ съ третьею. Торжеству матронъ да соотвѣтствуетъ торжество pater familias'овъ, и безправіе дѣвицъ да падетъ и на головы холостяковъ!

Я недоумѣваю, почему и зачѣмъ, собственно, понравилось г-жѣ Авчинниковой-Архангельской воображать себѣ государственную думу какою-то богадѣльнею для охочихъ поговорить старухъ, истощенныхъ долгимъ дѣторожденіемъ? Историческихъ основаній для учрежденія подобной богадѣльни Россія не имѣетъ рѣшительно никакихъ. Смѣю взять на себя отвѣтственность, что я занимался исторіей русской женщины и немножко ее знаю. И—прошу извиненія у г-жи Авчинниковой:—думаю, что она съ исторіей этой считается слишкомъ небрежно. Иначе она не упустила бы изъ виду, что исторически засвидѣтельствованный политическій интересъ къ жизни отечества былъ въ прошлой женской Россіи всегда до-

стояніемъ той именно части женщинъ, которую она отметаетъ отъ роли политическихъ избранницъ, то есть дѣвушекъ и молодыхъ женъ. Такъ было чуть не отъ допотопной Ольги къ Анастасіи, женѣ Грознаго, отъ царевны Софіи къ княгинѣ Дашковой, отъ Надежды Дуровой къ женамъ декабристовъ, къ тургеневскимъ женщинамъ, къ героинямъ соціалистическихъ романовъ и политическихъ процессовъ. Я ни мало не сомнѣваюсь, что Россія обладаетъ не однимъ десяткомъ женщинъ въ возрастѣ, желательномъ матрональному проекту, въ 40, въ 50, даже въ 60 лѣтъ, которыя, разъ откроется имъ доступъ въ государственную думу, должны быть и будутъ избраны par acclamation: настолько ярки, велики и внушительны ихъ заслуги предъ обществомъ по просвѣщенію и развитію народа, по всей совокупности службъ своихъ его политическому, соціальному, экономическому и этическому прогрессу. Для примѣра назову хотя бы М. К. Цебрикову, недавно отпраздновавшую безъ праздника свой, уже 35-лѣтній, юбилей дѣятельности. Но не ясно ли, что именно къ этимъ-то достойнымъ женщинамъ менѣе всего подходитъ мѣрка предлагаемаго ценза матронатомъ, о которомъ съ такимъ умилительнымъ краснорѣчіемъ заговорили теперь въ Россіи langues bien pendues, какъ о нѣкоемъ спасительномъ компромиссѣ. Неужели, не будь въ жизни Софьи Ковалевской случайности брака, вы оставили бы ее за стѣнами государственной думы? Я знаю сотни, если не тысячи, юныхъ русскихъ дѣвушекъ и женщинъ, сгорающихъ политическимъ и общественнымъ интересомъ до полнаго забвенія своей личности. Но— какая рѣдкость донести этотъ священный огонь до пожилыхъ лѣтъ, черезъ мучительныя мытарства брака, дѣторожденія, дѣтовоспитанія! Русская культурная лѣтопись крайне рѣдко отмѣчаетъ измѣну женщины передовымъ убѣжденіямъ, подъ давленіемъ внѣшнихъ грозъ: подъ тучами, молніями и громами наши политическія жен-

щины всегда высказывали больше стойкости и отваги, чѣмъ мужчины. Но та же лѣтопись полна унылыми примѣрами внутренняго перерожденія женщины подъ вліяніемъ именно тѣхъ факторовъ, которыми обставляютъ «матроналисты», какъ цензовыми условіями, ея допущеніе къ политической дѣятельности,—подъ вліяніемъ тяжелаго брака, частаго дѣторожденія, труднаго дѣтовоспитанія. И—винить ли этихъ невольныхъ измѣнницъ и забвенницъ молодого идеала? Виноваты ли Тургеневскія героини, что выродились въ Чеховскихъ обывательницъ?

Богъ на помочь! Бросайся прямо въ пламя
И погибай!
Но тѣхъ, кто несъ твое когда-то знамя,
Не проклинай!
Не выдали онѣ,—онѣ устали
Свой крестъ нести:
Покинулъ ихъ Богъ мести и печали
На полпути!..

Это—такъ, но нравственное право устроять благо и порядокъ народовъ принадлежитъ, конечно, не усталымъ и отсталымъ, а тѣмъ, кого тотъ же самый поэтъ привѣтствовалъ, какъ «юныхъ съ бодрыми лицами, съ полными жита кошницами». «Кто работаетъ, тотъ и хозяинъ»,—хорошо говоритъ Нилъ въ «Мѣщанахъ» Горькаго. Съ тою молодою женскою Россіей, которую формула «матроналистовъ» отстраняетъ отъ правъ избранія, сдѣлана чуть ли не вся черная работа политической и соціальной культуры въ нашемъ отечествѣ. Читатель, если знакомъ съ исторіей нашего просвѣщенія, знаетъ, что это такъ, и, надѣюсь, не посѣтуетъ на меня, если я, краткости ради, оставлю его безъ избитыхъ «анекдотовъ о женскомъ умѣ» и традиціонныхъ воплей: «развѣ телеграфистки не доказали? развѣ учительницы не доказали? развѣ женщины-врачи не доказали?»

Всѣ «доказали»; и тѣмъ болѣе дикое впечатлѣніе

производить формула, отстраняющая отъ государственнаго представительства доказавшихъ и доказывающихъ, чтобы отдать его поколѣнію, фатально обреченному на превосходство узко-семейнаго интереса надъ общественнымъ и политическимъ. «Избранной можетъ быть только женщина-матрона, которая уже была матерью, какъ женщина, уже обладающая полной гармоніей всѣхъ своихъ силъ и богатствомъ опыта жизни». «Другъ мой, Аркадій Николаевичъ! ради Бога, не говори красиво»!.. Материнство—великое, святое назначеніе, но величіе и святость его заключены именно въ томъ тайномъ самоотреченіи и самоубійствѣ организма, которое оно мистически подразумѣваетъ. Какъ можно говорить о «гармоніи силъ», пріобрѣтаемой чрезъ дѣторожденіе, когда любой учебникъ физіологіи объяснитъ вамъ, что роды—роковыя вѣхи послѣдовательнаго увяданія женщины, начиная именно съ ея интеллекта? Какъ можно воспѣвать политическое, «богатство опыта», получаемое въ бракѣ, какъ нѣкую политическую силу, когда этотъ опытъ—опытъ Наташи Ростовой—заключенъ въ дѣтской, въ спальнѣ, въ кухнѣ и въ мужниномъ кабинетѣ?

Будь ты проклятъ, растлѣвающій,
Пошлый опытъ, умъ глупцовъ!—

крикнулъ когда-то, измученный жизнью, поэтъ, уже дважды сегодня, кстати, снабдившій меня своими стихами. Я очень боюсь, чтобы тотъ богатый опытъ, которымъ довѣрчиво прельщаетъ насъ программа матроналистовъ, не былъ приготовленъ именно по некрасовскому рецепту. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что между русскими замужними женщинами много богатырскихъ натуръ, счастливо пронесшихъ свой молодой политическій закалъ сквозь Кавдинскія ущелья супружества цѣлымъ и невредимымъ. Но это—исключительныя натуры, и возводить ихъ въ постоянный примѣръ—значитъ опять-таки раз-

сказывать «анекдоты объ умѣ женщинъ», а не изыскивать матеріалы къ серьезной политической организаціи. Въ общемъ, въ среднемъ, современный русскій бракъ есть школа не политическая, но анти-политическая, и снабженъ для женщины отнюдь не шпорами къ соціальной мысли и дѣйствію, но, наоборотъ, весьма крѣпкою и ловко приспособленною уздою. Честь и слава тѣмъ будущимъ представительницамъ русскаго народа, которыя, вопреки уздѣ, окажутся достойными своей общественной роли,—и я не сомнѣваюсь, что, благодаря уму, общей талантливости и упорству въ многотерпѣніи, такъ свойственнымъ русской женщинѣ, число подобныхъ политическихъ избранницъ будетъ очень велико. Но я не понимаю логики, опредѣляющей испытаніе брачною уздою, какъ мѣрило пригодности къ общественной роли. Хорошо слагалась бы жизнь государствъ, если бы политическая дѣеспособность мужчинъ провѣрялась ихъ «брачнымъ опытомъ»! На этомъ удивительномъ экзаменѣ провалились бы, какъ неучи, Мирабо, Дантонъ, Робеспьеръ, Наполеонъ Бонапарте, Бенжаменъ Констанъ, Берне, Байронъ, Гоголь, Тургеневъ, Гамбетта,—все сквернѣйшіе мужья или закоснѣлые холостяки, но получили бы пальму первенства смотритель богоугодныхъ заведеній Земляника и Иванъ Антоновичъ Расплюевъ.

Молодость и дѣвичество тысячъ русскихъ женщинъ увяли въ борьбѣ за русскій прогрессъ и—часто, увяданіе ихъ было страшное: подъ сибирскими снѣгами, въ тюремныхъ стѣнахъ, въ тифозномъ или холерномъ баракѣ, на полѣ сраженія—сестрою милосердія, въ промерзлой школѣ, на голодномъ пайкѣ сельской учительницы. И теперь, когда русскому прогрессу улыбаются, наконецъ, кое-какія надежды, вы, господа изобрѣтатели небывалыхъ россійскихъ матронъ, вдругъ ставите между этими надеждами и тою женскою арміей, которая ихъ завоевала, провѣрочную стѣну «брака честна и ложа

нескверна»? Вы требуете метрическихъ свидѣтельствъ? Вы отбрасываете политическую роль женщины отъ возраста, когда общественнымъ интересомъ полна и кипитъ жизнь, къ возрасту растраченныхъ силъ, истощенной физической энергіи и, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, семейнаго эгоизма? Женщинѣ предлагаютъ сперва закончить воспитаніе своихъ дѣтей, а потомъ уже претендовать на представительство въ государствѣ. Да когда же «заканчивается» оно, воспитаніе дѣтей, матерью? гдѣ хронологическій предѣлъ материнскому общенію съ дѣтьми?! Арина Петровна Головлева считаетъ себя уже воспитавшею дѣтей, если они «пораспиханы» по училищамъ, а госпожа Простакова не надышется на Митрофанушку до возраста, когда—«не хочу учиться, а хочу жениться».

Вы скажете: ну, къ чему тутъ приплетены Арина Петровна Головлева и госпожа Простакова? Что имъ избирательная Гекуба и что онѣ ей?.. Какъ, что, господа?! Да вѣдь это же «матроны», матроны именно по рецепту новой формулы, съ взрослыми дѣтьми, какъ доказательствомъ «гармоніи своихъ силъ». Если бы lapsus calami г-жи Авчинниковой-Архангельской какимъ-либо чудомъ получилъ силу закона, то, по точному его смыслу, г-жи Простакова и Головлева оказались бы предъ избирателями куда болѣе въ выгодныхъ позиціяхъ, чѣмъ... но удержимся и на сей разъ отъ «старинныхъ анекдотовъ о женскомъ умѣ» и ограничимся первымъ, ближайшимъ къ намъ примѣромъ: чѣмъ... сама г-жа Авчинникова-Архангельская.

Энергическая и шумная борьба этой писательницы противъ регламентаціи проституціи, конечно, давала бы ей полную возможность поставить свою кандидатуру, если бы существовало у насъ женское избирательное право. Но вѣдь всего еще годъ тому назадъ г-жа Авчинникова-Архангельская была только г-жа Авчинникова, и

я очень сомнѣваюсь, чтобы за одинъ годъ замужества она успѣла обратиться въ пожилую матрону и закончить воспитаніе своихъ дѣтей. А—не въ обиду будь сказано автору матрональной формулы—въ дѣвическихъ рѣчахъ г-жи Авчинниковой противъ названной выше соціальной язвы было много больше общественнаго значенія, чѣмъ теперь въ проектѣ замужней г-жи Авчинниковой-Архангельской—обратить женское избирательное право въ организацію поощренія къ «выходу въ дамки».

Я отнюдь не принципіальный врагъ семьи и брака, какъ случалось мнѣ читывать въ полемическихъ статьяхъ, обыкновенно дамскаго авторства. Но, по глубочайшему моему убѣжденію, современный мужерабочій и мужевластный строй, обезсилѣвъ въ трудоспособности и производительности, довелъ институты эти до столь глубокаго паденія нравственнаго и матеріальнаго, что коренная реформа ихъ—дѣло столь же насущное и близкое, какъ неожиданно близкимъ и очереднымъ выплылъ наверхъ вопросъ женскаго равноправія. Я далеко не принадлежу къ отрицателямъ возможности для женщины успѣшно соединить супружество и материнство съ общественною дѣятельностью. Исторія и жизнь даютъ намъ слишкомъ много доказательствъ, что тысячи сильныхъ женскихъ натуръ весьма успѣшно соединяютъ плодотворный рабочій практицизмъ съ плодотворнымъ же брачнымъ состояніемъ,—и нѣтъ никакого сомнѣнія, что женщина въ бракѣ займетъ со временемъ въ народныхъ представительствахъ особенно вліятельное положеніе. И всего болѣе увѣряютъ меня въ этомъ славянскія семейныя женщины въ государствахъ, пользующихся политическою свободою, хотя еще и не распространенною на женскій полъ: чешки, зарубежныя польки, болгарки—въ родѣ, напр., Екатерины Каравеловой, которой принадлежитъ добрая половина дѣятельности ея знаменитаго мужа, что̀ не воспрепятствовало ей народить весьма изрядное количе-

ство отличнѣйшихъ дѣтей. Но я не вижу никакого резона и не могу отнестись иначе, какъ съ большою антипатіей, къ мысли внести въ женскій избирательный цензъ начало, котораго нѣтъ въ мужскомъ, подчинить политическія права женщины экзамену ея половой опытности. Какъ извѣстно всякому, даже не изучавшему курса акушерства, рожденіе политическихъ идей и рожденіе дѣтей имѣютъ совершенно различные источники, и смѣшивать два эти ремесла нѣтъ никакого основанія. Поэтому я возстаю противъ формулы, пытающейся сдѣлать женское представительство привилегіей брака и материнства,— одинаково, какъ возсталъ бы, если бы явилась формула, требующая, чтобы женское представительство было привилегіей дѣвства и бездѣтности, и какъ возставалъ, когда подобныя ограничительныя требованія предъявлялись къ представительницамъ столь скуднаго въ Россіи женскаго труда *). Дѣвство, бракъ, материнство, бездѣтность—это внутренніе вопросы пола, разрѣшаемые самимъ поломъ, по свободѣ убѣжденія и совѣсти. Государственнаго положенія и государственной роли женщины, разъ восторжествуетъ принципъ равноправія, они рѣшать не должны, какъ теперь не рѣшаетъ мужской пригодности къ государственной карьерѣ холостое или брачное состояніе, обильное дѣтопроизводство или бездѣтность мужчины. Политикѣ нужны не матроны, не весталки—ей нужны гражданки. И столько же неудачнымъ и нежелательнымъ цензовымъ критеріемъ, какъ половой опытъ, представляется мнѣ,—повторяю, матрональный возрастъ. Міръ достаточно натерпѣлся отъ политики, которую вѣками дѣлали старики, чтобы мечтать о политикѣ, которую будутъ дѣлать старухи. Равенство половъ въ государствѣ должно выражаться и равенствомъ правового ценза: образовательнаго ли, имущественнаго ли, возрастнаго ли.

---

*) См. въ „Женскомъ Нестроеніи" статьи противъ обязательнаго безбрачія городскихъ учительницъ.

Въ заключеніе—два слова къ русскимъ женщинамъ, ищущимъ равноправія. Милостивыя государыни и будущія гражданки! Не заботьтесь, въ вашемъ справедливомъ походѣ за общественными правами, изыскивать компромиссы практическихъ уступокъ и предлагать ограничительные исходы. Будьте увѣрены, что охотниковъ ограничить васъ, вынудить къ практическимъ уступкамъ и навязать вамъ призрачные компромиссы права, вмѣсто его реальности, всегда найдется больше, чѣмъ вы желаете. Ваша задача не сужать, но расширять женскія требованія. Кто ищетъ всего—находитъ много. Кто ищетъ «сколько-нибудь»—не находитъ ничего.

Старыя страницы.

I.

Послѣ лондонскаго конгресса.

Лондонскій конгрессъ для изысканія мѣръ борьбы противъ торговли бѣлыми невольницами торжественно провалился. Впрочемъ, даже и не торжественно. Онъ просто «не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней». Спрятался куда-то—въ самый петитный уголокъ газетъ—и измеръ въ немъ тихою смертью. Похоронили его по шестому разряду и почти безъ некрологовъ. Конгрессъ оказался покойникомъ заурядъ, какихъ отпущено по двѣнадцати на дюжину: ни въ чемъ ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ не замѣченъ; ни въ кампаніяхъ не участвовалъ, ни подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ; ни орденскими знаками отличаемъ не былъ, ни выговоровъ и взысканій по службѣ не получалъ. Просто—потоптался на землѣ, покоптилъ небо и исчезъ. И такъ незамѣтно исчезъ, что даже и слѣдовъ по себѣ не оставилъ. И, когда человѣчество, устами газетъ, спохватилось:

— Позвольте! куда же, однако, дѣвался конгрессъ?

Многіе, съ изумленіемъ, широко открывали глаза и возражали:

— А развѣ былъ конгрессъ?

А между тѣмъ отъ конгресса многаго ждали, и, по идеѣ, онъ стоилъ, чтобы ждали. Нѣтъ государства сколько-нибудь культурнаго, нѣтъ христіанской страны, гдѣ вопросъ

о продажѣ женщинъ съ цѣлями разврата не стоялъ бы на очереди, какъ потребность насущно необходимая, какъ язва общественнаго строя, вопіющая о немедленномъ излеченіи. И нѣтъ государства, нѣтъ христіанской страны, гдѣ бы хоть кто-нибудь, кромѣ завзятыхъ идеалистовъ, сентиментальныхъ Эрастовъ Чертополоховыхъ, аркадскихъ пастушковъ соціологіи, искренно вѣрилъ въ возможность подобнаго излеченія. Борьба съ проституціей—одно изъ тѣхъ хорошихъ словъ, которыя надо время отъ времени провозглашать во всеуслышаніе, дабы не «засохла нива жизни», но отъ которыхъ—по пословицѣ русской—«не станется». Этимъ знаменемъ, красиво вѣющимъ по вѣтру, много и часто машутъ, призывая къ бою, но никто почти за нимъ не идетъ въ бой, и никто не бываетъ за него убитъ, ни даже раненъ. Если прослѣдить исторію общественныхъ мѣръ противъ пороковъ и бѣдствій, мы—опять-таки всегда и повсемѣстно—увидимъ, что мѣры противъ проституціи, изъ всѣхъ другихъ, самыя неувѣренныя, измѣнчивыя, колеблющіяся, неудачныя. Это мѣры одинаково безплодныя и въ крайней суровости, и въ снисходительномъ попущеніи. Гдѣ существуетъ послѣднее, съ невѣроятною быстротою развивается проституція открытая; гдѣ примѣняется первая, съ еще вящшею быстротою растутъ проституція тайная и домашній развратъ. Проституція—наслѣдіе первороднаго грѣха, неразрывнаго съ самою природою человѣческою. Борьба съ проституціей—христіанскій завѣтъ,—почти исключительно христіанскій, что̀ и понятно. Лишь общества, признающія половое чувство грѣховнымъ и губительнымъ для человѣчества, полагающія борьбу съ грѣхомъ этимъ необходимою опорою нравственности, а возможность полной побѣды надъ нимъ ставящія краеугольнымъ камнемъ своихъ религіозныхъ упованій,—лишь такія общества могли исторически преслѣдовать и, дѣйствительно, преслѣдовали проституцію. Общества, не озаренныя свѣтомъ возвышенныхъ духовныхъ

началъ, съ нею мирились, ей даже покровительствовали, а, въ лучшемъ исходѣ, если и искореняли ее въ своей средѣ, то—путемъ компромисса, врядъ-ли болѣе нравственнаго, чѣмъ самая проституція: чрезъ дозволенное и узаконенное многоженство или наложничество. Чѣмъ болѣе владѣетъ обществомъ религія тѣла, тѣмъ больше власти и мощи имѣетъ надъ тѣми обществомъ и вѣкомъ проституція. Чѣмъ сильнѣе развивается въ немъ религія духа, тѣмъ меньше терпимости къ проституціи, тѣмъ ярче ей противодѣйствіе. То общество, которое, дѣйствительно, побѣдитъ первородный грѣхъ,—конечно, освободится и отъ проституціи. Мыслимо ли такое общество, побѣждающее царство вавилонской блудницы и звѣря не только въ мечтательномъ идеалѣ возвышенныхъ и вдохновенныхъ умовъ, но и въ житейской наглядности? Не знаю. Въ прошломъ его не было, нѣтъ его и сейчасъ.

Провозгласивъ цѣломудріе высшимъ нравственнымъ идеаломъ, христіанство воюетъ съ проституціей девятнадцать вѣковъ, но все еще далеко до побѣды. Болѣе того: чѣмъ дольше и упорнѣе война, тѣмъ она становится сомнительнѣе и даже порою представляется безнадежною. Чѣмъ чаще и громче заявляетъ о себѣ потребность упразднить проституцію, тѣмъ яснѣе и наглѣе подчеркиваетъ эта послѣдняя свою полнѣйшую неистребимость. Это—Лернейская гидра. Когда ей отрубаютъ одну голову, у нея немедленно вырастаютъ двѣ новыя, гораздо опаснѣйшія прежней. Говорятъ, что одинъ въ полѣ не воинъ. Между тѣмъ, въ войнѣ противъ проституціи, у современнаго общества—именно лишь одинъ, истинно могучій мечъ: нравственный идеалъ, вѣщаемый евангельскимъ словомъ. За проституцію же подняты десятки оружій, не только явныхъ, но и потаенныхъ, не смѣющихъ часто не только назвать себя, но даже подать голосъ о существованіи своемъ, и все же существующихъ и вредно дѣйствующихъ; десятки пороковъ, низменныхъ и презрѣнныхъ, но тѣсно родствен-

ныхъ натурѣ человѣческой,—тѣмъ животнымъ проявленіямъ ея, что привились намъ вмѣстѣ съ ядомъ яблока Евы.

Итакъ, побѣдитъ проституцію лишь то чистое, духовное христіанство,—если возможно оно,—которое окончательно сброситъ съ себя путы животнаго начала и утонетъ въ созерцаніи неизреченной красоты Вѣчнаго Идеала. Такое ликующее, свѣтоносное, безгрѣховное царство обѣщано въ апокалипсическомъ Новомъ Іерусалимѣ. О немъ, какъ новомъ золотомъ вѣкѣ на землѣ, мечтали и молились такъ называемые хиліасты. Но мечты и обѣтованія—загадки будущаго. Въ прошломъ же и въ настоящемъ чистыя евангельскія формы христіанства оказались достояніемъ лишь весьма немногихъ избранныхъ, «могущихъ вмѣстить»,—настолько немногихъ, что къ общей массѣ именующихъ себя христіанами они относятся, какъ единицы къ десяткамъ тысячъ. Масса—глядя по вѣрѣ, по вѣку и по настроенію эпохи—признаетъ единицы эти или святыми, или безумцами, и либо поклоняется имъ, либо учиняетъ на нихъ гоненія.

Христіанская теорія и въ наши дни царствуетъ надъ міромъ. Но царство ея не автократическое, но конституціонное. Она царствуетъ, но не управляетъ. Ей присягаютъ, ею клянутся, къ ней, какъ высшей справедливости, летитъ послѣдняя апелляція человѣка, осужденнаго жизнью на горе и гибель,—но живутъ, хотя ея именемъ, не по ея естественному закону, а по закону искусственному, выработанному компромиссами христіанскаго идеала съ грѣховными запросами жизни. Какъ практическая религія, христіанство—послѣ первыхъ апостольскихъ дней своихъ—являлось въ многочисленныхъ по наименованіямъ, но всегда крайне тѣсныхъ и немноголюдныхъ по количеству приверженцевъ, общинахъ, которыя, живя по завѣту Христову, свято и цѣломудренно, превращали весь бытъ свой какъ бы въ монастырь труда и нравственнаго самоохраненія. Въ такихъ обществахъ, посвящен-

ныхъ всецѣло «блюденію себя», разумѣется, и проституція становилась невозможною. Но общины эти или были первобытными по самому происхожденію своему, какъ, напр., первоначальная церковь рыбарей-апостоловъ, или же, возникая протестомъ противъ современной имъ культуры, отрывали отъ нея и возвращали прозелитовъ своихъ къ первобытности, какъ, напр., дѣлаютъ это наши толстовцы. Съ численнымъ ростомъ общины, съ расширеніемъ ея границъ, растутъ и ея потребности житейскія, утягивая ее все далѣе и далѣе отъ того первобытнаго строя, которымъ обусловливалась въ ней чистота и практическая примѣнимость вѣры. Становятся неизбѣжными компромиссы и уклоненія отъ великой теоріи,—и мало-по-малу, въ молчаливомъ взаимосогласіи чуть не поголовнаго самообмана, практика жизни начинаетъ слагаться именно изъ уклоненій этихъ и умѣнья узаконить ихъ, чрезъ искусное толкованіе нарушенной морали, къ своимъ выгодамъ и удобствамъ. Прививка государственности превращаетъ общую «религію» въ мѣстныя «вѣроисповѣданія»; ростъ внѣшней культуры разлагаетъ вѣроисповѣдныя законодательства каждымъ шагомъ своимъ, настойчиво заставляя поступаться въ пользу свою сурово-требовательный міръ духовный, заслоняя свѣточъ вѣчнаго идеала временнымъ, но яркимъ «сіяніемъ вещества». Культъ тѣла, номинально уступая почтительное первенство культу духа, оттѣсняетъ его фактически на задній планъ; въ маскѣ показного христіанства, жизнь совершаетъ попятную эволюцію къ укладу языческому. А языческій укладъ былъ не врагомъ, но другомъ и сыномъ первороднаго грѣха; онъ не чуждался разврата, но строилъ ему храмы, воздвигалъ кумиры, апоѳеозируя въ нихъ тѣхъ именно проститутокъ, то именно женское продажное рабство, противъ коего выступилъ неудачный лондонскій конгрессъ. «Надѣлала синица славы, а моря не зажгла». Увы! Чистое дѣло требуетъ, чтобы за него брались чистыми руками.

не вѣку, который стрѣляетъ въ дикарей пулями «думъ-думъ», раскапываетъ могилы, чтобы осквернить прахъ мертваго врага, изобрѣтаетъ подводныя лодки, навѣрняка пускающія ко дну любой броненосецъ съ тысячами людей на немъ, швыряетъ динамитныя бомбы и мечтаетъ объ изобрѣтеніи бомбъ міазматическихъ, способныхъ отравлять всякими заразами атмосферу чуть не цѣлаго государства, — не этому вѣку, такъ усердно причиняющему смерть и такъ боящемуся смерти, сражаться съ развратомъ—ея дѣтищемъ, спутникомъ и сотрудникомъ.

Лондонскій конгрессъ провалился потому, что, при всей симпатичности заявленныхъ имъ цѣлей, былъ втайнѣ плодомъ общественной неискренности. Можетъ ли нападать на проституцію тотъ соціальный строй, котораго она—прямой и необходимый результатъ? Конечно, нѣтъ,—онъ можетъ лишь дѣлать видъ, будто нападаетъ. А если нѣтъ, можетъ ли онъ серьезно и убѣжденно стремиться къ уничтоженію страшнаго рынка, на которомъ обращается этотъ грустный товаръ? Конечно, нѣтъ, — онъ можетъ лишь дѣлать видъ, будто стремится. Ему нуженъ этотъ товаръ, и онъ будетъ имѣть его; товару нуженъ рынокъ, и онъ — несмотря на все обиліе честныхъ и хорошихъ словъ противъ его существованія—будетъ существовать. Быть можетъ, немножко облагообразится, временно надѣнетъ вуаль, но — будетъ! Доколѣ? До тѣхъ поръ, пока новая нравственная реформа не освѣжитъ нашу культуру, начинающую принимать столь разительно схожія формы съ культурой умершаго Рима—до тѣхъ поръ, пока реформа эта не возвыситъ женщину надъ ея современнымъ соціальнымъ уровнемъ, не укажетъ ея права на «душу живу», не дастъ ей въ обиходѣ нашемъ мѣста иного, чѣмъ, —говоря языкомъ политико-экономическимъ, — «предметъ первой необходимости». Покуда женщина остается въ одномъ разрядѣ съ виномъ, хлѣбомъ, солью, мясомъ, кофе, чаемъ и тому подобными вещественными потребностями человѣче-

ства,—до тѣхъ поръ и проституція, и рабскіе рынки проституціи незыблемы. Ибо человѣкъ—животное эгоистическое. Привыкнувъ пить кофе, онъ заботится о томъ, чтобы хорошъ былъ кофе, свѣжъ и вкусенъ, а вовсе не о томъ, чтобы хозяева кофейныхъ плантацій не совершали несправедливостей надъ своими рабочими и были бы люди высоко-нравственные. И—если у негодяя-булочника окажется хлѣбъ лучшаго качества, чѣмъ у булочника богобоязненнаго и добропорядочнаго, послѣдній, вопреки всѣмъ своимъ хорошимъ достоинствамъ, можетъ закрывать лавочку: онъ банкротъ.

— Но вѣдь это же парадоксы!—возразитъ мнѣ читатель-оптимистъ,—софизмы Богъ знаетъ какой давности... Женщина—вещь, женщина—кусокъ мяса, о которой вы говорите, осталась далеко за нами—во мракѣ теремовъ, гаремовъ, гинекеевъ. Мы возвысили семейное положеніе женщины. Мы создали вопросъ о женскомъ трудѣ, выдвинули впередъ стремленіе къ женской равноправности...

Возвысили семейное положеніе женщины? Но она до сихъ поръ жена мужа своего фактически—лишь до тѣхъ поръ, пока онъ того хочетъ, и мать—воспитательница дѣтей своихъ—опять-таки, покуда только супругу угодно. Вы имѣете право любить, разлюбить, разстаться съ женою, наградивъ ее отдѣльнымъ паспортомъ и тѣмъ или другимъ денежнымъ содержаніемъ, можете оставить у нея дѣтей, отнять ихъ, можете вытребовать ее къ себѣ по этапу,—она безсильна отвѣтить вамъ подобною же мѣрою; она не властна даже въ личномъ обязательственномъ и имущественномъ своемъ правѣ, и, чтобы вексель жены хоть что-нибудь стоилъ, его долженъ украшать супружескій бланкъ. Это—разъ. А затѣмъ: чего стоитъ это мнимое возвышеніе женщины въ семьѣ, при общественномъ курсѣ, дѣлающемъ, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе затруднительнымъ возникновеніе, поддержку и правильное существованіе семьи? Мы слышимъ всеобщій вопль: «жить нечѣмъ»! Видимъ,

какъ недостатокъ средствъ разлагаетъ семью за семьею, какъ быстро растетъ въ брачной статистикѣ процентъ старыхъ дѣвъ, не нашедшихъ себѣ жениховъ, и холостяковъ, уклоняющихся отъ брака, по осторожному принципу—«одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна»! Цѣлыя тысячи браковъ, отказавшихся отъ дѣторожденія или практикующихъ пресловутую Zweikindersystem. Тысяча матерей, заливающихся слезами при появленіи «лишней и не входившей въ разсчетъ» беременности, предпочитающихъ перспективѣ въ мукахъ родовъ и въ недостаткѣ и нуждѣ ростить чадо—абортивныя услуги разныхъ секретныхъ акушерокъ и шарлатановъ-докторишекъ... Въ обществѣ, гдѣ женщина вынуждена отказаться отъ дѣторожденія, гдѣ правительства тщетно изобрѣтаютъ мѣры, чтобы воспитательные дома, предназначенные для незаконнорожденныхъ, не заваливались дѣтьми законнорожденными,—не хвалитесь семейнымъ возвышеніемъ женщины.

Вы лишили своихъ женъ материнскаго ихъ предназначенія, а если жена—не мать, то она—по условіямъ мужевладычнаго строя—только либо предметъ вашего удовольствія, либо служанка, трудящаяся на васъ по домашней части. Вы не бьете ее, какъ били ваши предки,—да вѣдь и язычникъ-римлянинъ жены своей не билъ и обращался съ нею изысканно вѣжливо, въ то же время не считая, однако, ее за полнаго человѣка. Быть можетъ, она даже властвуетъ надъ вами, но властвуетъ не силою нравственнаго права «матери семейства», а по тому же закону, по которому васъ подчиняетъ себѣ излюбленная прихоть, пришедшаяся по вкусу игрушка. Въ обществахъ, гдѣ семейныя права женщины стоятъ высоко, былъ бы немыслимъ тотъ настойчивый вопль о свободѣ развода, что гуломъ идетъ по всѣмъ государствамъ Европы и громче всего едва-ли не у насъ въ Россіи, то тяготѣніе къ гражданскому браку, что замѣчается положительно во всѣхъ слояхъ, слагающихъ современную жизнь. Мужчины исписали сотни

томовъ въ улику женъ, бросающихъ мужей своихъ, какъ перчатки, женъ—безсердечныхъ разорительницъ кокотокъ семейнаго очага. Есть такія, множество ихъ, и правильно ихъ описываютъ. Но, правильно описывая, забываютъ ту истину, что не растетъ пшеница на незасѣянномъ полѣ... Мы вытѣснили изъ обихода нашего жену-мать,—такъ нечего и плакаться, что семейныя поля покрываются волчцами и терніями, пламя домашняго очага гаснетъ, и, во мракѣ и холодѣ бездѣтныхъ и малодѣтныхъ супружествъ, бѣснуется отъ бездѣлья жена-кокотка, которая не заправская кокотка потому только, что—подходящаго случая покуда не выпало. А выпадетъ случай,—и станетъ, ничто же сумняшеся и никого не жалѣя.

Мы создали вопросъ о женскомъ трудѣ и женской равноправности? Но опять—не условная ли это ложь? Не вопросъ ли это, поставленный въ пространствѣ, даже безъ особыхъ стараній объ отвѣтѣ? Увы! Если бы имѣлся хоть намекъ на послѣдній, исчезла бы сама собою и добрая половина вопроса о проституціи. Не думайте, что я стану говорить жалкія слова и рисовать избитыя сентиментальныя картины, какъ бѣдная, но честная дѣвушка тщетно искала работы, чуть не умерла съ голоду, чуть не утопилась отъ безработицы и желанія остаться бѣдною, но честною, и какъ, все-таки, жажда жизни взяла свое и бросила ее въ гнусное лоно порока. Все это бываетъ, все это очень жалостно, но дѣло-то не въ томъ. Это—исключенія, это—аристократія падшихъ, это—орнаментъ порока, а суть-то—въ общей ихъ массѣ и заманчивомъ общемъ правилѣ, ею властно руководящемъ. Властность же и заманчивость этого правила заключаются въ томъ, что въ нашемъ высококультурномъ обществѣ ни одинъ изъ видовъ честнаго труда, доступныхъ женщинѣ, не даетъ такого щедраго, быстраго и легкаго заработка, какъ злѣйшій врагъ женскаго труда—развратъ. Награждая женщину самостоятельнымъ трудомъ, мы говоримъ ей чрезвычайно много красивыхъ словъ о сла-

дости честно заработаннаго куска, затѣмъ любезно предлагаемъ:

— И вотъ вамъ, душенька, прелестная каторга: за 15 рублей въ мѣсяцъ вы будете работать ровно 15 часовъ въ сутки... Сколько счастья!

Всюду, пока, женскій трудъ—отбросъ мужского, черная, кропотливая и мучительно скучная работа, которой мы, мужчины, не беремъ по лѣни, высокомѣрію и потому, что есть возможность свалить ее на женскія плечи, за гроши, какіе мужчинѣ получать «даже непристойно». Это—вездѣ: въ банкахъ, въ папиросныхъ мастерскихъ, въ библіотекахъ, въ магазинахъ, на фабрикахъ, на телеграфѣ, на полевой уборкѣ—всюду, отъ малаго до большого, гдѣ трудъ мужской мѣшается съ трудомъ женскимъ.

Требуется съ женщины много, платится мало. Диво ли, что соблазнъ болѣе сладкой и сытой жизни отбиваетъ ее отъ труда и бросаетъ въ разрядъ «продажной красы»? О предпочтеніи перваго второй можно говорить справедливыя и хорошія слова съ утра до ночи. Но у справедливыхъ и хорошихъ словъ есть одинъ огромный недостатокъ: какъ голосъ долга, они всѣ требуютъ отъ человѣка подвижничества во имя идеи. Подвижничество же массамъ не свойственно, но лишь единицамъ изъ массъ. Очень хорошо быть Виргиніей, но, если бы Виргиніи встрѣчались по двѣнадцати на дюжину, ихъ не заносили бы на скрижали исторіи, какъ поучительную рѣдкость. И—когда дѣвочкѣ лѣтъ 17—18 предоставляется выборъ между пятнадцатичасовою ежесуточною каторгою и паденіемъ, она обычно предпочитаетъ грѣхъ и сытую жизнь честному труду на житейской каторгѣ. Одной Виргиніей въ спискахъ житейскихъ становится меньше, одной Катюшей Масловой—больше. Эти бѣдныя Катюши Масловы гибнутъ, какъ мотыльки на свѣчѣ—сотнями, тысячами, тупо принимая свою гибель, какъ нѣчто роковое, неотмѣнное. Чтобы мотылекъ не летѣлъ на свѣчу, надо поставить между

нимъ и ею надежный экранъ... Такой экранъ, говорятъ намъ, есть женскій трудъ, полноправный съ трудомъ мужчины. Прекрасно. Но сдѣлайте же трудъ этотъ и равноцѣннымъ труду мужчины, потому что иначе—экранъ дырявый, не заслоняетъ свѣчи. Если вы хотите, чтобы женскій трудъ парализовалъ проституцію, сдѣлайте его хоть сколько-нибудь способнымъ не теряться въ сосѣдствѣ съ нею своимъ безсильнымъ заработкомъ въ совершеннѣйшій мизеръ; а жизнь честной работницы сдѣлайте сытѣе и, слѣдовательно, завиднѣе мишурной обстановки — «убогой роскоши наряда», достающейся въ удѣлъ продажнымъ женщинамъ. Если общество въ состояніи достигнуть такого блага, проституція погибнетъ сама собою; если нѣтъ,— то благожелательные и краснорѣчивые конгрессы противъ нея—не болѣе, какъ то самое бросаніе камешковъ въ воду, при коемъ Кузьма Прутковъ рекомендовалъ наблюдать круги, ими образуемые, «ибо иначе иной, пожалуй, назоветъ такое занятіе пустою забавою»!

1899.

II.

«Аглицкій милордъ».

По всѣмъ газетамъ прокатилась скандальнымъ громомъ, такъ называемая, бекетовская исторія. Власть имущій казанскій земецъ, человѣкъ изъ хорошей дворянской фамиліи, богатый, образованный, обольстилъ бѣдную дѣвушку, сельскую учительницу, состоявшую подъ его началомъ. Когда утѣхи любви привели жертву казанскаго Донъ-Жуана къ интересному положенію, онъ же, Донъ-Жуанъ этотъ, уволилъ ее отъ должности—за развратное пове-

деніе. Опозоренная и выброшенная на улицу, дѣвушка сдѣлала обольстителю своему колоссальный скандалъ, обратясь съ жалобою въ земское собраніе, при чемъ разъяснила грязную исторію во всѣхъ подробностяхъ, не пожалѣвъ ни «его», ни себя. Получилась весьма отвратительная картина нравственнаго насилія, начальственнаго понудительства на развратъ и какой-то озвѣрѣлой, безсмысленной жестокости, смѣнившей «любовь» послѣ того, какъ вожделѣнія были удовлетворены, страсти остыли, наступили пресыщеніе и зѣвота. Земцы были справедливо возмущены, и лишь одинъ въ сонмѣ ихъ остался спокоенъ и даже, можно сказать, величавъ до чрезвычайности — самъ герой сквернаго дѣла. Съ надменнымъ хладнокровіемъ англійскаго или, — какъ въ старину говорилось и какъ на «французско-нижегородскомъ» языкѣ оно лучше выходитъ, — «аглицкаго» милорда, съ краснорѣчіемъ и апломбомъ, достойными лучшаго примѣненія, онъ «имѣлъ честь заявить почтенному собранію», что связи своей съ учительницею не отрицаетъ, но это, — его, аглицкаго милорда, частное дѣло, а не вопросъ общественный и, слѣдовательно, обсужденію почтеннаго собранія поступокъ его подлежать не можетъ и не долженъ. Но, сладострастничая en homme privé, онъ считаетъ долгомъ своимъ блюсти цѣломудріе въ качествѣ дѣятеля общественнаго, — и вотъ почему не только почелъ себя обязаннымъ уволить свою жертву отъ должности, но и вмѣняетъ увольненіе это себѣ не въ грѣхъ, а въ заслугу. Онъ обязанъ удалять отъ обучающихся во ввѣренныхъ его надзору школахъ дѣтей вредные и дурные примѣры, а, конечно, никто не скажетъ, чтобы беременная дѣвушка, въ качествѣ наставницы, была для отрочества примѣромъ поучительнымъ. Словомъ:

— И охота вамъ, гг. земцы, совать носъ не въ свое дѣло, заниматься амурными сплетнями и поднимать много шума изъ ничего. Выгоните вонъ эту распутную дѣвчонку-шантажистку. Что она распутная, это, мм. гг., я полагаю,

достаточно доказывается уже наглядным несоотвѣтствіемъ фигуры ея съ данными ея званія; а что она шантажистка, съ ясностью явствуетъ изъ смѣлости ея имѣть какія-то претензіи на помощь и матеріальную поддержку со стороны почтеннаго человѣка, оказавшаго ей честь привести ее въ святое состояніе материнства. Вмѣсто того, чтобы безкорыстно довольствоваться тихими радостями такого состоянія и почитать его за нежданное и незаслуженное благословеніе небесъ, она алчетъ наживы, жаждетъ денегъ, требуетъ причитающагося ей содержанія и, лишенная таковаго, дерзаетъ плакать, жаловаться, проклинать, безпокоя своими кляузами ваше высокопочтенное собраніе. Не вступаться за нее должны вы, мм. гг., но благодарить меня за то, что я избавилъ васъ отъ нея и не позволилъ ей запятнать очевидностью своего позора цѣломудренную репутацію вашихъ учрежденій. Для сего, мм. гг., я не пощадилъ ни нѣжной прихоти своей къ этой порочной особѣ,—ибо, со всею откровенностью чистаго сердца, долженъ сознаться: она, дѣйствительно, была моею любовницею,—ни родительскаго инстинкта,—ибо, съ тѣмъ же чистосердечіемъ, не позволяю себѣ отрицать: будущій ребенокъ ея—мой ребенокъ. Я Брутъ, мм. гг., и даже больше Брута. Не велика штука покарать порокъ, отрубивъ головы взрослымъ негодяямъ-сыновьямъ, на то у человѣка и голова, чтобы рубить ее по мѣрѣ надобности,—я же покаралъ родственный мнѣ порокъ, еще не родившійся, въ утробѣ его покаралъ! Итакъ—пусть негодница идетъ въ родовспомогательное заведеніе или, куда ей угодно, а я, во всемъ сіяніи своего служебнаго безпристрастія, во всемъ величіи исполненнаго предъ обществомъ долга, да повлекусь вами въ храмъ славы и да украшусь гражданскимъ вѣнкомъ... «за любострастіе и жестокость!» А засимъ инцидентъ исчерпанъ. Объявляется переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

Продѣлка «аглицкаго милорда», встрѣченная повсе-

мѣстнымъ и единодушнымъ негодованіемъ, подала, однако, къ крайнему сожалѣнію, нѣкоторымъ, враждебнымъ земскому началу, органамъ печати и частнымъ лицамъ поводъ швырнуть въ ненавистныя имъ учрежденія обидные и неправо злорадные упреки:

— Вотъ ваше земство! вотъ ваши излюбленные люди! Вотъ вамъ общественные избранники!

Я такъ полагаю, что этотъ торжествующій крикъ— глупый крикъ. Полагаю также, что, съ другой стороны, неумны и крики тѣхъ, кто, въ преувеличенномъ стараніи отстаивать репутацію земцевъ,—не замѣчая, что она вовсе не требуетъ защиты,—клянутся и ратятся, будто бекетовскій случай—явленіе единичное, исключительное, баснословное. Это тоже неправда. Бывало все! да! всякое бывало!..— какъ говоритъ раввинъ Бенъ-Акиба. «Во всякой семьѣ не безъ урода»,—имѣются, понятное дѣло, уроды и въ огромной земской семьѣ. Но обобщать дикости аглицкихъ милордовъ въ постоянное и типическое явленіе, ехидно ставя его на счетъ не собственному ихъ распутству, а общему земскому распорядку, въ состояніи развѣ лишь такъ называемая суздальская критика. Милорды—милордами, а земство—земствомъ. И праведникъ, сказываютъ, по семи разъ на день падаетъ, а въ земствѣ, какъ и въ другихъ общественныхъ учрежденіяхъ, не все же апостолы сидятъ. И если попадаютъ въ среду земскую жестоковыйные аглицкіе милорды, со всею присущею имъ склонностью не по поступкамъ поступать, то, ужасаясь этой склонности, нечего, однако, сваливать грѣхъ съ больной головы на здоровую. Нечего восклицать:

— Ну, и земщина наша!

Когда гораздо проще и справедливѣе можно и должно воскликнуть:

— Однако, и милордъ!

Разумѣется, земство учреждаетъ школы не для развращенія обучающихъ въ нихъ наставницъ—этого и глу-

пѣйшій изъ враговъ земства сказать не посмѣетъ,—а для просвѣщенія народнаго. И двѣ непримиримо противоположныя цѣли эти могутъ быть перетасованы лишь тамъ, гдѣ во главѣ школъ вдругъ, откуда ни хвать, по щучьему велѣнью, по невѣсть чьему прошенью, возьметъ, да и выплыветъ «аглицкій милордъ», во вкусѣ г. Бекетова. Милорды эти—отрыжка того добраго стараго времени, когда, по словамъ незабвеннаго майора Горбылева, губерніи наши «странами волшебствъ были: на каждой верстѣ по Арапову да по Загоскину сидѣло, а черезъ десять верстъ для разнообразія, Бекетовы были разсыпаны». Пора была, дворянская пора! Что жъ нынѣшній г. Беке товъ? Онъ—ничего, по этикѣ «страны волшебствъ» мужчина хоть куда, и все несчастіе его—лишь въ томъ, что онъ опоздалъ родиться лѣтъ на сорокъ, и что страна волшебствъ за срокъ этотъ успѣла утратить значительную долю своей крѣпостной фантастичности. Съ этимъ великолѣпнымъ чувствомъ собственнаго достоинства и глубокой убѣжденности въ мужскомъ своемъ правѣ на безнаказанный грѣхъ, съ этимъ бездушнымъ презрѣніемъ къ неровнѣ, сдѣлавшейся его жертвою, съ этою ледяною невозмутимостью совѣсти, съ этою наивно-откровенною готовностью, въ любой моментъ, во имя своего похотливаго каприза, сковать чужое несчастіе,—казанско-аглицкій милордъ—вылитый портретъ прекрасныхъ господчиковъ пятидесятыхъ годовъ, которыхъ смѣшно рекомендовалъ тогдашній юмористъ:

Лелѣетъ онъ дворянскія
Замашки донъ-жуанскія
И, съ этими замашками,
Волочится за Машками...

Увы! прошли прекрасные дни Аранжуэца! прошли и крѣпостныя, и полукрѣпостныя, собственныя свои Машки, за коими безнаказанно волочиться было аглицкимъ милордамъ такъ удобно и легко. Что касается донъ-жуанскихъ замашекъ милорда, онѣ, конечно, пережили и крѣпостной

Аранжуэцъ, и крѣпостныхъ прелестницъ, но... примѣнять ихъ съ прежнею упрощенностью милордъ не имѣетъ возможности. Онъ оскудѣлъ, а законы процвѣли. Это во-первыхъ. А второе—изъ былыхъ Машекъ многія давнымъ-давно уже первой гильдіи купчихи, мануфактуръ и коммерціи совѣтницы, а нынѣшній милордъ аглицкій ищетъ чрезъ родного человѣчка теплаго мѣстечка, дабы не положить благородныхъ зубовъ своихъ на полку, сидючи въ неоднократно описанномъ чрезъ судебнаго пристава Монрепо. Не о г. Бекетовѣ въ данномъ случаѣ, конечно, рѣчь: я о немъ знаю только по газетамъ и о состоятельности его не имѣю понятія, — но объ аглицкихъ милордахъ вообще, родового типа коихъ онъ, въ казанской исторіи, явился столь блистательнымъ представителемъ.

Особая черта аглицкихъ милордовъ нашего времени,— что, въ какое бы государственное или общественное дѣло они ни замѣшались, первое же властное тяготѣніе и вожделѣніе ихъ—учредить вокругъ себя маленькое крѣпостное право, съ присущими ему ароматами барщины, дворни, дѣвичьей,—конечно, устрояемыхъ не въ-открытую и не съ буквально точнымъ соотвѣтствіемъ старымъ идеаламъ, а въ посильныхъ и согласныхъ съ духомъ вѣка приспособленіяхъ, глядя по роду дѣятельности или мѣсту служенія аглицкаго милорда.

Снова ловятъ мужиковъ
Въ крѣпостныя сѣти
Николаевскихъ орловъ
Доблестныя дѣти, –

гнѣвно клеймилъ когда-то современныхъ ему аглицкихъ милордовъ Н. А. Некрасовъ. Это поколѣніе ушло, мужикъ отъ крѣпостныхъ сѣтей застрахованъ, онѣ порваны и сгнили, и осталась лишь праздная охота платонически плести ихъ. Но духъ этого плетенія—всюду, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ аглицкій милордъ; это — неизмѣнный, неразрывный его спутникъ, въ родѣ Петрушкина запаха. Призраки барщины, дворни, дѣвичьей идутъ по пятамъ его и распространяютъ

свою поганую тѣнь на все, что его окружаетъ, проникая даже въ самыя святыя дѣла и порядочныя области жизни, если онѣ ненарокомъ очутятся въ лапахъ аглицкаго милорда. Земство—по самому существу своему—живое отрицаніе крѣпостничества и сословности, но къ нему, какъ къ сосцамъ здоровой, обильной молокомъ и неразборчиво щедрой кормилицы, присасывается множество аглицкихъ милордовъ. И можемъ ли мы, положа руку на сердце, отрицать, что—въ то время, какъ одни земства, въ рукахъ, чуждой милордскихъ притязаній, всесословной массы излюбленныхъ людей, быстро прогрессировали, просвѣщая и обогащая районъ своихъ дѣйствій,—бывали и бываютъ у насъ на Руси и такія злополучно-захудалыя земства, гдѣ воля ставшихъ у власти аглицкихъ милордовъ творитъ, чего ихъ нога хочетъ, обращая земскія учрежденія въ замкнутые, вѣчно кейфующіе султанаты, полные антипатичнѣйшаго самодурства, противнѣйшаго кумовства, угодничества, лести, мздоимства—словомъ, всѣхъ пороковъ до-реформенной Россіи, когда она, по вѣщему упреку Хомякова, была «черна неправдой черной и игомъ рабства клеймена». Конечно, все—въ мірy, все—въ уменьшеніи по масштабу, приспособленному во вкусѣ новаго вѣка, все въ размѣнѣ съ рублей на гривенники. Но рѣчь идетъ не о масштабѣ и размѣрахъ, а о принципіальномъ отношеніи къ земскому дѣлу тѣхъ злоупотребителей его, чью дѣятельность русское остроуміе давнымъ-давно опредѣлило мѣткимъ ходячимъ терминомъ «присосѣдиться къ общественному пирогу». Диво ли, что, воскресивъ въ подобномъ закрѣпощенномъ земскомъ султанатѣ всѣ свои исконныя замашки, аглицкій милордъ-земецъ воскрешаетъ мало-помалу, въ числѣ ихъ, и родовой инстинктъ гоньбы за Машками, и, обращая взоры свои на служащихъ подъ началомъ или вліяніемъ его интеллигентныхъ или полуинтеллигентныхъ женщинъ—учительницъ, сестеръ милосердія, фельдшерицъ, акушерокъ, телеграфистокъ, счетчицъ, конторщицъ

e tutte quante, — блудливымъ окомъ высискиваетъ между нихъ лакомый кусочекъ поаппетитнѣе и подоступнѣе. Вся эта рабочая женская толпа закрѣпощена къ мѣстамъ своимъ бѣдностью и конкурренціей огромнаго трудового предложенія на малый трудовой спросъ почти что не слабѣе, чѣмъ старинныя Машки барскихъ дѣвичьихъ были закрѣплены за господами своими природнымъ рабствомъ. Это — безотвѣтныя и сознающія себя безотвѣтными. Выгонятъ — что станешь дѣлать? Куда пойдешь? Хоть издыхай, какъ собака, на улицѣ! «Выгонятъ»,—это вѣчный грозный призракъ, съ насмѣшкою стоящій за плечами каждой русской трудящейся женщины; выгонятъ и немедленно замѣнятъ другою — изъ безчисленной толпы голодныхъ кандидатокъ, теперь завистливо взирающихъ на нее со стороны жадными глазами. Еще бы! счастливица! служитъ! 30 рублей въ мѣсяцъ получаетъ... за 14 часовъ работы въ сутки! Господи! да когда же намъ-то, намъ-то выпадетъ подобная благодать? Послушайте, господинъ хозяинъ! Увольте ее, мы будемъ работать и лучше, и прилежнѣе, и дешевле! я на 25 пойду! я на 20! я на 15! А я—хоть за квартиру... Только возьмите! примите! не оставьте!.. И, подъ суровымъ сознаніемъ этого горемычно-безпощаднаго соперничества, «счастливица», что называется, зубами держится за свое «счастье... на мосту съ чашкой!» какъ уныло остритъ язвительное народное присловіе. Она трепещетъ передъ человѣкомъ, властнымъ удержать ее на службѣ или выгнать вонъ съ волчьимъ паспортомъ, прибавить или убавить ей жалованья, лишить ее награды или выхлопотать награду въ двойномъ размѣрѣ. И, если властнымъ человѣкомъ является аглицкій милордъ, то изъ трепета женскаго, рабьяго трепета за свое существованіе, онъ—какую веревку хочетъ, такую и совьетъ.

Мало что есть подлѣе покушеній мужчины, власть имущаго въ какой-либо дѣловой или служебной организаціи, покушеній на честь женщины или дѣвушки, зани-

мающей въ такой организаціи скромное рабочее мѣстечко. Преступленіе это надлежало бы подвести подъ категорію «съ отягчающими вину обстоятельствами»—поставить наряду съ обольщеніемъ опекаемой опекуномъ, ученицы—наставникомъ и т. п., на-ряду съ тѣми ужасными насиліями, когда жертва поставлена въ невозможность самозащиты. Изъ десяти женщинъ, преслѣдуемыхъ властнымъ любострастіемъ при подобныхъ условіяхъ, девять обречены на неизбѣжное паденіе, а—которая сумѣетъ сберечь себя, дорого обходится ей купить свое право на цѣломудріе! Такъ дорого, что и самую жизнь свою приходится иной разъ включить въ эту мрачную цѣну. Даже въ столицѣ, гдѣ арена женскаго труда шире и оплата его приличнѣе, гдѣ дѣло больше на людяхъ идетъ и, слѣдовательно, трудящейся легче протестовать, есть кому пожаловаться на обидчика, есть кого и на защиту свою позвать,—даже и въ столицѣ жизнь слагаетъ въ области этой отвратительныя и грозныя сказки. А тамъ—во глубинѣ Россіи, гдѣ «рядомъ лѣсище съ волками-медвѣдями»? гдѣ «мужикъ-пьяница ходитъ, баба необразованная»? гдѣ единственный «интеллигентъ»—это именно твое начальство, отъ котораго ты вся зависишь, въ чьихъ рукахъ и твой матеріальный достатокъ, и твоя политическая благонадежность, и твоя служебная карьера, и самая твоя репутація, потому что—стоитъ начальству дать о тебѣ отмѣтку «сомнительной нравственности», и ты погибла навсегда для труда своего, какъ погибла дѣвушка, опозоренная г. Бекетовымъ. О! аглицкіе милорды великолѣпно знаютъ могущество всѣхъ этихъ орудій доставшейся въ лапы ихъ силы, и умѣютъ ими пользоваться для своихъ дрянныхъ цѣлей и наслѣдственныхъ замашекъ. Эти бѣдныя «уважаемыя труженицы Марьи Ивановны», на своемъ тридцатирублевомъ жалованьи, обязанныя изъ него и сами кормиться, и семьямъ посылать, беззащитны столь же, какъ и былыя «Машки-подлянки», но—помилуйте! куда же ихъ занятнѣе и прі-

ятнѣе! Что такое была «Машка-подлянка»? Дѣвка-дура, ходячее мясо, самка безсловесная. А вѣдь Марья-то Ивановна — барышня, она наукамъ обучалась, по-французски съ грѣхомъ пополамъ говоритъ, книжки читала, съ нею и о чувствахъ потолковать возможно, и въ любовь, до поры до времени, благородно поиграть. И удовольствіе свое получилъ, и иллюзію соблюлъ, — какой, Господи благослови, шансъ образованнаго развлеченія въ деревенскомъ невѣжествѣ!

Съ одной стороны — обольщеніе, съ другой — постоянная возможность неотвратимаго нравственнаго насилія, и горитъ между этими двумя огнями бѣдная женская жизнь, и нѣтъ ей ни жалости, ни пощады. Мнѣ скажутъ: ну, голубчикъ, пошли преувеличивать! Не всѣ же падаютъ, многія выходятъ изъ борьбы побѣдительницами... Да, еще бы всѣ! Этого только не хватало! Еще бы всѣ! Вѣдь и между Машками были такія, что въ омуты бросались, въ петлю лѣзли, а чести своей аглицкимъ милордамъ не отдавали. Но альтернатива-то — именно та же самая: то-есть — между омутомъ, петлею и благосклонностью аглицкаго милорда.

Женскій трудъ обезпеченъ въ спокойствіи своемъ только тамъ, гдѣ порядочны мужчины. Когда мнѣ возражаютъ многія нетрудящіяся женщины, что отъ самой дѣвушки вполнѣ зависитъ поставить себя такъ, чтобы ее уважали, не смѣли къ ней «лѣзть» съ глупостями, понимали ея порядочность и неприкосновенность, — я, грѣшный человѣкъ, думаю, что это фразы. То-есть, можетъ быть, и не вовсе фразы для гостиной, но въ магазинѣ, конторѣ, банкѣ, на телеграфѣ — «слова, слова, слова» и только.

— Какое несчастье быть хорошенькою! — искренно вырвалось восклицаніе у моей знакомой барышни, горемычной красавицы, работающей въ одной изъ петербургскихъ банкирскихъ конторъ.

— Что такъ?

— Да то, что вѣчно чувствуешь себя дичью, которую всякій норовитъ поймать, зажарить и съѣсть.

А другая говорила мнѣ:

— У насъ хорошій составъ служащихъ: всѣ люди вѣжливые, не нахальные, а все-таки я чувствую, что какъ-то опускаюсь между ними, внизъ качусь... Держать себя я умѣю, и, конечно, никому не позволю неприличныхъ отношеній, но—вотъ въ томъ-то и бѣда, что понятіе неприличныхъ отношеній ужасно растяжимо.

— То есть?

— Да вотъ, напримѣръ, я до поступленія на службу не знала ни одного скабрезнаго анекдота, а теперь у меня ихъ въ памяти—цѣлая хрестоматія.

— Откуда же такая просвѣщенность?

— А отъ Карла Францовича,—это главный агентъ нашъ. Прекрасный человѣкъ и добрый очень, но—прямо ужъ слабость такая: не можетъ мимо женщины пройти, чтобы не сказать двусмысленности. Я сперва хмурилась было, а ему—какъ съ гуся вода. А товарки по службѣ говорятъ: вы напрасно дѣлаете гримасы Карлу Францовичу! Онъ мстительный, онъ васъ подведетъ... Ну, я и подумала: что же, въ самомъ дѣлѣ, врага наживать? Пусть себѣ вретъ, что хочетъ! Вѣдь меня отъ того не убудетъ...

Сегодня «меня не убудетъ»—отъ того, что выслушаю сомнительный анекдотъ отъ главнаго агента Карла Францовича.

Завтра—«авось, не слиняю»—отъ того, что директоръ, возвратясь въ контору съ удачной биржи, послѣ веселаго завтрака у Кюба, вдругъ взялъ, да и послалъ мнѣ ни къ селу, ни къ городу воздушный поцѣлуй.

Послѣ завтра—«э! что мнѣ станется!»—отъ того, что главный бухгалтеръ все норовитъ застать меня одну, шепчетъ нѣжныя слова и клянется, что—не будь онъ къ несчастью женатъ, не задумался бы посвятить мнѣ всю жизнь.

«Не пропаду! цѣла буду!..» твердитъ трудящаяся дѣ-

вушка, окруженная этою мелочною мужскою ловитвою любви, твердитъ совершенно искренно и съ убѣжденнымъ желаніемъ дѣятельно уцѣлѣть, уберечь себя. Но—бѣдная! она не замѣчаетъ, что, еще уцѣлѣвъ физически, она уже давнымъ-давно не уцѣлѣла нравственно, что цѣломудріе ея размѣнивается хитрыми людьми ежедневно, ежечасно, ежеминутно на мелкую монету, что—лишь одинъ неосторожный шагъ, одинъ натискъ ловкаго и смѣлаго ловца, и она затрепещетъ въ рукахъ его, погибшая, осмѣянная, поруганная. Это—все репетиціи паденія, подготовляющія спектакль, слезный и душу раздирающій—и, какъ часто!—кровавый, съ ножемъ или револьверомъ въ финалѣ.

Если дѣло обстоитъ такъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и тому подобныхъ крупныхъ центрахъ, тѣмъ ужаснѣе, повторяю, опасность въ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ, на помощь всѣмъ внѣшнимъ факторамъ властнаго обольщенія, приходитъ еще каторжная скука захолустья,—лучшая поставщица на сластолюбіе аглицкихъ милордовъ. Дьяволъ любострастія хитеръ, и ни одинъ актеръ не умѣетъ лучше его прикинуться «свѣтлою личностью», когда этимъ путемъ возможно ему добиться успѣха въ своихъ темныхъ цѣляхъ. Десятки разъ беллетристика и драматургія русская посвящали силы свои разработкѣ этого правдиваго и неизмѣнно насущнаго сюжета и несомнѣнно будутъ возвращаться къ нему еще новые десятки разъ.

Lasz, lasz idn seyn!
Er läszt dich ein,
Als Mädchen ein
Als Mädchen nicht zurücke!

Громкою и постоянною насмѣшкою звучитъ предостерегающая пѣсенка Мефистофеля по темнымъ городкамъ, мѣстечкамъ и селамъ, гдѣ столько простодушныхъ Маргаритъ изнываютъ въ ожиданіи умныхъ и интересныхъ Фаустовъ. И... онѣ ли виноваты, что вмѣсто Фаустовъ судьба и условія русскаго захолустнаго склада посылаетъ имъ лишь переодѣтыхъ аглицкихъ милордовъ.

1900.

III.

Женское невѣжество.

Отчего такъ темно невѣжественны женщины русскихъ образованныхъ классовъ?

Вопросъ мой можетъ показаться дикимъ и даже возбудить чье-нибудь дешевое гражданское негодованіе: какъ? невѣжественна русская женщина, та русская женщина, которая... и такъ далѣе, и такъ далѣе? И сейчасъ же мнѣ пересчитаютъ нѣсколько десятковъ, а, можетъ быть, двѣ-три сотни русскихъ женщинъ, которыя образованы болѣе самыхъ образованныхъ мужчинъ и—такъ какъ образованность свою русская женщина всегда немедленно переноситъ въ живую прикладную работу на ближняго—то и гораздо ихъ полезнѣе въ общественномъ отношеніи.

Я негодованіе перенесу, примѣры выслушаю и со смиреніемъ преклонюсь передъ ними, а затѣмъ, все-таки, придется повторить вопросъ.

— Я, съ вашего позволенія, говорю не о той образованной русской женщинѣ, «которая... и такъ далѣе, и такъ далѣе», а о русской женщинѣ изъ образованныхъ классовъ вообще. Не о Софьѣ Ковалевской, не о Сусловой, Кашеваровой-Рудневой, Евреиновой, Венгеровой, Волковой, Савиной, Щепкиной-Куперникъ и тому подобныхъ, но, хотя бы, о супругѣ вашей, Марьѣ Ивановнѣ, свояченицѣ вашей Софьѣ Ивановнѣ, о супругахъ пріятелей вашихъ, Клеопатрѣ Николаевнѣ, Аннѣ Сергѣевнѣ, Антонинѣ Прохоровнѣ. Вы—блестящій адвокатъ, супругъ Софьи Ивановны — профессоръ университета, супругъ Клеопатры Николаевны и слѣдующихъ по порядку — ученый врачъ, модный журналистъ, директоръ департамента. Всѣ извѣстны за людей, почтенныхъ не только въ кругѣ своихъ профессій, но и вообще весьма просвѣщенныхъ.

Это, какъ говорится, «интеллигенція». По мужьямъ причисляются къ интеллигенціи и жены ихъ. Но — покуда молчатъ. Ибо, когда онѣ вмѣшиваются въ мужскіе «умные» разговоры, на лицахъ супруговъ ихъ выражается самое страдательное выжиданіе: сейчасъ-де моя ляпнетъ такую нелѣпость, что на недѣлю будетъ смѣху всему городу. И если «моя», противъ чаянія, не ляпнетъ, а съ помощью природнаго ума, счастливо выпутывается изъ предпринятой разговорной авантюры, мужья сіяютъ, словно имъ удалось показать обществу необычайно ловкій фокусъ. Итакъ, оставимъ въ сторонѣ Софій Ковалевскихъ и прочую аристократію женскаго ума, а повторимъ лучше: отчего въ русскомъ женскомъ обществѣ только и есть, что — либо аристократки ума, либо «чернь непросвѣщенна», а среднеобразованнаго класса не имѣется?

— Позвольте! Да вотъ, именно, моя Марья Ивановна и всѣ эти Софьи, Клеопатры — какъ тамъ ихъ еще? — и составляютъ этотъ классъ.

— Нѣтъ, онѣ — «чернь непросвѣщенна».

— Ну, ужъ на этотъ счетъ — извините-съ: моя институтъ кончила съ золотою медалью, изъ тѣхъ кто — гимназію, кто — лучше частные пансіоны... Какого вамъ еще образованія? Не всѣмъ же на курсы поступать! Надо кому-нибудь и семью дѣлать.

— И при всѣхъ золотыхъ медаляхъ, гимназіяхъ и лучшихъ частныхъ пансіонахъ, онѣ — круглыя невѣжды. Быть можетъ, именно благодаря гимназіямъ-то и лучшимъ частнымъ пансіонамъ, и невѣжды.

— Вы противъ женскаго образованія?!

— Противъ плохого женскаго образованія. Нужно хорошее.

— Чѣмъ же плохо наше современное?

— Какъ чѣмъ? Именно тѣмъ, что оно выпускаетъ въ общество круглыхъ невѣждъ, съ дипломами образованныхъ женщинъ, золотитъ медалями поверхностное знаніе,

которое, года два спустя, переходитъ въ рецидивъ малограмотности. И что годъ, то эта невѣжественность шире и замѣтнѣе распространяется въ женскомъ обществѣ. Если вы встрѣчаете женщину, хранящую слѣды полученнаго образованія, способную проявить, что мозгъ ея — не первобытная, хотя бы и драгоцѣнная глыба, что кто-то когда-то поработалъ надъ нимъ педагогическимъ рѣзцомъ, —этой женщинѣ почти обязательно 30—35 лѣтъ. Это—осколки эмансипаціоннаго теченія, волною докатившагося отъ шестидесятыхъ годовъ до половины восьмидесятыхъ и тутъ разбившагося...

— Какъ «разбившагося»? Когда же и доразвилось-то оно, какъ не въ наше десятилѣтіе? Посмотрите,—однихъ путей къ самодѣятельности сколько предоставлено теперь женщинѣ...

— Къ какой самодѣятельности-то? Черненькой! Чтобы стать телеграфисткою, фельдшерицею, акушеркою, конторскою или телефонною барышнею, контрольною счетчицею etc.—общаго образованія не требуется: достаточно спеціальной технической сноровки и того природнаго практическаго смысла, которымъ надѣлено огромное большинство женщинъ. Нѣтъ, говоря откровенно, мы, русскіе, весьма искусно и двусмысленно надуваемъ нашъ прекрасный полъ на оба фронта: и образованіемъ, которое-де «есть залогъ самодѣятельности», и самодѣятельностью, которую предоставляемъ нашимъ женщинамъ лишь въ формахъ доступныхъ почти безъ всякаго образованія. Сидитъ бѣдняжка въ контролѣ, переписываетъ въ общую вѣдомость по графамъ съ красненькихъ и зелененькихъ листковъ количество шпалъ на перегонѣ между Сивоплюйскомъ и Торчмястойскомъ и недоумѣваетъ: ужели я для того про Лже-Смердиса учила? А, если не для того, то зачѣмъ же, зная про Лже-Смердиса, я не могу найти иного труда, какъ механическое переписываніе зеленыхъ и красныхъ бумажекъ на бѣлую бумажку? Общество предо мною

когда-нибудь да неправо: либо когда заставляло меня учить про Лже-Смердиса, зная, что онъ мнѣ ни къ чему, а придется мнѣ возиться съ зелеными и красными бумажками; либо когда засадило меня за красныя и зеленыя бумажки, хотя я, по приказанію его, выучила про Лже-Смердиса. Такъ какъ красныя и зеленыя бумажки даютъ труженицѣ рублей 40—50 въ мѣсяцъ, а Лже-Смердисъ—ни даже мѣднаго гроша, то она весьма скоро приходитъ, если не къ сознательному, то къ инстинктивному убѣжденію, что красныя и зеленыя бумажки суть вещь, а Лже-Смердисъ—гиль, и забрался онъ, «дуракъ», въ голову контрабандою и удерживать его тамъ не стоитъ... Ну, а затѣмъ процессъ улетучиванія сомнительной гимназической премудрости—разъ начался, такъ уже не прекратится, покуда вовсе не опустошитъ мозги отъ ненужныхъ полузнаній.

— Послушайте! Но зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, трудящейся женщинѣ какіе-нибудь Лже-Смердисы?

— Рѣшительно незачѣмъ.

— Такъ велика ли бѣда, если она ихъ и позабудетъ?

— Вы вотъ адвокатъ. На Лже-Смердиса ссылаться при защитѣ вамъ, конечно, никакой судъ не дозволитъ. Однако, вы помните о немъ.

— Помню.

— И считаете нужнымъ помнить, потому что онъ, сколь ни малая песчинка въ пустынѣ прошлаго, все же составляетъ частицу вашего образованія. А вотъ Марья Ивановна навѣрно не помнитъ, хотя она всего пятый годъ, какъ изъ института и кончила курсъ съ золотою медалью. И у нея нѣтъ даже извиненія зелеными и красными бумажками, ибо она выскочила замужъ прямо со школьной скамьи въ полную обезпеченность.

— Тоже, батюшка, въ семьѣ-то не до Лже-Смердисовъ!

— Согласенъ. Но въ такомъ случаѣ, когда же до нихъ?

Въ трудѣ—Лже-Смердисы балластъ, въ семьѣ—тоже. Кто же воспользуется Лже-Смердисами? Дюжина старыхъ дѣвъ, у которыхъ не будетъ семьи и которыя достаточно обезпечены, чтобы не искать труда?

— Позвольте: а вотъ эти женщины лѣтъ 30—35, о которыхъ вы говорили выше, онѣ-то своихъ Лже-Смердисовъ пронесли сквозь трудъ и семью?

— Во всякомъ случаѣ, съ гораздо большею памятливостью, чѣмъ сейчасъ даже только-что «кончалыя» гимназистки.

— Вотъ видите: значитъ, возможно совмѣстить Лже-Смердисовъ съ практикою жизни.

— Кто же вамъ говоритъ, что нельзя? Не только можно, но должно. Только для этого необходимо одно условіе: чтобы Лже-Смердисы западали въ мозги плотно, вѣковѣчно, съ разсужденіемъ. А, чтобы западали, надо, чтобы ученицы вѣрили, что, обучаясь, онѣ цѣлесообразное дѣло дѣлаютъ, а не въ условныя бирюльки играютъ, черезъ тасканіе которыхъ возможно кое-какъ доплестись до всепокрывающаго диплома. А, чтобы вѣрили, надо, чтобы ученье было достойно вѣры. Если вы сравните женщинъ нашего общества по поколѣніямъ, самыми образованными окажутся гимназистки семидесятыхъ годовъ, еще вѣрившія, что широкая программа предложеннаго имъ образованія ведетъ и къ цѣлямъ широкой дѣятельности. Къ восьмидесятымъ годамъ чисто-образовательный пылъ, не находя себѣ достойной практической работы, уже охладѣлъ. Дѣвушка въ гимназіи уже не столько подготовляетъ себя къ роли образованной женщины, сколько добываетъ хорошій дипломъ, что по широтѣ программы требуетъ добросовѣстной работы. Въ девяностыхъ годахъ поколебалась вѣра и въ спасительность хорошаго диплома. Дѣвушки съ золотыми медалями часто сидятъ безъ мѣстъ. Проклиная Лже-Смердисовъ, которыхъ онѣ зубрили ради этихъ золотыхъ медалей, между тѣмъ, какъ ихъ подруги, даже не дотащившіяся до конца курса, сидятъ и перепи-

сываютъ зеленыя и красныя бумажки за пятьдесятъ цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Какъ скоро поколебалась вѣра въ хорошій дипломъ, уцѣлѣло, однако, убѣжденіе, что все же нуженъ хотя какой-нибудь дипломъ. Но убѣжденіе это столько разъ опровергнуто при столкновеніи съ дѣйствительностью, что оно держится уже скорѣе, какъ суевѣріе, чѣмъ—какъ вѣра. Оно непрочно. Прежде была большая рѣдкость, чтобы дѣвочка, разъ попавъ въ гимназію, не дошла до конца курса по инымъ причинамъ, какъ обѣднѣніе родителей, болѣзнь, вообще—несчастный случай. Въ настоящее время то и-дѣло встрѣчаешь дѣвушекъ, прошедшихъ нѣсколько классовъ гимназіи и ушедшихъ изъ нея, несмотря на хорошіе успѣхи. — Почему?—Да мѣсто мнѣ вышло хорошее: приказчицею въ книжный магазинъ.—И не жаль гимназіи?—Какъ вамъ сказать? Вѣдь, большаго она мнѣ не дала бы...

— Словомъ, вы находите, что женщины наши невѣжественны потому, что плохо учатся, а плохо учатся потому, что не видятъ предъ собою практическихъ результатовъ, вознаграждающихъ за ученіе. А въ инстинктъ образованія для самого образованія вы не вѣрите?

— Очень вѣрю, но онъ, оставляемый въ самодовлѣющемъ состояніи, безъ поддержки практическими возмездіями, создаетъ лишь именно то, что я назвалъ аристократіей женскаго ума: Волковыхъ, Безобразовыхъ, Щепкиныхъ-Куперникъ и т. п. Это прекрасно, но этого недостаточно. Онѣ, какъ свѣтлячки во мракѣ, только выдаютъ свою одинокость среди темной ночи. Вы не имѣете права требовать отъ женщины того, чего не требуете отъ мужчинъ, чтобы онѣ поклонялись солнцу знанія, которое имъ только свѣтитъ, съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ будто оно и свѣтитъ, и грѣетъ. Если среди русскихъ женщинъ оказалось и оказывается много избранныхъ натуръ, пробивающихся наверхъ общественнаго интеллекта, слава Богу, возблагодаримъ природу за даровитость русской женщины.

Но возводить мотивы, движущіе избранными натурами, въ общее правило, требовать отъ каждой кандидатки на образованіе, чтобы она была безкорыстнымъ Ломоносовымъ въ юбкѣ,—безсмыслица. Льготы по воинской повинности дали мужскимъ гимназіямъ сразу гораздо большій контингентъ учениковъ, чѣмъ столѣтіе проповѣдей на тему «ученье свѣтъ, а неученье тьма», ибо проповѣди движутъ только умами впечатлительными, а покориться на нѣсколько лѣтъ зубрежкѣ по гимназической программѣ всякому гораздо выгоднѣе, чѣмъ отбывать полные сроки солдатчины. Дайте русской женщинѣ общественныя права, обусловленныя образованіемъ, и тогда требуйте отъ нея образованія, ужасайтесь, если встрѣтите вмѣсто него невѣжество. А до тѣхъ поръ женское образованіе всегда будетъ ограничиваться дипломною миѳологіей.

1800.

IV.

Пассажирки второго класса

(1897).

Пробѣжалъ брошюру г. Карѣева—совѣты юношеству, вступающему въ высшія учебныя заведенія, о выборѣ факультета. Въ нихъ чрезвычайно много дѣльнаго. Но, когда я закрылъ брошюру и отложилъ ее въ сторону, мнѣ пришла въ голову мысль: вотъ и прекрасно: нашу мужскую молодежь профессоръ Карѣевъ «къ мѣсту опредѣлилъ и счастіе ея составилъ». Ну, а теперь—что дѣлать съ молодежью женскою? куда ее дѣвать? на какіе факультеты?

„И тайный голосъ далъ отвѣтъ:
Для женщинъ факультетовъ нѣтъ!“

Русская жизнь — давно уже не птица-тройка, но поѣздъ желѣзной дороги, по меньшей мѣрѣ, пассажирскій—

со скоростью верстъ двадцати въ часъ... на большее пока претендовать не смѣемъ. «Дѣлаемъ опыты» поѣхать скорѣе, но—поѣдемъ ли, нѣтъ ли, о томъ «начальство знаетъ». Въ поѣздѣ этомъ русская женщина—въ образовательномъ отношеніи—вѣчный пассажиръ второго класса: она ушла отъ первобытной простоты, населяющей классъ третій, и зато признана «барыней», награждена извѣстнымъ комфортомъ путешествія и нѣкоторымъ решпектомъ со стороны господъ кондукторовъ; но въ первый классъ—къ верхамъ развитія—ей нѣтъ хода, какъ рядовому нельзя ѣхать въ одномъ вагонѣ съ генераломъ: не доросла.

Да и доростать негдѣ. Всѣхъ на медицинскіе курсы не упрячешь и подъ консерваторскіе своды не вмѣстишь. А, строго разбирая, факультетовъ, дающихъ женщинѣ, по окончаніи курса ихъ, практическіе житейскіе результаты, только и есть пока, что два: медицинскій да изящныхъ искусствъ, включая сюда и беллетристику, за послѣдніе годы, если не качественно, то количественно, въ значительной степени отвоеванную женщинами у мужчинъ.

Вольно-практикующіе, платоническіе факультеты, безъ практическихъ послѣдствій курса на нихъ,—не въ счетъ: это — дилеттантство, доступное лишь самому ограниченному кружку обезпеченныхъ женщинъ. Факультетъ долженъ дать человѣку дѣятельность.

А дѣятельность—помимо всѣхъ своихъ благихъ задачъ во внѣшнемъ кругѣ ея распространенія, помимо альтруистическихъ цѣлей, работы на пользу ближняго и общества — имѣетъ еще непреложныя цѣли самодовлѣющія, эгоистическія. Она должна дать дѣятелю средства къ существованію въ томъ размѣрѣ, хотя бы относительномъ, какое, примѣнительно къ уровню развитія общества, заслуживаютъ его талантъ, энергія и подготовка къ своему дѣлу.

Такихъ факультетовъ для русской женщины пока,—повторяю,—только два: медицина и искусство.

Бываютъ, конечно, случаи практическаго женскаго успѣха и на другихъ поприщахъ, но это—исключенія. Одна ласточка не дѣлаетъ весны. О такихъ женщинахъ газеты печатаютъ извѣстія въ отдѣлахъ «Смѣсь», «Разныя разности» «Курьезы и раритеты», и пр. Вообще, я только тогда рѣшусь повѣрить, что съ женскимъ вопросомъ у насъ обстоитъ благополучно, и онъ гладко катится по рельсамъ къ какой-нибудь опредѣленно намѣченной станціи, а не на авось, куда кривая вывезетъ,—когда перестану встрѣчать въ печати поощрительные анекдоты о женщинахъ-врачахъ, женщинахъ-адвокатахъ, женщинахъ-биржевикахъ, женщинахъ-управляющихъ крупными предпріятіями, точно о двухголовомъ теленкѣ или говорящемъ моржѣ. Какъ-то разъ мнѣ попалась въ руки книжка, подъ названіемъ—«Подвиги женскаго ума», необычайно страстно написанная въ доказательство, что, ей-Богу же, и у женщинъ есть голова на плечахъ, и онѣ, хотя и не въ большинствѣ,—до такой смѣлости авторъ въ своемъ рыцарствѣ не дошелъ,—встрѣчаются пресмышленыя.... Невысоко стоитъ культура въ обществѣ, ищущемъ доказательствъ единичными примѣрами, что дважды два—четыре.

За исключеніемъ названныхъ факультетовъ, дающихъ женщинѣ нѣкоторую самостоятельность, возможность идти дорогою жизни, безъ опоры на мужскую руку, остается еще одинъ факультетъ—факультетъ замужества. Несмотря ни на какія приманки свободы, онъ былъ, есть и еще долго будетъ самымъ люднымъ, потому что онъ самый обезпеченный, самый сытый. Пусть половина мужей рветъ на себѣ волосы отъ неудачныхъ женъ, а половина женъ бросается на шею любовникамъ отъ неудачныхъ мужей. Все-таки, всюду и всегда chaque vilain trouve sa vilaine,—Исаія ликуетъ, и свадебныя кухмистерскія процвѣтаютъ.

Число неудачныхъ браковъ огромно и все растетъ. Доходы разводныхъ дѣлъ мастеровъ увеличиваются со дня на день. Они строятъ пятиэтажные дома и ставятъ свѣчи за

долголѣтіе строгихъ законовъ о разводѣ. Будь законы мягче, мастерамъ пришлось бы положить зубы на полку: во-первыхъ, пала бы такса на ихъ облегченный трудъ, а во-вторыхъ, разводовъ—можетъ быть, весьма многочисленныхъ въ первое послѣ смягченія время, въ періодъ, такъ сказать, диворціальной горячки—вскорѣ сдѣлалось бы гораздо меньше. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ несчастій въ русской супружеской жизни, доводящихъ мужа и жену до развода, это мужское сознаніе: ты—моя неотъемлемо и будешь моею всю жизнь, до самаго гроба, какою бы свиньею я, по отношенію къ тебѣ, себя ни велъ. А въ отвѣтъ звучитъ старый мотивъ брачнаго условія изъ «Периколы»:

Какъ аукнется,
Такъ и откликнется,—
Будутъ бить меня,
Буду бить и я!

Въ результатѣ—два озленныхъ, часто совершенно разной породы звѣря, запертыхъ въ одну клѣтку, грызущихся денно и нощно и умиротворяющихся лишь, когда—либо разсадили ихъ за безчинство врозь, либо къ старости, потому что зубы притупились, да и ѣсть другъ въ другѣ уже нечего.

Мужчины въ несчастныхъ бракахъ виноваты всегда больше женщинъ, потому что они—узаконенно сильная сторона, власть безапелляціонная, протестовать противъ которой женщина можетъ лишь грѣхомъ и преступленіемъ. Дайте къ выходу изъ брака законную дверь, и женщины станутъ меньше скользить изъ него сквозь беззаконныя лазейки, вызывая тѣмъ мужское негодованіе и мщеніе и осуждая себя на каторжную,—безпутную и трусливую,—жизнь. Меньше, хотя бы уже потому, что запретный плодъ свободы, переставъ быть запретнымъ, теряетъ половину своего соблазна. А мужчины станутъ лучше вести себя въ бракѣ и человѣчнѣе обходиться съ женами. Гражданскія жены, въ огромномъ большинствѣ, пользуются отъ своихъ

мужей и лучшимъ обращеніемъ, и даже большею вѣрностью, чѣмъ жены законныя, по нерасторжимому церковному обряду.

Одна изъ причинъ, порождающихъ несчастные браки — спеціально, съ женской стороны:

— Въ бракѣ скучно.

Скучно и для мужчины, и для женщины, но для перваго—съ меньшею интенсивностью.

Источникъ скуки—именно, что мы оставили женщину пассажиромъ второго класса, тогда какъ сами пошли въ первый. У насъ—наука, искусства, общественная и политическая дѣятельность. У женщинъ — только «мужъ». Слово короткое, но тѣмъ не менѣе—съ большою претензіей вмѣстить въ себя невмѣстимое и объять необъятное.

Наши мужья и жены, обыкновенно, раздѣлены между собою образовательною дистанціей огромнаго размѣра, которую скрываетъ только природный женщинѣ здравый смыслъ, инстинктивный тактъ, да самолюбіе, выработавшее для нея цѣлую систему безобиднаго примѣненія къ мужскому превосходству. Да и то скрываетъ лишь на первый взглядъ. Говорятъ, что восемнадцатилѣтняя дѣвушка старше, по характеру, двадцатипятилѣтняго мужчины. Это—только въ области чувства. Когда чувство насыщено, а тѣмъ болѣе пресыщено, девять десятыхъ мужей остаются въ великомъ затрудненіи:

— Что имъ, собственно, дѣлать дальше со своими женами?

А дальше—это, excusez du peu, цѣлая жизнь.

Послать въ дѣтскую, въ кладовую, на кухню,—тамъ, молъ, твое мѣсто? Неловко: цивилизація мѣшаетъ, передъ народами Европы совѣстно. Зачѣмъ-нибудь да переводили же мы женщинъ изъ третьяго класса,—отъ теремовъ,—во второй-то классъ. Онѣ—не бабы, а дамы. Онѣ—хоть и отстали отъ насъ — образованныя. Или, вѣрнѣе сказать, полуобразованныя. Мужъ—кандидатъ правъ; жена—гим-

назистка. Учатъ нашихъ гимназистокъ плохо: по программѣ Sainte Nitouche—«немножко ариѳметики, немножко географіи» и, въ отличіе отъ этой программы, даже не очень много иностранныхъ языковъ. Сошлась эта пара. Она—ангелъ, онъ—божество. Ангелъ и божество цѣлуются, пока выдерживаютъ губы, но и долготерпѣнію послѣднихъ бываетъ предѣлъ. Въ одинъ прекрасный день зѣвнуло божество, завтра зазѣвалъ ангелъ. Жизнь стучитъ въ окно и зоветъ къ своей поденщинѣ. И, прислушиваясь къ зову, и ангелъ, и божество убѣждаются, что поденщина-то имъ на долю выпадаетъ совсѣмъ разная—у мужа она интересная и живая, потому что въ ней и наука, и политика, и общественная дѣятельность, а у жены: дѣти и хозяйство. Но, если такъ,—то деревенскія бабы легче рожаютъ, чѣмъ городскія жительницы, и ихъ же приходится приглашать мамками въ помощь сосцамъ образованныхъ, изсушеннымъ, въ періодъ сдачъ экзаменовъ на право сидѣть во второмъ классѣ; замоскворѣцкія купчихи и волжскія старообрядки пекутъ пироги вкуснѣе дипломированныхъ барышенъ съ кулинарныхъ курсовъ. Словомъ и слѣдовательно, отъ примитивныхъ своихъ грубыхъ функцій—наша дама ушла, а заполнить пустоту, созданную ихъ сокращеніемъ, мы ей ничѣмъ не даемъ.

Мнѣ всегда противно слышать, когда мужъ говоритъ скучающей отъ праздности женѣ:

— Что ты все лѣнтяйничаешь? Займись хоть чѣмъ-нибудь!

И я, не безъ злобнаго удовольствія, наблюдаю, какъ—на унылый вопросъ жены:

— Скажи· чѣмъ?—дѣятельный супругъ никогда не находитъ толкомъ, что̀ отвѣтить, и, потоптавшись малую толику въ безсильномъ недоумѣніи, непремѣнно придетъ къ традиціонному совѣту:

— Ну, книжку прочла бы...

— Какую?!

А за «какую»—если послѣдуетъ рекомендація—раздается и «зачѣмъ»!? И раздается резонно.

Именно—«какую» и «зачѣмъ». Читать Бурже—не дѣло, а читать Милля и Спенсера—не подъ силу для ума, вмѣстившаго въ себя лишь немножко ариѳметики, немножко географіи и очень немного иностранныхъ языковъ.

Въ періодъ жениховства, мужчины невѣроятно щедры на совершенно неисполнимыя обѣщанія. Къ чести женщинъ, надо сказать, что большинство ихъ прекрасно сознаетъ свою образовательную приниженность сравнительно съ мужчиною. Кто не слыхалъ отъ своей невѣсты:

— Я такая глупенькая... Меня дурно учили... Ты не будешь смѣяться надо мною за это? Ты поможешь мнѣ стать такою же умною, какъ ты?

И кто не отвѣчалъ съ паѳосомъ, рука на сердцѣ, ноги циркулемъ!

— О, да, моя дорогая! мы докончимъ твое образованіе... я подниму твой умственный уровень, и мы будемъ трудиться вмѣстѣ...

И кто не лгалъ въ эту минуту? Когда «доканчивать образованіе жены», если то и дѣло являются маленькія существа, въ свою очередь требующія образованія? Мыслимо ли «работать вмѣстѣ» надъ интегралами съ сотрудникомъ, который не совсѣмъ твердо увѣренъ, чѣмъ питается коэффиціентъ, и не есть ли онъ насѣкомое изъ разряда жесткокрылыхъ? А «поднимать умственный уровень женѣ» — исполинское самохвальство: самому чуть не сорокъ профессоровъ четыре года создавали этотъ уровень и, все-таки, создали его только съ грѣхомъ пополамъ, а тутъ на поди—какой молодецъ: одинъ одинешенекъ, прочелъ дамочкѣ вслухъ двѣ популяризаціи, топнулъ, свистнулъ, и по щучьему велѣнью, по моему прошенью, выросла изъ земли образованная женщина!

Нѣтъ, такъ не дѣлается. Бракъ—не школа, бракъ—уже жизнь. И, чтобы жизнь не была тяжела, пуста и

скучна, надо войти въ нее уже послѣ школы. Надо, чтобы школа была подготовительною ступенью къ ней,—и школа основательная.

Мы плохо учимъ женщинъ—и онѣ мстятъ намъ, осужденныя невѣжествомъ на праздность, скукою жизни переливающейся въ семейный разладъ.

— Какъ Анна Сидоровна не умѣетъ жить,—слышишь часто,—хандритъ, скучаетъ, влюбляется безъ толку, травилась раза два... съ жиру бѣсится!.. а вѣдь не безъ способностей женщина: играетъ, поетъ, рисуетъ... пріятные таланты имѣетъ.

Почти всѣ женщины имѣютъ «пріятные таланты». Въ этомъ еще ихъ спасеніе. Талантъ, хотя бы и небольшой, только «пріятный»,—очень большая сила, огромное житейское подспорье, могучій противовѣсъ именно той скукѣ жизни, о которой шла рѣчь, потому что талантъ—самъ по себѣ уже дѣло, самъ по себѣ можетъ заполнить жизнь. Къ сожалѣнію, наша воспитательная система, и въ области пріятныхъ талантовъ, не согласна вести женщину дальше второго класса. Наши барышни не играютъ, а «бренчатъ», не рисуютъ, а «мазюкаютъ», не поютъ, а исполняютъ аріи изъ оперы «Завой-завой, собаченька завой, сѣренькій волчокъ». Умѣть все это надо,—требуютъ заимствованныя изъ Европы условія второго класса,—но умѣть не серьезно, а такъ себѣ—кое-какъ и между прочимъ. Захотѣла заняться искусствомъ по-настоящему,—ступай въ консерваторію, въ академію художествъ, въ спеціальное учрежденіе и дѣлайся артисткою, художницей par excellence. Въ системѣ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній эстетическое воспитаніе совсѣмъ забито, преподаваніе искусствъ шаблонно, вяло, скучно и—безъ всякаго разбора слушательницъ, всѣмъ въ одной программѣ, всѣмъ по одному образцу. Была бы соблюдена форма,—и дѣлу конецъ. «Молитва дѣвы» да «Головка неаполитанской дѣвочки», «pas de châle», да La jeune captive,—и все обстоитъ

благополучно: трафаретъ заполненъ, педагогическій подрядъ на дѣвицу съ искусствами сданъ въ аккуратѣ.

Развивайте съ ранняго возраста въ женщинѣ какое-либо природное ея дарованіе на-ряду съ общепрограмнымъ знаніемъ, развивайте серьезно, чтобы она—если ужъ судьба ей покуда сидѣть врозь съ ѣдущимъ въ поѣздѣ жизни по первому классу супругомъ,—по крайней мѣрѣ, не тосковала въ своемъ одиночествѣ, имѣла бы чѣмъ его заполнить. Пусть она будетъ имѣть дѣльное влеченіе, въ которомъ будетъ самостоятельною хозяйкою, сильною и знающею.

Жена, способная изучить концертъ Листа и фугу Баха, написать въ-серьезъ этюдъ съ натуры и т. д., не будетъ слоняться по дому, размышляя, что ей дѣлать—повѣситься, отдаться сосѣду съ красивыми усами, или ѣхать къ бракоразводныхъ дѣлъ спеціалисту, чтобы онъ поскорѣе освободилъ ее отъ скучнаго мужа, который вѣчно занятъ, ничуть ея «не понимаетъ» и—на всѣ ея мечтанія—не знаетъ другого отвѣта, какъ:

— Блажишь!

Или:

— Это у тебя, голубушка, нервы. Прими кали-бромати, да ложись спать!

1897.

V.

О медичкахъ.

Изъ чуть не тысячной массы кандидатокъ, стучавшихся въ двери женскаго медицинскаго института, строго взыскательныя двери эти пріотворились всего лишь для четвертой части желающихъ. Что разочарованій, сколько разбитыхъ надеждъ, слезъ явныхъ и тайныхъ! Всякій

промахъ по чаемой цѣли досаденъ, но промахъ послѣ долгаго, тщательнаго прицѣла, на который положено много упорнаго, страстнаго, внимательнаго труда, можетъ свести человѣка съ ума, повергнуть его въ бѣшенство и отчаяніе. Прицѣлъ кандидатокъ на счастье попасть въ слушательницы медицинскаго института мучительно труденъ. Одна латынь—во что обошлась этимъ горемычнымъ неудачницамъ, оставшимся нынѣ при отказѣ, «за неимѣніемъ мѣста». Сколько умственной и физической энергіи брошено въ печь, растрачено понапрасну? Сколько нравственныхъ искусовъ и испытаній претерпѣно въ-пустую!

Къ среднему школьному образованію женщины русское общество уже привыкло, но на высшее все еще смотритъ съ недовѣріемъ, какъ на какую-то необычайную роскошь быта, — изрѣдка равнодушно, чаще даже враждебно. Вырваться на курсы высшаго учебнаго заведенія изъ семьи—для русской дѣвушки, чающей свѣта, дѣло не легкое, особенно на курсы медицины, компрометтировать репутацію и обстановку которыхъ старались разные псевдоохранители цѣлыя сорокъ лѣтъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи. Конечно, въ Россіи уже не мало развитыхъ отцовъ и матерей, сознающихъ, что лучше дочери ихъ завоевать, вмѣстѣ съ врачебнымъ дипломомъ, право и возможность самостоятельнаго существованія, чѣмъ повиснуть супружескою обузою, безъ любви, уваженія, счастья, на шеѣ перваго встрѣчнаго. Но ихъ, сравнительно съ общею родительскою массою, все-таки, лишь капля въ морѣ. Я не ошибусь, если скажу, что изъ полутысячи дѣвушекъ, такъ печально оставленныхъ нынѣ за флагомъ, развѣ десятая доля разсталасъ съ роднымъ домомъ безъ драмы бурной или сентиментально-слезной. Въ жертву богу просвѣщенія, съ надломомъ сердечнымъ, приносились лучшія родственныя и дружескія отношенія, рвались иной разъ узы крови или свойства. Что̀ охлажденій между «отцами» и «дѣтьми», что̀ разстроившихся или надолго

отсроченныхъ свадебъ! И вотъ, когда драмы завершены, а жертвы принесены, бѣднымъ дѣвушкамъ съ насмѣшкою показываютъ изнанку просвѣщенія — «много-де званыхъ да мало избранныхъ»,—точно говоря:

— А вѣдь просвѣщеніе-то, которое вы обожествляли, совсѣмъ не божество. Оно — злой духъ, грозный идолъ, Молохъ. Жертвы и слезы ваши оно приняло, а воздаянія себѣ за нихъ не ждите!

Можно съ увѣренностью предсказать, что, по крайней мѣрѣ, треть изъ нынѣ отвергнутыхъ высшимъ образованіемъ дѣвушекъ погибла для него навсегда и уже никогда не придетъ вновь стучаться въ его ворота. Не по нежеланію, а по невозможности. Однѣ — потому, что падутъ духомъ отъ неудачи: стало быть, молъ, судьба моя такая! Другія — потому, что non bis in idem: однажды удалось побѣдить семью, а—въ другой разъ удастся ли, бабушка очень надвое говорила; да и нѣтъ силы для новой войны: и душа, и нервы поистратились, и смѣлость не та—особенно, послѣ пораженія-то у дверей института... Ибо—какъ вы думаете?—мало ли теперь на Руси семей, гдѣ идетъ систематическое пиленіе неудачницъ:

— Что, молъ, ученая? Обожглась? То-то! Вишь чего захотѣла — умнѣе родни быть! Какъ же! Не видали въ Питерѣ такихъ! Вотъ и оборвалась. Полно дурить-то! Какая тамъ медицина? Выходи-ка лучше замужъ, благо Елпидифоръ Истукаріевичъ дѣлаетъ тебѣ честь—сватается. Прекраснѣйшій человѣкъ... и свѣжій какой: никто и не подумаетъ, что ему шестидесятый годъ, и онъ тридцать пять лѣтъ на службѣ! Выходи, Машенька, утѣшь насъ! По крайности, мать, отца успокоишь на старости лѣтъ и сама гнѣздо совьешь... Ахъ, хорошо свое гнѣздо!

Иной фанатикъ просвѣщенія, пожалуй, скажетъ:

— Что же дѣлать? Отпадутъ, такъ и пусть отпадаютъ! Уходомъ своимъ онѣ докажутъ только, что не серьезно и

не глубоко рвались къ просвѣщенію и были бы въ области его лишь посредственными ремесленницами, малодушною чернью. Истинно вдохновенныя труженицы, женщины призванія, не полѣнятся приходить къ дверямъ института съ благородною настойчивостью изъ года въ годъ до тѣхъ поръ, пока не отверзется имъ. И, конечно, то будетъ цвѣтъ русскаго женскаго общества, избранницы, героини. А—что касается малодушной черни, такъ жалѣть ли, если она отхлынетъ отъ науки? Пусть ее себѣ сидитъ дома и прядетъ шерсть, къ удовольствію родителей, супруговъ, чадъ и домочадцевъ: коли это она предпочла тому,—тутъ, значитъ, и ея призваніе!

А по-моему, въ томъ-то и горе, что мы лишаемся этой «малодушной черни». Нужна она, чернь-то. Русская наука, русское образованіе ужасно аристократично по результатамъ: оно все создаетъ либо дирижеровъ, либо первыя скрипки, а оркестра-то у него и нѣту. Человѣкъ съ высшимъ образованіемъ въ Россіи—существо, возвышенное надъ общимъ уровнемъ, отмѣченное, во мнѣніи нашемъ, не только правомъ, но и обязанностью идти прямехонько ad astra, покуда силъ хватитъ. Такой взглядъ дѣлаетъ честь нашему уважительному отношенію къ высшему образованію, но, въ практической сущности дѣла, онъ лишь подчеркиваетъ недостаточность его распространенія въ средѣ нашей. Не то истинное просвѣщеніе края, когда въ столицахъ его, какъ въ центральныхъ фокусахъ знанія, можно найти геніальныхъ врачей въ родѣ Боткина, Захарьина,—но то, когда въ любомъ захолустьѣ, въ случаѣ недуга, вы найдете просто врача, чернорабочаго, но знающаго, опытнаго, дешеваго. Изъ героевъ, избранниковъ, вдохновляемыхъ призваніемъ, какъ выходили, такъ и будутъ выходить Захарьины и Боткины; а добросовѣстно практикующую, ремесленно-медицинскую чернь — чернь и выдѣляетъ: чернь учащаяся, которая зубритъ лекціи да выдерживаетъ скучныя испытанія, утѣшая себя, что не боги

же горшки обжигают, авось выучусь и себѣ на прокормъ и добрымъ людямъ на пользу.

Намъ, въ Россіи, по громадному ея пространству и населенію, медицинскіе чернорабочіе столь же необходимы, какъ Боткины и Захарьины, если еще не въ большей мѣрѣ. А чернорабочія и того необходимѣе. Русская глушь ждетъ женской врачебной помощи жарче, чѣмъ всякой иной. За послѣдніе годы въ деревнѣ, я неоднократно убѣждался, что крестьянство наше относится гораздо съ бо̀льшимъ довѣріемъ къ медицинской помощи, исходящей отъ женщины, чѣмъ къ врачебнымъ познаніямъ мужчины. Врачъ для него прежде всего—чиновникъ, ваше благородіе: женщина-врачъ — тоже прежде всего—«болѣзная» лечащая барыня, съ которою можно по-просту и по душамъ. Мнѣ разсказывали и читать приходилось, будто въ иныхъ мѣстностяхъ крестьяне женщинъ-врачей принимали дурно, не хотѣли у нихъ лечиться. Я думаю, что въ такихъ случаяхъ скорѣе всего сами женщины-врачи были виноваты, не сумѣвъ сразу поладить съ крестьянами, подчинить ихъ своему авторитету. Какъ можетъ крестьянинъ «принципіально» протестовать противъ женщинъ-врачей, когда любая помѣщица или дачница, балующаяся медициною, какъ любительница, по Флоринскому,— стоитъ ей удачно помочь хоть одному недужному,—быстро отбиваетъ больныхъ у докторовъ и фельдшеровъ земскихъ станцій? А женскія болѣзни, которыя деревенская баба несетъ къ доктору развѣ лишь послѣ того, какъ вовсе не стало мочи терпѣть, и продѣланы надъ несчастною уже всѣ знахарскія изувѣрства, ожесточившія и обострившія недугъ, и безъ того тяжкій? А нашъ мусульманскій Востокъ съ его гинекеями? А еврейство? А раскольничій міръ?

Намъ нужны не единицы, не десятки, даже не сотни женщинъ-врачей, а нужны ихъ тысячи. Намъ нужна женская медицина не какъ аристократически-научное сословіе, но какъ демократическая рабочая сила, цѣлительно раз-

сѣянная въ стомилліонномъ народѣ, дурно питаемомъ, много работающемъ, мало зарабатывающемъ, много болящемъ. Массу можетъ породить только масса. И вотъ почему особенно то жаль, что массу женскую отсылаютъ вспять къ очагу и прялкѣ, оставляя во храмѣ науки лишь незначительное количество избранницъ. Очень можетъ быть, и давай имъ того Богъ, что изъ избранницъ этихъ выйдетъ на каждый курсъ по Захарьину и Боткину въ юбкахъ, но, признаюсь, было бы радостнѣе узнать, что, хотя выпускъ не далъ *еще* ни одной Захарьиной и Боткиной, зато въ Царевококшайскъ *уже* поѣхала съ него дѣльная Иванова, въ Белебей знающая Петрова, въ Волковыйскъ опытная Сидорова и такъ далѣе, и такъ далѣе—по всѣмъ медвѣжьимъ угламъ и закоулкамъ. Создайте образованную массу, а исключительныя-то личности возвыситься надъ нею всегда сами успѣютъ. На то онѣ и исключительныя.

VI.

Назарьева.

Бѣдная К. В. Назарьева! Рано унесла ее смерть.

Я мало зналъ покойную, начавъ встрѣчаться съ нею нѣсколько чаще, лишь съ начала изданія «Россіи». Въ первые мѣсяцы нашей газеты въ редакціи нерѣдко было можно видѣть скромную—всю въ черномъ—фигуру писательницы, съ оригинальною, коротко стриженою головою, съ желтоватымъ лицомъ, освѣщеннымъ безпокойными глазами, полными затаенной и нерадостной мысли. Это была Капитолина Валерьяновна Назарьева. Сотрудничество ея у насъ не сладилось. Ей хотѣлось писать маленькій фельетонъ, но, во-первыхъ, фельетоновъ у насъ было тогда хоть прудъ прудить, а, во-вторыхъ, она—беллетристка по

натурѣ—совсѣмъ не умѣла писать фельетонъ, и мелко, бисерно написанныя странички ея рукописей читались вяло и сопливо. Больше успѣха имѣла Капитолина Валерьяновна, когда, работая въ «Сынѣ Отечества», вела отдѣлъ маленькихъ morceaux о провинціи, подъ псевдонимомъ Н. Левинъ, хотя самостоятельности и яркости и здѣсь проявила немного. Не спѣлись мы и на счетъ большого романа, который А. В. хотѣла помѣстить въ «Россіи»,—не по нежеланію редакціи пріобрѣсти у нея эту работу, а по невозможности втиснуть романъ въ содержаніе нашего фельетоннаго года.

— Не извиняйтесь ужъ! — съ горечью говорила она:— знаемъ мы васъ! Мужчинѣ съ именемъ, небось, нашли бы мѣсто. А мы, женщины, несчастныя: всюду намъ—вторые номера. Работаешь-работаешь цѣлую жизнь, а нѣтъ тебѣ хода впередъ. Такъ на второмъ номерѣ и сиди до смерти.

— Вотъ,—слышалъ я отъ нея въ другой разъ—вы хоть откровенны: прямо признаетесь, что не любите нашего женскаго письма, считаете его своего рода литературнымъ made in Germany. Быть можетъ, вы и правы. Но согласитесь: можетъ ли быть иначе? Возьмемъ въ примѣръ меня. Я пишу давно, издала не одинъ десятокъ романовъ, множество повѣстей, разсказовъ, писала для театра. Имѣю литературное имя. На моихъ сочиненіяхъ сколько издателей нажилось. Но—въ концѣ-то концовъ—что же? Тотъ же вѣчный пятакъ, пятакъ и пятакъ, и необходимость слѣпить изъ пятака три-четыре тысячи рублей въ годъ, нужныя, чтобы жить въ Петербургѣ не вовсе бѣдно и поддерживать своихъ близкихъ. Такъ удивительно ли, что начинаешь расплываться въ made in Germany, топить въ ремесленныхъ строкахъ природный талантъ? И, при томъ, эта страшная неувѣренность въ заработкѣ, эта всегдашняя готовность вашего брата, журналиста, отодвинуть насъ, женщинъ, на заднiй планъ. Легкое ли дѣло писать романъ,

а—тѣмъ временемъ въ головѣ стучитъ мысль: куда я его дѣну? Здѣсь, положимъ, благосклонно примутъ, тамъ—съ удовольствіемъ возьмутъ «почитать». А вдругъ туда Чеховъ повѣсть дастъ? сюда Немировичъ-Данченко романъ напишетъ? Ну, и получай, Капитолина Валерьяновна, дѣтище свое обратно и неси его на какой-нибудь литературный погостъ, гдѣ издатель-могильщикъ скупаетъ «имена» чуть не на фунты, по вѣсу манускрипта. Рабство!.. Вы говорите: made in Germany. Да какъ же иначе-то? Вѣдь—помимо всякихъ психологій творчества, станьте-ка на почву экономическаго разсчета. Чтобы заработать рубль, Немировичу-Данченко нужно написать три-четыре строки, а мнѣ двадцать. Стало быть,—опять-таки, оставляя въ сторонѣ и размѣры талантовъ, и симпатію публики, и взгляды,—намъ, женщинамъ, чтобы жить литературою, наравнѣ съ мужчинами, надо имѣть вшестеро, всемеро сильнѣйшую производительность, энергію, устойчивость труда. Васъ въ состояніи прокормить уже часъ работы въ сутки, трудиться больше — ваша добрая воля, а я, если не буду гнуть спины надъ письменнымъ столомъ съ утра до вечера, такъ и сыта не буду. Какъ же, при такихъ условіяхъ, не развестись женскому литературному made in Germany.

Соглашаясь съ замѣчаніями К. В., я, однако, указалъ ей на дорого оплачиваемый трудъ нѣкоторыхъ русскихъ женщинъ-писательницъ, напр., Смирновой, Микуличъ, произведенія которыхъ отнюдь не подходятъ и подъ уровень made in Germany.

— Да это не профессіоналки, это гастролерши,— возразила Назарьева,—онѣ пишутъ полтора раза въ годъ и не отъ литературы получаютъ главныя средства къ жизни. Ахъ, если бы я имѣла возможность прожить нѣсколько лѣтъ, не нуждаясь въ литературномъ заработкѣ, разсматривая его, лишь какъ прибавку къ доходу! Повѣрьте, что и я сумѣла бы отшлифовать нѣсколько по-

вѣстей и разсказовъ, послѣ которыхъ строка моя ужъ, конечно, не въ пятачокъ бы цѣнилась. Вы посмотрите: какъ много изъ насъ, женщинъ, блистательно начинаютъ, и какъ мало хорошо продолжаютъ и кончаютъ. Это потому, что обыкновенно начинаемъ-то мы еще спокойными, сытыми дилеттантками, либо съ жалованьемъ супруга, либо съ попечительными папашею и мамашею за спиною, а продолжать-то и кончать приходится уже нищими профессіоналками, трепещущими за кусокъ хлѣба, изнывающими въ роковой конкурренціи и между собою, и съ мужскимъ трудомъ. Дама-писательница! дама-романистка! Сколько насмѣшекъ, сколько обиднаго снисхожденія!.. Тяжело, А. В.! И—что удивительнаго, если многія изъ насъ на корню вянутъ, а бываютъ и такія, что, стараясь облегчить себѣ трудъ, перерабатываются въ авантюристокъ печати, плагіаторшъ подъ шумокъ и т. д. Виновны, но заслуживаютъ снисхожденія. Не будемъ называть именъ. Но одна изъ моихъ коллегъ, напр., чуть не половину разсказовъ Мопассана передѣлала на русскіе нравы подъ своимъ именемъ. Переутомленная голова не работаетъ, сюжетовъ нѣтъ, а ѣсть надо, и башмаки рваные: достань двадцать рублей, откуда хочешь,—стало быть, четыреста строкъ хоть роди да подай. Ну, и пошла переряживать «Mademoiselle Fifi» въ «Поручика Фифкина», а «Maison Tellier» въ «Заведеніе купчихи Телкиной». Снесетъ эти лохмотья въ какое-нибудь журнальное захолустье поневѣжественнѣе,—точно перекрашенную собаку на рынокъ сведетъ. Получитъ деньги, — рада. А напечатаютъ разсказъ,—трясется недѣли двѣ, ни жива, ни мертва: уличатъ въ плагіатѣ или нѣтъ? Господи! помоги, чтобы не уличили!.. Вотъ какой проклятый хлѣбъ! А. N.?—Капитолина Валерьяновна назвала очень извѣстное имя,—какія художественныя вещи привезла она съ собою, когда только-что появилась въ Петербургѣ изъ провинціи! Вѣдь ей Салтыковъ рукоплескалъ, Михайловскій пророчилъ, что она

русскою Жоржъ-Зандъ будетъ. И что же теперь? Выбрасывала-выбрасывала строки, какъ машина, и дописалась до того, что даже русскую грамоту позабыла, слогъ потеряла, пишетъ: «Проходя мимо деревни, острые глаза незнакомца обрѣли въ расщелинѣ мѣстности прелестную голубоглазую блондинку съ черными, какъ смоль, волосами»...

Надо отдать справедливость самой К. В.: при всемъ ужасномъ, каторжномъ, можно сказать, многописаніи своемъ, она сберегла и слогъ, и технику сочинительства—въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ большинство ея товарокъ по ремеслу. Недостатками ея работъ были вялый, шаблонный объективизмъ, отсутствіе нерва, личной возбудимости темою, что̀ накладывало на ея статьи оттѣнокъ тусклости и трафаретной прямолинейности. Не было новизны, свѣжести чувства, искренней находчивости, красокъ, изобрѣтательности, образности. Читаешь ее, бывало: выражаетъ она радость, скорбь, негодованіе,—и все, какъ будто, не сама она это радуется, негодуетъ, но только справясь въ кодексѣ литературныхъ приличій, повторяетъ оттуда наизусть исконную формулу радости, скорби, негодованія, въ данномъ случаѣ принятую и давностью освященную. Беллетристка въ К. В. пропала несомнѣнно очень хорошая. Даже при проклятыхъ условіяхъ made in Germany, ея романы, написанные красиво, осмысленно, безъ вычуръ декадентства, въ мягкихъ акварельныхъ тонахъ, читались среднею публикою не только съ занимательностью, но и съ пользою. Въ нихъ дрожали, хотя и слабымъ, но постояннымъ отраженіемъ, свѣтлые лучи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ,—перо Назарьевой не осквернилось проповѣдью эгоистическаго «сверхчеловѣчества», сословной и расовой ненависти, сочувствіемъ мракобѣсію и грубой силѣ. Это была труженица скромная, но честная, гуманная. Миръ ея праху!.. Вѣчный покой ея бѣднымъ, усталымъ надъ бумагою глазамъ! Вѣчный покой этому грустному и

боязливому взору работницы-неудачницы, которой вся жизнь была сплошною борьбою за существованіе, которая всю жизнь, изнемогая, катила въ гору Сизифовъ камень, и наконецъ онъ все-таки сбросилъ бѣднягу подъ гору въ раннюю могилу, раздавилъ ее и накрылъ, какъ грозно-насмѣшливый памятникъ въ честь скорбей и печалей, переживаемыхъ русскимъ женскимъ трудомъ.

О ревности.

I.

Убійство въ Царскомъ Селѣ баронессою Врангель сестры своей, Чернобаевскій процессъ въ Москвѣ и рѣчи и ходатайства женскаго конгресса въ Парижѣ заставили печать и общество снова разговориться на тему о ревности, мирно спавшую въ архивѣ чуть ли не со временъ «Крейцеровой сонаты».

Признаюсь откровенно. Говоря о ревности, я буду писать о чувствѣ, мнѣ совершенно неизвѣстномъ, которое я могу вообразить себѣ лишь вчужѣ, отвлеченно, по конфиденціямъ добрыхъ друзей и знакомыхъ изъ разряда Отелло, да по романическимъ книжкамъ съ исторіями о ревности или съ анализомъ ея психологіи. Я, словомъ, знаю, что есть такое скверное чувство въ разрядѣ страстей человѣческихъ—ревность, знаю, какъ она выражается внѣшнимъ образомъ въ поступкахъ человѣческихъ, понимаю ея источники и мотивы; но рѣшительно не въ состояніи вообразить ее въ субъективномъ примѣненіи. Мнѣ никогда не случалось ревновать,—думаю, что и не случится, развѣ что къ дряхлой старости натура человѣка, говорятъ, иной разъ мѣняется до корня, и удовольствіе испытать муки Отелло или Позднышева сохранено для меня благодѣтельною природою лѣтъ на 70—75. Но старческая ревность, обыкновенно, относится къ разряду комическихъ явленій жизни, а не трагическихъ; она обычный сюжетъ для водевиля, но рѣдко возвышается до трагедіи. Такъ что удивить міръ ревнивымъ злодѣйствомъ я, кажется, пропустилъ всѣ сроки. Такимъ образомъ, могу говорить о ревности—«какъ ста-

рый дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва».

Прошу извиненія за субъективный и даже автобіографическій тонъ выше напечатанныхъ строкъ. Но такія сомнительныя, неопредѣленныя чувства, какъ ревность, всегда анализируются у насъ въ субъективной примѣркѣ. Читаешь разсужденія о ревности россійскихъ Платоновъ и—такъ и видишь въ промежуткѣ общихъ фразъ, обвиняющихъ или оправдывающихъ, глядя по убѣжденіямъ автора, какъ онъ мысленно прикидываетъ теорію на свой личный практическій салтыкъ:

— А что, молъ, если бы сбрендила моя Марья Ивановна?! О!!!...

И точки. Много много выразительно-кровавыхъ точекъ.

Или наоборотъ:

— А вотъ, кабы отъ меня сбѣжала Пульхерія Андреевна,—ужъ показалъ бы я міру, какъ гуманно и рыцарски долженъ относиться къ подобнымъ происшествіямъ истинно интеллигентный и порядочный человѣкъ.

— Ахъ, если бы онъ измѣнилъ мнѣ, я бы убила его!.. ее!.. всѣхъ!!!

— А я... я пожертвовала бы собою для ихъ счастія и потомъ... умерла бы!

Мнѣ кажется, что сильное развитіе половой ревности въ нашемъ современномъ обществѣ, — а развитія этого отрицать нельзя, — происходитъ отъ романической привычки удѣлять ей вниманія гораздо больше, чѣмъ она того заслуживаетъ, а вниманія больше заслугъ удѣляется ей по романическому же предразсудку считать ревность чувствомъ возвышеннымъ, благороднымъ, украшающимъ любовь и представляющимъ непремѣнный ея признакъ, чуть не доказательство ея истинности.

Кому не случалось слышать жалобъ отъ женъ, сомнѣвающихся, любятъ ли ихъ мужья, потому что:

— Что же это? За мною всѣ ухаживаютъ, я кокетни-

чаю направо и налѣво, а ему—что стѣнѣ горохъ: хоть бы замѣчаніе сдѣлалъ, хотя бы поморщился... Значитъ, онъ не боится потерять меня для другого! Значитъ, я ему—«все равно!» Значитъ, онъ меня не любитъ! О, я несчастная!

Или, наоборотъ, дикихъ и глупыхъ восторговъ:

— Ахъ, душка! какъ онъ меня любитъ, какъ любитъ! Иванъ Ивановичъ всего лишь тѣмъ и провинился, что заѣхалъ къ намъ въ непріемный часъ, а я все-таки его приняла... Ну, и досталось же мнѣ! буду помнить! Чуть не убилъ,—право: ты, говоритъ, такая, ты, говоритъ, сякая... Едва-едва отговорила его не вызывать Ивана Ивановича на дуэль. Просто,—тигръ какой-то!

Извѣстенъ трагикомическій разсказъ Герберштейна, имѣющій уже почтенную давность четырехъ вѣковъ, о русской дамѣ, на которой женился нѣмчинъ. Супруги жили счастливо, но молодая думала, что она несчастна, и плакала горькими слезами, потому что мужъ ее не колотилъ.

— Всѣ мужья бьютъ своихъ женъ, а ты не бьешь,—значитъ, я тебѣ не люба! ты другую любишь.

Нѣмецъ, изумленный столь странною логикою супружескихъ отношеній, долгое время уклонялся отъ доказательствъ своей нѣжности чрезъ посредство побоевъ. Но, наконецъ, жена его такъ одолѣла, что онъ рѣшилъ: «съ волками жить, по-волчьи выть»,—и отдулъ благовѣрную разъ, другой, третій, къ полному ея удовольствію. Потому ли, что нѣмецъ, какъ нѣмецъ, любилъ все дѣлать аккуратно, и, ужъ если взялся бить, то билъ на совѣсть; потому ли, что, ознакомясь съ новымъ спортомъ, вошелъ во вкусъ и сталъ упражняться въ немъ до чрезмѣрнаго усердія,—только жена нѣмца вскорѣ захирѣла и умерла. А нѣмцу отрубили голову.

Современное стремленіе женщины быть «интересно» ревнуемою вполнѣ сродни этому средневѣковому влеченію быть битою по любви. И, если смотрѣть въ корень, оно не менѣе унизительно для женщины, чѣмъ то, старинное, по-

тому, что въ немъ, со стороны женщины, громко звучитъ то же странное, страдальческое желаніе сознавать себя вещью, собственностью мужчины, что въ средневѣковыхъ просьбахъ о побояхъ.

— Хочу страданіемъ познать, что я твоя!—такова логика жены Герберштейнова нѣмца.

— Обрати въ адъ подозрѣній и мою, и свою жизнь,— тогда я сознаю, что я твоя!—такова логика современныхъ охотницъ до трагедій ревности. Для нихъ любовь прежде всего является чѣмъ-то въ родѣ «наказанія на душѣ», какъ для дуры эпохи Герберштейна была она наказаніемъ на тѣлѣ.

Романтическая эпоха, когда ревность, въ качествѣ сильной страсти, порождающей эффектныя эмоціи, была особенно въ чести, прославляемая, какъ чувство, хотя мрачно-губительное, но прекрасное благородное, навязала потомству предразсудки эти съ необычайною прочностью. Я зналъ и знаю весьма многихъ мужчинъ, совсѣмъ не ревнивыхъ по существу, которые искренно стыдились отсутствія въ нихъ этой способности и—за неимѣніемъ гербовой, писали на простой: играли въ ревность, притворялись ревнивцами, при чемъ инымъ удавалось и въ самомъ дѣлѣ увѣрить себя, будто они ревнивы. Увѣрить не только до громкихъ и страшныхъ словъ, но и до нѣкоторыхъ дѣяній даже уголовнаго характера, въ которыхъ потомъ они мало, что горько раскаивались, но и прямо и откровенно обвиняли себя: сдуру сдѣлалъ! самъ не знаю, зачѣмъ! Предразсудокъ о «порядочности» ревности создаетъ весьма частое театральничанье ревностью. Имъ полны романы мальчишекъ, — «на зарѣ туманной юности». Боже мой! да кто же изъ насъ не вспомнитъ, какъ въ 18—20 лѣтъ онъ гримировался Отелло предъ какою-нибудь Анною, Марьею, Лидіей, Клавдіей и т. д. Простите за опять субъективные «реминисансы». Я, напримѣръ, впервые въ жизни очутился въ Петербургѣ, на двадцатомъ году жизни, по-

тому что жестокая «она» вышла замужъ за военнаго офицера, и я всеконечно не могъ! не могъ!! не могъ!!! оставаться съ «нею» въ одномъ городѣ, дышать однимъ воздухомъ... И я уѣхалъ въ Петербургъ, разыгравъ такія сцены отчаянія, что просто, Сальвини всѣ пальчики перецѣловалъ бы, а главное, и самого себя стараясь держать въ глубокомъ убѣжденіи, что я дѣйствительно несчастенъ, и жизнь моя разбита, и всѣ свѣтила потускли, и всѣ радуги померкли. И ужасно злился на себя, когда, сквозь это театральничанье, вдругъ начинали мелькать настоящія-то молодыя мысли:—А хорошо въ Петербургѣ будетъ въ театръ сходить, Савину посмотрѣть! а улицы-то, говорятъ, въ Петербургѣ чистыя, а дома-то огромные! «Мѣднаго всадника» увижу, Эрмитажъ. Славно!.. И старался хмуриться еще мрачнѣе, дабы окружающіе не замѣтили паденія барометра моихъ чувствъ и не умѣрили, въ соотвѣтственномъ отношеніи своего ко мнѣ сочувствія. Но въ вагонѣ, едва поѣздъ двинулся, мнѣ вдругъ стало такъ мило и весело, что я ѣду въ Петербургъ, что я чуть-чуть не подскакивалъ на скамьѣ... Объ «измѣнницѣ» и по дорогѣ, и въ Питерѣ я ни разу не вспомнилъ, провелъ время самымъ счастливымъ и утѣшительнымъ образомъ, а, вернувшись въ Москву, едва не провалился на экзаменѣ по римскому праву у Боголѣпова и, зубря лекціи, со злостью думалъ:

— Очень нужно было ломаться и весь этотъ глупый романъ разыгрывать: лучше бы въ университетъ ходилъ... Долби теперь на спѣхъ! удивительное удовольствіе!

Театральничанье ревностью бываетъ не у однихъ мальчишекъ, оно переходитъ и въ зрѣлые годы—и здѣсь оно опаснѣе, чѣмъ раньше, потому что и ревность зрѣлаго человѣка, семьянина, опаснѣе по характеру своему, чѣмъ ревность юнца. Ибо послѣдняя есть, такъ сказать, достигательная, и источникъ ея—зависть къ чужому преуспѣянію въ любви, либо обидное сознаніе: «близокъ локоть, да не укусишь». А ревность взрослаго семьянина—охранитель-

ная, и источникъ ея—чувство собственности, потребность въ ея эгоистическомъ сбереженіи для своего исключительнаго пользованія. Къ великому счастью человѣчества, большинство мальчишескихъ романовъ бываетъ несчастно,—такъ что права собственности на «любимую женщину» не успѣваютъ создаться, и ревность, слѣдовательно, застреваетъ тоже въ страдательно-вожделѣющемъ періодѣ, не переходя въ дѣятельно-охранительный. Иначе,—во сколько бы разъ увеличился процентъ убійствъ и насилій изъ ревности! съ какимъ бы учащеннымъ усердіемъ разряжались револьверы юныхъ Хозе и вонзались кинжалы еще юнѣйшихъ Алеко въ разныхъ коварныхъ Карменъ и Земфиръ. Преступленія изъ ревности тѣмъ чаще въ культурной странѣ, чѣмъ ранѣе населеніе ея становится способнымъ къ половому сожительству. Романская раса превосходитъ числомъ ихъ славянскую и германскую, южане—сѣверянъ. И что касается интеллигентныхъ слоевъ общества, повторю: далеко не всѣ эти преступленія—результатъ искренней, непосредственной ревности. Есть предразсудочныя приличія нравственныя, какъ есть приличія быта. Много на свѣтѣ людей, которые, не имѣя, на что купить новаго галстуха, предпочтутъ украсть галстухъ, чѣмъ осрамиться, показавшись въ обществѣ въ старомъ, засаленномъ галстухѣ, хотя отлично понимаютъ, что срамъ отъ преступленія вдесятеро горше срама отъ появленія въ грязномъ галстухѣ. Много людей, которые убиваютъ своихъ женъ, соперниковъ, выходя на дуэли etc., именемъ ревности, вовсе не потому, чтобы послѣдняя разжигала въ нихъ нетерпимую, свирѣпую ненависть, не дающую жить жажду крови, убійства, но просто потому, что: какъ же иначе? Въ такихъ случаяхъ принято убивать. И Отелло убилъ, и Позднышевъ убилъ, и тотъ-то застрѣлилъ, и этотъ-то застрѣлился. Не убить другого или себя въ такихъ случаяхъ—неприлично. Я долженъ спасти свою честь, исполнить, что велитъ мнѣ общепринятое приличіе. Вѣдь, либо Отелло, либо водевильный комикъ. Не

хочу, чтобы надо мною смѣялись, хочу, чтобы отъ меня плакали! Не хочу въ водевильные комики — желаю въ Отелло!

Если такъ случается разсуждать даже людямъ взрослымъ, съ зрѣлымъ и образованнымъ умомъ, тѣмъ легче ловятся въ капканъ предразсудка о нравственномъ приличіи ревности юноши и люди полуинтеллигентные. Въ одной изъ статей сборника моего «Столичная бездна», въ этюдѣ «Уголовная чернь», я проводилъ положеніе, что преступленія по несчастной любви особенно часты въ средѣ русскаго мѣщанства, жительствующаго по большимъ городамъ. Тезисъ этотъ, поставленный мною по впечатлѣніямъ нѣсколькихъ процессовъ, почти апріорно, съ малымъ количествомъ опытовъ и наблюденій, оказался, однако, въ соотвѣтствіи съ данными уголовной статистики, что̀ указалъ мнѣ въ письмѣ такой авторитетный криминалистъ, какъ А. Ѳ. Кони. Любопытно, что, когда Островскому понадобилось написать русскаго Отелло, онъ взялъ Льва Краснова тоже изъ мѣщанской среды. Всего опаснѣе въ ревности — по дѣйствительной ли страсти, по долгу ли приличія — сумеречная полоса, переходная отъ народа къ привилегированнымъ классамъ, уже утерявшая міросозерцаніе мужицкое «отъ сохи», и еще не обрѣтшая міросозерцанія культурнаго. Вмѣсто послѣдняго, для нея мерцаетъ лишь внѣшній, лживый, мишурный призракъ его, и она ползетъ вслѣдъ призраку, какъ за блуждающимъ огонькомъ, въ какую только онъ ни поманитъ пропасть... Однажды я посѣтилъ въ домѣ сумасшедшихъ приказчика, отданнаго на «длящуюся экспертизу»: онъ покушался убить свою любовницу. Я зналъ эту исторію и зналъ, что дѣвушка, которую онъ чуть не зарѣзалъ, была ему совсѣмъ не дорога, онъ тяготился связью, и любовница его подозрѣвала это. Такъ что даже, можетъ быть, съ горя отъ охлажденія этого, она и стала любезничать съ другимъ приказчикомъ, чѣмъ и вызвала катастрофу.

— Скажите, пожалуйста, П***, — спросилъ я, вы-

яснивъ изъ разговора съ нимъ, что дѣло имѣло именно такую нравственную обстановку, а не иную,—зачѣмъ же вы на стѣну-то полѣзли? что васъ толкнуло подъ руку?

П*** потупился.

— Товарищи засмѣяли,—сказалъ онъ.

— То есть?

— Издѣвались очень. Особенно Батистовъ Вонифатъ. Вотъ, говоритъ, ты въ гимназіи два класса былъ и романы изъ библіотеки читаешь, а образованныхъ чувствъ у тебя нѣтъ. Развѣ образованный, который интеллигентъ, попуститъ, чтобы Машка съ Иваномъ Абрамовымъ хвостъ трепала, поругая любовь и попирая сердце? Нѣтъ, образованный интеллигентъ долж̀онъ проклясть рокъ судьбы и вонзить кинжалъ... А тебѣ—коленкоръ мѣрять, а не любовь питать; ты чувствъ чести недоумѣваешь. Ну, я и того... вошелъ въ настроеніе.

Недавно я перечитывалъ «Врача своей чести» Кальдерона. А знаете ли, вѣдь эта «драма о ревности»—совсѣмъ не о ревности. Герой ея, по чувству, также равнодушенъ къ женѣ своей, какъ П***—къ Машкѣ, которая трепала хвостъ съ Иваномъ Абрамовымъ. Это—драма о человѣкѣ, считающемъ себя обязаннымъ питать ревность, «вошедшемъ въ настроеніе». Жалкаго П*** ввелъ въ настроеніе Вонифатъ Батистовъ, а великолѣпнаго дона Гутьэреса—складъ кастильскаго общества, который указалъ ему,—какъ нравственный долгъ,—приличіе убить жену, хотя и невинную, и неслишкомъ любимую, по одному лишь подозрѣнію въ связи съ инфантомъ. И оба—какъ недалекій, темный приказчикъ, такъ и блистательный грандъ Испаніи—увы!—родные братья по чувству. И, если бы не было въ Испаніи дона Гутьэреса, быть можетъ, не было бы и П*** въ Россіи. Потому что условности романтической ревности внѣдрились въ Вонифатовъ Батистовыхъ и К° именно отъ дона Гутьэреса, размѣненнаго на алтыны и семитки въ бульварной уголовной литературѣ, съ запада

навѣянной скверными переводами со скверныхъ подлинниковъ.

По природѣ русскій человѣкъ совсѣмъ не ревнивъ, ибо онъ весьма мало буржуа, а ревность, слагающаяся изъ института пріобрѣтенія и охранительной боязни за собственность, несомнѣнно буржуазное чувство въ основѣ своей, какъ бы его ни облагораживали съ поверхности. Великолѣпное tue la! Александра Дюма совсѣмъ не въ нравахъ русскаго народа, который, на днѣ своемъ, заявляетъ о невѣрныхъ женахъ, что «тѣмъ море не испоганилось, что собака воду лакала», а на верхушкахъ своего ума, чувства и нравственнаго развитія, устами величайшаго своего поэта, высказалъ величайшій кодексъ своихъ любовныхъ отношеній къ женщинѣ:

Я васъ любилъ. Любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ.
Но пусть она васъ больше не тревожитъ,
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ,
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

Согласитесь, что отъ этого восьмистишія—цѣлую пропасть перешагнуть надо, чтобы восклицать, вмѣстѣ съ Отелло:

Ахъ, я бъ желалъ родиться лучше жабой
И въ сырости темницы пресмыкаться,
Чѣмъ изъ того, что я люблю, другому
Малѣйшую частицу отдавать.

Ревность въ произведеніяхъ русскихъ писателей нашла отраженіе, сравнительно незначительное и всегда строго осуждающее. Алеко и Позднышевъ стоятъ на границахъ XIX вѣка, въ началѣ и въ концѣ его, равно сурово приговоренные двумя колоссами нашей мысли. Едва наша юная цивилизація породнилась съ западною, мы схватились за теорію свободной любви съ энергіей, которой проповѣдь ея

не имѣла и во Франціи, гдѣ она все-таки считалась съ pruderie общественнаго мнѣнія, съ буржуазнымъ фарисействомъ. Жоржъ-Зандъ имѣла у насъ въ Россіи едва-ли не большій успѣхъ, чѣмъ у европейской публики; она имѣла огромнѣйшее вліяніе на реалистовъ нашихъ сороковыхъ-шестидесятыхъ годовъ, въ области женскаго вопроса она—прямая учительница Салтыкова; Достоевскій поклонялся ея памяти даже въ своей старости, когда погрузился въ то «православное государственничество», плодами котораго явились «Дневникъ Писателя» и «Карамазовы», и которое, конечно, съ жоржъ-зандизмомъ ладило столько же, какъ вода и камень, ледъ и пламень. Гдѣ, въ какой странѣ болѣе пылко и убѣдительно велась и ведется общественная агитація въ пользу облегченія развода,—мѣры, раннее или позднее проведеніе которой дастъ современемъ такой же радостный, гордый и плодотворный день, какъ 19-е февраля 1861 года? Гдѣ съ большею энергіей и увѣренностью проповѣдывалось право жены на разводъ нравственный, на прекращеніе супружескихъ обязанностей къ нелюбимому мужу? Гдѣ усерднѣе учили мужей относиться снисходительно къ праву жены полюбить другого? Гдѣ властвовала, въ этомъ направленіи, надъ умами болѣе краснорѣчивая проповѣдь движенія къ свободной любви, чѣмъ, напр., «Подводный Камень» Авдѣева, какъ бы открывшій собою движеніе женской эмансипаціи въ русскихъ шестидесятыхъ годахъ. Герои Авдѣева и другихъ твердили своимъ преступнымъ женамъ пушкинское «дай вамъ Богъ любимой быть другимъ» именно въ то самое время, какъ буржуа Дюма-сына провозгласили свое свирѣпое: tue la!

Ты женись, женись, мой милый, позволяю я тебѣ...
... Коли лучше найдешь, позабудешь,
Коли хуже найдешь, пожалѣешь!

стонетъ въ пѣсняхъ, покорная на разлуку, русская баба. Развѣ не характерно, что русскіе актеры не находятъ достаточно яркихъ и выразительныхъ красокъ для изображе-

нія Отелло, тогда какъ итальянцы и французы играютъ его съ гораздо большею легкостью, нежели другія шекспировскія роли? Развѣ не характерно, что Бѣлинскій, образецъ настоящаго русскаго критическаго ума, разбирая игру Мочалова, едва скользнулъ по Отелло, гдѣ любовь къ женщинѣ—все, и съ такою страстностью занимался Гамлетомъ, гдѣ любовь къ женщинѣ имѣетъ значеніе подчиненное, побочное главному ходу дѣйствія, и не въ ней совсѣмъ суть? Лучшія наши комедіи («Ревизоръ», пьесы Сухово-Кобылина, «Свои люди, сочтемся») почти лишены «женскихъ ролей». Даже такая половая драма, какъ «Власть тьмы», обошлась безъ элемента ревности. А Тихонъ въ «Грозѣ»?

Одинъ простодушный россійскій зритель, видя впервые «Отелло» на сценѣ, резюмировалъ мнѣ свои впечатлѣнія слѣдующимъ краткимъ, но выразительно-неожиданнымъ замѣчаніемъ:

— Да, много бабы эти нашему брату пакостятъ!

А другой весьма интеллигентный чудакъ и дѣловикъ, слушая однажды на журфиксѣ споръ объ Отелло, Яго, Дездемонѣ, о правахъ любви и ревности, о власти надъ жизнью и смертью любимаго человѣка и прочихъ важныхъ матеріяхъ, вдругъ вставилъ, слегка заикаясь по обыкновенію, крылатое словцо:

— До-ожъ виноватъ.

— Дожъ? какой дожъ?

— Ве-не-ціанскій.

— Онъ-то при чемъ же?

— За-ачѣмъ назначилъ Отелло гу-убернаторомъ. Онъ человѣкъ во-енный. Ему бы съ турками каждый день воевать, а се-енатъ его—на Ки-ипръ. О-островъ мирный.

— Такъ что же?

— Дѣ-ѣлать генералу было нечего, ску-учалъ. Во-отъ онъ и ста-алъ отъ скуки съ дѣлопро-о-изводителе-е-емъ сплетнями заниматься. А это народъ извѣстный: гады!

Дѣ-ѣлопроизводителя выгнать было надо,—не было бы и тра-агедіи. О они шельмы.

— Отелло-то съ Дездемоною?!

— Нѣ-ѣтъ: дѣлопроизводители.

Во Франціи законъ, безсильный бороться съ темпераментомъ ревнивыхъ собственниковъ-мужей, даетъ супругу право безнаказанно убить любовника жены, заставъ его на мѣстѣ преступленія. Правомъ этимъ многіе пользовались, и общество сохраняло къ нимъ уваженіе, какъ къ своего рода героямъ. Какъ вы думаете? могъ ли бы подобный убійца по праву обременять своимъ присутствіемъ наше русское общество? протянулась ли бы къ нему хоть одна рука? Очень сомнѣваюсь. Ужъ слишкомъ мы, славяне, не любимъ самосуда въ нравственныхъ вопросахъ, слишкомъ скептически относимся къ насилію надъ душою ближняго. А убійство, какъ нанесеніе внезапной, преждевременной смерти, считается погубленіемъ души, а не тѣла. «Грабить-грабилъ, а душъ не губливалъ», хвалится русскій преступникъ. Убійство есть душегубство, и таково всякое убійство. И таковъ обще-русскій взглядъ, что—тѣло твое, а душа Божья, и жить ей велѣно, дондеже Богъ смертнаго ангела не пошлетъ. И ни самъ человѣкъ, ни другой кто надъ душою не властенъ, и выпустить ее изъ тѣла чрезъ произвольно наносимую смерть—грѣхъ отвратительный и нестерпимый. «Ты для себя лишь хочешь воли... Ты золъ и гордъ...»—гремитъ карающее слово стараго цыгана къ ревнивцу-Алеко, покончившему своимъ судомъ жизнь пестрой бабочки-однодневки, бѣдной, легкомысленной Земфиры. Осужденъ Позднышевъ, осужденъ Отелло, осужденъ всякій, кто свое мужское право на обладаніе женщиною поставилъ выше правъ обще-человѣческихъ. Осуждены и тѣ, кто горѣ, верху, и тѣ, кто на землѣ, низу. Ибо вѣдь и Левъ Красновъ, когда, подобно Алеко, свершилъ онъ самосудъ надъ глупенькою невѣрною Татьяною,—даже и этотъ грозный, честный Левъ Красновъ, даромъ, что онъ

не баринъ-байронистъ, играющій въ опрощеніе, а лишь простой, сѣрый мѣщанинъ,—едва хватилъ жену ножомъ, какъ тутъ же выслушалъ и величавое себѣ обличеніе:

— Что ты сдѣлалъ?—говоритъ ему дѣдъ Архипъ, Стародумъ драмы, носитель народной мудрости,—кто тебѣ волю далъ? Нешто она предъ тобою однимъ виновата? Она *прежде всего* передъ Богомъ виновата, а ты, гордый, самовольный человѣкъ, ты самъ своимъ судомъ судить захотѣлъ. Не захотѣлъ ты подождать милосерднаго суда Божьяго, такъ и самъ ступай теперь на судъ человѣческій!

И таковъ былъ русскій взглядъ на права ревности всегда, начиная отъ самыхъ древнихъ «правдъ», еще лишь полухристіанскаго происхожденія. Нѣтъ, не ревнивый мы народъ,—и оттого-то каждая уголовщина, возникающая у насъ изъ ревности, вызываетъ въ обществѣ столько толковъ, споровъ, недоумѣнія...

1900.

II.

Купеческія дочки въ старинномъ Замоскворѣчьи Островскаго упражняли не весьма быстрые умы свои рѣшеніемъ многихъ глубокомысленныхъ вопросовъ, какъ-то: что пріятнѣе—ждать и не дождаться, или имѣть и потерять? какой цвѣтъ лучше—голубой или розовый? и, наконецъ,—верхъ философіи!—кто болѣе способенъ любить: мужчина или женщина? Настя Ничкина утверждала, что женщина; Бальзаминовъ говорилъ, что мужчина,—и время проходило весьма пріятно, невинно и незамѣтно. Къ большому ущербу нашей литературы, двѣ первыя публицистическія темы, о преимуществѣ цвѣтовъ и объ ожиданіи, исчезли изъ нея, кажется, безвозвратно. Зато третья процвѣтаетъ въ авантажѣ, ничуть не меньшемъ, если не въ большемъ, прежняго за-

москворѣцкаго. И Настя Ничкина, и Бальзаминовъ не умираютъ въ родной словесности.

— Нечего сказать: хороши ваши женщины!—зудитъ Бальзаминовъ.

— Да ужъ и мужчины ваши хороши!—отзуживается Ничкина.

— Да ужъ и женщины!!!

— Да ужъ и мужчины!!!

Занятіе сіе можно было бы, по справедливости, назвать празднымъ, если бы, къ сожалѣнію, оно не было занятіемъ боговъ. Ибо, по миѳологіи греческой, еще Зевесъ и Гера вели диспутъ на эту безысносную тему, и, когда нѣкто Тирезій, имѣвшій всѣ основанія судить о любви обоихъ половъ, попробовалъ рѣшить ихъ споръ, Гера наказала его слѣпотою. Вотъ оно какъ—въ старину-то! И, хотя Тирезій клялся и божился:

— О, пресвѣтлая богиня! Сама же требовала ты отъ меня, чтобы повѣдалъ я тебѣ чистую правду!

Тѣмъ не менѣе—глаза къ нему не вернулись.

Тирезіи въ отечествѣ нашемъ обрѣтаются въ умаленіи, но Бальзаминовыхъ и Ничкиныхъ не орутъ, не сѣютъ, сами плодятся. И—хоть ты что—ни о чемъ другомъ думать они не хотятъ:

— Женщины ляки!

— Мужчины бяки!

— Женщины!!!

— Мужчины!!!

— Ляки!!!

— Бяки!!!

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что укладъ европейской семьи, созданной буржуазнымъ строемъ и отражающей его, какъ зеркало, переживаетъ сейчасъ тяжелый и рѣшительный, повсемѣстный кризисъ—у насъ въ Россіи замѣтный, можетъ быть, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потому что, во-первыхъ, мы, вообще, великіе мастера оттачивать свои психологическіе

кризисы до рѣжущей остроты, а, во-вторыхъ, потому, что наша малочисленная интеллигенція—чуть не вся на перечетъ, и каждое проявленіе кризиса въ ея тѣсномъ углу—какъ на ладони. И—послѣ каждаго проявленія—газеты, журналы, публичныя лекціи оглашаются воплями:

— Еще примѣръ женскаго звѣрства!

— Еще случай мужского изувѣрства!

И, взывая къ высшей морали, строго приглашаютъ впередъ исправиться—мужчины женщинъ, женщины мужчинъ. А затѣмъ летятъ тучами «письма въ редакцію», оповѣщая, если не почтеннѣйшую публику, то редакціонную корзину, что:

— Мой подлецъ еще хуже!

— Нѣтъ, вы послушайте, что моя шельма выдумала!

Я увѣренъ, что, напримѣръ, сотрудникъ «Руси» г. А. Зенгеръ, задавшійся цѣлью слить всѣ супружескіе ручьи въ морѣ своего отдѣла «Женщины и мы», заваленъ подобными письмами паче самаго ходового адвоката по бракоразводнымъ дѣламъ. Ибо ничего на свѣтѣ не любитъ такъ россійскій мужъ, какъ пожаловаться стороннему внемлющему на свою жену, и ничего на свѣтѣ не обожаетъ болѣе россійская жена, какъ пожаловаться третьему лицу—особливо же литератору—на своего мужа.

— Вы занимаетесь женскимъ вопросомъ... ахъ, напишите мою жизнь! Это цѣлый романъ!

И бѣдняжки увѣрены, что «романъ» не только входитъ въ составъ «женскаго вопроса», но даже представляетъ собою какъ бы нѣкоторое руководство къ оному. И не подозрѣваютъ того, что въ томъ-то и суть, и идеалъ «женскаго вопроса», чтобы уничтожились всѣ эти «романы» и, зачеркнутые равноправіемъ половъ, сдѣлались бы въ будущемъ невозможными, какъ правило, аномаліями изъ ряда вонъ, какъ исключенія.

Изъ всѣхъ, записанныхъ А. Зенгеромъ, исторій, такъ сказать, «объ ейныхъ подлостяхъ и евоныхъ благород-

ствахъ», на меня произвела наибольшее впечатлѣніе трагическая поэма о ревнивой женѣ, которая никакъ не могла простить мужу, что однажды онъ до бѣлаго утра пропадалъ внѣ дома, превесело проводя это время въ эстетическомъ разговорѣ съ ея соперницей, а она, жена, совсѣмъ не эстетически штопала, тѣми часами, мужнины «поганые штаны». Занятіе это осточертѣло бѣдной дамѣ (по-моему, вполнѣ заслуженно), и, когда супругъ удостоилъ явиться и полѣзъ къ женѣ съ нѣжностями, она сего эстета и платоническій предметъ его обругала скверными словами и вела себя, въ истерикѣ, столь дико и вульгарно, что, въ возмездіе за ревнивое сквернословіе, оскорбленный въ лучшихъ чувствахъ своихъ, эстетъ былъ поставленъ въ печальную необходимость жену поколотить. Страдалецъ требуетъ сочувствія къ судьбѣ своей—очевидно, по той же логикѣ, какъ Митрофанушка жалѣлъ матушку, что она сильно устала, колотя батюшку. Лѣтописное спокойствіе, съ какимъ А. Зенгеръ удачно разсказалъ этотъ эпизодъ, несомнѣнно, взятый съ натуры, еще подчеркиваетъ его вопіющую нелѣпость, отъ которой было бы смѣшно, когда бы не было грустно.

Я долженъ сознаться pro domo sua: разбираться въ вопросахъ ревности съ психологической точки зрѣнія я и не мастеръ, и не охотникъ, ибо субъективно чувства этого никогда не могъ воспринять (когда молодъ былъ, даже стыдился этой ревнивой атрофіи!); объективно же разсуждая, всегда находилъ его очень сквернымъ, болѣзненнымъ проявленіемъ хищнаго инстинкта, требующаго, чтобы твое было мое, а мое—тоже мое. Что болѣзнь ревности можетъ развиться въ человѣкѣ до степени всепожирающаго недуга, вчужѣ понимаю, но отъ того не дѣлается она ни законною, ни благородною, ни красивою, ни заслуживающею симпатіи и уваженія. Жалѣть ревнивца можно, какъ всякаго душевно-больного, но уважать въ фактѣ ревности даже и самого Отелло не за что. Медея мнѣ, все-таки, понятнѣе: ея преступленіе—конечно, тоже результатъ умопомраченія,

душевной горячки, но простуда-то ревностью у нея болѣе извинительна, какъ, впрочемъ, и вообще у женщинъ...

— Ахъ,—остановитъ меня читатель,—надъ чѣмъ же вы только-что сейчасъ смѣялись? Сами теперь принимаетесь выгораживать лякъ отъ бякъ?

Нѣтъ, этимъ похвальнымъ упражненіемъ заняться я не собираюсь, а хочу лишь установить вотъ что. Въ статьяхъ своей книги «Женское нестроеніе» я пытался если не разрѣшить, то объяснить нѣкоторыя частности женскаго вопроса и намѣтить возможный дальнѣйшій ихъ ходъ, отправляясь изъ экономическихъ законовъ спроса и предложенія. Я думаю, что подъ желѣзнымъ игомъ этихъ законовъ сложилось исторически и то рабовладѣльческое чувство, что называется ревностью и отъ многихъ почитается возвышеннымъ и благороднымъ.

— Посмотрите, какія благородныя очертанія у этого замка!—воскликнула одна моя тифлисская знакомая, показывая на грозныя сѣрыя башни, высоко надъ шумной Курою.

Я взглянулъ; замокъ былъ—Метэхская тюрьма! Такъ вотъ и съ ревностью. Исторически наслоенныя очертанія ея, на первый взглядъ, какъ будто эффектны и благородны. Но подъ ними—грязная, средневѣковая тюрьма. И разница лишь въ томъ, кто управляетъ тюрьмою и для кого она: мужская она или женская, для бякъ или для лякъ.

На рынкѣ нашей жизни, женщина, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, въ огромномъ преимуществѣ случаевъ, товаръ исключительно половой плюсъ чернорабочая, хозяйственная сила. Естественное соотношеніе половъ численно таково, что женское предложеніе всегда превышаетъ мужской спросъ, и, такимъ образомъ, мужчина имѣетъ возможность значительно большаго выбора жены, чѣмъ женщина — мужа. Онъ—выбирающій и бракующій потребитель, она—ищущій сбыта товаръ. Собственно говоря, единственное, болѣе или менѣе твердо отвоеванное нашими женщинами въ этой

вѣковой борьбѣ, право—это однобрачіе, половая принадлежность одной извѣстной женщины одному извѣстному мужчинѣ, безъ нарушенія вѣрности. Отношенія потребителя и товара и въ однобрачіи, конечно, не теряются, и желѣзный законъ спроса и предложенія сохраняетъ свою мощную силу именно въ обереганіи супружеской вѣрности. У людей здравомысленныхъ оно совершается инстинктивно, молчаливымъ согласіемъ, незамѣтнымъ нравственнымъ взаимодѣйствіемъ обѣихъ сторонъ, а у натуръ болѣзненныхъ, поврежденныхъ, слагается въ болѣе или менѣе болѣзненные же акты, совокупность коихъ образуетъ понятіе ревности. Итакъ, ревнуя, мужчина охраняетъ свой спросъ на извѣстную женщину, а женщина, наоборотъ, свое предложеніе извѣстному мужчинѣ. И такъ какъ женское предложеніе выше мужского спроса, то ревнующая женщина,—помимо всѣхъ сознательныхъ моральныхъ и физіологическихъ мотивовъ,—еще и безсознательно оберегаетъ себя отъ экономической конкурренціи, цѣпко держится за свой особый отвоеванный рынокъ. Разъ изъ всѣхъ видовъ труда женщинѣ вполнѣ обезпеченъ только трудъ половой и хозяйственно-чернорабочій, то естественно и оберегать ей неприкосновенность этого своего труда отъ всякой конкурренціи со всею энергіею, какую будитъ въ ней инстинктъ самосохраненія. Этого элемента въ мужской ревности нѣтъ, и имъ-то создается болѣе извинительное положеніе ревнивой женщины, чѣмъ ревниваго мужчины. Мужская ревность—потребительская, соперничество прихотливаго выбора. Женская—ревность товара на сбитомъ и шаткомъ рынкѣ, трепещущаго за свой сбытъ. Разница конкурренцій очень серьезная.

Нѣкоторые критики «Женскаго нестроенія» неоднократно возражали мнѣ, будто я, прямолинейно рубя вопросъ о половомъ спросѣ и предложеніи, упустилъ изъ вида обратную сторону медали, то есть—что, какъ существуетъ мужской спросъ на женщину, такъ есть и женскій спросъ

на мужчину. Но, въ моемъ настоящемъ разсужденіи о ревности, это возраженіе, вообще спекулятивное и слабо способное къ защитѣ физіологическими данными, падаетъ само собою, потому что, стоя на его почвѣ, преимущество права женщины на ревность (если можетъ быть вообще признаваемо такое «право») выясняется легче и ярче, чѣмъ на всякой другой. Потому что, въ такомъ случаѣ, спросовая женская ревность имѣла бы дѣло съ рынкомъ предложенія меньшаго, чѣмъ спросъ, и, слѣдовательно, послѣдній былъ бы конкурренціей лишенъ возможности свободнаго выбора; тогда какъ предложительная ревность мужская имѣла бы дѣло съ спросомъ, превышающимъ предложеніе, и, слѣдовательно,—привилегія свободнаго выбора остается, и въ этомъ поворотѣ, за мужчиной нерушимо.

Такъ оно есть, но такъ оно не должно быть. Мощное освободительное движеніе женскаго вопроса, ускоряемое экономическими кризисами современнаго соціальнаго строя, вводитъ на форумъ женщину-гражданку, женщину-работницу, въ которой старинная роль полового товара погашается равенствомъ съ мужчиной во всѣхъ отрасляхъ общечеловѣческой дѣятельности. Человѣкъ въ женщинѣ выступаетъ впередъ, самка отступаетъ назадъ. Создается и растетъ громадное сознаніе половой свободы, развитіе которой вычеркнетъ изъ брака его отрицательныя, рыночныя стороны, уничтожитъ равенствомъ труда экономическую проституцію, а предвѣчную ограничительную функцію «въ болѣзняхъ родити чада» возвыситъ отъ повелительной самочьей обязанности къ выбору доброй воли. Женщина растетъ, какъ пятое сословіе цивилизованныхъ обществъ, и будущее ея свѣтло и прекрасно. Далеко ли оно? Богъ знаетъ. Но ея неудержный прогрессъ, подгоняемый фатально наростающею потребностью человѣчества въ новыхъ доходностяхъ и рабочихъ силахъ, идетъ путемъ такихъ быстрыхъ и ясныхъ побѣдъ, что я вѣрю и хочу вѣрить: оно недалеко,—хотя еще и нѣтъ числа преградамъ и тормозамъ

на его дорогѣ. Начиная съ самихъ женщинъ! Огромное покуда еще большинство ихъ, наслѣдственно пропитавшись историческими традиціями пестраго и разнообразнаго полового рынка, какъ единаго своего прибѣжища и предназначенія, относится къ идеямъ равнодѣятельности и равноправія съ боязнью и враждебными предубѣжденіями, сильнѣйшими, пожалуй, чѣмъ у иныхъ мужчинъ. Такъ рабство и крѣпостное право, внушеніемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, вырабатывали дворовыхъ, которыхъ мысль о волѣ приводила въ ужасъ, какъ нѣкое кощунство—и, конечно, даже некрасовскій «Послѣдышъ» не былъ такимъ крѣпостникомъ, какъ его всхлипывающій камердинеръ. Мнѣ не хочется вводить въ статью свою термина «феминизмъ», потому что онъ уже заношенъ, затрепанъ, замасленъ и опошленъ общественнымъ перевираніемъ почти до потери физіономіи. Но, краткости ради, кажется, все-таки, безъ него не обойтись. Феминистическое движеніе, въ основу котораго положены принципы равноправія и равнодѣятельности половъ, оклеветано въ глазахъ женщинъ, какъ разрушающее семью. Клевета эта быстро таетъ, потому что вѣкъ дѣлаетъ черезчуръ ужъ очевиднымъ, что не самостоятельность женская создаетъ нашъ семейный кризисъ, а именно ея отсутствіе, при растущихъ дороговизнахъ жизни и при крайнемъ напряженіи, почти переутомленіи мужскихъ силъ,—въ семьѣ совершается крахъ мужской работоспособности. Ей уже не подъ силу, въ одиночку, содержать семью прежняго мужевластительнаго типа; ростъ культуры настойчиво требуетъ въ брачномъ союзѣ трудовой помощи мужу отъ жены, а трудовая взаимопомощь вопіетъ и о взаимоправіи, безъ котораго она—рабскій обманъ. Рабскими обманами, колеблющими женщину, какъ маятникъ, между двумя полюсами старой и новой семьи, полна наша, унизанная компромиссами, современность. Страхи за разложеніе семьи женскимъ равноправіемъ принадлежать къ числу злѣйшихъ изъ этихъ обмановъ—впрочемъ,

на этотъ разъ не столько даже рабскихъ, сколько рабовладѣльческихъ. Но успѣхи женскаго образованія, растущій интеллектъ и самосознаніе «женскаго сословія», скоро откроютъ глаза даже самымъ слѣпымъ—видѣть, что крушеніето семьи не тамъ, гдѣ указываютъ враги феминизма, но въ томъ буржуазномъ укладѣ, который, понимая семью, какъ половой комфортъ, пріобрѣтаемый мужемъ-добычникомъ, теперь обанкрутился до того, что вынужденъ зачеркнуть въ своемъ обиходѣ даже основную цѣль брака—дѣторожденіе. Феминизмъ—не разложеніе и не отрицаніе семьи, но коренная демократическая ея перестройка и реставрація, переводъ ея зданія съ ординарнаго на двойной фундаментъ.

Надо надѣяться, что въ новой семьѣ, которую слагаетъ феминистическое теченіе, Бальзаминовымъ и Ничкинымъ не останется ни времени, ни охоты для споровъ объ энергіи мужской и женской любви, о бякахъ и лякахъ,—и что вмѣстѣ съ тѣмъ вылиняютъ тогда многія романическія красоты-безобразія современной любви, въ томъ числѣ, если не околѣетъ, то присмирѣетъ и «чудовище съ зелеными глазами»—ревность. Я далекъ отъ мысли, чтобы феминистъ или феминистка были застрахованы отъ ревности вовсе, но прививка оспы рѣзко понижаетъ возможность зараженія оспою натуральною, а въ семьѣ, гдѣ роль женщины потеряетъ свою спеціально половую окраску, утратятъ интенсивность и чувство половой принадлежности, и, истекающія изъ него, страданія, обиды, скорби уязвленнаго самолюбія. Рождается ревность изъ чувства собственности, а главнѣйшіе пособники ея,—мало чѣмъ, кромѣ половыхъ функцій (хотя бы и съ материнствомъ, включительно!), занятая мысль, слишкомъ большой досугъ у праздныхъ и сытыхъ людей, предоставленныхъ распущенному самоуглубленію: считать свои обиды и взвѣшивать свои достоинства. Гдѣ мужъ и жена хорошо и постоянно заняты общимъ трудомъ, ревность имѣетъ мало

успѣховъ, и слабы они, а формы ея, даже при рѣзкости, крайне наивны и первобытны. Некогда фигурничать и изощрять праздную тонкость ощущеній въ такомъ простомъ и грубомъ дѣлѣ, какъ жизнь. Въ крестьянствѣ ревность гораздо рѣже, чѣмъ въ высшихъ классахъ, и это вовсе не по неразвитости или какому-либо «упадку нравственности»,—ибо уличенная въ невѣрности жена претерпѣваетъ, за измѣну, въ крестьянствѣ нашемъ круто и люто,—но просто потому, что нѣтъ времени и охоты рабочимъ людямъ тратить себя на ревнивыя подозрѣнія, когда и поле, и домъ не ждутъ. Принципіальный ревнивецъ, одержимый вѣчнымъ страхомъ за вѣрность жены,—для деревни всегда посмѣшище, нѣчто въ родѣ дурачка, либо маньяка. Болѣе или менѣе такъ оно и во всякой трудовой средѣ. Чувства трудового товарищества пригашаютъ половой огонь, а гдѣ онъ не полный властелинъ, тамъ всегда есть возможность разсудку столковаться и справиться съ ревностью. Въ обществѣ будущаго къ ревнивцамъ станутъ относиться, какъ мы относимся къ malades imaginaires, ипподхондрикамъ, жертвамъ чрезмѣрной мнительности. Можетъ быть, даже и лечить ихъ будутъ, что̀ и теперь, правду сказать, по большей части, весьма не лишнее.

Ревность—дочь неравенства половъ. Въ разсказѣ г. Зенгера герой возмущается, что жена его взбѣсилась только за то, что онъ эстетически провелъ время съ ея бывшею соперницею. А, строго-то разбирая, жена-то вѣдь, при всей нелѣпости ея поступковъ, по-своему, какъ чадо буржуазнаго строя, очень права. Ибо, помимо оскорбленнаго самолюбія, и тотъ инстинктивный страхъ, о которомъ я говорилъ выше, «страхъ за потерю своего рынка», имѣлъ въ этомъ случаѣ всѣ видимыя основанія заговорить властно, громко и, какъ водится съ перепуга, глупо. Помилуйте! Бѣдняга сидитъ и штопаетъ штаны, а супругъ разливается соловьинымъ краснорѣчіемъ у сосѣдки. Женѣ—«поганые штаны», а сосѣдкѣ—вся эстетика души! А, по возвраще-

ніи, разнѣженный своею эстетическою ночью, лѣзетъ къ женѣ съ ласками. Да—что же тутъ удивительнаго, если она оттолкнула его и послала къ чорту? Очень стоилъ!

— Слушайте вы, милостивый государь мой! Если я вышла за васъ замужъ и терплю за вами жизнь, въ которой нѣтъ ничего пріятнѣе вашихъ объятій плюсъ штопанье вашихъ штановъ, то благоволите въ этой куплѣ-продажѣ вести себя, по крайней мѣрѣ, честно и принадлежать мнѣ въ той полности, какая бракомъ предполагается. На то же, чтобы вы лучшую часть себя отдавали другимъ женщинамъ, а мнѣ досталась изъ васъ только свиная половина—на такой дѣлежъ я не согласна. Спать съ собою можете купить кокотку, штаны штопать—наймите горничную. А у меня есть гордость, достоинство человѣческое, и исполнять при васъ обязанности кокотки и горничной—въ то время, какъ «перлы души своей» вы изволите помѣщать въ другой банкъ,—я не могу. Вы нечестный контрагентъ и обсчитываете меня самымъ некрасивымъ манеромъ!

Такъ отчитала бы героиня г. Зенгера своего благовѣрнаго, если бы имѣла достаточно хладнокровія. Но пятый часъ утра, послѣ безсонной ночи, плохое время для хладнокровія, и потому, вмѣсто резоннаго объясненія, бѣдная дама осыпала эстета безсвязною бранью, платоническій предметъ его обозвала «сволочью»... и, за честь предмета, получила оплеуху. То-то вотъ у насъ: въ гостяхъ-то эстетика, а дома-то—послѣ эстетики—плюхи.

Недавно смотрѣлъ я пошлѣйшую пьесу Джерома К. Джерома «Миссъ Гоббсъ»; она, кстати, какъ разъ начинается именно апоѳеозомъ супружескаго примиренія послѣ мужниной оплеухи! Имѣется въ пьесѣ этой третій актъ—на яхтѣ, пользующійся наибольшимъ успѣхомъ у зрителей-буржуа, потому что нѣкій Кингсеръ Старшій посрамляетъ тамъ феминистку и читаетъ ей очень краснорѣчивую мораль, цѣликомъ, впрочемъ, выкраденную изъ Шекспирова «Укрощенія строптивой». Я позволю себѣ напомнить усло-

вія этой сцены, потому что они характерны для многихъ антагонистовъ женской самодѣятельности и равноправности. Кингсеръ увѣряетъ феминистку, миссъ Гоббсъ, что яхту ихъ сорвало съ якоря и, въ туманѣ, несетъ въ открытое море. Поэтому—ему надо работать на палубѣ надъ снастями, а ей—тѣмъ временемъ—готовить завтракъ и, какъ миссъ Гоббсъ справедливо опредѣляетъ, «быть одною прислугою». Пока миссъ Гоббсъ учится «быть одною прислугою», Кингсеръ сидитъ сложа руки и разглагольствуетъ о прелестяхъ женщины-домохозяйки, господски покрикивая на дѣвушку всякій разъ, что она неловка... Проповѣди очень трогательны, буржуа аплодируютъ, а, когда Кингсеръ декламируетъ апологію материнства, многіе вынимаютъ носовые платки и держатъ ихъ у глазъ: такъ оно чувствительно.

— Послушайте!—говоритъ ему миссъ Гоббсъ,—а вамъ нечего дѣлать на палубѣ?

— Нѣтъ,—съ чистосердечіемъ отвѣчаетъ Кингсеръ,—покуда нечего.

И вотъ получается картина, которой не предвидѣлъ Джеромъ, отдавая свои симпатіи врагу феминизма: дѣвушка трудится, какъ чернорабочая,—краснобай сидитъ праздно и точитъ нравоучительныя лясы,—а на палубѣ ему, дѣйствительно, дѣлать нечего, потому что онъ—лгунъ: совсѣмъ яхта не сорвана съ якоря, и никуда не плыветъ, а смирнехонько стоитъ на своемъ мѣстѣ, не требуя никакихъ о себѣ заботъ, и только густой туманъ въ воздухѣ препятствуетъ обманутой дѣвушкѣ разобрать все это плутовство.

Ей-Богу же, это можетъ быть символомъ! Это обычная картина устной и печатной борьбы съ феминизмомъ! Туманъ въ воздухѣ, жупельныя слова, чувствительное склоненіе слова «семья» во всѣхъ падежахъ, краснорѣчивыя доказательства, что женщина должна посвятить себя «своему дѣлу» у печки, чтобы мужчина могъ спокойно дѣлать «свое дѣло» у кормила общественнаго корабля,—а пре-

словутый корабль-то совсѣмъ и не думаетъ двигаться, и велерѣчивые проповѣдники сами про то отлично знаютъ, да хитро молчатъ, пока «баба приручится»... А та-то, въ довѣрчивости, кипятитъ «труженику» молоко, мелетъ-варитъ кофе, жаритъ котлеты!

Начинается обманомъ — поддерживается туманомъ — разрѣшается въ чернорабочую кабалу.

Хорошо еще, что на туманы есть солнце!

И оно засіяетъ, и будетъ правда на землѣ!

1904.

III.

А. В. Зенгеру.

Collega!

Берусь за перо съ чувствомъ глубочайшаго раскаянія, что незаслуженно обвинилъ въ своей статьѣ о ревности вашего героя-эстета, будто онъ поколотилъ свою ревнивую жену, тогда какъ онъ «только облилъ ее водою, въ виду крайняго ея бѣшенства», что̀, справедливо замѣчаете вы, «рекомендуется и врачами въ случаяхъ всевозможныхъ истерикъ, какъ женскихъ, такъ и мужскихъ». Не могу, однако, не замѣтить, что опыты гидропатическаго лѣченія, производимые мужемъ надъ женою въ пятомъ часу утра, при томъ послѣ громкой супружеской сцены, смѣлою необычайностью своею нѣсколько извиняютъ мою обмолвку,—тѣмъ болѣе, что, по наблюденіямъ многихъ ученыхъ, не всѣ женщины любятъ, чтобы мужъ внезапно опрокидывалъ имъ на голову кувшинъ съ водою, и, для успѣшнаго выполненія подобной операціи, паціентку надо крѣпко держать, а то вырвется и убѣжитъ. Не могу также не замѣтить, что мужъ, который,

возвратясь отъ дамы сердца въ пятомъ часу утра, лѣзетъ къ женѣ за ласками, а будучи обруганъ и отвергнутъ, обливаетъ ее водою, можетъ быть женою легко принятъ самъ за находящагося въ крайнемъ бѣшенствѣ—и даже до связанія его черезъ призванныхъ дворниковъ, что иногда тоже рекомендуется врачами, конечно, не изъ поклонниковъ системы no restreint.

Исправивъ эту свою ошибку, я, къ сожалѣнію, не могу взять обратно своей антипатіи къ вашему гидропату—и, конечно, не потому, что—ахъ, какъ смѣшно! съ бабою не справился!—что приписываете вы мнѣ, collega, сказать правду, по совершенно субъективной и произвольной догадкѣ, которой противорѣчитъ все мое отношеніе къ женскому вопросу. А потому, что, послѣ вашихъ новыхъ разъясненій типа, онъ опредѣлился еще яснѣе: страдалецъ съ дердцемъ, вложеннымъ въ два банка—съ идеальною дамою сля чувствъ возвышенныхъ и хорошенькою женою для домашняго обихода. А, при протестѣ домашняго обихода: «ежели я твоя нераздѣльно, то не угодно ли и тебѣ быть моимъ полностью»!—мы выливаемъ домашнему обиходу на голову кувшинъ воды, и, развязавшись съ ревнивою обузою, красиво удаляемся въ какую-то принципіальную женобоязнь: «женщины опошляютъ жизнь ревностью... онѣ ужасны.... ничтожество вамъ имя, женщины»!... Этотъ Гамлетъ-обливатель—продуктъ «эстетическаго рабовладѣльчества», collega, и очень скверный, потому что капризный, изнѣженный неврастенически избалованный—именно тою широкою свободою выбора женщины, о которой писалъ я въ прошлый разъ и которою вы сами теперь характеризуете «любовь» вашего героя:

— *Опять* это не та!...

И такъ какъ «опять не та», то и разстанемся съ нею, и если надоѣло выбирать дальше, то проклянемъ женскій родъ, а не собственную безхарактерность, и уйдемъ въ «полное разочарованіе въ поэзіи жизни»?! Ко мнѣ вчера

апельсинщикъ пришелъ,—все клялся, что на лоткѣ—все корольки. Однако, что ни попробуемъ отлупить кожу, самая подлѣйшая, желтая кислятина:

— *Опять* не королекъ!

Ну, и, конечно, къ чорту его... Съ выборомъ апельсиновъ это свободное «опять» очень удобно,—ну, а женщина—не апельсинъ, и, говоря о выборѣ жены, да еще въ сопровожденіи такого громкаго слова, какъ «любовь», подобныя «опять» надо изъ репертуара выкинуть. Ибо даже институтки старыхъ временъ твердили, что «любовь не картошка—не выбросишь изъ окошка». А что выбрасывается изъ окошка съ такою легкостью, какъ покончилъ со своимъ супружествомъ вашъ гидропатическій мужчина, то, по всей вѣроятности, есть картошка, а не любовь... И—никакихъ ужасовъ тутъ нѣтъ, collega, сколько бы герои эти, messieurs d' Опять, краснорѣчивыхъ ужасовъ на себя ни напускали, ибо—Отелло темперамента хоть по человѣчеству жалки, а Отелло картофельныхъ драмъ только ничтожны. Вообще, я долженъ сознаться, что рѣшительно не могу взять въ толкъ, какъ это можетъ родиться «полное разочарованіе въ поэзіи жизни» изъ ссоры съ женщиною, повинною лишь тѣмъ, что мыслитъ и чувствуетъ иначе, чѣмъ ты?! То есть—взять-то въ толкъ могу, но думаю, что вѣкъ Эрастовъ Чертополоховыхъ и «Бѣдной Лизы» остался нѣсколько позади насъ, и даже прутковскій юнкеръ Шмидтъ сейчасъ—мало трагическая фигура... Какой прокъ въ мужчинѣ, для котораго вселенная можетъ быть завѣшена женскою юбкою? Какой прокъ въ женщинѣ, для которой мужскія панталоны—Геркулесовы столбы, nec plus ultra воли и мысли? Жизнь не баловство,—«природа не храмъ, а лабораторія»,—поэзія жизни не въ спальнѣ и будуарѣ, а въ мастерской.

Вы, collega, недовольны логическимъ отвѣтомъ, который я сочинилъ, становясь на точку зрѣнія жены-буржуазки, супругу-гидропату, потому что здѣсь, молъ, не было купли-

продажи, а сіяла одна пылкая «любовь», описываемая вами къ большимъ краснорѣчіемъ. Но, collega, признавая всю энергію и добросовѣстность вашей защиты, не могу не напомнить вамъ старой сентенціи: «словами красными не возвысить поступки гнусные», а кліентъ вашъ ведетъ себя, ей-Богу же, гнусненько. И, въ «куплѣ-продажѣ», которую вы презрительно отвергаете, моя, облитая водою, кліентка настаиваетъ на своемъ правѣ не на иное что, какъ именно на «любовь», то есть—на обладаніе мужемъ въ той же мѣрѣ, какъ онъ ею обладаетъ, въ полной совокупности жизни—съ объятіями, съ домашними заботами и съ «перлами души», при полномъ несогласіи уступать послѣдніе въ чужія руки. Эта молчаливая нравственная купля-продажа существуетъ рѣшительно во всякомъ современномъ бракѣ, красотами какихъ бы любвей безбрежныхъ, нѣжныхъ и мятежныхъ онъ декоративно ни сіялъ. И больше того скажу: до тѣхъ поръ, пока буржуазный строй современности держитъ женщину въ подчиненіи мужскимъ выгодамъ, право такого соглашенія,—единственно отвоеванное себѣ женщиной буржуазной культуры изъ всѣхъ правъ общественныхъ,—будетъ и неизмѣнно провѣрять практическую доброкачественность, и контролировать реальную силу того лукаво растяжимаго и безконечно-многограннаго чувства, что зовется «любовью». Сказать: я люблю Марью,—вѣдь, собственно говоря, ровно ничего не обозначаетъ: любовь—широкая, какъ море, и перловъ въ ней сколько угодно, и гадовъ—нѣсть числа. Марьямъ авансомъ даютъ нѣсколько перловъ, а гадовъ «до дѣла» припрятываютъ, какъ отпугивающій отъ сдѣлки дебетъ. Затѣмъ, по дѣлѣ, гады начинаютъ выползать, а перлы сокращаться. Въ томъ и нечестная контрагентура брака, противъ которой законно говоритъ жена-буржуазка, и съ которою не должно связываться имя «любви»: даже въ самомъ лучшемъ случаѣ, это комедія любви, драматическое представленіе любви, водевиль любви, разыгрываемые сознательно или безсознательно, эффектно

или мизерно, похотливо или равнодушно, страстно или холодно, но не любовь, не любовь! Любовь есть вольное сочетаніе двухъ взаимопониманій, въ постоянной взаимопровѣркѣ своихъ обязательствъ, достигаемой столько же инстинктомъ, сколько разумомъ. Въ такой любви нѣтъ мѣста рабовладѣльческимъ притязаніямъ — источнику ревности; въ странѣ или вѣкѣ такой любви понизится, стало быть, и болѣзненная энергія ревности, ставъ удѣломъ людей только анормальныхъ. Но восторжествовать надъ міромъ такая любовь — любовь равныхъ къ равнымъ и свободныхъ къ свободнымъ,—сможетъ, конечно, не въ современномъ буржуазномъ строѣ, въ которомъ приниженіе женщины къ самочному уровню—принципіальный устой. Быстрыми шагами идущее впередъ освобожденіе женщины, завоеваніе ею правъ гражданскихъ, образовательныхъ, экономическихъ и, главное, пожизненныхъ правъ на самоё себя дѣлаютъ, въ глазахъ моихъ, жестокое владычество ревности явленіемъ,— если хотите, collega,—дѣйствительно временнымъ. А только я не понимаю: откуда вашъ выводъ, что если зло временное, то его надо претерпѣть?! Зачѣмъ же, собственно говоря, претерпѣвать медвѣдя, когда онъ идетъ на васъ на дыбахъ? Вы его — рогатиной! Конечно, не вѣчное зло — медвѣдь, но временное, а, все-таки, лучше его рогатиною,— не то, пожалуй, съѣстъ... Боритесь, люди, съ ревностью лично: давите ревность въ себѣ, сокращайте поводы и возможности ревновать себя. Большаго достичь субъективно вы не можете, ибо слово противъ ревности, обращенное къ обществу, помогаетъ не болѣе, чѣмъ заговоръ отъ лихорадки, что и естественно, такъ какъ и лихорадка и ревность—одинаково физическія болѣзни. Но лихорадки, опустошающія цѣлые людные округа, не поддаваясь словамъ и заговорамъ, всей медицинѣ in verbis, herbis et lapidibus, исчезаютъ безслѣдно послѣ практической работы, казалось бы, не имѣющей ничего общаго съ медициною: засыпано два-три ручья, высушено болото, проведенъ каналъ, проло-

жены бетонныя трубы, распахана и засѣяна старая, одичалая новь. Ту же самую аналогію пророчествую я и для эпидемій ревности. Дайте женщинѣ жить въ человѣчество, а не только въ спальню, дѣтскую и кухню,—вы сохраните любовь и погасите ревность. Обратите женщину изъ юридической вещи въ юридическое лицо, in personam sui juris,— тогда и она прекратитъ то опасливое исканіе въ васъ самихъ вещныхъ признаковъ, что̀ нынѣ выражается ревностью. Работайте на женское образованіе, на самосознаніе женщины; вы работаете на гибель ревности! Содѣйствуйте подъему и расширенію женскаго труда,—вы содѣйствуете паденію конкурренціи на трудъ половой,—вы содѣйствуете паденію главнаго фактора ревности. Поднимайте женское движеніе къ самостоятельности и равенству съ мужчиною на всѣхъ путяхъ правоспособности,—вы побѣждаете закрѣпощеніе женщины полу, вы давите главный страхъ—эгоистическій страхъ самоохраняющаго, чужеяднаго организма, которымъ, по преимуществу, воспитывается и регулируется ревность. Создавайте изъ женщины гражданку, работницу, человѣка, — вы перестанете мучить ревностью самку, и самка перестанетъ терзать ревностью васъ.

Къ сему случаю вы спрашиваете, коллега, «но чѣмъ же объяснить, что главнѣйшимъ образомъ, пошлѣйшимъ образомъ, невыносимѣйшимъ образомъ ревнуетъ именно женщина самостоятельная, богатая, сытая и бездѣльная»?.. Я думаю, коллега, что достаточно подчеркнуть послѣднее прилагательное курсивомъ, чтобы оно отвѣтило вамъ на вашъ вопросъ и убило остальные эпитеты. «Самостоятельная» и «бездѣльная»—понятія несовмѣстныя. Рабочая и гражданская самостоятельность—прямое противопоказаніе той сытой праздности, которую понимаемъ мы (и вы, коллега, въ своемъ вопросѣ) подъ ошибочнымъ названіемъ самостоятельности теперь, въ быту нашихъ женщинъ-буржуазокъ, и которая, въ дѣйствительности, есть лишь матеріальная, плотская обезпеченность, безъ труда получаемая, либо опять-

таки цѣною пола—отъ мужа или любовника, либо доставшаяся по родительскому благословенію въ наслѣдство. Такой обезпеченности, безправной и бездѣятельной, естественно, чрезъ отложеніе въ себя туковъ, ростить въ себѣ и озлобленіе тѣлесное, а озлобленіе тѣлесное выращивать въ безобразные ревнивые экцессы. Но въ сферѣ трудовой женской самостоятельности, среди женщинъ, живущихъ не только цѣною своего пола, вопросъ вашъ найдетъ данныя къ отрицательному отвѣту. О крестьянствѣ вы со мною согласны. Поднимитесь въ круги учащейся женской молодежи, къ сестрамъ милосердія, изучите быть сельскихъ учительницъ, фельдшерицъ, акушерокъ: какъ ничтоженъ—сравнительно съ сытою буржуазною средою—половой интересъ въ этомъ обществѣ и какъ умѣютъ здѣсь съ нимъ справляться! Болѣе цѣломудренной и честной молодежи, чѣмъ наши учащіяся дѣвушки высшаго образованія, я не встрѣчалъ нигдѣ въ Европѣ. И какая рѣдкость здѣсь ревнивыя трагедіи! И, если случаются, то—какъ серьезны бываютъ поводы къ нимъ! И, все-таки, какъ дурно принимаются онѣ средою... Вѣдь процессу Прасковьи Качки добрыя двадцать пять лѣтъ давности, а дѣло это и до сихъ поръ поминается при каждой, хотя бы слабой, аналогіи. Взять даже театръ: при всей своей до сихъ поръ распущенности и безалаберности, при всѣхъ пережиткахъ недавней театральной проституціи, при всемъ изобиліи полового элемента въ самомъ показномъ характерѣ театральной дѣятельности, женщины этого дѣла бываютъ одержимы безтолковою ревностью и гораздо рѣже, и въ гораздо слабѣйшихъ проявленіяхъ, чѣмъ женщины-буржуазки. И это—потому, что между женщиною и ревностью стало нѣчто, главнѣе требующее повиновенія, чѣмъ эгоистическій половой позывъ: стала самостоятельная трудовая дисциплина, обязанности которой должны быть исполнены раньше личныхъ похотей и капризовъ. Грубое неприличіе предъ товарищами—прервать ревнивою сценою репети-

цію, ибо репетиція есть служебная работа; почти неслыханный скандалъ прервать ревнивою сценою спектакль, ибо спектакль есть общественная служба, окупленная публикою. Театральная женщина уже освоивается мало-помалу съ сознаніемъ, что полъ ея—второе въ ней, а первое—общественная работа таланта, и это сознаніе стало тормозомъ ревности, припадки которой за кулисами, на девять десятыхъ, разрѣшаются въ водевиль, а не въ трагедію. Адріенны Лекувреръ рѣдки. Въ самоубійствѣ Кадминой, давшемъ тему «Татьяны Рѣпиной» и «Клары Миличъ», сыграла роль главной причины не показная ревность, а глубокое тайное самонедовольство богатоодаренной натуры, размѣнявшей себя по пустякамъ... Кадмина—старшая сестра Маріи Башкирцевой, да и умнѣе, и глубже ея была...

Еще два слова. Вы говорите: «Улучшеніе быта женщины мало повліяетъ на зло ревности, ибо главною его частью является часть не экономическая, а звѣрская: наслажденіе ревности есть наслажденіе патологическое, какъ наслажденіе сѣченіемъ ребенка». Тутъ я сперва позволю себѣ заступиться за репутацію звѣрей: въ животномъ мірѣ самки эксцессами ревности совсѣмъ не прославлены,—во-первыхъ; во-вторыхъ, ни одна собака, ни даже обезьяна, не говоря уже о коровахъ, кобылахъ и т. д., чадъ своихъ «для наслажденія» никогда не наказывали. Оставимъ людямъ ихъ «людства» благопріобрѣтенныя: при чемъ звать людства звѣрствами? Затѣмъ—я опредѣленно говорилъ въ своей статьѣ, что не пророчу полной смерти ревности, а предсказываю лишь общественное низведеніе ея на роль патологической аномаліи. Это самое нахожу я и въ вашемъ тезисѣ, хотя вы мнѣ имъ какъ будто возражаете. Наслажденіе сѣченіемъ ребенка, которое вы ставите въ примѣръ,—тѣмъ паче по половымъ побужденіямъ,—сравнительно такая рѣдкость въ области человѣческихъ страстей, что, если бы случаи ревности сползли на этотъ уро-

вень, то европейское общество могло бы считать себя отъ нея освобожденнымъ. «Чудовище съ зелеными глазами— зло животное, одно изъ наслѣдій издыхающаго въ человѣкѣ звѣря». А вы увѣрены, что вѣчный звѣрь этотъ издыхаетъ? Клянусь «Звѣремъ изъ Бездны», великій вы оптимистъ! Зло животное, а не экономическое. Да какое же зло не животное?! И почему животное противополагается экономическому? Всякое зло, истекающее изъ физіологическаго запроса, начиная съ обязанности ѣсть и пить, есть животное зло, и всякое удовлетвореніе физическаго инстинкта есть экономическая потребность, разлагающаяся на начала спроса и предложенія и ихъ колебаніемъ свершающая свою культурную эволюцію. Вѣчная дрессировка «звѣря», по предписаніямъ культурной эволюціи, управляемой экономическими запросами, и слагаетъ исторію нашей цивилизаціи. «Звѣрь» укрощается ростомъ общественнаго инстинкта и сознательнымъ отношеніемъ трудящихся массъ къ условіямъ своего быта, а совсѣмъ не тристократическимъ самосовершенствованіемъ и самовоспитаніемъ избранныхъ единицъ. Послѣднія—только симптомы и сигнальные огни массоваго процесса, который безсознательно кипитъ въ глубинахъ народовъ. И, какъ вы ни совершенствуйте и ни воспитывайте себя, а вѣкъ вашъ далеко отъ себя васъ не выпуститъ этически, хотя вы можете очень на много опередить его мыслью. Взять хоть бы и половой вопросъ: мы съ вами далеко не Платоны и не Сократы, однако—предстань предъ нами вживѣ сіи маститые мужи, со всею откровенностью страстишекъ своихъ,—намъ пришлось бы заявить имъ: «Господа! что вы!? Въ наши дни такія срамныя шутки показываютъ только въ захолустьяхъ Парижа и Неаполя, да и то подъ большимъ секретомъ отъ полиціи и за хорошія деньги!»

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что и въ русскомъ крѣпостномъ правѣ, и въ американскомъ рабовладѣльчествѣ, да и во всякой странѣ съ институтомъ невольни-

чества очень значительное количество господъ были не людоѣды и не аспиды-василиски, а люди—какъ люди, многіе же и очень хорошіе природно люди притомъ въ высшей степени склонные къ самосовершенствованію и самовоспитанію и проявлявшіе, какъ умѣли и хотѣли, свои добрыя качества въ своемъ частномъ рабовладѣніи. Однако, сіи одинокія ласточки безсильны были сдѣлать освободительную весну, пока экономическій ростъ ихъ государствъ не подрывалъ въ принципѣ сперва систему, потомъ право рабовладѣнія. А тогда быстро гибло и самое рабовладѣніе, и дурные наросты, отъ его корня на общественный организмъ наслоенные. То же и съ вопросомъ полового раскрѣпощенія женщины. Экономическій ростъ общества настаиваетъ на его необходимости. А разъ оно совершится, частію погаснутъ, частію вылиняютъ пороки, изъ него истекавшіе,—въ томъ числѣ и половая ревность. Окутанная тысячами льстивыхъ предразсудковъ, она, съ красивою мрачностью, выстаиваетъ противъ доводовъ разсудка, одинъ на одинъ съ самыми дѣльными и благожелательными умами, потому что еще не сломано покуда основное право и условіе ревности: общественное мужевластіе, гражданская и экономическая приниженность «женскаго сословія». Со дня, когда право это рухнетъ, какъ рухнули рабскія цѣпи русскаго крестьянства и черной расы, ревность пойдетъ, конечно, на убыль, дѣлаясь достояніемъ людей пережитка и нервно больныхъ... Здоровые же выучатся ея стыдиться и, даже подвергаясь ея набѣгамъ, справляться съ нею наединѣ, какъ съ своего рода нравственнымъ геморроемъ или другимъ недугомъ, не принятымъ къ огласкѣ въ обществѣ.

1904.

Подвальныя барышни.

Поѣздъ мчался. Въ тѣсномъ задверномъ углу третье-класснаго вагона, съ промерзлымъ добѣла окномъ, было холодно, тускло, слѣпо. Фонарь безпокойно мигалъ оплывшею стеариновою свѣчею, въ вентиляторѣ пѣла вьюга. Я лежалъ на жесткой скамьѣ, вытянувшись навзничь, руки за голову, въ дорожномъ отупѣніи очень далеко и по скучному дѣлу ѣдущаго человѣка, безъ мыслей, безъ вниманія. Бываетъ такое милое состояніе души и тѣла, когда не ты управляешь своими пятью чувствами, а они управляютъ тобою, и глядишь, и видишь ты передъ собою не потому, что есть воля и охота смотрѣть, а только потому, что глаза во лбу есть, зрительный аппаратъ работаетъ; слышишь не то, что интересъ велитъ слушать, но что само въ уши лѣзетъ.

Въ вагонѣ было очень пусто. Купецъ въ лисьей шубѣ, который, когда ввалился къ намъ на глухой, промежуточной станціи плюхнулся на скамью, всю ее покрывъ полами, и остолбенѣлъ, какъ сидячій идолъ: спалъ ли онъ или просто застылъ въ торжественномъ сознаніи своего капиталистическаго величія,—кто его знаетъ? Приказчикъ при купцѣ,—тощій, задерганный малый, не спускавшій съ своего владыки безсонныхъ, собачьихъ глазъ. Захолустный протопопъ, возвращавшійся восвояси изъ дѣловой столичной побывки: онъ отъ самаго Петербурга какъ залегъ, гора-горой, подъ мѣховую рясу, такъ и храпѣлъ теперь вотъ ужъ двѣсти восемьдесятъ вторую версту. И, наконецъ, два жандарма, по даровымъ билетамъ, въ служебной коман-

дировкѣ изъ Питера въ Москву, съ казенными пакетами за обшлагами шинелей. Оба были бравые, здоровые молодцы, съ ярко-свѣтлыми пуговицами, при шашкахъ, съ револьверами на поясномъ ремнѣ. Они занимали ближайшее ко мнѣ отдѣленіе, и, изъ-за высокой деревянной спинки скамьи, внятно гудѣли ихъ густые голоса—теноровый баритонъ и бассо-профундо. Рѣчь шла о какомъ-то вахмистрѣ, какъ онъ «сталъ черезъ то въ своей жизни несчастенъ, что дочь въ гимназію отдалъ».

— Отдать отдалъ, а довести по конецъ свершенія курса —тю-тю, пороху не хватило.

— А наши сказывали: съ состояніемъ онъ, будто, вахмистръ вашъ?

— Не въ деньгахъ сила. Не деньгами—карахтеромъ не выдержалъ.

— Забоялся?

— Духомъ упалъ.

— Видите ли!

— Да. Учена, говоритъ, больно стала. Еще подучится—пожелаетъ ли меня, солдата, за родителя почитать?

— Это онъ, ежели хотите знать, довольно резонно.

— Никакого резона не предвижу, потому что дѣвка шла первою изъ класса въ классъ, такъ что ее даже представляли знатнымъ посѣтителямъ, въ качествѣ какъ бы гордость учебнаго заведенія.

— Если знатнымъ посѣтителямъ, то, конечное дѣло, напрасно.

— До пятаго класса вахмистръ душою падалъ и сомнѣніемъ изнывалъ. Ну, а, какъ поступила она за успѣхи свои въ пятый классъ и начала происходить науку-исторію, совсѣмъ забоялся вахмистръ: шабашъ! взялъ дѣвку, дома къ печи присадилъ,—помогай матери!

— Ревѣла, чай?

— Не безъ того. А главное: ошибся вахмистръ въ

своемъ вѣрномъ разсчетѣ, и теперича у нихъ въ семействѣ самый язвительный адъ.

— Не обыкаетъ къ дому?

— Ни пава, ни ворона. Ни къ дѣвушкамъ, ни къ барышнямъ.

— Замужъ—одно средство!

— Замужъ, съ ейнымъ о себѣ воображеніемъ,—легко ли дѣло? Жениха ей искать,—какой женихъ нуженъ? За шинельную душу хотя бы за нашего брата, унтеръ-офицера, развѣ пойдетъ?

— Да и не къ масти.

— Опять же вѣрное ваше разсужденіе, что не къ масти. Исторію-науку произойдя, какая она, съ подобною фантазіей въ головѣ, можетъ быть своему дому хозяйка? Скажемъ къ примѣру,—васъ взять. Вы бы женились?

— Оборони Богъ!

— То-то и есть. И всѣ такъ. Худы ли, хороши ли, тоже свою амбицію блюдемъ. Никому не лестно предъ женою въ дуракахъ стоять, да глазами на ея образованность хлопать.

— Коли вахмистръ на приданое не скупъ, то можетъ польститься какой изъ господъ. Бываютъ — которые немудрящіе и своего достатка не имѣютъ.

— Врядъ ли. Потому что изъ господъ этакъ—очертя голову, óполомь—великодушно женятся и званіемъ своимъ не брегутъ одни студенты. А студенту вахмистрова дочь не съ руки.

— Не возьметъ студентъ.

— Еще кабы она была доученая. А то пятый классъ. Это для нашего брата, который науку въ казармѣ мѣдными деньгами покупалъ, да и то трехъ пятаковъ не хватило,— образованіе ея, точно, великое. А настоящему господину, ежели студентъ изъ универститета или тамъ института что ли путей сообщенія, съ ней окажется довольно даже скучно. Потому что—онъ-то дошелъ, а она не доскочила. Потому

что, прикинемъ къ примѣру,—науку-исторію она знаетъ, а до тригометрики али астрелябіи не дошла.

— Не вровень, значитъ.

— Отъ нашихъ отстали—къ вашимъ не пристали.

Послѣдовало краткое молчаніе.

— Лѣтъ-то много?—спросилъ басъ.

— Сёмнадцатый.

— Изъ себя хороша?

— Картина.

— Фю-ю-ю!

И опять замолкли.

— Свихнется дѣвка,—съ убѣжденіемъ произнесъ басъ.

— Какъ не свихнуться? На ту линію идетъ.

— Соняшу Перфильеву помните?

— Аккуратъ одна модель.

— Намедни Каратайченко встрѣтилъ подъ вечеръ: по Вознесенскому катитъ, на лихачѣ. Въ ротондѣ, перо на шляпѣ, морда крашеная. У моста лошадь что ли закинулась, заминка вышла,—городовой подходитъ, замѣчаніе сказалъ. Такъ Сонька-то городовому на слово—десять, да во всю родительскую!

— Господи! какая была скромненькая!

— Такъ и сыпетъ, такъ и бубнитъ. Голосъ хрипкій. Ужъ Каратайченко заступился, а то городовой грозился въ участокъ свести.

— Экого родителя дочь!

— Всеё семью разсыропила; совсѣмъ нынѣ не люди стали!—а, бывало, жили,—сосѣди шапки снимали.

— Пьетъ, поди, Перфильевъ-то?

— Нельзя ему пить: у него четыре медали. А только, что, конечно,—сердцемъ прискорбенъ и даже какъ бы рѣшившись ума. Даже зарѣзаться хотѣлъ.

— Подите жъ!

— Бритву жена изъ рукъ отняла. Потомъ къ генералу былъ требованъ.

— Врете?

— Вѣрное слово. Для утѣшенія. Генералъ у насъ добёръ.

— Входитъ!

— Перфильевъ!—говоритъ: что ты вздумалъ, дуракъ? Грѣхъ! присягѣ поруха! Тутъ старика, отъ добраго слова, сердцемъ растопило и въ слезу ударило.—Ваше, сказываетъ, превосходительство! сколько лѣтъ служа, завсегда радъ былъ начальству стараться: графы, князья Перфильева въ лицо узнавать удостаивали. А теперича единая моя дочь—и та въ развратъ пошла. Возможно ли мнѣ при всемъ томъ жизнію жить? какъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ и въ глаза добрымъ людямъ?.. Ажно и генералъ, слушая, вмѣстѣ съ нимъ заплакалъ.

— Дѣло слезное!

Пауза.

— Мерзавецъ-то ейный, который сбившій,—гдѣ теперь?

— Въ Ярославлѣ, сказываютъ. При купчихѣ какой-то богатой: лѣсными дачами управляетъ.

Басъ протяжно и сладко зѣвнулъ:

— О-о-охъ-охъ-охъ!

— Вотъ—сказалъ баритонъ вдумчивымъ голосомъ человѣка, глубоко размышляющаго и отвѣчающаго вслухъ на собственныя мысли,—давалъ мнѣ писарь намедни книжку. Некоего графа, Льва Толстого сочиненіе.

— Энтого-то?—заинтересовался басъ.

— Того самаго. И вотъ говоритъ тамъ одинъ на счетъ бабъ: самая вы безпастушная скотина...

— И правда ужъ, что безпастушная. Такъ оно и есть.

— Востро сказано.

— Писатель вострый.

— Лю-ютой старикъ!

— А сказывали, будто онъ—антихристъ?

— Да, вѣдь это—ежели по божественному.

Пауза.

— А, что на счетъ безпастушныхъ,—возвышаетъ голосъ баритонъ,—я такъ полагаю: объѣхать хоть всю Россію, безпастушнѣе этихъ питерскихъ нашихъ подвальныхъ барышень—не найтить.

Басъ, плюнулъ и какъ-то свирѣпо даже прогремѣлъ:

— Одно слово: добыча.

— Добыча и есть. Именно, что ни пава, ни ворона. Корсетъ носитъ, волосы на лобъ завихрила, лицо-руки моетъ благородными мылами,—барышня. Газету читаетъ, въ театръ лазитъ. Я, папаша, въ Михайловскій манежъ, я, мамаша, въ Фигнеръ—маскарадъ. А въ заправской-то жизни въ подвалѣ казенномъ—на пятнадцать серебра родительскаго жалованья. Тутъ те не Фигнеръ—маскарадъ, а было бы на что въ баню сходить. А между прочимъ юбку крутитъ, одеколонъ прыскаетъ, шелкъ, бархатъ въ гардеропѣ имѣетъ. На какія сверхсмѣтныя суммы—отпущенія, дозвольте спросить?

— Натурально, что проистекаетъ вспомогательство отъ кавалеровъ.

— Тоже, братецъ мой, вспомогать-то даромъ нонѣ никто тебѣ не охочъ. Вспомогательства эти Сонашекъ Перфильевыхъ въ обиходъ и спускаютъ.

Басъ вздохнулъ.

— Омута подвалы эти, прямо, омута. Дѣвка въ нихъ —что плотица серебряная. А мужчинье кругомъ такъ щуками и плаваетъ. И свой братъ служащій, и господа, и вольная приходящая публика. Тому сосѣдка—Машенька, этому—чьихъ будете, барышня? Да—«какой Рабонъ—конфетъ предпочитаете кушать?» Да—«позвольте угостить васъ въ Маломъ Ярославцѣ отбивнымъ котлетомъ»...

— Тѣмъ и пропадаютъ.

— Съ дѣтскихъ лѣтъ въ соблазнѣ. Хоть и не въ углахъ живемъ, а не за каменными стѣнами. Бываетъ, что семья отъ семьи ситцевыми занавѣсками отгорожена. Ничего отъ дѣтишекъ не скроешь. Все плотское отъ материнскихъ сос-

цевъ познаютъ. Каковъ это къ жизни примѣръ? Дѣвчонка въ форму юности возрости не успѣла,—по одиннадцатому, двѣнадцатому году,—а уже всѣми мальчишками въ корпусѣ оцѣлована. Чего она не узнаетъ? Чѣмъ ты ее удивишь?

— Сказывалъ мнѣ агентъ одинъ полицейскій: которыя теперича живутъ гулящія, стало быть, зовутся проститутки, такъ на добрую треть ихъ изъ подвальныхъ выбирается.

— И весьма можетъ быть.

— Которая изъ себя красива, такъ за тою ходебщицы имѣютъ свое наблюденіе чуть не съ ангельскаго возраста. Лѣтъ по пяти стерегутъ, увиваются коршуньемъ, ждутъ своего термину.

— Вотъ бы кого вѣшалъ-то—не жалѣлъ!

— Ходебщицъ? Самая постыдная нація.

Послѣднія слова басъ пробормоталъ уже сквозь сонъ и заключилъ храпомъ... Басъ похрапывалъ, поѣздъ глухо грохоталъ по мерзлому полотну, а я лежалъ и думалъ о разговорѣ, которой только-что слышалъ.

Терминологія его, быть можетъ, незнакомая читателямъ, чуждымъ петербургскаго быта. «Подвальныя барышни»— это женское населеніе подземелій, простирающихся подъ колоссальными казенными домами разныхъ вѣдомствъ и учрежденій: дочери, сестры, племянницы швейцаровъ, курьеровъ, департаментскихъ сторожей и тому подобной служилой мелочи. Женская іерархія служилаго Петербурга (а неслужилый Петербургъ такъ малъ числомъ своимъ, что, рядомъ съ служилымъ, его почти, что нѣту вовсе) дѣлится, какъ давно извѣстно, на три нисходящія категоріи.

Категорія первая: «наши министерскія дамы»—кончая супругою начальника отдѣленія включительно. Категорія вторая: «наши чиновницы», и третья—«жены старшихъ служащихъ»: своего рода каста паріевъ, но, все-таки, какая ни есть, каста. Что же касается «подвальной барышни», она развивается уже внѣ этой іерархіи, ниже ея, во внѣкастной безднѣ. Она даже не «прислуга вѣдомства»: она—

нѣчто семейно приписанное и числящееся при прислугѣ вѣдомства.

Служба мужчинъ, ютящихся, подобно гномамъ, въ казенныхъ подвалахъ,—хорошая, довольно легкая и обязательно чистая. Она спокойно протекаетъ въ холодныхъ, просторныхъ, свѣтлыхъ залахъ министерствъ, въ сѣроголубыхъ департаментскихъ корридорахъ, на величественныхъ парадныхъ лѣстницахъ и подъѣздахъ. Отъ людей, къ ней допускаемыхъ, требуется, прежде всего, нѣкоторая декоративность: внушительная, бравая наружность, опрятность, щеголеватость,—дабы человѣкъ видомъ своимъ начальство отъ себя не отвращалъ, а на публику не наводилъ унынія. Поэтому смѣло можно сказать, что населеніе подземнаго Петербурга, по крайней мѣрѣ, мужское, — изъ красивѣйшихъ физически во всей столицѣ и, конечно, производитъ таковую же породу — потомство: не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, подвалы поставляютъ веселящемуся городу столько жрицъ демимонда и красивыхъ балетныхъ фей. Декоративная служба создаетъ и декоративный семейный бытъ. Недавній мужикъ или отставной солдатъ, подвальный обитатель перестаетъ быть мужикомъ или отставнымъ солдатомъ, какъ скоро удостоился швейцарской ливреи или курьерскаго мундира съ галуномъ вѣдомства. Онъ—уже, такъ сказать, избранный и превозвышенный изъ всѣхъ мужиковъ и отставныхъ солдатъ, самъ себя въ такомъ великолѣпіи видитъ и мыслитъ, самъ о себѣ такъ понимаетъ. И того же высокаго мнѣнія о немъ семья, имъ кормимая: Авдѣй Трифоновичъ—не простой человѣкъ, не «вольный», онъ казенный. У него мундиръ, у него жалованье отъ казны, у него, хоть уголъ, да казенная фатера. Ничего этого у простыхъ и вольныхъ не бываетъ,—стало быть, не простые и мы. Мы выше. Не господа, но почти, какъ господа. А захотимъ натужиться, выжать изъ сундука деньгу,—такъ будемъ и совсѣмъ, какъ есть на господскую стать. И тужатся.

Дочери Евы одинаковы на всѣхъ ступеняхъ общества, во всякомъ рангѣ и состояніи. Мода и подражаніе—законы, управляющіе женскимъ міромъ равно въ шалашномъ станѣ папуасовъ и въ раззолоченныхъ дворцахъ европейскихъ столицъ. Министерскія дамы копируютъ женъ и дочерей министровъ, наши чиновницы—министерскихъ дамъ, жены служащихъ—нашихъ чиновницъ и такъ далѣе, со ступеньки на ступеньку. Этотъ законъ послѣдовательности въ подражаніи, дойдя до подвальной барышни, создаетъ и для нея искушеніе, повелительное до необходимости—«подходить подъ помощникъ-экзекуторову дочь». И, такъ какъ помощникъ-экзекуторова дочь—хоть и плохенькая,—бѣдненькая, а все же «барышня», училась въ гимназіи, играетъ на фортепіано бываетъ въ театрахъ и имѣетъ вечеринки на недѣлѣ, въ родѣ журфиксовъ, «по причинѣ жениховъ»,—то и подвалъ тянется изъ послѣднихъ своихъ силъ и средствъ, чтобы доставить своимъ барышнямъ хоть какіе-нибудь суррогаты помощникъ-экзекуторскихъ радостей. Двухголосный вой жены и дочери: ужли пропадать въ необразованіи?—весьма скоро заставляетъ самаго неподатливаго вахтера или швейцара раскупорить завѣтную и небогатую кубышку,—да, сколько я замѣчалъ, подвальные отцы и сами любятъ баловать свою молодежь и вести ее на господскую ногу.

Любопытно, что эти слуги казенныхъ учрежденій не любятъ и презираютъ слугъ частнаго найма, избѣгаютъ якшаться съ «лакусами» и считаютъ себя несравненно выше ихъ, какъ «людей продажныхъ». Ставъ слугою казеннаго учрежденія, сторожъ или швейцаръ вполнѣ увѣренъ, что онъ «въ люди вышелъ», а дѣтямъ его надо выходить ужъ въ «господа». Въ Петербургѣ множество воспитательныхъ пріютовъ, а изъ городскихъ училищъ нѣкоторыя поставлены такъ хорошо, что въ послѣдніе годы имъ стали довѣрять подготовительное догимназическое образованіе дѣтей своихъ даже многія зажиточныя и вполнѣ интелли-

гентныя семьи. Казалось бы страннымъ: какъ, на-ряду съ этими обстоятельными и хорошими учрежденіями, могутъ еще существовать,—при томъ, не прозябая, но процвѣтая,—разные шарлатанскіе и относительно даже недешевые «пансіоны съ музыкой»? Кому они нужны? Кто въ нихъ учится? Однажды я съ рѣзкостью предложилъ этотъ вопросъ содержательницѣ одного изъ такихъ пансіоновъ—дамѣ необычайнаго ума и столь же необычайной безсовѣстности.

— Мы нужны тѣмъ,—холодно и спокойно возразила мнѣ она—кому надо намѣнять на грошъ пятаковъ.

— То есть?

— Невѣждамъ, которыя хотятъ купить способность казаться образованными въ теченіе пятиминутнаго разговора, «хамкамъ», которыя желаютъ, чтобы ихъ хоть на пять минутъ принимали за женщинъ интеллигентнаго общества.

Какъ убѣдился я въ дальнѣйшемъ разговорѣ, «подвальная барышня»—постоянная кормилица этихъ обманныхъ педагогичекъ. Подите въ какой-нибудь петербургскій публичный маскарадъ,—средней руки, изъ приличныхъ. Если къ вамъ подойдетъ маска съ довольно складною рѣчью, распространяющаяся о чувствахъ по переводному Бурже, ввертывающая въ разговоръ заученныя французскія словечки съ русскимъ, но не совершенно отчаяннымъ произношеніемъ, охотница до стишка между громкихъ фразъ, съ обязательнымъ примѣчаніемъ въ скобкахъ: «какъ сказалъ Лермонтовъ», «какъ, помните, у Надсона»,—можете пари держать, что васъ интригуетъ подвальная барышня, только-что покинувшая пансіонъ съ музыкой и не успѣвшая позабыть его недолгой и нехитрой дрессировки. И—увы, ни одна изъ нихъ не можетъ выдержать долгаго инкогнито, потому что, въ концѣ концовъ, непремѣнно ошибется какимъ-нибудь фатальнымъ «тротуваромъ», «ропертуаромъ», «велисапедомъ» или даже просто ужаснымъ любимцемъ петербургской прислуги—«фрыштикомъ»...

Журфиксы помощникъ-экзекуторовой дочки замѣняются для подвальной барышни Лѣтнимъ садомъ, Таврическимъ, гуляньями Михайловскаго манежа, Народнаго дома. Подвальная барышня, какъ голь, на выдумки хитра: знакомится и дружится съ хористками, статистками, швеями на театръ, горничными актрисъ; у нея всегда найдется въ карманѣ театральная контромарка; она, что называется, легла и встала на галеркѣ; она торчитъ за кулисами, вхожа въ плохенькіе клубы, капельдинеры контрабандно пропускаютъ ее на свободныя мѣста.

— Только для васъ-съ, потому какъ знаю ваше упоеніе къ театру-съ.

Она слышала Фигнера, обожаетъ Сѣверскаго, надъ ея кроватью пришпилена фотографическая карточка госпожи Вяльцевой. На вечеринкахъ у подругъ она пляшетъ «миньонъ» и «па-декатръ» и слѣдитъ по «Петербургскому Листку», не вышло ли въ свѣтъ новыхъ модныхъ танцевъ, а также—кто названъ «о азаръ» изъ гостей на балу у нидерландскаго посланника и въ какихъ озарныя красавицы были туалетахъ.

Фигнеръ отзвучалъ, «миньонъ» оттанцовано... домой! Короткая, волшебная сказка жизни кончена: ждетъ дѣйствительность. Подвальную барышню подвозятъ къ громадному корпусу «вѣдомства». И—быть можетъ, даже на рысакѣ... Она вышла изъ саней на углу, добѣжала до воротъ, нырнула въ нихъ,—и вотъ онъ вновь, родимый подвалъ! О, какъ онъ душенъ, грязенъ, тѣсенъ! какъ противно храпятъ за перегородками сосѣди! какъ тошны отголоски интимной семейности, наполняющіе эти промозглые вѣковые своды!.. Лежитъ подвальная барышня на своей жесткой и не слишкомъ-то опрятной постели, лежитъ безсонная, нервная, возбужденная, смотритъ въ темноту лихорадочными глазами, думаетъ:

— Да развѣ это жизнь?

— Хрр... хрр... хрр...

— Марья... хрр... Маша... супруга... Машенька...

— Хрр... хрр... хрр...

— Жизнь-то тамъ, откуда я сейчасъ пришла, а это — чортъ знаетъ, что! Не люди—свиньи... Какъ «онъ» бишь пѣлъ-то? Да!

Въ блаженствѣ потонули...

Въ бла-жен-ствѣ по-то-ну-ли...

— Опять подлецы грязнымъ бѣльемъ весь коридоръ завалили? Продохнуть нечѣмъ...

— Хрр... хрр... хрр...

— Супруга... Машенька...

— Господи! Да неужели же на всю жизнь здѣсь? Нѣтъ, довольно! Нѣтъ больше никакой моей возможности! Уйду я отъ васъ, свиней, уйду, уйду, уйду...

Куда? Да не все ли равно? Лишь бы туда, гдѣ нѣтъ храпящихъ, бормочущихъ, цѣлующихся съ женами сосѣдей, не ревутъ благимъ ночнымъ матомъ золотушныя ребятишки, не пахнетъ мокрыми дѣтскими пеленками и устоявшимися щами... Туда, гдѣ сіяетъ электричество, гремитъ оркестръ, ходятъ нарядныя дамы и стриженые бобрикомъ мужчины... Туда, гдѣ, если не самъ Фигнеръ, то, по крайней мѣрѣ, граммофонъ, напѣтый Фигнеромъ, побѣдоносно вопіетъ о двухъ счастливцахъ, для которыхъ — звѣзды, море и весь міръ

Въ блаженствѣ потонули,
Въ бла-жен-ст-вѣ по-т-то-нуууу-улли...

1902.

„Анна Дембиʺ.

„Анна Дэмби“.

Мораль въ одномъ дѣйствіи.

Лица:

Фельетонистъ.

Начинающая актриса.

Актриса (*входитъ*). Простите...

Фельетонистъ. Чѣмъ могу служить?

Актриса. Простите... я безпокою васъ, помѣшала... вы заняты... эти бумаги...

Фельетонистъ. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

Актриса. Мое имя? но... не все ли вамъ равно?

Фельетонистъ. Однако?

Актриса. Мое имя не скажетъ вамъ ровно ничего. Софья Ивановна, Ольга Петровпа, Надежда Андреевна—вѣдь это же песчинки въ степи, капли въ морѣ, похожія песчинка на песчинку, капля на каплю, какъ родныя сестры. Вы видите ихъ сотни, тысячи. Развѣ можно запомнить каждую песчинку и одну каплю отличить отъ другой?

Фельетонистъ.. Все это прекрасно и даже въ нѣкоторомъ родѣ глубокомысленно, но надо же мнѣ звать васъ какъ-нибудь, моя таинственная гостья... Безразличное «вы»—мѣстоименіе гибкое, но и его примѣненію конецъ бываетъ, и оно подвержено усталости и истощенію.

Актриса. Хорошо... Въ такомъ случаѣ... зовите меня... Анна Дэмби.

Фельетонистъ. Какъ?

Актриса. Миссъ Анна Дэмби.

Фельетонистъ. Ага! это изъ «Кина»... Значитъ, вы актриса? Очень радъ; по вашимъ мечтательнымъ глазамъ я принялъ было васъ за поэтессу, а этой публики я боюсь, какъ огня... Что же вамъ угодно, миссъ Анна Дэмби?

Актриса. Я пришла къ вамъ за тѣмъ же, зачѣмъ настоящая Анна Дэмби приходила къ Кину: посовѣтоваться, стоитъ ли мнѣ быть актрисою, оставаться на сценѣ... Предупреждаю васъ: для меня этотъ вопросъ—почти вопросъ жизни и смерти... не физической, такъ нравственной... а что изъ двухъ хуже,—не знаю... сами рѣшайте!

Молчаніе.

Фельетонистъ. И вы возлагаете на меня—незнакомаго вамъ человѣка—страшную отвѣтственность рѣшить такой серьезный и сложный вопросъ?

Актриса. Да.

Фельетонистъ. За что же мнѣ сіе? Почему?

Актриса. Потому что, читая васъ, я убѣдилась, что вы любите искусство, желаете добра ему и намъ, его бѣднымъ слугамъ, потому что—я слышала—вы сами были актеромъ... потому что... ну, я сама не знаю, почему... потому что я вамъ вѣрю, а почему вѣрю,—опять-таки не знаю... потому что я женщина, а у женщинъ есть инстинктъ, гдѣ имъ искать откровеннаго и необиднаго слова...

Фельетонистъ. Послѣдняя причина настолько уважительна, что вы могли бы ограничиться ею одною, не утруждая себя двумя первыми. Хорошо-съ, будемъ бесѣдовать. Давно вы на сценѣ?

Актриса. Первый годъ.

Фельетонистъ. Имѣли успѣхъ?

Актриса. Какъ вамъ сказать... когда мнѣ попада-

лась на долю хорошая, содержательная роль, кажется, имѣла... но выбиться такъ трудно, такъ трудно!

Фельетонистъ. Вы любите сцену?

Актриса. Страстно.

Фельетонистъ. Именно любовь къ сценѣ и сдѣлала васъ актрисою?

Актриса. М-м-м... не совсѣмъ. Конечно, меня всегда интересовалъ театръ, но по-настоящему, вотъ какъ теперь, онъ захватилъ меня уже послѣ того, какъ я поступила на сцену...

Фельетонистъ. Что же заставило васъ сдѣлать этотъ шагъ? Вы бѣдны?

Актриса. Не богата, но обезпечена.

Фельетонистъ. Тщеславны? Хочется играть роль звѣзды общества,—чтобы всѣ кричали о васъ, о вашей красотѣ, о вашемъ талантѣ? Хочется побѣждать сердца, видѣть у своихъ ногъ титулы и капиталы, лавры, брильянты? Да?

Актриса. Можетъ быть, есть немножко и этого,—то-есть я не о титулахъ, капиталахъ, брильянтахъ, но о лаврахъ, о шумѣ въ обществѣ... это пріятно, это увлекаетъ!—но... главное-то все-таки—кажется мнѣ—не тутъ...

Фельетонистъ. Объясняйтесь,—я слушаю.

Актриса. Жизнь скучна,—вотъ гдѣ главное.

Фельетонистъ. Жизнь скучна?! Сколько вамъ лѣтъ?—простите невѣжливый вопросъ.

Актриса. Не такъ молода: уже за двадцать.

Фельетонистъ. Я считалъ васъ моложе. Беру назадъ свое удивленіе: дѣвушка въ двадцать лѣтъ—внутреннею своею жизнью—стоитъ впереди тридцатилѣтняго мужчины... Когда двадцатилѣтній мальчикъ байронически вздыхаетъ о скукѣ жизни,—это лишь трагикомедія, но скука жизни въ двадцатилѣтней дѣвушкѣ—другой вопросъ... Итакъ, жизнь ваша скучна. Не попробуете ли вы опредѣлить: чѣмъ именно?

*

Актриса. Всѣмъ.

Фельетонистъ. Это много—и въ то же время ровно ничего.

Актриса. Вотъ вамъ мое положеніе. Я вамъ сказала, что я не богата, но я и не бѣдна! что ѣсть—у меня есть. Я принадлежу къ семьѣ въ полномъ смыслѣ слова порядочной. Я получила хорошее образованіе. Наконецъ, какъ вы видите, я недурна собой...

Фельетонистъ. Пока—все причины радоваться жизни, а не скучать ею.

Актриса. А я скучаю.—То-есть—скучала до сцены.

Фельетонистъ. У васъ есть приданое?

Актриса. Нѣтъ этимъ благомъ не награждена.

Фельетонистъ. За послѣднимъ исключеніемъ, вы, по описанію вашему, завидная невѣста, и мнѣ даже странно, какъ это до сихъ поръ для васъ не возликовалъ Исаія.

Актриса. И не возликуетъ.

Фельетонистъ. Приходится поставить новое «почему»?

Актриса. Замужество безъ любви—еще бо̀льшая скука, чѣмъ дѣвичество, да и отвращеніе въ придачу. Принадлежать человѣку, котораго не любишь, а, какъ разглядишь его въ семьѣ поближе,—можетъ-быть, не будешь въ состояніи даже симпатизировать ему... бракъ безъ любви, безъ симпатіи, безъ уваженія... брр!.. брр!.. Мнѣ даже холодно стало.

Фельетонистъ. Причина резонная. Продолжайте.

Актриса. Пошлетъ мнѣ Богъ любовь, не пошлетъ ли,—покрыто мракомъ неизвѣстности. Выходить замужъ по разсчету... даже, если бы мнѣ когда-нибудь удалось преодолѣть свое отвращеніе къ такому поступку, теперь, на мой взглядъ, прямо позорному и преступному... нѣтъ, для брака по разсчету я, во всякомъ случаѣ, еще слишкомъ молода! Къ этому можетъ притиснуть лишь такая необходимость, что либо въ воду, либо въ законный

бракъ по взаимному... неуваженію!.. Или приведетъ холодное спокойствіе зрѣлыхъ лѣтъ, когда отцвѣтетъ мое тѣло, замрутъ душевные порывы, погаснутъ миражи манящихъ меня идеаловъ, когда... ну, словомъ, когда мнѣ будетъ не жаль себя, какъ жаль теперь, когда я устану жизнью настолько, что комфортъ сдѣлается дороже своей личности и чести...

Фельетонистъ. «Забыться и заснуть»?

Актриса. Да. Если ужъ сложитъ судьба мнѣ такое несчастье, тогда,—но только тогда,—пожалуй, приходи, немилый...

Фельетонистъ. «Брекекексъ»?

Актриса. Это что такое?

Фельетонистъ. Какъ разъ то, о чемъ вы говорите: водяной царь изъ пьесы Гергардта Гауптмана «Die versunkene Glocke», захватившій, безъ любви, въ свои лапы прелестную фею Раутенделейнъ... тоже ради ея и своего комфорта.

Актриса. Ахъ, да, помню, читала.

Фельетонистъ. Итакъ, на бракъ, подразумѣвая подъ бракомъ не одинъ церковный обрядъ, но и вообще постоянныя любовныя отношенія между мужчиною и женщиною, вы смотрите серьезно, съ возвышенной и поэтической точки зрѣнія. Это, конечно, весьма серьезное препятствіе выйти замужъ, но я начинаю соглашаться съ вами, что, если и возликуетъ для васъ Исаія, то не сразу. Легки только солидно-обманные браки съ Брекекексами, да шальные браки съ первыми встрѣчными. Какъ дѣвушка, не стремящаяся въ брачную пристань, точно въ послѣднюю житейскую гавань, а вмѣстѣ съ тѣмъ не желающая сидѣть на шеѣ у своихъ родныхъ, вы, конечно, старались найти самостоятельный трудъ... не правда ли?

Актриса. Да.

Фельетонистъ. Сколько же самостоятельныхъ трудовъ перепробовали вы прежде, чѣмъ остановились на сценѣ?

Актриса. Какъ вамъ сказать? Не особенно много... и, при томъ, всѣ—въ области искусства. Я рисовала. Я пѣла. Я училась музыкѣ. Во всемъ успѣвала и... ни въ чемъ не успѣвала вполнѣ. Много способностей,—разбросанная талантливость понемножку... Я вѣдь чистокровная русачка, а у насъ у всѣхъ такая талантливость: куда ни брось, сразу, какъ кошки, становимся на четыре лапы,—и много не сдѣлаемъ, а на первыхъ порахъ удивимъ.

Фельетонистъ. Общественно йжилки въ васъ нѣтъ?

Актриса. То есть?

Фельетонистъ. Васъ не тянуло уйти учительницей въ народную школу, въ женщины-врачи, въ фельдшерицы или сестры милосердія, въ благотворительность по трущобамъ? Васъ не интересовали ни толстовцы, ни марксисты? Вы не писали публицистическихъ трактатовъ о правахъ женщинъ?

Актриса. Такой жилки во мнѣ, къ сожалѣнію, совсѣмъ нѣтъ.

Фельетонистъ. Ну,—если вы не хотите идти замужъ, если васъ не влечетъ къ себѣ дѣятельность соціально-утилитарная, въ чемъ же сомнѣніе?—отчего же вамъ въ такомъ случаѣ и въ самомъ дѣлѣ не посвятить себя искусству, не пойти хотя бы и въ актрисы?

Актриса. Вы убиваете меня,—вы сказали это такимъ тономъ, точно подразумѣваете: ступай въ актрисы, потому что ты больше никуда не годна.

Фельетонистъ. О, нѣтъ, милая миссъ Анна Дэмби! Вы ошиблись. Тонъ мой относится не къ вамъ, а къ дѣлу, въ которое вы вступаете. Видите ли: я очень люблю искусство—и ненавижу его въ то же время. Въ особенности театръ. Ненавижу за то, что,—чѣмъ дальше, тѣмъ больше,—театръ дѣлается Молохомъ, пожирающимъ молодыя силы русскаго общества, замѣняя для нихъ своею призрачною жизнью и дѣятельностью подвиги жизни дѣйствительной. Майя вмѣсто дѣйствительности! Культъ Майи—вмѣсто

культа правды!.. Мнѣ жаль этихъ силъ, слѣпо, стаднымъ чувствомъ увлекаемыхъ въ прикрытую розами пустоту, и больше всего, въ числѣ ихъ, жаль святыя женскія души, безплодно сгорающія на алтарѣ безжалостнаго Молоха, тогда какъ...

Актриса. Раутенделейнъ могла бы благополучно успокоиться въ омутѣ Брекекекса?

Фельетонистъ. Спрошено насмѣшливо, и я заслужилъ эту маленькую злость. Да! Вотъ такъ-то всегда. Воевать противъ искусства, отбивать отъ него прозелитовъ легко. Но,—когда насъ спрашиваютъ женщины: что же, взамѣнъ искусства, предложите вы мнѣ? чѣмъ я заполню свою жизнь, если надо убрать изъ нея стимулъ этого плѣнительнаго миража?—мы, мужчины, дѣлаемся ужасно непаходчивы, и втайнѣ, кромѣ стараго рецепта—«замужъ», рѣшительно не знаемъ, что дѣльно предложить... Да—по правдѣ сказать—и нечего... И—чтобы замаскировать свое незнаніе и неимѣніе замѣнъ—пускаемся въ хитрые обходцы, чтобы не сразу испугать васъ словомъ «замужъ». Но рано или поздно произнести его все-таки приходится, и все очарованіе нашихъ хитрыхъ обходцевъ исчезаетъ, и женщина видитъ, что она—все-таки стоитъ надъ омутомъ Брекекекса. Конечно, есть другой фортель: можно наговорить много красивыхъ словъ и громкихъ фразъ, можно продекламировать трепещущимъ голосомъ:

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ,
По ихъ стопамъ,
Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,
Будь первой тамъ...

Но вѣдь это—«сильно, но неубѣдительно», какъ говорилъ одинъ русскій отрокъ. «Пѣснь — все пѣснь, а жизнь — все жизнь!». Женщина приходитъ къ намъ и спрашиваетъ: гдѣ мнѣ искать счастья?—а мы ей: какое тебѣ, матушка, счастье?—ступай къ униженнымъ,

ступай къ обиженнымъ, ступай во всю эту юдоль плача и стенаній, куда намъ, людямъ дѣловымъ, занятымъ, промышляющимъ, служащимъ и жуирующимъ, самимъ идти и некогда, и неохота. Вотъ твоя доля—вотъ тебѣ и все твое счастье! Вмѣсто хлѣба—камень, вмѣсто рыбы—змѣя. Нѣтъ, миссъ Дэмби, спасибо, что вы меня оборвали. Лицемѣріе въ данномъ вопросѣ такъ крѣпко прососалось въ наши души, что, заговоривъ, и самъ не замѣчаешь, какъ, нехотя, уже лицемѣришь. Лицемѣріе это вытекаетъ изъ того, что не любимъ мы женской самостоятельности, не любимъ и средствъ, дающихъ женщинѣ самостоятельность. На русской почвѣ изъ всѣхъ средствъ самостоятельности, обезпечивающихъ женщинѣ не прозябаніе,—этихъ-то сколько угодно!—но болѣе или менѣе безбѣдное житье, пока надо серьезно считаться лишь съ однимъ: съ театромъ. И потому-то театръ особенно намъ ненавистенъ: онъ отнимаетъ у насъ женщину-рабу, самку, хозяйку, орудіе нашего комфорта,—и мы, кабы были не только сердиты, но и сильны, непремѣнно разрушили бы за это театръ. Но, такъ какъ мы только сердиты, то мы, продолжая ненавидѣть, маскируемъ, однако, приличія ради, ненависть свою восхитительнымъ лицемѣріемъ. Мы, видите ли, ничего не имѣли бы противъ театра, противъ дѣлежа нашими женщинами со сценою, но... театръ—такое ужасное мѣсто! Это—вертепъ пьянства и разврата, дурныхъ словъ, дурныхъ мыслей, пріютъ продажныхъ мужчинъ и женщинъ, браковъ на сезонъ и т. д. Наши женщины, видите ли, глупы, наивны,—и, какъ глупыхъ и наивныхъ, Молохъ сцены моментально поглотитъ ихъ своею безпутною пастью и ассимилируетъ всему своему безобразному содержимому. Спасемъ же нашихъ женщинъ отъ всерастлѣвающихъ кулисъ! Пусть онѣ плѣснѣютъ въ нашемъ омутѣ, а не въ театральномъ... подъ нашею опекою, по нашей волѣ, а не по своей собственной, за свой страхъ и рискъ! Спасемъ, и—цѣпочку на шею, а цѣпочку—въ ко-

лечко, а колечко—винтомъ на стѣнку. Сиди, моя радость, и будь счастлива! Можетъ быть, на своей цѣпурѣ ты одурѣешь отъ скуки, отъ тяжкой тоски рвущихся на волю талантовъ, безплодно закопанныхъ въ землю, отъ стыда за свое рабство—такое же лицемѣрное, какъ лицемѣрили съ тобою твои ласковые поработители. Зато... это ли не счастіе?—лѣтъ черезъ двадцать пять веселаго сидѣнія на нравственной цѣпурѣ, ты—опошлѣвшая, оглупѣвшая—умрешь съ репутаціей «порядочной женщины»... и эта репутація достанется тебѣ даромъ и останется при тебѣ даровымъ приложеніемъ, «преміей къ изданію» твоего супружества, неотъемлемою, хоть ты перемѣни сто любовниковъ! Тогда какъ—будь ты актрисою, то, хотя бы ты не имѣла ни одного,—ой-ой-ой! Какою дорогою цѣною, какимъ унизительнымъ и долгимъ испытаніемъ ты обязана у насъ, Брекекексовъ, купить себѣ снисходительное признаніе твоихъ правъ на репутацію честности! Ты умрешь, и водяники оросятъ твой прахъ слезами: «Квараксъ! брекекексъ!.. покойница заблуждалась въ юности, но, подъ нашимъ мудрымъ вліяніемъ, исправилась къ зрѣлымъ годамъ и стала истиннымъ украшеніемъ нашей спокойной, мирной, зеленой тины. Увы! Кто будетъ теперь поить меня утреннимъ кофе съ густыми сливками? Кто будетъ покорно слушать правила житейской мудрости брекекексовъ — Домострой XIX вѣка—денно и нощно льющейся неугомоннымъ потокомъ филистерскихъ максимъ изъ самодовольныхъ устъ моихъ, устъ хозяина и домовладыки, на пользу и утѣшеніе любящей супруги, чадъ и домочадцевъ? На чью нѣжную грудь склоню я, возвратясь изъ департамента, свою, утомленную отношеніями за нумеромъ такимъ-то и предписаніями за нумеромъ этакимъ-то, глубокомысленную голову? Съ кѣмъ буду продолжать славный родъ свой, дабы и впредь болото наше не оскудѣвало брекекексиками?.. Увы! Нѣтъ ея, неукоснительной исполнительницы всѣхъ означенныхъ великихъ функцій въ теченіе цѣлыхъ двадцати пяти лѣтъ, промѣнявшей на

функціи эти и свое дарованіе, и обусловленную дарованіемъ самостоятельность—свободу вольной птицы... Нѣтъ ея! Увы! брекекексъ! брекекексъ! брекекексъ»!.. Есть у васъ талантъ?

Актриса. Не знаю. Знаю лишь, что я глубоко чувствую то, что играю. Мнѣ весело, когда я смѣюсь съ изображаемымъ мною лицомъ, и я плачу настоящими слезами, когда роль велитъ плакать.

Фельетонистъ. Вы еще не успѣли возомнить себя ни новою Дузэ, ни Ермоловой?

Актриса. Конечно, нѣтъ.

Фельетонистъ. А—въ мечтахъ своихъ—конечно, уже рисуете себѣ ихъ карьеру?

Актриса. Говорятъ, будто плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ. Надѣюсь и я, что, если останусь на сценѣ, то не для того, чтобы вѣчно быть въ солдатахъ. Но — даю вамъ честное слово — о фельдмаршальскомъ жезлѣ пока не мечтаю, да и не знаю, буду ли мечтать. Я чувствую въ себѣ способности къ сценической дѣятельности, но велики ли онѣ, нѣтъ ли—сама того не знаю. Думаю, что не очень велики.

Фельетонистъ. Вы молоды, красивы, у васъ, какъ у Корделіи, «тихій, нѣжный голосъ—большая прелесть въ женщинѣ». Вы умны и образованы. Вы любите театръ. Вы любите тѣхъ, кого играете, и переживаете—хорошо ли, дурно ли, умѣло или наивно—другой вопросъ, но переживаете своимъ «я» ихъ судьбу. Сложится ли изъ этихъ данныхъ «талантъ»? Не знаю. Но—по сотнямъ примѣровъ—знаю, что если женщина вступаетъ на сцену не въ твердомъ самомнѣніи немедленно заткнуть за поясъ всѣхъ Дузэ, Ермоловыхъ, Ѳедотовыхъ, Савиныхъ, Саръ Бернаръ, то вашихъ данныхъ достаточно, чтобы стать замѣтнымъ, полезнымъ и симпатичнымъ явленіемъ во всякой драматической труппѣ. А дальнѣйшее—дѣло практики и любви къ своему призванію... Разъ есть призваніе—оно

выведетъ васъ сквозь всѣ терніи тяжелой театральной карьеры невредимою и усовершенствованною. Per augusta ad augusta, per aspera ad astra. А терній много... хотя, разъ ужъ мы отбросили въ сторону всякое лицемѣріе, все-таки меньше, чѣмъ пугаютъ молодыхъ неофитовъ сцены ихъ доброжелатели изъ «публики»—родные, знакомые, друзья, женихи.

Актриса. Вы думаете?

Фельетонистъ. Да. Я самъ былъ актеромъ—и хорошо помню сцену. Мнѣ пришлось пережить ужасный сезонъ, полный и безденежья, и безквартирья, и ссоръ всей труппы между собою, и газетной ругани ради ругани... Ухъ, какъ жутко было! Такъ жутко, что, едва кончился этотъ сезонъ, я не нашелъ въ себѣ достаточно любви къ сценѣ, чтобы сохранить мужество къ продолженію театральной карьеры, и ушелъ отъ нея навсегда къ новому роду дѣятельности. Но вѣдь ушелъ одинъ я,—потому что мало любилъ, тянуло къ другому. А было насъ въ этой страдѣ сорокъ человѣкъ: всѣ молодые,—и не отбросъ какой-нибудь: образованныя женщины, интеллигентные юноши. И всѣ они до сихъ поръ—кто не умеръ—живутъ театральнымъ трудомъ, хотя случалось, конечно, переживать имъ не одинъ ужасный сезонъ и послѣ нашего ужаснаго, и большинству было куда уйти отъ неудачной карьеры. Слѣдовательно, во-первыхъ, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, а, во-вторыхъ, крута гора, да забывчива.

Теперь, миссъ Анна,—если вамъ угодно, послѣдуйте примѣру вашего прототипа въ мелодрамѣ «Кинъ»: закройте лицо вуалемъ, потому что я буду говорить о вещахъ щекотливыхъ: о главномъ пугалѣ филистерства противъ сценической богемы—о закулисной безнравственности. Брекекексы разсказываютъ о ней ужасы. Говорить, что за кулисами царятъ монастырскіе нравы, было бы пошло. Но что безнравственность дѣятелей сцены опять-таки чортъ,

рисуемый страшнѣе настоящаго своего вида; что безнравственность эта на три четверти своей болѣе показная, чѣмъ дѣйствительная,—это я осмѣливаюсь утверждать категорически. Актеры и актрисы—великіе пустословы на легкомысленныя темы, и отъ этого свѣтъ увѣренъ, что они и пустодѣлы, а между тѣмъ у большинства этихъ пустослововъ умъ и сердце гораздо лучше и чище ихъ языка. «Языкъ болтай, голова не знай», какъ говорятъ татары. Утверждаю также, что наиболѣе разлагающій нравственную атмосферу кулисъ элементъ—не сами артисты и артистки, но публика. Эти «мышиные жеребчики», которымъ доставляетъ наслажденіе видѣть въ каждой актрисѣ или уже готовую кокотку, или женщину, готовую пасть, но не падшую лишь потому, что—дура! не понимаетъ своего счастья и ломается. Къ чести русскихъ актрисъ можно смѣло утверждать, что подобныхъ умныхъ «дуръ» на сценѣ становится все больше и больше: интеллектуальный уровень русской актрисы поднимается съ года на годъ, а вмѣстѣ съ нимъ поднимается и защитоспособность ея противъ грязныхъ соблазновъ грязныхъ людишекъ. Что касается своего брата, товарища-актера, то... опять-таки смѣшно было бы увѣрять васъ, будто за кулисами живутъ лишь Кины, Сюлливаны, да Геннадіи Несчастливцевы. Скажу больше: Кины наши, къ сожалѣнію, тѣмъ и разнятся отъ настоящаго, что—по большей части—изъ двухъ составныхъ частей Кина—генія въ нихъ нѣтъ, а безпутства—сколько хочешь. Но закулисная грязь имѣетъ одну хорошую сторону: она липнетъ лишь къ тѣмъ, кто хочетъ или позволяетъ облѣпливать себя ею. Что говорить! жертвою закулисныхъ Донъ-Жуановъ погибла не одна чистая дѣвушка, наивно мечтавшая видѣть въ театрѣ что-то въ родѣ Олимпа, а въ разныхъ Звонскихъ-Лелевыхъ, Гремиславскихъ-Бакенбардовыхъ—полубоговъ... Но, во-первыхъ, зачѣмъ же быть наивною? Наивность—товаръ, который надо оставить за порогомъ храма искусства, вымѣнявъ его на голубиное незлобіе пополамъ съ змѣиною

мудростью. На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Во-вторыхъ, неужели въ обычной, не закулисной жизни нахалъ-ловеласъ такая рѣдкость? неужели мало дѣвушекъ и женщинъ, никогда не мечтавшихъ о сценѣ, пропадаетъ въ объятіяхъ Frauenjäger'овъ своего круга? Разница лишь въ томъ, что меньше огласки: актриса—слишкомъ замѣтный центръ общественнаго вниманія, и пятно на ея репутаціи выдѣляется чернѣе и рѣзче пятна на репутаціи всякой другой женщины. Въ-третьихъ, если Богъ дастъ вамъ попасть въ мало-мальски порядочную труппу, помните, что дѣвушка всегда найдетъ въ ея средѣ не одну охранительницу и не одного охранителя своей нравственной свободы и женской чести—охранителей безкорыстныхъ, безъ заднихъ личныхъ видовъ,—просто по рыцарству и по жалости къ одинокому молодому существу. Геннадій Несчастливцевъ, суфлеръ Нароковъ и пьяный Трагикъ въ «Талантахъ и поклонникахъ» — не миѳы. Бываютъ, конечно, и лицемѣрные рыцари-волки въ овечьей шкурѣ, но, право, рѣже, чѣмъ можно бы ожидать. Вообще сцена пріучаетъ думать о людяхъ лучше, чѣмъ раньше ихъ считали: на ней иной разъ хорошіе люди дѣлаютъ внезапныя подлости, но зато не рѣдкость и внезапный подвигъ чести со стороны человѣка, всѣми ославленнаго за подлеца. Въ хорошихъ труппахъ есть корпоративное благородство, не позволяющее нахаламъ изъ своей братіи обижать «малыхъ сихъ». Въ-четвертыхъ, наконецъ, сами закулисные Frauenjäger'ы можетъ быть, именно, въ сознаніи всего сказаннаго раньше—гораздо чаще упражняютъ свои донъжуанскіе вкусы и способности внѣ кулисъ, чѣмъ въ своемъ обществѣ. Вѣдь у большинства изъ нихъ—въ труппѣ—всегда есть какая-нибудь постоянная, долголѣтняя привязанность, въ законномъ ли бракѣ, въ сожительствѣ ли maritalement, совмѣстительство съ которою новаго закулиснаго романа неудобно... да и предъ своими совѣстно. Нѣтъ—вѣрьте мнѣ: падаютъ за кулисами, какъ и во вся-

комъ другомъ кругу, только тѣ дѣвушки, которыя сами захотѣли упасть или уже такъ глупы, такъ слабохарактерны и запуганно-робки, что сами же, какъ агнцы, ведомые на закланіе, пошли подъ ножъ, даже не дерзая защищаться отъ мужеской наглости, отъ атаки нахрапомъ. Такова ужъ, молъ, видно, моя судьба, такъ тому и быть. Подобные типы—не рѣдкость, но въ какой средѣ ихъ нѣтъ?!. Кулисы ли ихъ губятъ? Гдѣ бы и чѣмъ бы они ни были, волкъ на ягненка всегда найдется. Были бы ягнята, а волки будутъ. Ergo—не слѣдуетъ быть ягненкомъ, и я очень радъ, что ваши прекрасные глаза говорятъ мнѣ, что вы не изъ овечьей породы! Главная же опасность для цѣломудрія актрисы, повторяю, не по ту сторону рампы, а по сю. Она сидитъ въ первыхъ рядахъ креселъ, воплощенная въ Великатовыхъ (хорошо еще!), Дулебовыхъ, Кикиныхъ, Вожеватовыхъ, во всѣхъ этихъ господахъ, для которыхъ актриса всегда будетъ заслонена красивою женщиною, а въ женщинѣ—духовная красота, «изъ тонкихъ парфюмовъ сотканная», красотою куска мяса, флакона, содержащаго эти парфюмы. Не водитесь, не панибратствуйте, по возможности—съ публикою, хотя бы это и отозвалось на вашемъ внѣшнемъ успѣхѣ. Вѣрьте: отзовется только на внѣшнемъ. Миѳъ, созданный антрепренерскимъ усердіемъ предъ провинціальными сильными міра сего, — будто артистка, ужинающая и пьющая шампанское въ компаніи городскихъ тузовъ, выгодна для театра и, обратно, будто нравственная опрятность и щепетильность актрисы вредна ему. Настоящими любимцами *всей* публики бываютъ только честныя женщины, не торгующія собою ни прямо, ни косвенно: все остальное—труха и мишура! Гдѣ антреприза становится на начала фаворитизма у лысинъ партера, бѣгите оттуда: хотя бы на репертуарѣ стояли Шекспиръ и Шиллеръ,—вы уже не въ театрѣ, вы уже въ кафе-шантанѣ. А кафе-шантанъ, хотя бы въ маскѣ драмы,—смерть и смрадъ. Гробъ повапленный, въ которомъ сгниваетъ талантъ.

Не бойтесь сплетенъ и дурныхъ слуховъ о себѣ. Это неизбѣжно. Вы—актриса. Вспомните, что еще недалеко отъ насъ время, когда актрисамъ церковь отказывала въ христіанскомъ погребеніи, когда актеръ, во мнѣніи общества, былъ бродяга, а артистка—продажная женщина. Вспомните не съ горечью, но съ удовольствіемъ, потому что именно лишь удовольствіе можно испытать, пробѣгая взглядомъ быструю эволюцію артистическаго сословія per aspera ad astra. Никакая революція не могла возвысить званія актера такъ значительно и быстро, какъ возвысилось оно—само собою, путемъ мирной потребности эстетической—въ какія-нибудь сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ. Но прошлое оставляетъ свою отрыжку и въ потомствѣ, и къ актрисѣ больше, чѣмъ къ кому-либо, идутъ старыя слова Гамлета: «будь чиста, какъ снѣгъ, холодна, какъ ледъ,—людская клевета не пощадитъ тебя»! Если вы станете возмущаться всякою клеветою, которая прокатится вокругъ вашего имени, у васъ не хватитъ ни времени, ни нервовъ ни на что другое. Тогда лучше не дѣлайтесь актрисою. Это законъ, и законъ непреложный. На васъ наклевещетъ соперница, наклевещетъ отвергнутый поклонникъ, наклевещетъ мышиный жеребчикъ, наклевещетъ продажный рецензентъ, которому вы не протянули руки для поцѣлуя, наклев...

Входитъ мальчикъ изъ типографіи.

Мальчикъ. Пожалуйте фельетонъ: типографія сердится.

Актриса. Боже мой! Это я васъ задержала... Простите меня: я ухожу...

Фельетонистъ. Прощайте, миссъ Анна... если ужъ только подъ этимъ именемъ долженъ я знать васъ. А, на прощанье, запомните вотъ что. Когда вы вошли, я, жалѣя вашей молодости, хотѣлъ отговорить васъ отъ сценической карьеры, а кончилъ тѣмъ, что прочелъ ей апологію. И...

должно быть, такъ оно и надо: инстинктъ иногда работаетъ справедливѣе и здравѣе разсудка. Ступайте на сцену! Она — не радость, она — полу-дѣло, но лучше ея все-таки пока ничего нѣтъ у женщины. Женщина всюду раба или возовая лошадь, едва вырабатывающая отъ сердобольныхъ хозяевъ-мужчинъ вязанку сѣна для своего пропитанія, и только на сценѣ она царица. «Ты войдешь на сцену королевой, да такъ и сойдешь съ нея королевой» — это Несчастливцевымъ хорошо сказано. Можетъ быть, скоро настанетъ время, что женщинѣ, которой страшна безлюбовная семья, найдется на Руси и другая дѣятельность, болѣе плодотворная, можетъ быть, будетъ возможность указать ей другіе пути, болѣе сцены цѣлесообразные и полезные для нея самой и для другихъ. А пока... вы знаете:

Ключи отъ счастья женскаго—
Отъ вашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У Бога Самого...
Какою рыбой сглонуты
Ключи тѣ заповѣдные,
Въ какихъ моряхъ та рыбина
Гуляетъ,—Богъ забылъ!

И, пока ключи эти не найдутся, сцена всегда останется золотымъ сномъ, Fata Morgana женскаго воображенія, потому что сцена—воля, а воля—надежда счастья... И неужели надо—да кто же будетъ такъ подло-жестокъ? кто же посмѣетъ?—запретить женщинамъ даже видѣть золотые сны, даже грезить воздушными замками, гдѣ живетъ, улыбаясь хоть рѣдкимъ своимъ избранницамъ, румяная фея свободы и успѣха?

1897.

О думскихъ весталкахъ.

(По поводу «Анны Дэмби»).

Одна петербургская журналистка *) нашла нужнымъ пропѣть хвалебный гимнъ петербургскимъ думцамъ за то, что имъ «случайно какъ-то пришла хорошая мысль и они порѣшили принимать въ школьныя учительницы лишь незамужнихъ женщинъ».

Вопросъ этотъ обсуждался въ мѣстной печати съ большою горячностью. Большинство отнеслось къ думскому рѣшенію съ рѣзкимъ порицаніемъ. Доказывать, что дважды два четыре—не въ моемъ характерѣ, а двухъ рѣшеній даннаго вопроса быть не можетъ. Печальныя доказательства старыхъ, заѣзженныхъ истинъ, въ родѣ того, что «лишать женщину, живущую трудомъ, права на законное замужество—безсмысленная и безцѣльная жестокость»,—на мой взглядъ, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой писательской надменности: неужели умственный и нравственный уровень публики нашей настолько низокъ, что авторъ обязанъ каждое, даже азбучное положеніе свое разжевать и ей въ ротъ положить, а ужъ проглотить она, авось, можетъ быть, сумѣетъ и сама? Учрежденіе въ г. Петербургѣ трагикомическаго ордена думскихъ весталокъ—эгоистическая и лицемѣрная несправедливость, ничѣмъ не обоснованная и ни

*) Е. А. Шабельская.

къ чему путному не ведущая. Журналистка говоритъ, что мѣру эту захулили непрошенные критики, какъ «не гуманную и не цѣлесообразную, а главное не либеральную». «Либерализмъ» думскихъ постановленій оставимъ въ покоѣ: слова этого всуе трепать не слѣдуетъ. А что мѣра не гуманная и не цѣлесообразная,—это вѣрно. И неудивительно, если «никто не догадался, что отцы города побуждены были именно *отцовскими* чувствами, т. е. желаніемъ оградить семьи учительницъ замужнихъ отъ тѣхъ неотвратимыхъ и непоправимыхъ изъяновъ, которые наносятъ матери и жены, связанныя службой или занятіемъ внѣ дома».

Спорили двое. Одинъ и говоритъ:

— Выслушалъ я ваши доводы... и, извините, ничего не понимаю, что вы говорили.

Думалъ, убилъ! А тотъ въ отвѣтъ:

— Что жъ дѣлать-то? Это вамъ не отъ меня такая бѣда, это вамъ отъ Бога.

Я долженъ тоже признаться: ничего не понимаю въ только-что цитированномъ періодѣ,—но, право же, это мнѣ, на сей разъ, не отъ Бога, а отъ неясности въ мысляхъ почтенной журналистки. Я не постигаю, какимъ образомъ отцовскія, да еще курсивно отцовскія, чувства могутъ ставить преграды семейному началу, которымъ именно они и создаются: это какая-то особая психологія. Я не постигаю, какимъ образомъ пріемъ на службу незамужнихъ женщинъ «оградитъ семьи учительницъ замужнихъ» и откуда возьмутся учительницы замужнія, разъ на службу будутъ приниматься только незамужнія? Что это значитъ? То ли, что съ увеличеніемъ учительскихъ штатовъ незамужними учительницами сократятся обязанности учительницъ замужнихъ, и имъ будетъ время заняться отвращеніемъ и поправкою изъяновъ, которые наноситъ мать и жена, связанная службою или занятіемъ внѣ дома? То ли, что думскимъ рѣшеніемъ замужняя женщина, разрѣшенная отъ

узъ службы и занятій внѣ дома, возвращена вновь семьѣ, которой ранѣе наносила, какъ мать и жена, неотвратимые и непоправимые изъяны? Но первое—безсмыслица, предположенная мною лишь ради нагляднаго приведенія цитированнаго періода ad absurdum. Каждый служитъ самъ за себя—и только самъ за себя. Всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ,—говоритъ пословица. Второе ужъ очень скользко. Почему женщина, обучающая дѣтей въ школѣ ариѳметикѣ и письму за извѣстную плату, наноситъ своей семьѣ неотвратимые и непоправимые изъяны? Почему, лишенная такой возможности, а вмѣстѣ съ нею и своего дохода, она оные семейные изъяны исправитъ и отвратитъ? «Вотъ загадка тебѣ! Мудрый Эдипъ, разрѣши»!

Сочувствіе къ новоявленному ордену думскихъ «весталокъ поневолѣ» побуждаетъ журналистку къ рѣзкой филиппикѣ противъ общественной дѣятельности женщинъ. Она увѣряетъ, что таковая у насъ—«наносная струя протеста нѣмецкой женщины, прикованной къ кухнѣ и дѣтской»; что, по мнѣнію подражателей Запада, «даже мимолетное посѣщеніе сихъ помѣщеній—величайшее униженіе для женщины»; что рѣшено было огуломъ: «замужество есть пошлость, семейная жизнь рабство; обязанности хозяйки и матери—униженіе для каждой *развитой* женщины». Неужели ужъ такъ-таки и огуломъ? Гдѣ бы найти, къ примѣру, такое рѣшеніе? А вотъ,—говоритъ журналистка,—«смотри фельетоны г. Амфитеатрова, пресерьезно и пренаивно утверждающаго, что бракъ есть грязь и пошлость»! Благодарю, не ожидалъ!

Журналисткѣ снятся странные сны, и она напрасно разсказываетъ ихъ вслухъ. Ни въ одномъ изъ моихъ фельетоновъ нѣтъ ничего подобнаго. Фельетонъ—«Анна Дэмби»—я написалъ на тему поставленной мнѣ альтернативы: что лучше для дѣвушки, если она чувствуетъ въ своемъ сердцѣ искру таланта, слышитъ голосъ призванія и ищетъ умомъ своего опредѣленнаго идеала,—довѣриться ли искрѣ

и голосу и пуститься ли въ поиски, или же, страха ради житейска, вступить въ разсудочный бракъ съ человѣкомъ, который не только не любимъ ею, но даже противенъ ей, не подходитъ къ ней ни по характеру, ни по взглядамъ, ни по годамъ, не можетъ дать ей никакого нравственнаго удовлетворенія, ничего—кромѣ сытой жизни, купленной цѣною ея свободы и красиваго тѣла? Разумѣется, я сталъ и долженъ былъ стать за первую дорогу—за женскую свободу, за самостоятельный трудъ, за вольное призваніе. Бракъ браку рознь, и *такой бракъ*, какъ я изобразилъ сейчасъ, разумѣется, «грязь и пошлость».

— Но развѣ всѣ браки такіе? развѣ у насъ часты подобныя супружества?

— Ужасно часты!

— А откуда вы знаете? кто это говоритъ?

— Какъ кто? да вотъ та же журналистка увѣряетъ:

«У насъ дѣвушкѣ *никто* и *никогда* не говоритъ, что бракъ есть вещь серьезная. Для барышни-невѣсты замужество ни болѣе, ни менѣе, какъ веселая partie de plaisir. Она знаетъ—охъ, какъ прекрасно знаетъ!—какія *права* пріобрѣтаются бракомъ; но какія обязанности она беретъ на себя, рѣшаясь быть женой и матерью,—объ этомъ весьма немногія барышни имѣютъ понятіе, даже и не могутъ имѣть. Если у какой-нибудь барышни родится сомнѣніе, если она наивно спроситъ у матери: «Какъ же я поклянусь у алтаря любить вѣчно,—вѣдь любовь не отъ меня зависитъ»,—то ее мамаша разругаетъ порядкомъ за то, что она осмѣливается задумываться надъ столь «неприличными» вопросами. Выскочи только поскорѣе замужъ, душечка, а тамъ никто, какъ Богъ... и адвокатъ по бракоразводнымъ дѣламъ».

Неужели ужъ такъ-таки и никто, и никогда не говоритъ у насъ дѣвушкѣ, что бракъ есть дѣло серьезное, что надо взвѣсить, какія принимаешь на себя обязанности, готовясь быть женою и матерью, что лишь съ великою

осторожностью надо давать клятву предъ алтаремъ и т. д.? Журналистка слишкомъ дурно думаетъ о русскихъ людяхъ, предполагая, что они скрываютъ отъ своихъ женщинъ столь элементарныя истины. Да, позвольте, даже я, преступный авторъ «Анны Дэмби», я, осужденный на жертву громамъ синайскимъ,—и какъ разъ въ инкриминируемомъ фельетонѣ—говорилъ своей собесѣдницѣ: «взвѣсь обязанности, принимаемыя тобою въ замужествѣ, и, если онѣ тебѣ не по душѣ и не по силамъ, откажись отъ этого брака,—иначе ты будешь несчастна! не иди въ среду, которая тебѣ антипатична, — иначе ты въ ней задохнешься, погрязнешь и пропадешь безъ пользы для себя и для другихъ! помни, что выходятъ замужъ не на одинъ день, и насильственно связать себя съ нелюбимымъ человѣкомъ вѣчною клятвою—трудъ, непосильный для совѣсти чуткой, для души, «изъ тонкихъ парфюмовъ сотканной»; помни, что бракъ безъ любви, «по взаимному неуваженію», никогда не даетъ счастья и дать не можетъ, потому что онъ представляетъ собою лишь сдѣлку о куплѣ и продажѣ красиваго тѣла, пригоднаго для производства дѣтей и украшенія гостиной!» Если сказать все это, не значитъ напомнить русской дѣвушкѣ, что бракъ—дѣло серьезное, то я не знаю русскаго языка, и начну думать, что мы съ журналисткою пишемъ на двухъ разныхъ нарѣчіяхъ. А разъ все это сказано, то странно навязывать мнѣ дикое утвержденіе, будто *всякій* бракъ есть грязь и пошлость. Я предостерегаю: не обращайте брака въ помойную яму! А на меня киваютъ: смотрите! слушайте! онъ хочетъ увѣрить насъ, что бракъ—помои. Бокль отмѣтилъ когда-то, что одинъ изъ коренныхъ недостатковъ женскаго ума—склонность къ быстрымъ обобщеніямъ, основаннымъ на поверхностныхъ и случайныхъ признакахъ. Производство меня въ отрицатели брака—плодъ совершенно женскаго обобщенія. Нѣтъ, я охраняю чистоту и значеніе брака, когда говорю о немъ, какъ о союзѣ двухъ равноправныхъ и

равнообязанныхъ существъ, а не бросаю въ него грязью. А, чтобы обѣ стороны союза явились равноправными и равнообязанными, надо имъ, раньше брака, взвѣсить свои чувства и отношенія на великихъ вѣсахъ любви. Служеніе другъ другу есть основа счастливаго брака, а что же такое истинная любовь, какъ не готовность служенія? Гдѣ она есть, туда мы — «развиватели», какъ пронизируетъ журналистка,—и не обратимъ своихъ совѣтовъ, чѣмъ наполнить тоскливую, пустопорожнюю жизнь: тамъ жизнь полна сама по себѣ, и оттуда мы жалобъ не слышимъ и совѣтовъ нашихъ тамъ не спрашиваютъ. А вотъ изъ области брака, построеннаго лишь на половыхъ и кормежныхъ отношеніяхъ, только и слышишь, что проклятія и ламентаціи, только и видишь, что драмы, драмы, драмы. И мужчины виноваты больше женщинъ потому, что любятъ семью они меньше, чѣмъ онѣ; а заняты въ обществѣ неизмѣримо больше, чѣмъ онѣ; огромный промежутокъ между этими больше и меньше, ничѣмъ для женщины не заполненный, и есть корень антагонизма между двумя полами нашей интеллигенціи. А заполнить его — дѣло женской *охоты*, но мужской *воли* или, точнѣе выразиться, «соизволенія».

Я не могу согласиться съ журналисткою и въ слѣдующемъ ея предположеніи: «не суйся между врожденнымъ здравымъ смысломъ и естественными инстинктами и потребностями женщины всевозможные непрошенные развиватели и фельетонисты, ради краснаго словца не жалѣющіе родного отца (mersi!), то рѣшеніе думы показалось бы справедливымъ каждой не совсѣмъ испорченной женщинѣ». Это—камешекъ въ мой огородъ, потому что именно вслѣдъ за этою-то тирадою и загремѣла Іосафатова долина! Да что же такое, по мнѣнію журналистки, думскія школы, что невозможности служить въ нихъ должны чуть не радоваться всѣ не совсѣмъ испорченныя женщины? Знаменитый Грибоѣдовскій институтъ, что ли, гдѣ упражнялись въ развратѣ и невѣріи? Журналистка совер-

шенно справедливо нападаетъ на сытыхъ симуляптокъ женскаго труда, играющихъ имъ съ жиру, въ ущербъ своимъ семьямъ, но дѣлаетъ дурное и совершенно фантастическое употребленіе изъ этихъ нападокъ. По ея мнѣнію, «въ думѣ кто-либо изъ отцовъ города, одаренный супругою одного изъ вышепоименованныхъ сортовъ, рѣшился, наконецъ, прекратить безобразіе (!) и сказать громко то, что каждый женатый мужчина думаетъ втихомолку: жена да сидитъ дома и смотритъ за хозяйствомъ!» Журналистка черезчуръ смѣло говоритъ за всѣхъ женатыхъ мужчинъ,—это разъ. Два: хорошъ отецъ города, котораго рисуетъ намъ воображеніе журналистки, въ качествѣ спасителя русской семьи, потрясенной зловредными фельетонистами!

— Слово предоставляется гласному Толстолобову.

— Господа!—я такъ полагаю, что все это бабье безобразіе...

— Гласный Толстолобовъ! выбирайте лучше ваши выраженія. Какое безобразіе?

— А вотъ учительницъ этихъ самыхъ... Ихъ—тово—слѣдоваетъ похерить.

— Почему же?

— А потому, что у меня жена негодяйка.

То есть:

Я за то тебя люблю,
Что въ середу праздникъ.

Коротко, ясно и логично.

Три: я рѣшительно недоумѣваю, откуда журналистка взяла, что въ гонимой средѣ учительницъ изобилуютъ зловредныя симулянтки труда? Надо совсѣмъ отчудиться отъ русской жизни, надо совсѣмъ не знать быта средней русской интеллигенціи—рабочей, безъ рентъ, чтобы рѣшаться на подобныя обобщенія. Я зналъ, если посчитать, не одинъ десятокъ замужнихъ учительницъ, и смѣю утверждать, что и имъ, какъ «свободнымъ американкамъ», которыхъ примѣромъ колетъ журналистка глаза русскимъ женщинамъ,

не приходило въ голову «бѣжать въ школу, оставя дѣтей безъ обѣда, или идти на службу, не пересмотрѣвъ, всѣ ли пуговки цѣлы на рубахахъ мужа». Пуговки—пуговками, а школа—школою. Домашнія операціи, предписываемыя журналисткою женщинѣ къ исполненію прежде общественнаго труженичества, такъ несложны, что легко совмѣщаются со всякаго рода службою, и пуговки ничуть не мѣшаютъ ей, какъ она не мѣшаетъ пуговкамъ. Смѣю предположить, что изъ десяти мужей, чьи жены теперь лишатся права преподаванія въ думскихъ школахъ, девять предпочли бы пересматривать пуговки на своихъ рубахахъ собственными своими глазами,—только бы жены ихъ сохранили свои мѣста. Почему? Да потому, что журналистка жестоко и антипатично ошибается, рисуя намъ русскій женскій трудъ забавою съ жиру. А въ особенности въ столицѣ. Трудовыхъ брачныхъ паръ въ Петербургѣ легіонъ; трудится съ утра до ночи мужъ, работаетъ съ утра до ночи жена, и только ихъ совмѣстный трудъ въ состояніи окупить ту каторгу, что называется столичною жизнью. И сходятся-то иной разъ не столько для любви, сколько для того, чтобы «соединить доходы»—слишкомъ мизерные врозь, а вмѣстѣ все-таки похожіе на средства къ жизни. Ну, и околачиваются. Онъ заработаетъ сто, она тридцать, сорокъ, пятьдесятъ—вотъ и всѣ фонды; коекакъ хватаетъ, но вотъ въ одинъ прекрасный день приходитъ она домой и заявляетъ:

— Душенька, одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что у него жена дрянная женщина, и это у нея отъ учительницъ, а потому меня гонятъ съ должности, и отнынѣ мы должны жить не на полтораста, а на сто цѣлковыхъ.

— Господи! какъ же мы обернемся?!

— Ужъ не знаю.

— Что же ты будешь теперь дѣлать?

— А вотъ одна журналистка рекомендуетъ пересматривать пуговки на твоихъ рубахахъ.

— Да у меня всего три рубахи: что же ты, по цѣлымъ днямъ, на нихъ любоваться будешь? Или прикажешь еще три купить—не для носки, а для твоего удовольствія? Такъ, матушка, изъ какихъ источниковъ? Особенно теперь, когда тебя выгнали изъ школы...

— Зато теперь я не буду бѣгать въ школу, оставя дѣтей безъ обѣда.

— Гмъ... кстати: на счетъ стола придется сильно сократиться; нашъ прежній обѣдъ намъ ужъ не по средствамъ... жаль ребятишекъ, но дѣлать нечего.

— Мы наверстаемъ дѣло пищею духовною. Вспомни: вѣдь я уже не буду просиживать цѣлые дни въ школѣ, предоставляя своихъ дочерей надзору развратныхъ боннъ и горничныхъ.

— Матушка, ты помѣшалась съ горя! Какія бонны? Какія горничныя? Когда онѣ у насъ были? Теперь тебѣ самой въ пору идти въ бонны и въ горничныя.

— Ничего, другъ мой: утѣшайся тѣмъ, что принципъ выше всего! «Взявшись за гужъ» супружества, нельзя же вдругъ возлюбить «не дюжъ» и бросить семейную повозку, увязшую въ грязи.

— Это еще что такое?

— Изреченіе той же журналистки по адресу замужнихъ работающихъ женщинъ.

— Да когда же наша семейная повозка вязла въ грязи? И въ какой грязи?

— Не знаю. Говорятъ, вязла.

— Ты работала въ школѣ... если это называется вязнуть въ грязи, желаю того же всякому.

— Да нѣтъ, ты не понимаешь: пока я работала, таща повозку общественнаго обученія, наша семейная повозка завязла... понялъ?

— Ничего не понялъ. До сихъ поръ мы не вязли. А вотъ теперь пожалуй, что завязнемъ. Да такъ, что и не вылѣземъ.

— Но, глупый! пойми, вѣдь это въ другомъ, высшемъ смыслѣ, это аллегорія: я запустила безъ ухода тебя, дѣтей...

— Ахъ, что ты все: дѣти, да дѣти! Ну, какъ ты ихъ запустила, когда ты все свое свободное время проводишь съ ними, а когда ты занята, и они заняты, потому что ты учишь въ школѣ, а они учатся.

— Тебѣ не переубѣдить меня. Я хочу «удовлетворять естественныя потребности женщины. Что ни говори работники полной равноправности половъ, а законовъ анатоміи и физіологіи имъ не побороть. Пока женщина должна носить, родить и кормить дѣтей, она все-таки останется самкою, со всѣми инстинктами, отличающими самокъ отъ всѣхъ живыхъ существъ».

— Стало быть, ты—попросту говоря—собираешься плодить ребятъ. Ну, ужъ это дудки-съ! Не по состоянію, матушка! Получай мы по-прежнему полтораста цѣлковыхъ, куда ни шло, можно бы рискнуть—имѣть еще одного... авось бы, когда-нибудь повезло на его счастье,—достукаться до двухъ радужныхъ... А теперь надѣяться не на что,—значитъ, не надо баловаться! Zweikindersystem—и баста!

1897.

О дѣвицѣ-ѳорсъ и господахъ Кувшинниковыхъ.

Въ одной изъ столичныхъ газетъ печаталась (1902 г.) курьезная повѣсть о художникѣ, который задумалъ удивить міръ картиною, изображающею утренній кутежъ веселой компаніи съ погибшими, но милыми созданіями. Въ качествѣ моделей для послѣднихъ, художникъ приглашаетъ дамъ изъ порядочнаго общества. Тѣ отказываются. Художникъ оскорбленъ и бранитъ ихъ «мѣщанками» и «идіотками». Симпатіи автора всецѣло на сторонѣ художника, хотя рѣшительно необъяснимо, ни почему проститутокъ необходимо писать не съ проститутокъ же, а съ порядочныхъ женщинъ, ни почему столь обидно художнику весьма естественное отвращеніе порядочныхъ женщинъ къ перспективѣ быть увѣковѣченными на полотнѣ въ совершенно несвойственномъ имъ видѣ подвыпившихъ проститутокъ.

Въ другой столичной газетѣ я цѣлую недѣлю слѣдилъ за необычайно глубокомысленною и пылкою полемикою противъ какихъ-то оперныхъ пѣвицъ «образцовой сцены», имѣвшихъ дерзость отказаться отъ концерта съ благосклоннымъ участіемъ «знаменитой исполнительницы цыганскихъ романсовъ». Гордымъ пѣвицамъ жестоко вымыты головы, и съ удовольствіемъ констатированъ фактъ, что отказъ ихъ отъ концерта не имѣлъ вліянія на сборъ: публика, очевидно, пришла не для нихъ, а для исполнительницы цыганскихъ романсовъ. Мораль:

— Не важничайте съ вашимъ «святымъ искусствомъ». Грошъ ему вмѣстѣ съ вами цѣна. Если не желаете стоять на одной доскѣ съ «исполнительницею цыганскихъ роман-

совъ», это убытокъ вашъ, а не ея. Ибо она дѣлаетъ сборы, а вы—нули. Она есть вещь, а вы—гиль.

Лѣтомъ 1901 года одна итальянка изъ кафе-шантана, особа очень красивая и поддержанная богатымъ и знатнымъ покровительствомъ, пожелала превратиться въ оперную пѣвицу.

— Вы играете на скрипкѣ?—спрашивалъ кто-то кого-то.

— Не знаю, не пробовалъ.

Въ томъ же родѣ были вокальныя познанія красивой итальянки. Тѣмъ не менѣе пикантность ея шальной затѣи сдѣлала возможнымъ даже невозможное. Она пѣла упрощенную Травіату, искаженную Маргариту, подъ крохотный оркестрикъ, разсчитанный, чтобы не заглушить ея голоса, съ постояннымъ подыгрываніемъ мелодіи и т. д. Театръ былъ всегда переполненъ «избранною публикою», которую принято «называть о азаръ»; критики, которые настоящей оперной пѣвицѣ не простятъ ни одной ноты, не то что фальшивой, а хотя бы облегченной, пунктированной, находили всю эту музыкальную анархію весьма милою шалостью; хроникеры безпечальнаго вѣдомства писали отчеты о спектакляхъ только что не въ стихахъ. Когда кто-нибудь дерзновенный заикался напомнить о требованіяхъ искусства, на него смотрѣли дико:

— Какого вамъ еще искусства? Она дѣлаетъ полные сборы, ее всѣ слушаютъ,—вотъ вамъ и искусство.

Кто-то осмѣлился напечатать замѣтку, что итальянка не имѣетъ понятія объ оперномъ пѣніи, фальшивитъ, неритмична. Тогда въ спеціальномъ театральномъ органѣ появилась отвѣтная статья, съ развязною проповѣдью, что это-то именно и хорошо въ итальянкѣ, что она поетъ оперу, не умѣя пѣть такъ, какъ артистки, умѣющія пѣть,—ремесленницы, а итальянка уже самою фальшивостью и неритмичностью своею обнаруживаетъ, съ какою мощью она чувствуетъ музыкальную драму,—она-де выше педанти-

ческихъ требованій правильнаго звука и ритма. Даже дурная привычка итальянки считать тактъ всѣмъ корпусомъ, превращая себя въ живой метрономъ,—первое, отъ чего отучаютъ своихъ питомцевъ профессора пѣнія,—даже и эта неуклюжесть была прославляема, какъ верхъ граціозной наивности.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Петербургѣ, въ театрѣ А. С. Суворина, шла декадентская переводная пьеса.

— Что скажете?—спросилъ своего сосѣда причастный къ дѣлу, старый критикъ.

— Много красивыхъ лирическихъ мѣстъ, но, въ общемъ, болѣзненная ерунда какая-то.

Критикъ посмотрѣлъ звѣремъ и сказалъ:

— Сперва напишите пьесу, чтобы выдержала сотни представленій, а потомъ уже и говорите, что такая пьеса—ерунда.

И многіе съ тѣхъ поръ такія счастливыя пьесы написали. Таковъ г. Викторъ Протопоповъ съ «Рабынями веселья», таковъ г. Плещеевъ съ «Мотылькомъ» («Не въ своей роли»), таковы закройщики злополучныхъ «Петербургскихъ трущобъ», гг. Арбенинъ и Евдокимовъ. Если разсматривать драматическое искусство съ точки зрѣнія стараго критика, то эти четыре автора въ правѣ назвать ерундою не только сомнительную декадентщину французской полузнаменитости, о коей шла тогда рѣчь, но и всю русскую литературу для театра, до Островскаго включительно: даже «Гроза», за свои сорокъ лѣтъ мыканья по театрамъ россійскимъ, не выдержала столькихъ представленій, какъ «Рабыни веселья» за два года съ ихъ постановки. И опять-таки я знаю случай, что, когда заслуженная драматическая актриса не пожелала играть въ «Рабыняхъ» кафешантанную диву, режиссеръ рѣзко спросилъ ее:

— Что же вы можете играть?

— Мой репертуаръ извѣстенъ.

— На пустой залъ-съ.

Въ первой изъ помянутыхъ мною пьесъ, на сценѣ— нѣдра кафешантаннаго хора. Во второй—петербургскій даже не полу, а четверть-свѣтъ, нынѣ уже прозванный, именно съ легкой руки г. Плещеева, «мотыльками». Какъ извѣстно, кульминаціонный пунктъ пьесы помѣщается въ великодушной рѣшимости героини быть честною женщиною, если ей заплатятъ за это сто тысячъ рублей, а драма заключается въ томъ, что ста тысячъ рублей Мотыльку въ поощреніе честности не даютъ, на уступку же противъ суммы она не согласна. Въ передѣлкахъ «Трущобъ» одна картина-приманка происходитъ въ ночлежномъ домѣ, другая—въ публичномъ. Онѣ только и интересуютъ публику,— ради нихъ толпа покорно выноситъ грубую, ремесленную, балаганную планировку главъ бульварнаго романа по актамъ, устарѣлый языкъ Крестовскаго въ сценахъ оригинальныхъ, заимствованныхъ цѣликомъ, бездарность закройщиковъ въ сценахъ, связующихъ дѣйствіе, ими придуманныхъ. Смѣшно, говоря о подобныхъ выкройкахъ, поминать о литературѣ, о задачахъ искусства, о театральной этикѣ. Да и не нужно: современной толпѣ совсѣмъ не того отъ театра надо. Она, толпа эта, становится изъ года въ годъ все болѣе и болѣе похожею на гоголевскаго поручика Кувшинникова. Когда на сценѣ звучатъ идеи и «разводится психологія», залъ скучаетъ и кашляетъ, а безпечальная часть прессы, не умирающій и не унывающій душа Тряпичкинъ заявляетъ, что «сію рукопись читалъ и содержанія оной не одобрилъ». Такъ было съ «Лишеннымъ правъ» И. Н. Потапенки, принятымъ съ энтузіазмомъ учащеюся молодежью, но жестоко обруганнымъ газетною критикою. Великая русская артистка, М. Н. Ермолова, еще лѣтъ пять тому назадъ, говорила въ одномъ разговорѣ объ искусствѣ:

— Что-то странное дѣлается съ публикою: она перерождается. Она начинаетъ не любить именно то, что прежде привлекало ея симпатіи. Прежде монологъ становился

центромъ роли, его ждали, его слушали, затаивъ дыханіе. Сейчасъ, если надо произнести монологъ длинный и съ лирикою, невольно боишься за него и за автора: ужъ непремѣнно послышится въ залѣ этотъ роковой, губительный кашель скучающихъ людей, отъ котораго умираетъ успѣхъ.

И это вѣрно, и это понятно. Ибо... лирика и Кувшинниковъ? Что между ними общаго? И, если несчастное недоразумѣніе забросило Кувшинникова въ царство лирики, что же ему, горемычному, остается тамъ еще дѣлать, какъ не скучать, кашлять отъ скуки, и, сквозь кашель, сердито приговаривать свое классическое:

— Ты мнѣ мо-мо-то не разводи, а покажи самое настоящее.

«Самымъ же настоящимъ» для Кувшинникова неизмѣнно пребываетъ,—какъ Щедринъ гдѣ-то выразился,— «сильно дѣйствующій женскій торсъ, съ доступностью проѣзжаго шляха».

Въ модѣ обрѣтающійся торсъ можетъ пѣть, не имѣя голоса и не умѣя связать двухъ нотъ. Модный торсъ въ правѣ играть роли хоть самой Сары Бернаръ, не зная ступить по сценѣ и не выговаривая двадцати четырехъ буквъ. Пьеса успѣшна, если въ ней идетъ рѣчь о легко доступныхъ торсахъ, и прямо фурорна, если торсы въ ней обнажаются. «Фрина» г-жи Радошевской—это колумбово яйцо современной драматургіи, съ такою поразительною находчивостью упростившее ея задачи,—именно на томъ потрясающемъ моментѣ и уцентрализована, что въ четвертомъ актѣ пьесы героиню выводятъ на сцену нагишомъ—въ авторскомъ идеалѣ, «въ большомъ безбѣльѣ» по требованіямъ сценической цензуры. Рецензіи о «Фринѣ», съ замѣчательнымъ постоянствомъ, пишутся въ одномъ и томъ же духѣ:

— Первые три акта, требующіе сильнаго драматическаго таланта и психологическаго чутья, исполнительница провела крайне слабо, но въ знаменитой сценѣ суда она

положительно увлекла залъ роскошью пластическихъ впечатлѣній. Ее вызывали безконечно.

Хотя, по всей справедливости, вызывать слѣдовало не актрису, но ея почтенныхъ родителей, такъ какъ истинными авторами «роскоши пластическихъ впечатлѣній», а слѣдовательно, и успѣха Фрины, являются только они, старики. «Фрина»—одна изъ пьесъ, сборъ на которыя не безнадеженъ до послѣдняго антракта.

— Раздѣбалась?—влетаетъ въ кассу запоздалый, запыхавшійся, ошалѣлый Кувшинниковъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Еще предвидится съ.

— Позвольте кресло перваго ряда. А, быть можетъ, устроите и въ суфлерскую будку? Я заплачу.

— Для васъ—съ удовольствіемъ.

Сильно дѣйствующій торсъ торжествуетъ въ театрѣ по всему фронту. И не только торжествуетъ самъ,—требуетъ, чтобы о немъ торжествовали и другіе. Онъ уже оскорбляется, когда его не считаютъ искусствомъ. Онъ требуетъ себѣ не только поклоненія, но и «нравственнаго уваженія»; ему мало даже равенства, ему надобно первенство. Онъ находитъ тѣсными рамки кафе-шантана и даже оперетки. Онъ честолюбивъ. Его вожделѣніе—взобраться на эстраду симфоническаго концерта и огласить залъ, привычный строго внимать классическимъ звукамъ Бетховена и Вагнера, интереснѣйшимъ въ своемъ родѣ сообщеніемъ, какъ, по его, торса, милости,—

Одинъ удавился,
Другой утопился,
А третьяго черррти взяли,
Чтобъ не волочился!

Устройте дѣвицѣ-торсъ оперу, да съ настоящими артистами: они будутъ дѣлать свое профессіональное дѣло превосходно, но не удостоятся никакого успѣха, ибо—что Кувшинниковымъ эта Гекуба? Для оперы что ли Кувшинниковъ въ оперу пошелъ? для артистовъ? Я зналъ Кувшин-

никова, который, сидя въ Маріинскомъ театрѣ, по абонементу, даже не интересовался, какую оперу онъ слушаетъ, и оживился только однажды, когда оркестръ и хоръ грянули лихой солдатскій маршъ. Тутъ Кувшинниковъ толкнулъ знакомаго сосѣда и вопросилъ:

— Слушай: зачѣмъ это они маршъ изъ «Фауста» жарятъ?

— Да, потому, что «Фаустъ» идетъ.

— Ишь!

И артисты, и опера—это для Кувшинникова скучныя «мо-мо». Онъ ждетъ «самаго настоящаго»: новинки, какъ дѣвица-торсъ будетъ извиваться на оперный манеръ.

— Ахъ, дуй-те горою! Знай нашихъ! Ну, чѣмъ не примадонна? Браво, браво, бисъ, дѣвица-торсъ! Патти зашибла! Никогда у Патти такихъ тѣлесовъ быть не могло! Гдѣ душа-Тряпичкинъ? Ноздревъ, апплодируй! Тряпичкинъ, строчи!

Дайте дѣвицѣ-торсъ драму, да съ знаменитымъ гастролеромъ, котораго, однако, дѣвица-торсъ совсѣмъ забьетъ успѣхомъ, потому что покажется Кувшинниковымъ въ пяти парижскихъ туалетахъ, одинъ другого краше и дороже, и доведетъ Кувшинниковыхъ, — рукоплещущихъ, вызывающихъ, швыряющихъ на сцену букеты, — до ржущаго самоизступленія. Фамилію дѣвицы-торсъ дирекція театра обязана печатать на афишѣ въ красную строку, жирнѣйшимъ изъ жирныхъ шрифтовъ, съ именемъ и отчествомъ.

— Кто вамъ сборы-то дѣлаетъ—я, дѣвица-торсъ, или ваше серьезное искусство?

И вѣдь права, чортъ возьми: она, всеконечно, она и только она! Потому что въ то время, какъ въ спектакли дѣвицы-торсъ ломятся толпы эротически обезумѣвшихъ Кувшинниковыхъ, о спектакляхъ безъ дѣвицы-торсъ то и дѣло приходится читать отмѣтки души-Тряпичкина:

— Бенефиціантъ сдѣлалъ большую ошибку, что, довѣряясь громкимъ именамъ изъ круга «серьезнаго искус-

ства», не пригласилъ къ участію въ своихъ артистическихъ именинахъ нашу дивную чаровницу, незамѣнимую дѣвицу-торсъ. Отсутствіе обольстительной diseuse печально отозвалось на сборѣ: «знаменитостямъ серьезнаго искусства» пришлось исполнять своихъ Бетховеновъ и Чайковскихъ въ залѣ, напоминавшемъ пустотою степь Гоби или Шамо. Полезный урокъ для многихъ артистическихъ самолюбій.

— Спектакль съ участіемъ знаменитаго русскаго трагика былъ вчера отмѣненъ по случаю дождя, хотя намъ доподлинно извѣстно, что дождя не было. Нашъ добрый совѣтъ бѣдняги-антрепренеру: махнуть рукою на «Гамлетовъ» и «Лировъ», развѣ что ему удастся заручиться для Шекспира участіемъ нашей высокоталантливой дѣвицы-торсъ, которая, къ слову сказать, въ сценѣ сумасшествія Офеліи имѣетъ прекрасный случай не только увлечь публику роскошью пластическихъ впечатлѣній, но и исполнить нѣсколько цыганскихъ романсовъ, передаваемыхъ ею съ такимъ несравненнымъ brio...

Захочу—полюблю,
Захочу—разлюблю...
Я на свѣтѣ вольна...
Наливай стаканъ вина!..

Кувшинниковы и Тряпичкины какъ бы вывертываютъ на изнанку Раскольникова. Тотъ въ Сонѣ Мармеладовой «убогую» нашелъ, чтобы въ лицѣ ея поклониться въ ноги страданію человѣческому. Эти «нарядныхъ» изыскиваютъ, чтобы тоже въ ноги поклониться — только не горькому страданію невольнаго порока, а блистательнѣйшему торжеству вполнѣ вольнаго и въ апоѳеозъ возведеннаго полового восторга.

Зах-хочу полюблю,
Зах-хочу разлюблю...
Жизнь на радость намъ дана...
Наливай стаканъ вина!..

Глупы мысли, глупы слова, глупа музыка, глупа вычурная манера исполненія, но въ глупости-то и сила—въ не требующей разсужденія, чувственной животности, отъ которой Кувшинниковы свирѣпо озлобляются плотью, а Тряпичкины съ умильностью констатируютъ:

— Очаровательница была привѣтствована долго несмолкавшимъ, безпримѣрно единодушнымъ ржаніемъ. Мы слышали, что одинъ изъ нашихъ финансистовъ...

Интимныя и даже альковныя подробности о развеселой жизни «нашихъ финансистовъ» и сильно дѣйствующихъ торсовъ составляютъ нынѣ весьма существенную часть въ программахъ тряпичкино-кувшинниковской прессы. На столбцахъ ея вы можете найти все: гдѣ, когда, какая кума съ кумомъ сидѣла; почему петербуржецъ А. поднесъ колье не дѣвицѣ-торсъ Б., но дѣвицѣ-фуроръ В., а дѣвица-скандалъ Г. должна была удовольствоваться браслетомъ отъ нефтяника Д.—и такъ далѣе, до истощенія всѣхъ буквъ алфавита, послѣ чего, пожалуй, можно начать сызнова.

Въ исторіи россійскаго кафе-шантана—три періода.

1) Патріархальныя времена сѣдой древности. Публика именовала кафе-шантанъ выразительнымъ прозвищемъ «шато-кабака», а самъ онъ, съ трогательнымъ гражданскимъ мужествомъ, признавалъ себя усовершенствованнымъ «веселымъ домомъ» («для образованныхъ-съ, которые въ Европахъ-съ бывали»). Судьбами своими онъ уподоблялся тогда пушкинскому лѣшему: «свисталъ, пѣлъ и въ своей дурацкой долѣ ничего знать не хотѣлъ». Собственной прессы не имѣлъ и душу-Тряпичкина звалъ вашимъ высокоблагородіемъ. Объ искусствахъ не помышлялъ, честолюбіемъ не страдалъ и имѣль одно въ идеалѣ: чтобы инженеръ выкупалъ Альфонсинку въ шампанскомъ, а за безчестіе заплатилъ сверхъ всякаго прейскуранта.

2) Превозвысясь частыми купаніями Альфонсинки и возгордившись соотвѣтственными платежами за безчестіе,

кафе-шантанъ началъ уклоняться отъ титула «шато-кабака» (не разставаясь, однако, съ присвоенными оному выгодами и преимуществами), втайнѣ возомнилъ себя храмомъ искусства и, въ своей компаніи, приналъ манеру говорить о себѣ: «мы, артисты». Во всѣхъ этихъ новшествахъ былъ съ горячностью поддержанъ Кувшинниковыми, коихъ, благодаря блестящимъ результатамъ толстовской классической образовательной системы, а также процвѣтанію научныхъ курсовъ балалаечной игры и призовой ѣзды на велосипедахъ, наплодилось видимо-невидимо. Тряпичкина, въ эти средніе вѣка свои, кафе-шантанъ звалъ достопочтеннѣйшимъ Иваномъ Ивановичемъ и, умоляя «не забыть въ статейкѣ-съ», горячо пожималъ ему руку, иногда не безъ тайнаго «прилагательнаго».

3) Вѣка новые. При прогрессивномъ ростѣ въ обществѣ русскомъ процента Кувшинниковыхъ — благодаря тому, что къ курсамъ балалаечнымъ и велосипеднымъ прибавились атлетическіе и, какъ высшее учебное заведеніе, учреждено Русское Собраніе,—кафе-шантанъ окончательно усвоилъ себѣ гордость сатаны и не только во всеуслышаніе объявилъ себя искусствомъ, но и первымъ между искусствами. Открылъ, что свистать, пѣть и ничего не знать, кромѣ своей дурацкой доли, есть истинное назначеніе человѣчества, удовлетворять коему возможно и должно не только въ трактирѣ и веселомъ домѣ, но и въ оперныхъ и драматическихъ театрахъ, и въ симфоническихъ собраніяхъ — всюду, гдѣ есть касса, жаждущая сбора и способная снабжать Кувшинниковыхъ билетами. Съ душою-Тряпичкинымъ сталъ свой человѣкъ, зоветъ его «mon cher» и, когда недоволенъ имъ, замѣчаетъ: «кажется, плачу?!» Протесты искусствъ, изумленныхъ вторженіемъ въ ихъ мирную область совершенно неожиданнаго, новаго собрата, освистываются Кувшинниковыми, какъ запоздалая претензія:

— Искусство? честное искусство?—грохочутъ Кув-

шинниковы,—а ежели мы вамъ жрать не дадимъ? Искусничайте натощакъ.

Съ своей спеціально кувшинниковской точки зрѣнія эти откровенные господа, конечно, имѣютъ полный резонъ. Имъ нравится кафе-шантанъ, они желаютъ сидѣть въ кафе-шантанѣ, — стало быть, и долженъ для нихъ существовать кафе-шантанъ, а не иной храмъ искусства. Кому достаточно Пригожаго, тщетенъ тому Бетховенъ; кто упоенъ дѣвицею-торсъ, «несравненною исполнительницею цыганскихъ пѣсенъ», тотъ весьма хладнокровно обойдется безъ Долиной въ оперѣ, безъ Ермоловой въ драмѣ, зачѣмъ ему Направникъ и Вержбиловичъ, Дузэ и Муне Сюлли? Долины, Ермоловы, Направники, Вержбиловичи это прекрасно знаютъ и лаврами у Кувшинниковыхъ никогда не льстились, не льстятся и льститься не будутъ. Ихъ область отгорожена отъ Кувшинниковыхъ высокою, непроницаемою стѣною.

Но Кувшинниковымъ неймется.

— Желаю черезъ стѣну!

— Зачѣмъ вамъ? Тамъ для васъ все дико, чуждо, скучно.

— Желаю черезъ стѣну! А для веселости дѣвицу-торсъ прихватимъ: пущай съ нами лѣзетъ и пѣсни поетъ!

И вотъ Кувшинниковы уже по ту сторону стѣны (охотники подсадить и лѣстничку принести и поддержать, за хорошую мзду, всегда найдутся), шаркаютъ ножками, рекомендуютъ и рекомендуются.

— Бетховенъ будете? Изъ нѣмцевъ? Слыхали. Шпрехенъ зи дейчъ, значитъ. А вотъ— Пригожій-съ, тоже композиторъ. Однимъ рукомесломъ, стало быть, занимаетесь,— коллеги. Почеломкайтесь.

— Здрассте! Позвольте вамъ быть знакомой. Артистка дѣвица-торсъ. Товарищъ по искусству. Будемъ вмѣстѣ служить русской антилигенціи...

Захочу—полюблю,
Захочу—разлюблю..

Протянутыя длани, не столь къ удивленію, сколь къ озлобленію Кувшинниковыхъ, остаются безъ пожатія...

— Брезгуете, слѣдовательно? Ха-ха-ха!

— Не пара мы. Разныя у насъ дороги.

— Не пара? Ха-ха-ха! Ноздревъ, жарь! Тряпичкинъ, строчи!

И пошла писать губернія. Ноздревъ осипъ, организуя клаку во славу дѣвицы-торсъ и въ поношеніе артисткамъ, ее не признавшимъ. Тряпичкинъ переполнилъ свою «газетку-съ» филиппиками противъ отказа лицемѣрныхъ жрицъ серьезнаго искусства принять кафашантанное сокровище, во всей его неприкосновенности, въ свою строгую семью.

— Какъ будто не всякое искусство серьезно?—важно восклицаетъ онъ и, будучи человѣкомъ въ нѣкоторомъ родѣ литературнымъ, даже ссылается на авторитеты:

— Ха-ха-ха! Вспомнимъ, что говоритъ Печоринъ въ романѣ «Базаровъ» великаго Гончарова: «искусство для искусства, или нѣтъ болѣе геморроя!!!»...

Русская актриса читаетъ и недоумѣваетъ:

— Что же сей сонъ значитъ? Какой, собственно, эволюціи отъ меня хотятъ? Моя прабабушка, крѣпостная Лизка, завяла вмѣстѣ съ талантомъ своимъ, рабою въ помѣщичьемъ гаремѣ. Моя бабушка, Асенкова, преждевременно окончила и карьеру, и жизнь, надорвавшись въ борьбѣ за право актрисы быть честною женщиною, а не безвольнымъ предметомъ утѣхъ для господъ Кувшинниковыхъ. Наши матери тяжкимъ трудомъ, невѣроятными напряженіями воли и таланта, добились того, что общество признало актрису полноправнымъ своимъ членомъ, стало уважать ея личность и дѣятельность. Наше поколѣніе—честно работающая, полезная соціальная сила; нашъ трудъ—одинъ изъ немногихъ видовъ интеллигентнаго труда, открытыхъ русской женщинѣ. Изъ насъ сложили сословіе. Насъ увѣряютъ и мы вѣримъ, что профессія наша—нравственная школа общества, въ кото-

рой мы должны быть учительницами. И, за всѣмъ тѣмъ, теперь, когда мы достигли успѣшнаго конца въ тяжелой эволюціи нашего класса, намъ, — благодаримъ, не ожидали!—предлагаютъ какъ разъ то, отъ чего мы отбивались всѣми нравственными силами нашими цѣлыя сто лѣтъ: работу на вкусы Кувшинниковыхъ и общеніе съ любезнымъ имъ кафе-шантаномъ, съ «кофеемъ поющимъ», какъ выражались въ шестидесятыхъ годахъ. И, когда мы заявляемъ, что не желаемъ ни сами идти въ кафе-шантанъ, ни чтобы кафе-шантанъ прицѣплялся къ намъ,—надъ нами смѣются, насъ бранятъ, насъ увѣряютъ даже, что не якшаться съ кафе-шантаномъ значитъ нарушать правила артистической... этики!!!

1902.

Страждущія мужевладѣлицы.

Прочиталъ я два романа. Авторы обоихъ—женщины: г-жи Вербицкая и О. Шапиръ. Произведеніе первой называется «Исторія одной жизни», второй—«Любовь». Оба романа имѣли заслуженный успѣхъ, а «Любовь» уже потребовала второго изданія. Оба романа—хотя и женской руки, но отнюдь не «дамскіе», въ томъ обидномъ смыслѣ, какъ понимаетъ это колкое словцо насмѣшливая редакціонная и критическая кличка: не праздное или ремесленное рукодѣлье перомъ по бумагѣ о томъ, какъ онъ ее любилъ, она его любила, онъ ее забылъ, она его, ее, себя убила. Не «дамскіе» даже при наличности именно того условія, что въ обоихъ только о томъ и рѣчь идетъ, какъ любятъ, измѣняютъ, умираютъ отъ любви. Замѣтны попытки сказать новое слово о взаимно-половомъ чувствѣ—этомъ таинственномъ, безконечно разнообразномъ и вѣчно неизмѣнномъ создателѣ и двигателѣ человѣческаго общежитія, слышно между страстныхъ или сентиментальныхъ строкъ; какъ зарождаются и роятся новыя мысли, предтечи новаго образа дѣйствій, отношеній, условій уклада житейскаго. Обѣ писательницы талантливы. Г-жа Вербицкая сильнѣе чисто изобразительною способностью, художественнымъ реализмомъ въ созданіи лицъ и сценъ своего дѣйствія; г-жа Шапиръ богаче вдумчивымъ отношеніемъ къ психологическому развитію сюжета, стараніемъ понятно и ярко уяснить читателю логику и послѣдовательность, вдохновляющаго ея творчество, чувства. При всемъ томъ, сходство страстнаго, участливаго тона въ разсказѣ и мягкой манеры письма сво-

дитъ обѣихъ писательницъ до такой близости, что г-жу Вербицкую часто можно принять за г-жу О. Шапиръ, а г-жу Шапиръ за г-жу Вербицкую. Сходство усилено точнѣйшею параллельностью типовъ, изображаемыхъ обѣими романистками, въ особенности, женскихъ. Послѣднихъ, какъ звѣрей въ Ноевомъ ковчегѣ, можно раздѣлить на правильныя пары чистыхъ и нечистыхъ.

Пара первая: страждущія мужевладѣлицы—Ольга Девичъ у Вербицкой, Нина Безпалова у О. Шапиръ.

Пара вторая: фанатическія няньки мужскихъ талантовъ—Ганецкая у Вербицкой, Елена Ставлина у О. Шапиръ.

Пара третья: передовыя «мѣщанки»—Семенова у Вербицкой, Ковригина у О. Шапиръ.

Пара четвертая: партійныя фанатички, «солдаты великой арміи» прогресса—Колпикова у Вербицкой, интеллигентная огородница Васильева у О. Шапиръ.

Пара пятая: бабенки-сплетницы—фельдшерица Райская у Вербицкой, губернская сановница Клеопатра Львовна у О. Шапиръ.

И такъ далѣе.

Я заговорилъ о романахъ г-жъ Вербицкой и Шапиръ не съ тѣмъ, чтобы предложить читателю полный и послѣдовательный разборъ ихъ многочисленныхъ литературныхъ достоинствъ и весьма немногочисленныхъ промаховъ и недостатковъ. Нѣтъ, меня интересовала, какъ явленіе общественное, подмѣченное обѣими романистками очень тонко и изображенное очень художественно, первая изъ перечисленныхъ паръ: страждущія женщины-мужевладѣлицы. И тѣмъ она любопытнѣе, что, близко схожія между собою, писательницы рѣзко разошлись въ ея оцѣнкѣ. Г-жа Вербицкая разсматриваетъ свою Ольгу Девичъ, какъ живой матеріалъ для выработки типа положительнаго; у г-жи Шапиръ Нина Безпалова—характеръ отрицательный, несчастіе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ романа. Обѣ онѣ, Ольга и

Нина,—свѣтскія барышни, попавшія въ условія интеллигентно трудовой жизни, совсѣмъ имъ неподходящей и непосильной. Ольга Девичъ, дѣвушка съ образованнымъ умомъ и мрачнымъ, оскорбленнымъ съ юности, сердцемъ,—характеръ совсѣмъ не сильный по существу, но понимаетъ красоту самостоятельной борьбы съ жизнью, обладаетъ достаточнымъ умѣньемъ и упрямствомъ, чтобы эффектно подражать ея дѣйствительнымъ героямъ и тратить свои нравственныя силы и недюжинныя дарованія въ обстоятельствахъ, правда очень тяжелыхъ, но черезчуръ театрально создаваемыхъ ею самою, умышленно и безъ всякой къ тому настойчивой надобности, какъ принципіальной, такъ и практической. Этой женщинѣ нравится мучительно страдать на людяхъ, и надо ей отдать справедливость: она—удивительная мастерица и сама измучиться, и всѣхъ другихъ вокругъ себя измучить до изступленія. По старому славянскому рецепту: «никѣмъ же не мучимы, сами ся мучаху». Нина Безпалова просто красавица-барынька, недалекая умомъ, одержимая предрасположеніями къ сорока недугамъ, очаровательная своею женственностью и даже самою болѣзненностью. У нея куриные мозги и безумно-страстный темпераментъ. Она влюбилась въ ученаго, вышла за него замужъ «мезальянсомъ» и считаетъ это приключеніе геройствомъ, за которое мужъ обязанъ заплатить ей, оптомъ, всею своею жизнью, и въ розницу, каждою минутою своей жизни. Нина повисла у своего Романа на шеѣ, прильнула губами къ его губамъ, та такъ и виситъ, не отрываясь. Въ такой трогательной позиціи, супругу, кромѣ любви, заниматься чѣмъ-либо, конечно, весьма неудобно, а Нинѣ то и на руку. Ей не нуженъ въ мужѣ ни мудрецъ, ни талантъ, ни дѣятель, ни даже просто умный и порядочный человѣкъ,—нуженъ красавецъ-мужчина, который принадлежалъ бы ей и которымъ она могла бы безотвѣтно помыкать когда угодно, какъ угодно и на что угодно. Какъ читатель видитъ, Ольга и Нина, по прирожденнымъ характерамъ и

по міровоззрѣнію житейскому, казалось бы, стоятъ на двухъ концахъ діаметра и не могутъ ни въ чемъ имѣть общаго. И, однако, кандидатка въ общественныя героини, Девичъ, и пустая, балованная бабенка Нина Безпалова, въ своемъ отношеніи къ мужской любви, оказываются не только родными сестрами: нѣтъ, Девичъ—это Безпалова, а Безпалова—это Девичъ.

Въ началѣ романа г-жи Вербицкой, Ольгѣ Девичъ уже двадцать пять лѣтъ: слава Богу, не подростокъ, стало быть! Въ прошломъ у нея остались не только событія, но даже подвиги: разрывъ съ богатою и титулованною роднею ради самостоятельной, трудовой жизни, поѣздка сестрою милосердія на русско-турецкую войну въ грозный фратешскій госпиталь и т. п. Зарабатывая сто тридцать рублей въ мѣсяцъ, она сама живетъ на тридцать, а остальные сто отдаетъ на нужды учащихся бѣдняковъ. Она красавица изъ красавицъ. Она—исключительный вокальный талантъ, но не желаетъ пользоваться своими богатѣйшими голосовыми данными, потому что служить искусству—непозволительный эгоизмъ, надо жить для людей: Ольга стремится стать женщиною-врачемъ и готовится (не въ укоръ ей будь сказано, ужасно долго для такой способной натуры!) поступить на медицинскіе курсы. Въ ней видятъ «силу», ее обожаетъ молодежь, ей поголовно завидуютъ женщины; ее стремятся завербовать въ свои ряды самые крайніе люди прогрессивной партіи. Словомъ, особа весьма достопримѣчательная и столь разнообразно со всѣхъ сторонъ искомая, что, покуда г-жа Вербицкая не показываетъ Ольгу въ словѣ и дѣйствіи, а только разсказываетъ о ней, познакомиться съ этою «царь-дѣвицею» весьма любопытно. Но когда Ольга въ романѣ сама на-лицо, интересъ и ореолъ необыкновенной женщины быстро таютъ, и только близорукій не разглядитъ, какъ изъ-за классическихъ драпировокъ, набросанныхъ авторомъ на Ольгу, сквозитъ красивенькая, хрупкая фи-

гурка капризной, сластолюбивой мужевладѣлицы, Нины Безпаловой.

Ходили въ обществѣ слухи, будто «Исторія одной жизни» — художественная біографія одной, очень замѣтной дѣятельницы восьмидесятыхъ годовъ. Я этому не вѣрю, прежде всего потому, что между характеромъ Ольги Девичъ и характеромъ предполагаемаго оригинала нѣтъ рѣшительно никакого сходства. Что же касается нѣкотораго подобія во внѣшнихъ событіяхъ, то сильныя и острыя семейныя исторіи, съ разрывами, самопожертвованіями, одиночествомъ, тяжелымъ трудомъ, голодовкою, переживали въ то время сотни передовыхъ дѣвушекъ. Всѣ шли къ свѣту науки и дѣятельности по одной тернистой тропѣ, и г-жа Вербицкая описала въ своемъ романѣ отнюдь не исключительныя какія-либо тернія, но историческій шаблонъ терній, испытанный огромнымъ большинствомъ тогдашней женской молодежи. Я совсѣмъ не упомянулъ бы объ этомъ слухѣ, если бы могъ отнестись къ героинѣ г-жи Вербицкой съ большею симпатіей, потому что лицо, съ котораго она якобы написана, смолоду привыкъ цѣнить высоко, уважать глубоко. Но Ольга Девичъ, по моему искреннѣйшему убѣжденію, подобныхъ чувствъ человѣку, трезво размышляющему, внушить не можетъ и не должна, о чемъ и послѣдуютъ пункты. А, въ ожиданіи пунктовъ, настойчиво подчеркивая то предупрежденіе, что все, сказанное мною объ Ольгѣ Девичъ, будетъ относиться только къ героинѣ романа г-жи Вербицкой, и ни однимъ словомъ къ какому-либо дѣйствительному лицу, мнимый портретъ котораго она будто бы представляетъ.

«Исторію одной жизни» г-жа Вербицкая могла бы съ полнымъ правомъ назвать «Притчею о неразсудительной дѣвицѣ, полагавшей, что дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ». Имѣя двадцать пять лѣтъ на плечахъ, не малую житейскую опытность, серьезныя, идейныя знакомства, перспективу долгихъ научныхъ занятій и затѣмъ полезной

общественной дѣятельности, Ольга, въ одинъ прекрасный день, спохватилась и воскликнула:

— А любовь? Когда же я успѣю любить и быть любимой?

И, попросивъ всѣ дѣла свои не уходить медвѣдями въ лѣсъ, опредѣлила себѣ предварительно пройти полный курсъ амурныхъ времяпрепровожденій, а затѣмъ, когда потребность въ личномъ счастьѣ будетъ совершенно удовлетворена, перейти къ устройству благополучія общественнаго, черезъ поступленіе на медицинскіе курсы. Нѣкто Семеновъ (мрачная энергическая фигура, кажется, и впрямь списанная, если не съ дѣйствительнаго лица, то съ легенды о дѣйствительномъ лицѣ) основательно пророчитъ Ольгѣ, что,—покуда, молъ, вы отлюбите, пожалуй, и курсовъ-то для васъ уже не станетъ. Но Ольга упрямо стоитъ на своемъ: сперва полюблю въ полное свое удовольствіе, потомъ поучусь, и выйдетъ у меня всякому овощу свое время.

Нина Ставлина познакомилась съ репетиторомъ Романомъ Безпаловымъ, плѣнилась его кудрями:

— Ахъ, какой мужчина!

Затѣмъ бѣжала съ нимъ подъ сѣнь струй и, вступивъ въ бракъ, принялась вертѣть благопріобрѣтеннымъ кудрявымъ имуществомъ по своей прихоти и усмотрѣнію, что̀ было очень скверно, вредно и какъ авторомъ, такъ и всѣми благомыслящими людьми справедливо осуждается.

Ольга Девичъ встрѣтила бѣдняка-офицера Чарницкаго, влюбилась въ его цыганскій профиль:

— Ахъ, какой мужчина!

Мужчина оказался, дѣйствительно, недурнымъ, и не только со стороны цыганскаго профиля. Вотъ очень характерная послѣдовательность ихъ любовныхъ отношеній.

Чарницкій не любилъ Ольгу, когда на нее нашло вожделѣніе, чтобы онъ ее любилъ. Ольга сама назойливо объясняется ему въ любви, навязывается ему въ полномъ смыслѣ

этого слова. Чарницкій, съ самымъ настойчивымъ благоразуміемъ, указываетъ предпріимчивой дѣвицѣ, что они во всѣхъ отношеніяхъ не пара. И Ольга тоже отлично сознаетъ правоту его. При всемъ томъ,—нѣтъ, хочу, чтобы любилъ,—и люби! Влюбиться въ красавицу, которая упорно вѣшается вамъ на шею, совсѣмъ не долго и не трудно, но Чарницкій, и потерявъ голову отъ влюбленности въ Ольгу, остается честнымъ человѣкомъ; объ понимаетъ весь бредъ связи, въ которую тянетъ его дикая дѣвушка, и употребляетъ всѣ усилія, чтобы отстранить соблазнъ страсти, въ серьезность которой онъ не вѣритъ, а легко воспользоваться ею не хочетъ. Чтобы отвадить отъ себя Ольгу, онъ предлагаетъ ей испытаніе, очень тяжелое, компрометтирующее: придти къ нему во время его попойки съ товарищами. Ольга и на то согласна. Хорошо еще, что Чарницкій хотя и не ожидалъ отъ своей поклонницы столь геройской покорности, все-таки, сохранилъ въ душѣ нѣкоторое сомнѣніе: чѣмъ, дескать, чортъ не шутитъ? Отъ нея станется, вдругъ, возьметъ, да и придетъ? Потому что Ольга, дѣйствительно, пришла, и Чарницкій едва успѣлъ перехватить ее на лѣстницѣ меблированныхъ комнатъ, чтобы скрыть отъ пьяной компаніи. Когда же кто-то изъ товарищей, все-таки, замѣтилъ Ольгу, Чарницкій, до тѣхъ поръ выше всего на свѣтѣ цѣнившій свою холостую свободу, торжественно объявилъ гостью своею невѣстою. Казалось бы,—«что и требовалось доказать».

Не тутъ-то было.

— Возьмите меня, какъ вашу вещь... но никакихъ условій, никакихъ цѣпей... Замужъ за васъ я не выйду никогда... Я не могу измѣнить себѣ... Ахъ, это потомъ, потомъ... У васъ свои цѣли, у меня свои. Зачѣмъ намъ загораживать будущее другъ другу?

Когда Ольга отдалась Чарницкому, онъ умоляетъ ее выйти за него замужъ. Нѣтъ.

Когда о связи ихъ дозналось общество,—по бравадамъ

самой же Ольги,—Ольга компрометтирована, Ольга лишается уроковъ и осуждена на нищету, — Чарницкій умоляетъ ее выйти за него замужъ. Нѣтъ.

Ольга беременна. Чарницкій умоляетъ Ольгу обвѣнчаться хоть ради будущаго ребенка. Нѣтъ.

Живутъ вмѣстѣ, гонимые общественнымъ гнѣвомъ, безъ занятій, безъ средствъ, бѣднѣютъ, нищаютъ, голодаютъ, здоровье обоихъ разстроено въ конецъ, у Ольги что-то въ родѣ чахотки, у Чарницкаго что-то въ родѣ аневризма. Ребенокъ ихъ родится, измученный истощеніемъ и нервностью матери еще во чревѣ ея, онъ въ желтухѣ и вскорѣ умираетъ. Все время Чарницкій умоляетъ Ольгу о свадьбѣ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

Почему же, однако, нѣтъ? Не потому ли, что, по взглядамъ Ольги, законный бракъ формальность, пойти на которую значитъ сдѣлать уступки общественнымъ требованіямъ противъ своихъ убѣжденій? Ничуть. Разгадка совсѣмъ иная. Просто—все это: любовь, сожительство, ребенокъ,—въ представленіяхъ Ольги,—дѣло временное. А, отбывъ его, Ольга примется за давно обѣщанное, вѣчное дѣло; приготовится на медицинскіе курсы и будетъ женщиною-врачемъ. Почему нельзя сдѣлать того же, не замучивъ до смерти своего ребенка, а себя и любимаго человѣка до полусмерти,—это тайна Ольги и, обожающей ее, г-жи Вербицкой. Женщинъ-врачей въ Россіи много: огромное большинство изъ нихъ замужнія и дѣтныя, и прекрасное, честное дѣло ихъ отъ того ничуть не страдаетъ, что онѣ по паспорту дамы, а дѣти ихъ пишутся брачными. Изображать женщинъ, изучающихъ медицину, какими-то жрицами свободной любви, презирающими не токмо законные, но даже твердо постоянные гражданскіе браки, и неуставными въ производствѣ внѣбрачныхъ ребятъ,—было до сихъ поръ незавидною привилегіей ретроградной печати, къ которой г-жа Вербицкая, конечно, не принадлежитъ и принадлежать не можетъ. Тѣмъ курьезнѣе сходство идей Ольги о

медицинскомъ образованіи съ идеями Мещерскаго, Грингмута и К°. Въ чемъ, собственно, таится опасность и угроза, предчувствуемыя Ольгою своему «дѣлу» въ бракѣ,—постичь весьма трудно. Правда, Чарницкій противъ поступленія Ольги на курсы, но г-жа Вербицкая рисуетъ его такимъ сговорчивымъ и покладистымъ, въ рукахъ Ольги, малымъ, что это препятствіе не можетъ считаться серьезнымъ: Ольга, что хочетъ, то съ нимъ и дѣлаетъ, и съ чѣмъ хочетъ, съ тѣмъ и заставляетъ его мириться,—заставила бы, конечно, примириться и съ курсами.

Что Ольга могла влюбиться въ Чарницкаго, хотя онъ и совсѣмъ другого поля ягода, разумѣется, вполнѣ понятно и непредосудительно: отчего двадцатипятилѣтней дѣвицѣ «съ темпераментовъ» и не влюбиться въ красиваго офицера? Но—вотъ что удивительно: эта поборница свободнаго чувства, эта противница крѣпкихъ любовныхъ цѣпей, оказывается затѣмъ столь же требовательною и убѣжденною мужевладѣлицею, какъ и капризная салонная фея, Нина Безпалова. Разница только въ томъ, что Нина коверкаетъ жизнь молодого талантливаго ученаго,—и всѣ ее за то проклинаютъ, а Ольгу прихоть ея пристроила коверкать жизнь молодого и не очень блестящаго офицера, и г-жа Вербицкая негодуетъ... на Ольгу? Анъ, нѣтъ: на офицера,—какъ онъ смѣетъ, чтобы рукамъ необыкновенной Ольги было трудно ломать его, въ качествѣ живой куклы. Совсѣмъ—«ужъ такъ-то ли мнѣ было жаль тебя, маменька; ты такъ устала, колотя папеньку»...

Да простится мнѣ еретическое мнѣніе: какъ ни плоха жалкая Нина Безпалова, по однимъ своимъ достоинствомъ даже она лучше и человѣчнѣе идеальной Ольги. Она очень глупо повисла на шеѣ своего Романа, загубила жизнь и свою, и его, по крайней мѣрѣ, безумствуя, чувствовала и сознавала, что это уже—навѣкъ. Вотъ тебѣ, Романъ—я, Нина, на всю жизнь, а ты за это подай мнѣ цѣликомъ всю свою жизнь. Не смѣй отойти отъ меня безъ

позволенія. Не смѣй любоваться или даже любезно говорить съ другою женщиною. Не смѣй заниматься любимымъ дѣломъ, разъ оно мнѣ несимпатично. Не смѣй говорить о предметахъ, которые выше моего пониманія. Не смѣй имѣть своихъ знакомыхъ, своей переписки, вкусовъ, взглядовъ, выраженія лица, которое мнѣ не нравится. Изучи мои вкусы, угадывай мои мысли и подчиняй имъ свой бытъ... Ужасно, отвратительно! Но Нина Безпалова даетъ въ этой безобразной программѣ мужу своему хоть то слабое преимущество, что, если любовь жены становится для него могилою, то и она-то сама, Нина, заключается съ нимъ въ могилу—вѣрно, вѣчно, безъ обмана; она потребовала, чтобы онъ увязъ выше ушей въ неразсуждающей, красиво чувственной любви, но и сама ничего, кромѣ неразсуждающей любви, не хочетъ и никогда не захочетъ. Она не уйдетъ отъ Романа ни для кого, ни для чего. Тутъ, какъ ни скверна ихъ супружеская жизнь,—да хоть, что называется, оба квиты.

Между тѣмъ Ольга, чей любовный и ревнивый деспотизмъ г-жа Вербицкая изобразила гораздо болѣе рѣзкими и реальными красками, чѣмъ г-жа Шапиръ любовный и ревнивый деспотизмъ Нины, не оставляетъ своему возлюбленному даже и такого плачевнаго утѣшенія. Ея любовь—также могила для любимаго человѣка, но вырытая только на одно мѣсто, односпальная. Сама Ольга спускается въ могилу на время, а не навсегда. Отлюбитъ какой-то угодный и удобный ей срокъ, а потомъ,—къ «дѣлу». Дѣло выше Чарницкаго. Это, конечно, звучитъ честно и хорошо. Но Чарницкій-то, сходясь съ Ольгою, вовсе не разсчитывалъ быть ангажированнымъ только на время любви, съ перспективою безсрочнаго отпуска въ недалекомъ будущемъ,—иначе, сколь Ольга ни обольстительна, онъ отъ ангажемента ею въ первые любовники, навѣрное, уклонился бы. И Романъ Безпаловъ, и Чарницкій любятъ своихъ взбалмошныхъ женъ крѣпко, а тѣ превращаютъ существованіе супруговъ въ адъ, хотя и сотканный изъ поцѣлуевъ.

Пробывъ у Ольги въ гостяхъ нѣсколько дней подъ-рядъ до трехъ часовъ утра (плюсъ обязательная ночевка съ субботы на воскресенье), Чарницкій, «чувство въ сангвинической натурѣ котораго не могло долго держаться на одной высотѣ», осмѣлился замѣтить невѣстѣ, что «нельзя же постоянно лизаться», «надо выспаться»,—драма. Собрался пойти къ знакомымъ,—драма съ бранью, истерикою, швыряньемъ вещей. Пріѣхалъ къ Чарницкому братъ-мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Ольга ненавидитъ мальчика за родственную близость къ Чарницкому и считаетъ съ своей стороны чуть не подвигомъ, что она хоть вѣжлива съ бѣднымъ подросткомъ. Чарницкій имѣетъ хорошія, добрыя чувства къ своей далекой семьѣ. Ольга ненавидитъ семью Чарницкаго именно за эти добрыя чувства. Чарницкому понравилась картина, изображавшая цыганку,—Ольга устроила ему бѣшеную сцену ревности даже на улицѣ. Затѣмъ пошли безобразныя драмы изъ-за каждой встрѣчной женщины, знакомой ли, незнакомой ли: изъ-за каждаго случайнаго женскаго взгляда, привлеченнаго красивымъ офицеромъ. Человѣкъ честный, вѣрный, любящій, безупречно порядочный и правдивый, терпитъ безсмысленныя нравственныя пощечены изо дня въ день, изъ часа въ часъ.

За что? во имя чего? Что онъ получаетъ за это?

— Я не семьянинка, пойми меня... Я была безсильна бороться со страстію... Но мнѣ не хотѣлось измѣнять своимъ принципамъ никогда... даже въ самыя высокія минуты наслажденій...

— Этотъ день пропалъ... Этотъ вечеръ погибъ... безъ любви и ласки, безъ радостей, въ ссорѣ... А много ли у меня этихъ дней впереди? Вѣдь скоро всему конецъ..

Если бы Чарницкій былъ просто чувственнымъ любовникомъ безъ совѣсти и деликатности, онъ, разумѣется, заботился бы объ одномъ: покуда Ольга ему нравится, держать «чувства своей сангвинической натуры» на доста-

точной высотѣ, чтобы «высокія минуты наслажденій» выпадали «не-семьянинкѣ» въ какъ можно большемъ количествѣ, а антрактовъ для ревности случалось какъ можно меньше. Но, повторяю, этотъ человѣкъ рѣшительно не въ состояніи понять, какъ это порядочные мужчина и женщина, отбывъ періодъ любви, точно какую-то службу другъ передъ другомъ, потомъ возьмутъ и разбѣгутся въ разныя стороны, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ твердо стоитъ на томъ, что, взявъ любовь честной дѣвушки, онъ принялъ на себя въ отношеніи ея неразрывныя семейныя обязательства. Удивительно вотъ что: толкуя все время о своихъ принципахъ и о томъ, какъ уйдетъ она отъ любви къ «дѣлу», Ольга хоть бы разъ задала себѣ вопросъ: а нѣтъ ли у человѣка, которымъ я завладѣла почти насильно, тоже своихъ принциповъ, не позволяющихъ ему сходиться со мною, только какъ съ временной любовницей? Нѣтъ ли у него своего «дѣла» въ жизни, которое требуетъ его къ себѣ съ неменьшею властностью, чѣмъ ея будущее, многоглаголивое, но вѣчно трагикомически отсроченное «дѣло»?

Ради сознательно и предвзято временной связи Ольга ставитъ Чарницкаго въ необходимость разссориться съ горячо любимою семьею. У Чарницкаго жалкая служба (межевой инженеръ), но лучшей негдѣ взять. Даютъ ему командировку, — Ольга не пускаетъ: нельзя ей остаться безъ «минутъ высокихъ наслажденій». Изъ жизни Чарницкаго вынуто буквально всякое содержаніе. Ему даже музыка воспрещена, потому что отнимаетъ время у поцѣлуевъ. Онъ — любовный аппаратъ и только таковымъ обязуется себя понимать и чувствовать. Все что въ Чарницкомъ чуждо любовнаго о ней помысла, Ольга, съ самою откровенною яростью, ненавидитъ, презираетъ, воюетъ со всѣмъ тѣмъ не на животъ, а на смерть. Совершенно та же логика любви у глупенькой Нины Безпаловой, которая ненавидитъ науку своего мужу, его лабораторію, его сотрудниковъ, его книги, все его «дѣло», потому что съ ними надо

дѣлиться своимъ Романомъ, а онъ, когда обнялъ ее впервые, то, такъ сказать, безсловно обязался быть весь ея, безъ соперницъ въ мірѣ — женщинъ ли, идей ли. Моментомъ своей дѣвственной страсти обѣ эти особы купили себѣ мужей-рабовъ и съ наивною твердостью увѣряютъ, что, молъ, рабство это, рабство тѣла и духа, есть все ваше земное назначеніе: если вы рабы, послушно ходите по нашей стрункѣ и ни о чемъ постороннемъ не размышляете, то, значитъ, любите насъ; а, если осмѣливаетесь думать о чемъ-либо кромѣ прелести владычицъ вашихъ, то, значитъ, разлюбили, измѣнили, предали! И владычицамъ остается только покарать васъ такимъ трагическимъ скандаломъ, чтобы волосы стали дыбомъ на головѣ и упокойники въ гробахъ сказали «спасибо», что умерли. Чувашъ, когда обиженъ сосѣдомъ, наказываетъ оскорбителя «сухою бѣдою»: вѣшается на воротахъ его дома. Японецъ наказываетъ обидчика, распарывая собственное брюхо. Дамы-мужевладѣлицы, подобныя Нинѣ и Ольгѣ,—словно бы чувашскаго и японскаго происхожденія, образа мыслей и поведенія.

— А! Ты бунтовать? У тебя свои мнѣнія? свои знакомые? свои вкусы? разлюбилъ?! Такъ вотъ же тебѣ! Помни на всю жизнь, что я твоя жертва, а ты мой убійца!

И—глядь: нахлебалась ни съ того, ни съ сего нашатырю, опіума, сулемы или другой мерзости...

Рабство чувства — и ревность, ревность, ревность! сцены, сцены, сцены! драмы, драмы, драмы!.. И все—«изъ-за выѣденнаго яйца», какъ опредѣляетъ каторгу своей жизни Чарницкій.

Любопытно, что всѣмъ глупымъ и тупымъ, недостойно сладострастнымъ рабствомъ своимъ эти злополучные все же не въ силахъ внушить своимъ владычицамъ хоть искру довѣрія. Нина Безпалова отравилась, вообразивъ своего, ни въ чемъ неповиннаго, Романа измѣнникомъ,—ей даже и въ голову не пришло, что надо бы хоть объясниться что ли съ мужемъ, провѣрить, что и какъ... Ахъ, кузина упрекаетъ

меня, что я дурно обращаюсь съ мужемъ! Ахъ, значитъ, онъ жаловался на меня кузинѣ! Ахъ, значитъ, онъ съ кузиною откровеннѣе и ближе, чѣмъ со мною! Ахъ, значитъ, онъ измѣнилъ! Ахъ, значитъ, не хочу жить на свѣтѣ!.. За Чарницкимъ Ольга слѣдитъ по незнакомымъ домамъ, подглядывая въ оконныя щели... и сцены, сцены, сцены! драмы, драмы, драмы!.. И это жизнь? Это любовь? Это честныя супружескія отношенія? «Пудель, на что вѣрная собака, и тотъ сбѣжитъ»!

Но мужчины кисти г-жъ Вербицкой и О. Шапиръ, Чарницкій и Безпаловъ, въ особенности первый, оказываются выносливѣе пуделей. Чѣмъ имъ круче приходится отъ влюбленныхъ владычицъ, тѣмъ они смирнѣе покорствуютъ любовной власти. Случайно вырвавшись изъ своего семейнаго ада въ командировку, Чарницкій соблюдаетъ по отношенію къ Ольгѣ вѣрность Тогенбурга, а она издалека шпигуетъ его письмами, полными того ядовитаго ревниваго «великодушія», отъ котораго человѣку честному и самолюбивому можно съ ума сойти. И все это—опять таки, точь въ точь по рецепту Нины Безпаловой: безъ данныхъ, безъ провѣрки, по однимъ слухамъ, предчувствіямъ, по молвѣ людишекъ, которыхъ Ольга сама презираетъ. Ея любовникъ для нея богъ, но послѣднему червю, пресмыкающемуся у ногъ его, больше вѣры, чѣмъ этому богу.

Скажутъ:

— Но вѣдь ревнивыя опасенія какъ Нины, такъ и Ольги, въ концѣ концовъ, сбылись, какъ правдивый голосъ безошибочнаго инстинкта. Ихъ мужья, оставшись внѣ надзора, измѣнили-таки своимъ владычицамъ...

Увы, да! Но и—увы! не по другой какой причинѣ, какъ именно, что «пудель, на что вѣрная собака, и тотъ сбѣжитъ». Жертва упрямой и неосновательной ревности, мужчина ли, женщина ли, не можетъ безконечно отдавать свою душу, свои нервы на медленное съѣденіе безумію даже беззавѣтно любимаго человѣка. По крайней мѣрѣ, не

можетъ безъ страшной усталости, и нравственной и физической. А, гдѣ усталость, тамъ и реакція чувства, тамъ и потребность отдыха. Что съ этою потребностью можно успѣшно бороться,—вѣрно. Но еще вѣрнѣе, что, ослабѣвъ въ борьбѣ, усталый отъ ревниваго пиленія, отъ назойливо внушаемаго и провѣряемаго чувства рабской принадлежности, человѣкъ весьма легко падаетъ иной разъ, самъ того не ожидая, нечаянно и почти-что невинно. Честна и прекрасна Дездемона; оклеветанная, безвинно умерла она,—жаль бѣдняжку Дездемону! А все-таки, пожалуй, судьба поступила не глупо, допустивъ ее умереть за небывалую любовь. Потому что, не рѣшись Отелло убить Дездемону, ревность его не умерла бы, но только размѣнялась бы по мелочамъ. И вотъ—прошло нѣсколько недѣль. Отелло замучилъ бѣдную женщину дикими сценами, гримасами, нелѣпо язвительными разговорами о платкѣ, замучилъ до одури. Пылкой венеціанкѣ жутко отъ пустой, оскорбительной жизни безъ любви, жизни, отравленной безсмысленными, придирчивыми обидами. А Кассіо хорошъ и добръ. А Лодовико красивъ и великодушенъ. И—о, какая длинная пара роговъ выросла бы, въ концѣ концовъ, на черномъ лбу ревниваго мавра!.. И одною прелюбодѣйною женою стало бы больше на свѣтѣ, и однимъ возвышеннымъ образомъ женскаго благородства меньше въ царствѣ поэзіи. Тонко и умно спрашиваетъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» Лаврецкій Лемма о шиллеровскомъ «Фридолинѣ»:

— А какъ вы думаете: вѣдь, тутъ-то, какъ графъ привелъ его къ графинѣ, Фридолинъ, и сдѣлался ея любовникомъ.

Потому что нѣтъ чувства, болѣе тяжко и обидно угнетающаго, чѣмъ безпричинная ревность,—животное отсутствіе уваженія и довѣрія къ человѣческому достоинству любимаго существа. Гдѣ безвинное оскорбленіе, тамъ и инстинктивно мстительный отпоръ на него, созрѣвающій иной

разъ даже незамѣтно и безсознательно для того, въ чьей угнетенной душѣ онъ родится.

Возможны два отношенія къ близкому человѣку.

Одно—положительное:

— Я люблю тебя, — поэтому вѣрю, что ты честенъ (честна) и вѣренъ (вѣрна) мнѣ, и буду вѣрить, если ты не разрушишь моего довѣрія измѣною.

Другое—отрицательное:

— Я люблю тебя,—доказывай же мнѣ изо дня въ день, изъ часа въ часъ, изъ минуты въ минуту, что ты не негодяй (—ка) и не развратникъ (—ца), иначе я не могу имѣть къ тебѣ довѣрія ни на кончикъ мизинца.

Презумпція порядочности любимаго человѣка и презумпція его всенепремѣнной половой подлости. Мужчины и женщины разумные живутъ первою. Женовладѣльцы и мужевладѣлицы терзаютъ себя и другихъ второю.

— Доказывай, доказывай, доказывай, что не любишь никого другого! Доказывай, Дездемона! Доказывай, Чарницкій! Доказывай, Романъ Безпаловъ!

Древній мудрый императоръ, когда ему совѣтовали установить для государства обрядъ періодической присяги, возразилъ:

— Сколькимъ вѣрнымъ людямъ опротивѣла бы ихъ вѣрность, если бы ихъ заставляли клясться въ ней каждый день.

Точно такъ можетъ опостылѣть человѣку борьба съ недобросовѣстною презумпціей его безчестности. Опостылѣть не только до усталости, о которой шла рѣчь выше, но даже до озлобленія: до готовности Дездемоны отомстить за свои слезы и горести паденіемъ въ объятія хотя бы того же невинно подозрѣваемаго, мнимаго соучастника своего Кассіо, до тайной связи Романа Безпалова съ Еленою Ставлиною. Все равно, молъ, въ любимыхъ глазахъ я не человѣкъ, а вѣчно похотливая дрянь. Ну, такъ вотъ же,— чтобы хоть не напрасно терпѣть, я и впрямь, на зло, втихо-

молку, буду дрянь дрянью. Но у Чарницкаго даже и этого озлобленія нѣтъ, хотя у ревнуемыхъ мужчинъ оно чаще, чѣмъ у ревнуемыхъ женщинъ. У него именно только усталость. Его измѣна—просто внезапный, непроизвольный сонъ, съ чувственнымъ видѣніемъ, охватившій человѣка, замученнаго жестокою, страстною тираніей, какъ скоро онъ попалъ на отдыхъ въ среду ласковую, мягкую, нетребовательную. Это сонъ, а не дѣйствительность. И пробужденіе Чарницкаго отъ сна къ дѣйствительности очень тяжко. Г-жа Вербицкая, при всей своей строгости къ невѣрному офицеру, описала сцену его одинокаго раскаянія съ большимъ чувствомъ. У Чарницкаго нѣтъ ни одной минуты колебанія въ выборѣ между дѣйствительностью и сномъ: онъ любитъ и желаетъ одну лишь суровую мучительницу свою, полубезумную Ольгу. Онъ не связанъ съ нею никакими оффиціальными узами, не обязанъ ей никакимъ оффиціальнымъ отчетомъ,—не мужъ, вѣдь, и даже не обѣщано ему производства въ этотъ лестный чинъ. Положеніе «временной любовницы» г-жа Вербицкая въ одномъ, очень выразительномъ мѣстѣ романа справедливо называетъ позорнымъ. Нельзя сказать, чтобы красиво и пріятно было положеніе «временнаго любовника», въ которомъ оставляетъ Чарницкаго Ольга. Взятый, какъ «временный любовникъ», почему не въ состояніи онъ отнестись къ Ольгѣ, какъ къ «временной же любовницѣ»? Почему для него всего на свѣтѣ страшнѣе, чтобы Ольга какъ-нибудь не провѣдала объ его злополучномъ «снѣ?» Почему, когда Ольга, все-таки, прослышавъ объ измѣнѣ, исчезла, онъ мечется въ безумныхъ поискахъ за нею, бросивъ всѣ дѣла, службу, не говоря уже о соучастницѣ «сна»? на которую ему взглянуть противно? Почему онъ тоскливо ждетъ свою безвѣстно пропавшую Ольгу сердцемъ, полнымъ нѣжности, въ теченіе двухъ лѣтъ, отравленныхъ бѣдностью, семейными несогласіями, одиночествомъ, тогда какъ—стоитъ ему протянуть руку влюбленной и милой женщинѣ,

чтобы превратиться въ богатаго буржуа, успокоить старость любимой старухи-матери, осчастливить всю свою семью? Онъ женится по разсчету, ради родныхъ, лишь убѣдившись, что Ольга больше не существуетъ,—по крайней мѣрѣ, для него.

Г-жа Вербицкая очень умно избавила отъ порока ревности самого Чарницкаго. Онъ не могъ, не долженъ былъ ревновать Ольгу—не по самоувѣренности и не потому, что мало любилъ, но потому, что любилъ съ презумпціей ея честности. Думаю, что было бы очень трудно вложить въ него сомнѣнія о вѣрности Ольги, а, буде они и явились бы, то не поддался бы онъ имъ на одни слѣпые слухи, безъ доказательной, строгой провѣрки. Ольга любитъ Чарницкаго, наоборотъ,—съ презумпціей его мужского коварства. Поэтому, когда своекорыстные людишки сообщаютъ ей сплетни и намеки насчетъ похожденій Чарницкаго, она моментально и чисто «по-бабьи» принимаетъ на вѣру то, о чемъ «кричитъ весь городъ», не требуя иныхъ доказательствъ, кромѣ собственнаго чутья, не изслѣдуя ни дѣйствительности, ни причинъ, ни обстоятельствъ вины. Она объявляетъ Чарницкому письмомъ полный разрывъ и исчезаетъ съ такою же быстротою, какъ Нина Безпалова отравляется.

— Конечно, исчезаетъ на «дѣло»?, на медицинскіе курсы?

То-то и бѣда, что Семеновъ былъ правъ. Хотя дѣло и не медвѣдь, однако и его можно переутомить отсрочками и переожиданіями до того, что оно махнетъ на васъ лапою и уйдетъ въ лѣсъ. И, покуда Ольга любила и привередничала на мужевладѣльческой стезѣ, столь громко обѣщанное, общественное дѣло ея, и впрямь, ушло въ лѣсъ: медицинскіе курсы были закрыты. Ольга осталась безъ любви и безъ дѣла, въ глупомъ положеніи синицы, которая надѣлала славы, а моря не зажгла.

Но г-жа Вербицкая слишкомъ любитъ свою красавицу-

героиню, чтобы оставить ее въ «трагическихъ дурахъ». Она заставляетъ Ольгу увѣровать въ мощнаго соціальнаго проповѣдника Семенова. Послѣ поцѣлуя съ нимъ —весьма скораго по разрывѣ съ Чарницкимъ и въ за слуховъ о поцѣлуйномъ снѣ этого послѣдняго,—Ольга будто бы совершенно переродилась и вся ушла въ передовое общественное движеніе, которое въ ней, по словамъ Семенова, страшно нуждалось... Зачѣмъ? Ну, ужъ это опять секретъ Семенова и г-жи Вербицкой. Я склоненъ думать, да и недавняя лѣтопись событій тысячекратно подтвердитъ намъ, что русская прогрессивная сила семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ слишкомъ изобиловала женщинами твердыхъ убѣжденій и рѣшительной идейной стойкости, чтобы на-ряду съ ними оказалась драгоцѣнною находкою слабонервная, чувственная, вздорная барышня, которая, въ поцѣлуяхъ и ревнивыхъ капризахъ, ухитрилась прозѣвать даже завѣтную мечту свою, медицинскіе курсы. По словамъ Семенова, то-то и хорошо въ Ольгѣ, какъ будущей общественной дѣятельницѣ, что она потерпѣла полное крушеніе въ прихотяхъ личнаго счастья. Я смѣю думать, что г-жа Вербицкая черезчуръ поспѣшила этимъ необоснованнымъ положеніемъ: оно звучитъ напраслиною по адресу прогрессивныхъ женщинъ. Ужъ какая общественная дѣятельница, если—съ отчаянія, что любовникъ измѣнилъ? Развѣ можно разсчитывать на твердость и постоянство подобной героини? Ну, одинъ измѣнилъ, а другой утѣшитъ,—стало быть, тогда и ау, прощай, прогрессивная дѣятельность? Г-жѣ Вербицкой хорошо извѣстно, что именно поколѣніе Ольги было богато женщинами высокаго и чисто-идейнаго, безъ всякихъ заднихъ причинъ и двигателей, подвига, женщинами совершенно исключительной нравственной силы, самоотверженной работы на пользу ближняго, героинь, чуждыхъ хвастливости и показныхъ эффектовъ: сама же она показала читателямъ, рядомъ съ Ольгою Девичъ, такой мощный и

величественный типъ, въ лицѣ Ганецкой (зри выше пару вторую). Гдѣ дѣйствуютъ Ганецкія, тамъ Ольгамъ Девичъ трудно играть замѣтныя роли. Г-жа Вербицкая говоритъ, что общественная дѣятельность Ольги была знаменательна и не обошлась безъ тяжкихъ жертвъ. Пожалуй, и тому можно повѣрить. Въ способностяхъ Ольги Девичъ къ страстному энтузіазму, а, въ порывѣ его, и къ жертвѣ, и къ подвигу, не слѣдуетъ сомнѣваться. Но откуда берется у нея самый энтузіазмъ? Изъ фанатическаго проникновенія гордымъ сознаніемъ своей полезности общественному прогрессу, какъ у Ганецкой? Боюсь, что нѣтъ: источника надо искать опять-таки въ новой влюбленности—въ Семенова, что ли, или въ другого носителя и глашатая прогрессивныхъ идей. Идеи-то вѣдь всегда были однѣ и тѣ же, и Ольга отлично ихъ знала отъ того же Семенова, но, что называется, и ухомъ не вела на нихъ, пока на умѣ у нея были отчасти медицинскіе курсы, а, главнымъ образомъ, офицеръ съ цыганскимъ профилемъ. Офицеръ измѣнилъ, курсы закрылись, Семеновъ объяснился въ любви не то къ Ольгѣ, не то къ сліянію идей съ Ольгою воедино,—ну, «не съ чего, такъ съ бубенъ!»—Ольга улеглась къ Семенову на плечо и говоритъ: теперь я вся ваша. Ради пріобрѣтенія въ собственность офицера съ цыганскимъ профилемъ, Ольга перенесла массу житейскихъ лишеній, тяжкаго труда, нравственныхъ самоистязаній. Весьма возможно, что, пріобрѣтая въ собственность Семенова, она проявила не меньшую выносливость и смѣлость. Но проявила—ради Семенова, а совсѣмъ не ради тѣхъ прогрессивныхъ задачъ, въ служеніе которымъ ударилась не по собственному нравственному позыву, но только съ горя о потерѣ Чарницкаго, о прозѣванныхъ курсахъ, о нѣсколькихъ годахъ жизни, убитыхъ напрасно для себя и вредно для множества близъ стоявшихъ людей. Еще одно недоумѣніе. Почему это принято многими писателями изображать русское передовое общество какою-то больницею

для физически и нравственно изломанныхъ калѣкъ, послѣднимъ пристанищемъ, пріютомъ отчаянія для людей съ исковерканною жизнью и измыканною волею? Неужели къ сознанію честной общественной мысли, къ готовности на идейное и дѣльное служеніе обществу женщина не въ состояніи придти иначе, какъ, docaпризничавшись въ любви чуть не до чахотки, мужа замаявъ до аневризма, уморивъ ребенка и опостылѣвъ всѣмъ добрымъ людямъ своимъ безпросвѣтнымъ эгоизмомъ? Сдается мнѣ, что г-жа Вербицкая опять впадаетъ въ непріятную ошибку и жестокую напраслину, которую опять же сама и опровергаетъ и исправляетъ, затѣняя Ольгу представительницами здоровой, бодрой, сознательной энергіи, въ лицахъ Ганецкой, Колпиковой, Литвиновой и др. Общественный прогрессъ никогда не выходилъ, да и не можетъ выйти ни изъ госпиталя, ни изъ богадѣльни. Онъ созидается руками «бодрыхъ съ юными лицами, съ полными жита кошницами», а не инвалидами съ ревматизмомъ во всемъ тѣлѣ и съ пустыми мѣшками за спиною.

Женщина въ общественныхъ движеніяхъ Россіи[1]).

[1]) Публичная лекція, прочитанная въ Парижѣ въ пользу Высшей Русской школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ.

*

I.

Французскій критикъ Реми де Гурмонъ доказываетъ очень искусно и остроумно, что международный типъ «барышни» родился во Франціи между 1800 и 1810 годами, представляя собою, такимъ образомъ, продуктъ новыхъ экономическихъ и нравственныхъ условій, созданныхъ въ обществѣ революціоннымъ переломомъ и ростомъ третьяго сословія. Въ XVIII вѣкѣ «барышень» не было: были женщины-дѣти, выходившія замужъ въ 13—15 лѣтъ, и были «молодыя дѣвушки», которыя, оставшись почему-либо безбрачными до двадцати лѣтъ и выше, вели приблизительно тотъ же образъ жизни, какъ ихъ юныя замужнія подруги, при весьма снисходительномъ отношеніи къ тому общества, воспитаннаго энциклопедистами въ здравомысленномъ уваженіи къ законамъ природы. Вольтеръ опредѣлилъ женскій вопросъ своего вѣка коротко, ясно и полно въ сатирической фразѣ «Вавилонской принцессы»:—Если дѣвушекъ не выдаютъ замужъ, онѣ выходятъ сами. Нѣсколько засидѣвшаяся въ дѣвицахъ, молодая особа—обычная героиня изящной литературы XVIII вѣка, изъ которой добрыхъ трехъ четвертей нельзя дать въ руки современной барышнѣ, и житейскихъ романовъ, о которыхъ намъ оставили мемуары господа въ родѣ Жака Казановы. Экономическая перестройка Франціи Великою Революціей нанесла смертельный ударъ раннимъ бракамъ и, удлиннивъ для женщины выжидательный пе-

ріодъ обязательной дѣвственности, вызвала къ жизни ту борьбу съ поломъ по охранительнымъ началамъ идеалистической морали, что называлась въ XIX вѣкѣ воспитаніемъ женщины и быстро выработала типъ «барышни»— прочный и устойчивый даже до сего дня.

Провѣряя русскій интеллигентный бытъ въ первое десятилѣтіе XIX вѣка, не трудно замѣтить, что въ немъ, отраженными лучами, совершается та же эволюція женская, что и во Франціи: падаетъ ранній бракъ, исчезаютъ галантные нравы, развивается охранительное идеалистическое воспитаніе. Это періодъ, когда вымираютъ женскіе *esprits forts*, философки-вольнодумки XVIII столѣтія, въ родѣ княгини Дашковой, всплывавшія въ екатерининскій вѣкъ странными островами-оазисами на мутномъ океанѣ всероссійскаго невѣжества.

Вымираютъ не только лица, вымираетъ самый идеалъ честолюбиваго мужеподобія, порождавшій княгинь Дашковыхъ и ея многочисленныя копіи въ миніатюрѣ. Вымираетъ женскій типъ, который, вырвавшись изъ душнаго перинаго плѣна до-петровскихъ теремовъ и пьянаго плѣна ассамблей самого Петра Великаго, впервые взялся за умную книгу и попалъ въ разсудочныя объятія Бейля, Даламбера, Гиббона, Монтескье. Онъ велъ переписку съ Гриммомъ, Дидро и Вольтеромъ, вдохновлялъ «Наказъ» Екатерины II, сочинилъ рядъ малоталантливыхъ, но умныхъ и злыхъ комедій и сказку о царевичѣ Хлорѣ, обличилъ шарлатана «въ великомъ кофтѣ» Каліостро и, въ лицѣ Дашковой, президентствовалъ въ «Россійской Де-Сіянсъ академіи». У домашняго очага этотъ женскій типъ и самъ жилъ несчастно: какому мыслящему существу могли дать счастіе странныя чудища, которыми сатирическая литература и мемуары изображаютъ намъ русскихъ мужей XVIII вѣка!—и дѣлалъ несчастными свои семьи. Вѣрнѣе будетъ сказать, что онъ былъ заживо мертвъ, пока оставался прикованнымъ къ домашнему очагу,

и просыпался къ жизни, только разорвавъ цѣпь и опрокинувъ очагъ. Устраивая государственные перевороты, законодательствуя, объявляя и ведя войны, интригуя при дворѣ и посольствахъ, типъ русской политической авантюристики, за множествомъ внѣшняго интереса, рѣшительно не имѣлъ времени упражняться въ нравственномъ самосовершенствованіи. Философскія схемы морали онъ принялъ на слово, усвоилъ отлично и цитировалъ, по надобности, съ большою и изящною находчивостью. Но съ собстоенными чувственными страстями, обуревавшими слабую плоть, покуда бодрствовалъ мощный духъ, боролся плохо. Поэтому, властвуя, онъ раздарилъ въ крѣпость своимъ любовникамъ чуть не полъ-Россіи, а въ обществѣ отражался такимъ фантастическимъ спокойствіемъ убѣжденнаго разврата, что мѣткое слово итальянскаго историка, подхваченное впослѣдствіи Герценомъ, не безъ основанія характеризовало русскій XVIII вѣкъ, какъ «трагедію въ публичномъ домѣ». Женщина екатерининской эпохи—большой, возвышенный, образованный и благожелательный умъ, заключенный въ распутнѣйшемъ и безстыднѣйшемъ тѣлѣ. Теоретическая школа самоуправленія, квартирующая въ совершенно не признающемъ управленія, анархически буйномъ и первобытно чувственномъ организмѣ. Вѣкъ высоконравственныхъ дѣвочекъ, которыя, выростая, обращались въ куртизанокъ.

Прекрасныя слова, мысли и чувства добродѣтельной Софьи въ фонвизинскомъ «Недорослѣ» развиваются, съ еще большимъ краснорѣчіемъ, въ запискахъ самой Екатерины II и ея наперсницы Дашковой,—въ запискахъ любой изъ авантюристокъ эпохи, большого ли, малаго ли калибра. Нѣсколько лѣтъ назадъ мнѣ посчастливилось открыть анонимный манускриптъ—автобіографію какой-то великосвѣтской сыщицы Екатеринина двора [1]).

[1]) Онъ напечатанъ въ моей книгѣ „Недавніе люди“ (Спб. 1901 г. Изд. Вольфа) подъ названіемъ „Таинственная корреспондентка“.

Эта госпожа, въ подломъ ремеслѣ своемъ, шага не сдѣлаетъ, чтобы не оборониться красивымъ афоризмомъ Дидерота или сильною фразою Руссо. Русскій XVIII вѣкъ умѣлъ отлично честно читать, мыслить, учиться, чувствовать, говорить и писать, но съ еще большимъ великолѣпіемъ умѣлъ падать въ грязь и безпечно барахтаться въ лужѣ, слитой изъ вина, крови и афродизіастическихъ напитковъ. Страшно сильныя, крѣпкія выносливыя физически, эти богатырки XVIII вѣка, въ большинствѣ, прожили очень долгую жизнь и еще въ тридцатыхъ, сороковыхъ даже годахъ прошлаго столѣтія смущали своихъ высоконравственныхъ и богомольныхъ внучекъ пословицами изъ «Кандида», моралью изъ «Фоблаза» и религіей по Бэйлеву лексикону. У большинства оставались позади дикія бури страстей, а то и кровавыя пятна преступленій, но онѣ жили безъ раскаяній. Не имѣлъ ихъ и общій образецъ, идеалъ и кумиръ эпохи авантюристокъ: цербстская принцесса, которая, безъ всякихъ правъ и возможностей, умѣла сдѣлаться русскою императрицею и, хотя природная нѣмка, создала, наполнила собою и воплотила, неразрывно связанный съ ея именемъ и образомъ, и удивительно русскій, изъ русскихъ русскій, блистательный и отвратительный вѣкъ. Онѣ не вѣрили въ будущую жизнь и боялись смерти лишь какъ процесса конечнаго уничтоженія. И умирали онѣ странно: на полу, въ неудобоназываемомъ мѣстѣ, какъ Екатерина II. И подъ незаряженнымъ пистолетомъ ночного разбойника Германа, какъ та *Venuz Moscovite*, что впослѣдствіи стала ужасною «Пиковою дамою» Пушкина. Нельзя не сожалѣть, что ни одинъ изъ первоклассныхъ русскихъ писателей не занялся типомъ придворной авантюристки съ должнымъ вниманіемъ, и она осталась добычей уголовныхъ мелодраматическихъ лубковъ Сальяса, Всеволода Соловьева и, въ лучшемъ случаѣ, Лѣскова и Данилевскаго. Во Франціи съ этимъ дворянскимъ поколѣніемъ полупедантокъ, полукуртизанокъ, своего

рода «Матерей» стараго режима, покончила оптомъ трагедія гильотины. У насъ онѣ измерли медленнымъ гніеніемъ, часто самую смерть ихъ обращавшимъ въ грязную гримасу пошлѣйшаго водевиля. Послѣдня изъ нихъ,—Ольга Жеребцова, соучастница Палена и др. въ заговорѣ на жизнь Павла I,—дожила до встрѣчи и знакомства съ молодымъ Герценомъ и оказала ему нѣкоторую поддержку въ эпоху первой ссылки его.

II.

Итакъ, Софья,—бывшая героиня «Недоросля», а впослѣдствіи ея величества камерфрейлина, лежитъ безъ ногъ и умираетъ, презрительно ворча на новый вѣкъ, и увѣренная, что Бонапарте только потому вышелъ въ императоры, что на свѣтѣ нѣтъ уже ни матушки-царицы, ни Потемкина, ни Суворова. Въ смежности съ имѣніемъ старухи тянется рядъ помѣщичьихъ владѣній средняго достатка, душъ по 300, по 400. Вотъ, напримѣръ, деревня и усадьба бригадира Дмитрія Ларина, выгодно женившагося въ Москвѣ на юной особѣ, которая уже врядъ ли держала когда-либо въ нѣжныхъ рукахъ своихъ хоть единую изъ полныхъ трезвою логическою сухостью и пряными галльскими остротами, любимыхъ книгъ своей екатерининской мамаши. Зато—«она любила Грандисона» и переписывала въ альбомъ чувствительные стихи Карамзина, Шаликова, а также монологи изъ трагедій Озерова. Впослѣдствіи Гоголь, устами Хлестакова, разскажетъ намъ о дамскихъ альбомахъ много смѣшного. Мы прочтемъ въ нихъ:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ,
Воркуя, томно скажутъ,
Что умерла въ слезахъ...

Прочтемъ ломоносовскую оду—«О, ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь человѣкъ» и рядомъ — «Мы удалимся подъ сѣнь струй»... Прочтемъ и:

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви,
Но кто, о сердце, можетъ
Противиться тебѣ?

Дамскіе альбомы стараго добраго времени проклиналъ, какъ язву, Пушкинъ, надъ ними издѣвался И. С. Тургеневъ, въ нихъ на зло писалъ непристойныя двусмысленности Лермонтовъ. Между тѣмъ, альбомы эти принесли много посмертной пользы именно тѣмъ писателямъ, которые, при жизни, отъ нихъ больше всѣхъ страдали. Дамскіе альбомы жили страшно долго. Я, напримѣръ, очень хорошо помню изъ своего дѣтства альбомъ моей матери, съ благоговѣйно переписаннымъ «Демономъ» Лермонтова, съ запретными политическими балладами Алексѣя Толстого, съ убитыми цензурою стихами изъ «Несчастныхъ» Некрасова, и т. п. Въ странѣ, лишенной свободной печати, рукописная литература неистребима, и всякій способъ ея распространенія и сохраненія заслуживаетъ глубокой благодарности потомковъ. Осмѣянные дамскіе альбомы съ томными горлицами надъ хладнымъ прахомъ и съ человѣкомъ, ропщущимъ на Бога, сберегли русской литературѣ огромную и лучшую долю Пушкина, Лермонтова, Рылѣева, Полежаева, Грибоѣдова, Огарева,—и именно дамскіе альбомы, потому что та часть поэтическаго творчества нашихъ корифеевъ, о сохраненіи которой позаботились мужскія тайныя тетради, могла быть въ большинствѣ съ успѣхомъ позабыта безъ всякой потери для авторовъ, скорѣе даже не безъ выигрыша въ ихъ репутаціи. Пушкинская ода «Вольность» и «Кинжалъ» ползли альбомнымъ порядкомъ почти 70 лѣтъ! Если эти и имъ подобныя историческія стихотворенія не угасли безслѣдно, это—заслуга исключительно сафьянныхъ книжекъ съ серебряными застежками, куда съ любовью и трепетомъ переписывали ихъ женскія руки— отъ подруги къ подругѣ и изъ поколѣнія въ поколѣніе. Женская переписка отличается отъ мужской завидной точностью; она воспроизводитъ текстъ съ педантическою ак-

куратностью, весьма часто сохраняющею даже ошибки оригинала. Сличая, ходившіе по рукамъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, списки запретнаго романа «Что дѣлать», мнѣ неоднократно приходилось встрѣчать, повторенныя въ нихъ разными женскими почерками, однѣ и тѣ же опечатки въ подлинномъ текстѣ журнала «Современникъ».

Итакъ, простимъ госпожѣ Лариной ея альбомъ—тѣмъ болѣе, что, какъ всѣмъ извѣстно,—переѣхавъ съ супругомъ въ деревню и переживъ въ ея кислой прозѣ первыя жестокія разочарованія отъ поэтическихъ вдохновеній Ричардсона, Стерна, Мармонтеля, Карамзина и Шаликова, она очень скоро все позабыла: альбомъ, корсетъ, княжну Полину, стиховъ чувствительныхъ тетрадь, стала звать Акулькой прежнюю Селину

И обновила, наконецъ,
На ватѣ шлафрокъ и чепецъ.

Разумѣется, далеко не всѣ русскія сантименталки успокаивались съ тою же легкостью. Писемскій въ своихъ великолѣпныхъ очеркахъ о «Русскихъ Лгунахъ» вспоминаетъ свѣжимъ преданіемъ, какими безобразными каррикатурами доживало свой праздный вѣкъ это странное женское поколѣніе. Оно подарило русскому обществу довольно много посредственныхъ и еще больше плохихъ писательницъ, изрядное количество старыхъ дѣвъ, которыхъ Наполеоновы войны оставили безъ жениховъ, а потому бѣдняжки ударились въ піэтизмъ и въ мистицизмъ, до хлыстовщины включительно; и нѣсколькихъ способныхъ святошъ-интриганокъ, въ молодости игравшихъ роль при дворѣ Александра I или въ его иностранныхъ посольствахъ, а къ старости, обыкновенно, обращавшихся, стараніемъ отцовъ іезуитовъ, въ католичество и умиравшихъ гдѣ-нибудь въ Римѣ, Лиссабонѣ, Моденѣ, разссорясь съ родными и отписавъ не малые милліоны своимъ новымъ духовникамъ. Изъ этого же поколѣнія вышла Н. Дурова—знаменитая кавалеристъ-дѣвица, воевавшая съ Наполео-

номъ, раненая при Бородинѣ. Нарочно отмѣчаю ее, потому что воинственная экзальтація этой дѣвушки очень исключительна. Кто читалъ «Войну и миръ» графа Л. Н. Толстого, не можетъ не обратить вниманія, какъ мало отражаются переживаемыя Россіей политическія грозы эпохи на героиняхъ романа. Ихъ интересъ къ испытаніямъ войны весь исчерпывается тѣмъ участіемъ, какое принимаетъ въ ней ихъ братъ, мужъ, любовникъ. Патріотизмъ ихъ проявляется рѣдко, неуклюже, книжными, напускными фразами: такова переписка княжны Марьи и Жюли Карагиной. У нихъ нѣтъ ни государственной, ни общественной идеи. Чувствуется, что между ихъ бабками, героинями «петербугскаго дѣйства», ихъ матерями, вельможными одалисками и интриганками потемкинскаго лагеря, и ими легла полоса девяностыхъ годовъ. Сказалась капризная, старческая реакція одряхлѣвшей Екатерины, сказался безумный Павловъ терроръ. Поколѣніе княжны Марьи Болконской, дѣвицъ Буниной, Извѣковой, сестеръ Поповыхъ, Татариновой, дочери Лабзина и другихъ ровесницъ — пришибленное, съ битыми, запуганными мозгами. Это дочери опальныхъ, а потому раздраженныхъ, оскорбленныхъ и крикливыхъ деспотовъ-отцовъ, разосланныхъ Павломъ отъ двора по глухимъ деревнямъ; это сестры и жены суровыхъ солдатъ, изъ которыхъ для лучшихъ и мятежныхъ духомъ воиновъ-аристократовъ, какъ толстовскій князь Андрей Болконскій, идеалъ — Наполеонъ Бонапарте, а для худшихъ гатчинскихъ выскочекъ, — всероссійское страшилище, графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Реакціонныя эпохи, преслѣдуя гоненіями политическую и соціальную мысль, направляютъ слабую часть общества, какъ въ послѣднее прибѣжище, на безопасные пути субъективнаго самоанализа, которые, послѣ всевозможныхъ вычурныхъ блужданій, обычно приводятъ къ мистицизму. Имъ роковымъ образомъ и кончали чахлые умы, простуженные въ ранней юности морозами Пав-

лова террора. Княжна Марья, дѣвицы-поэтессы, увѣнчанныя академіей наукъ; пресловутая «дѣва Анна», дочь графа Алексѣя Орлова и первая жрица дикаго фанатика Фотія; какія-то высокопоставленныя монахини, таинственно исчезающія за стѣнами захолустныхъ монастырей; Авдотья Глинка, пишущая поэмы-диссертаціи «о млекѣ Богородицы»; — арфа Мальвины, плачущей на гробѣ Эдвина, арфа сіонскихъ гимновъ; пророчицы, гадальщицы, хлыстовщина госпожи Крюднеръ, хлыстовщина Екатерины Филипповны Татариновой,—таковы наименѣе дюжинные женскіе всходы Павловскихъ нивъ, сжатые Александровскимъ царствованіемъ. Остальныхъ—второй и третій сортъ поколѣнія — показалъ Грибоѣдовъ въ «Горѣ отъ ума». Пушкинъ въ строфахъ о Лариной, Гоголь въ дамѣ просто пріятной и дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, Толстой въ Вѣрѣ Ростовой и Эленъ Безуховой. Или оторванный отъ земли мистицизмъ, экстазы отвлеченной мысли, восторги самосозерцанія и самоуглубленія, самодовлѣющая религія, пылающая къ небу какъ-то мимо міра съ людьми и дѣлами его,—или поразительно упрощенная, праздная пошлость, низводящая существо женщины къ совершенно животному прозябанію. Не удивительно, что, при такихъ условіяхъ, грандіозная эпопея Отечественной войны прошла не только безъ русскихъ Деборъ и Юдиѳей, но и почти безъ тѣхъ милосердныхъ подвиговъ, которые, въ будущихъ войнахъ XIX вѣка, покрыли голову русской женщины лаврами безпримѣрнаго самоотверженія и сдѣлали героизмъ состраданія ея національнымъ символомъ въ литературахъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ и народовъ. Попытка Пушкина создать типъ дѣвушки-аристократки 1812 года, вдохновенно пылающей патріотизмомъ (Полина въ очеркѣ «Рославлевъ»), оказалась болѣе, чѣмъ неудачною. Да и то—Полина уже нѣсколько моложе поколѣнія, о которомъ мы говоримъ, равно какъ и большинство героинь въ «Повѣстяхъ Бѣлкина».

III.

Возвратимся къ семейству Лариныхъ. Въ десятилѣтіе 1800—1810 года, на которое Реми де Гурмонъ назначаетъ рожденіе «барышни», счастливая чета произвела на свѣтъ двухъ дочерей, Татьяну и Ольгу. Имъ впослѣдствіи посвятятъ творческіе стихи Пушкинъ и музыку Чайковскій. Давно пріемлется, что Татьяна Ларина въ русской литературѣ—нѣчто въ родѣ Иверской Божіей Матери. «Евгеній Онѣгинъ»—ея житіе, а знаменитое «Я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна»—ея тропарь. Предъ нею служили молебны Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій: кто только не служилъ! Писаревъ, какъ яростный арабъ-иконоборецъ, рубнулъ Татьяну критическимъ мечемъ своимъ по лицу; изъ раны закапала кровь, но образъ не уничтожился. Благоговѣніе къ Татьянѣ странно дожило до XX вѣка, живущаго нравственными принципами и семейнымъ укладомъ, весьма отдаленными отъ ларинской морали. Никто здравомыслящій въ наше время не дерзнетъ оковывать женщину страшнымъ завѣтомъ Татьянина тропаря. Мы сознательно отвергаемъ мучительный и безполезный подвигъ вѣрности по обязанности, какъ нравственное самоизнасилованіе и надругательство, противное чувству человѣческаго достоинства. Самая возможность быть «отданною» возмущаетъ насъ за женщину, для которой мы горячо желаемъ и ищемъ семейной свободы и полового равенства на всѣхъ путяхъ жизни личной, общественной и политической. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во взглядахъ своихъ на роль женщины въ семьѣ и государствѣ мы несравненно ближе къ поругателю Татьяны, Д. И. Писареву, чѣмъ къ ея вдохновенному творцу и къ влюбленнымъ толкователямъ, не исключая Бѣлинскаго. Почему же, при всемъ томъ, «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ»,

нѣжный образъ Татьяны сохранилъ свою таинственную власть надъ русскими умами даже до сего дня? Почему письмо Татьяны и «Онѣгинъ, я тогда моложе, я лучше, кажется, была», до сихъ поръ съ восторгомъ твердятъ наизусть тысячи русскихъ дѣвушекъ? Почему создать Татьяну для сцены—мечта каждой образованной русской артистки? Почему въ 1880 году, когда истерическій Достоевскій на пушкинскихъ торжествахъ, при сборѣ во-едино чуть ли не всей русской интеллигенціи, провозгласилъ Татьяну національно-художественнымъ типомъ, ни разу не превзойденнымъ въ нашемъ литературномъ творчествѣ, и сравниться съ которымъ можетъ, пожалуй, лишь Лиза въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» Тургенева,—почему тогда, въ отвѣтъ на это порывистое признаніе великаго писателя, залъ огласился громовыми аплодисментами и воплемъ общаго, признательнаго восторга?

Отвѣта надо искать, конечно, не въ самой Татьянѣ, съ ея болѣе, чѣмъ скромнымъ вообще, а для насъ и совсѣмъ уже сомнительнымъ подвигомъ—«другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна». Отвѣтъ—въ исторической перспективѣ, въ томъ поколѣніи русскихъ женщинъ, къ которому принадлежала Татьяна и общія благородныя черты котораго такъ геніально собралъ въ ея индивидуальности Пушкинъ. Татьяна сама по себѣ—ничто, одна изъ безсчетно многихъ, скромная незнакомка. Но она въ нашей литературѣ, для двадцатыхъ годовъ,—то же, что въ живописи портреты Веласкеза, который лицомъ совершенно неизвѣстнаго вамъ гранда или кардинала воскрешаетъ и объясняетъ цѣлую эпоху. Мы любимъ въ Татьянѣ не то, что она сдѣлала, но то, что могла сдѣлать, мы любимъ въ ней ея, похожихъ на нее, ровесницъ и подругъ, которыхъ хорошо зналъ и дружески любилъ Пушкинъ, ея создатель, и предъ которыми благоговѣйно преклоняется память всѣхъ, знающихъ страдальческую исторію русской борьбы за свободу. Прекрасныя ровесницы Татьяны остались въ лѣтописяхъ

нашей культуры съ полнымъ глубокаго смысла историческимъ прозвищемъ «Русскихъ женщинъ». Подъ этимъ заслуженнымъ именемъ, пропѣлъ имъ, сорокъ лѣтъ спустя, восторженные гимны другой великій поэтъ, предсказанный Пушкинымъ, какъ необходимость грядущаго гражданскаго вѣка. Стихъ Некрасова обратился съ сыновнею любовью къ тому поколѣнію, которое Пушкинъ воспѣвалъ, какъ ровесникъ, другъ, братъ, любовникъ, и сложилъ могучія эпопеи о Трубецкой и Волконской. Жены декабристовъ! Незабвенны имена этихъ доблестныхъ Татьянъ въ гражданскомъ дѣйствіи, схоронившихъ, однѣ—свою молодость, другія—всю жизнь, рядомъ съ каторжными мужьями за ледянымъ Алтаемъ, въ Читѣ и Нерчинскѣ, до сихъ поръ гордыхъ тѣмъ, что они были нѣкогда освящены присутствіемъ «ссыльныхъ княгинь»! Фонвизинъ, Давыдова, Муравьевы, Нарышкина, Розенъ, Юшневская, Ентальцева, Поль, три сестры Бестужевыхъ, мать и сестра Торсона—вотъ менѣе извѣстныя подруги по несчастію громко прославленныхъ Екатерины Трубецкой и Маріи Волконской. Пушкинъ, въ знаменитыхъ своихъ стихахъ къ Чаадаеву, мечталъ о времени, когда воспрянувшая отъ сна Россія

На обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена!

Въ 1905 году мы имѣемъ право твердо вѣрить, что время это близко, оно наступаетъ, оно наступило... И, конечно, въ будущемъ русскомъ Пантеонѣ, выстроенномъ изъ «обломкомъ самовластья», огненными письменами засіяютъ на стѣнахъ, рядомъ съ строгими мужскими чертами декабристовъ, святые, нѣжные лики ихъ вѣрныхъ подругъ.

Неоднократно дѣлались попытки—не развѣнчать «Русскихъ женщинъ»: это-то невозможно!—но ослабить политическое значеніе ихъ подвига, отрицать возможность въ нихъ гражданскаго самосознанія и, слѣдовательно, пониманія той общественной службы, которую онѣ сослужили. Дѣло сводилось къ семейнымъ привязанностямъ и добродѣте-

лямъ, къ порыву молодой влюбленности, — словомъ, къ преданіямъ XVIII вѣка о Натальѣ Шереметевой и Иванѣ Долгорукомъ или къ роману «Капитанской Дочки». Но теперь, послѣ опубликованія съ 1904 году подлинныхъ записокъ М. Н. Волконской, всѣ подобныя сомнѣнія должны умолкнуть. Я самъ еще недавно, въ одной своей статьѣ о декабристахъ [1]), заподозрилъ было аффектацію 60-хъ годовъ въ знаменитыхъ некрасовскихъ стихахъ о Волконской, будто она, въ каторжномъ рудникѣ,—

Прежде чѣмъ мужа обнять,
Къ оковамъ его приложилась.

«Записки М. Н. Волконской», однако, подверждаютъ эту романтическую подробность свиданія, и я, читая ихъ, испыталъ восторгъ Ѳомы — рѣдкій восторгъ быть пристыженнымъ въ своемъ недовѣріи по разсудку къ тому, чему слѣдовало вѣрить сердцемъ. Нѣтъ, жены декабристовъ ушли въ Сибирь не только за мужьями своими, онѣ ушли и за дѣломъ мужей! Онѣ не только честныя, любящія, преданныя супруги: онѣ—единомышленницы и нравственныя сообщницы.

И потому-то напрасно искать имъ параллелей въ XVIII вѣкѣ. Онѣ всецѣло принадлежатъ XIX-му. Онѣ, какъ и мужья ихъ, дѣти великой французской революціи и Наполеоновой грозы. Та Наталья Долгорукая, съ которою сравниваютъ декабристовъ, еще старопокройная, полудикая «боярышня», прекрасная глубиною природнаго чувства, но чуждая культурнаго самоотчета. Декабристки—уже «барышни» въ той идеалистической послѣреволюціонной метаморфозѣ, какъ для Франціи подмѣтилъ Реми де Гурмонъ. И въ высшей степени любопытно и характерно въ первомъ общественномъ движеніи — протестѣ русскимъ женщинъ, что къ нимъ примкнула и настоящая

¹) См. 2-е изд. моего „Литературнаго Альбома“ (Спб. 1907 г. Товар. „Общественная Польза“). Статья „Андрей Болконскій и Сергѣй Волконскій“.

французская «барышня»—Эмилія Ледантю, послѣдовавшая въ Сибирь за женихомъ своимъ—Ивашевымъ и обвѣнчанная съ нимъ въ каторжной тюрьмѣ. Быстрое увяданіе этого прекраснаго южнаго цвѣтка въ нерчинскихъ морозахъ—одинъ изъ самыхъ трогательныхъ эпизодовъ въ трагедіи декабристовъ. Другая французская барышня, гувернантка князей Трубецкихъ, бросила горькій укоръ спрятавшемуся диктатору неудачной революціи:

— Постыдитесь, вы дома, когда ваши друзья умираютъ на площади, подъ картечью!

Трубецкой схватилъ фуражку и убѣжалъ, чтобы спрятаться въ другомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ обличающихъ француженокъ.

Слово «барышня» такъ плачевно опошлилось па Руси, что предъ современною публикою почти неловко примѣнять его къ такимъ національнымъ святынямъ, какъ жены декабристовъ. Помяловскій и Писаревъ добили общественную репутацію «барышни» презрительнымъ эпитетомъ «кисейная», и развитыя русскія дѣвушки открещиваются отъ титула «барышни», какъ отъ злѣйшей обиды. Что дѣлать? Непрочны и недолговѣчны культурныя клички и опредѣленія! Вѣдь, напримѣръ, и назвать кого-нибудь сейчасъ «либераломъ» уже далеко не значитъ польстить, а «патріотъ» сталъ и вовсе оскорбительною бранью. Но совершенно несомнѣнно, что было время—и долгое!—когда «барышня» была наверху жидкаго культурнаго слоя Россіи, и, на-ряду съ «барышнями», которыя били по щекамъ своихъ крѣпостныхъ горничныхъ, существовала другая, гораздо болѣе интересная и благородная порода ихъ, которой вліяніе на русскій прогрессъ можно измѣрить уже признаніемъ Пушкина и князя Вяземскаго:

— Это—наша настоящая публика!

Барышня—Наталья Николаевна Гончарова, загубившая жизнь Пушкина, барышня—жена Огарева, употреблявшая всю свою холодную и злую энергію чтобы,

разссорить мужа съ Герценомъ, но барышни же и Наталья Александровна Герценъ, и Татьяна Пассекъ, и «черноокая» Росетти, и Левашева, которую Герценъ описалъ съ такою трагическою простотою у гроба Вадима Пассека.

IV.

Необходимо отмѣтить еще одинъ дѣвическій типъ, введенный въ русскую жизнь тоже александровскимъ царствованіемъ и сыгравшій въ русской женской эволюціи огромную роль, сперва, пожалуй, отчасти положительную, впослѣдствіи—отрицательную и реакціонную. Нѣмкѣ Екатеринѣ II Россія была обязана женскимъ типомъ образованной авантюристки. Нѣмка же и постаралась объ уничтоженіи этого типа, противопоставивъ ему «институтокъ», воспитанныхъ вновь учрежденнымъ «вѣдомствомъ императрицы Маріи». Супруга Павла и мать Александра и Николая Первыхъ, императрица Марія Θедоровна, урожденная принцесса Виртембергская, могла тѣмъ болѣе высоко цѣнить достоинства семейныхъ добродѣтелей, что въ своей собственной семьѣ ей пришлось очень долгое время уживаться, какъ съ подругами, съ любовницами своего державнаго супруга—Нелидовою и Лопухиною.... Эта женщина, несомнѣнно, большого таланта и твердой воли, ненавидѣла екатерининскій развратъ, но еще больше демократическія вѣянія революціи. Институты екатерининской эпохи были учрежденіями слишкомъ показными, чтобы стоило серьезно считаться съ ихъ вліяніемъ, и очень часто обращались чуть не въ гаремы высокопоставленныхъ вельможъ, начиная съ самаго оффиціальнаго блюстителя ихъ И. И. Бецкаго. Императрица Марія, справедливо памятуя, что типъ государства зависитъ отъ типа семейнаго очага, а типъ семейнаго очага—отъ типа управляющей имъ женщины, сдѣлала институты разсадниками будущихъ домовладычицъ, на-

питанныхъ правилами патріотизма и благодарнымъ восторгомъ къ самодержавію. Собственно говоря, институтская реформа императрицы Маріи была первымъ широкимъ опытомъ того превращенія воспитательной системы въ политическое заложничество общества государству, что семьдесять лѣтъ спустя съ такимъ позорнымъ успѣхомъ возсіяла Россіи въ классической реформѣ мужского образованія графомъ Д. А. Толстымъ. Но рука Маріи Өедоровны была мягче, осторожнѣе, теплѣе грубой бюрократической руки Толстого, да и масштабъ реформы значительно уже. То крушеніе латифундій, которымъ Реми де-Гурмонъ объясняетъ паденіе ранняго брака во Франціи, началось и въ Россіи. Наполеоновы войны и 1812 годъ создали своеобразную экономическую революцію. Обстроившаяся послѣ французскаго пожара Москва становится «ярмаркою невѣстъ», и уже одна наличность подобной ярмарки указываетъ на ихъ плачевное перепроизводство: на свадебномъ рынкѣ женское предложеніе превышало мужской спросъ, и, слѣдовательно, многимъ родителямъ необходимо нужна стала серьезная воспитательная страховка «товара» впредь до вожделѣннаго сбыта въ законный бракъ. Софья Павловна Фамусова—наилучшій примѣръ, что «комиссія быть взрослой дочери отцомъ» была въ александровской семьѣ, дѣйствительно, не изъ легкихъ. Да—что Софья Павловна Фамусова! Прелестная Наташа Ростова въ «Войнѣ и мирѣ»—не чета этой «срамницѣ», а, между тѣмъ, какими бурями налетной страсти атаковалъ ея дѣвичество пламенный темпераментъ! Катринъ Крапчикъ въ «Масонахъ» Писемскаго и Глафира Львовна въ «Кто виноватъ» Герцена, Наталья Павловна въ «Графѣ Нулинѣ» и Наталья Дмитріевна Горичъ въ «Горе отъ ума»—вотъ литературныя разновидности поколѣнія, которое невѣстилось и выѣзжало въ свѣтъ въ то время, какъ Татьяна и будущія жены декабристовъ еще играли въ куклы.

*

Скандальная хроника 1800—1820 годовъ полна дѣвическими романами, далеко не платоническими, при участіи, въ качествѣ первыхъ любовниковъ, не только смиренномудрыхъ Молчалиныхъ, но и дворовыхъ кучеровъ, поваровъ, арановъ. Традиціи животнаго разврата бабокъ и сантиментальной влюбчивости матерей смѣшались въ этомъ первомъ русскомъ женскомъ поколѣніи позднихъ браковъ и вывели изряднаго урода. Марія Ѳедоровна протянула дворянству руку помощи съ педагогическою уздою на буйные пережитки XVIII вѣка, и дворянство приняло помощь съ живѣйшею благодарностью. «Вдовствующая императрица Марія»—популярное имя двухъ царствованій. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія можно было часто встрѣтить стариковъ и старухъ, вспоминавшихъ о ней съ восторгомъ, какъ объ «ангелѣ на землѣ» и «матери русской нравственности». Главная цѣль императрицы—соединить будущія женскія поколѣнія русскаго дворянства въ монархическую лигу, беззавѣтно преданную династіи ея сыновей—сначала удалась въ совершенствѣ. Мемуары институтокъ Александровскаго и Николаевскаго времени дышатъ фанатизмомъ почти идолопоклонства какого-то къ императорскому трону и къ императорской семьѣ. Чрезвычайно любопытны въ этомъ отношеніи оглашенныя въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія «Записки старой смолянки». Смольный институтъ былъ неутомимою лабораторіей женскаго монархическаго экстаза. Языкъ старыхъ смолянокъ—невыносимо надутая, слащаво-восторженная проза, непрерывный акафистъ царямъ съ палатою и воинствомъ ихъ. Это—монологи изъ драмъ Кукольника, цитаты изъ романовъ Загоскина, страницы Греча и Булгарина, противоестественно перенесенныя изъ плохой и скучной литературы въ еще скучнѣйшую жизнь. Особенно обожаемъ былъ въ институтахъ Александръ I. Все въ тѣхъ же «Русскихъ лгунахъ» Писемскій разсказываетъ о старой

институткѣ, которая со смертью Александра I какъ бы рѣшила, что теперь и міру конецъ, и «не признала» вошедшимъ на престолъ ни цесаревича Константина, ни Николая Павловича. Когда ей надо было обратиться къ Николаю съ какою-то просьбою, старуха адресовала письмо: «Брату моего государя». Наилучшій типическій портретъ александровскихъ институтокъ, усовершенствованныхъ муштрою Маріи Ѳедоровны, даетъ въ «Быломъ и Думахъ» А. И. Герценъ. Позволю себѣ выписать эти строки. «Лѣтъ пятидесяти, безъ всякой нужды, отецъ моей кузины женился на застарѣлой въ дѣвствѣ воспитанницѣ Смольнаго монастыря. Такого полнаго, совершеннаго типа петербургской институтки мнѣ не случалось встрѣчать. Она была одна изъ отличнѣйшихъ учениц, и потомъ классной дамой въ монастырѣ; худая, бѣлокурая, подслѣпая, она въ самой наружности имѣла что-то дидактичное и назидательное. Вовсе неглупая, она была полна ледяной восторженности на словахъ, говорила готовыми фразами о добродѣтели и преданности, знала на память хронологію и географію, до противной степени правильно говорила по-французски, и таила внутри самолюбіе, доходившее до искусственной іезуитской скромности. Сверхъ этихъ общихъ чертъ «семинаристовъ въ желтой шали» она имѣла чисто невскія или смольныя. Она поднимала глаза къ небу, полные слезъ, говоря о посѣщеніяхъ ихъ общей матери (императрицы Маріи Ѳедоровны), была влюблена въ императора Александра и носила медальонъ или перстень съ отрывкомъ изъ письма императрицы Елизаветы: «Il a repris son sourire de bienveillance!». Типу этому суждена была страшная и вредная живучесть: еще въ восьмидесятыхъ годахъ Салтыковъ нашелъ непозднимъ обратить противъ него свои стрѣлы.

И, за всѣмъ тѣмъ, институтское воспитаніе внесло въ русскую новую жизнь много новыхъ дрожжей; ко-

торыя, перебродивъ, подняли, въ концѣ концовъ, совсѣмъ не то тѣсто, какого добивалась чадолюбивая императрица. Если мы обратимся къ забытой беллетристикѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, то увидимъ институтку героинею въ большинствѣ тогдашнихъ романовъ и повѣстей, а Погорѣльскій (графъ Перовскій) создалъ настоящій апоѳеозъ институтки въ своей «Монастыркѣ». Институтка—царица воображенія авторовъ перваго николаевскаго десятилѣтія. При этомъ легко замѣтить, что почти никогда институтка не изображается счастливою. Попавъ въ условія дѣйствительной русской жизни, она похожа на молодую пери, для которой рай остался уже позади, а кругомъ и впереди—юдоль зрѣлищъ, способныхъ наполнять ея сердце лишь ужасомъ, скорбью, отвращеніемъ. Институтка всегда жертва подлости, грубости, обмановъ, недостойныхъ сплетенъ, насилія, она всюду чужой человѣкъ во враждебномъ лагерѣ, она только и дѣлаетъ, что страдаетъ и тоскуетъ. Разумѣется, не монстры—въ родѣ описаннаго Герценомъ—вдохновляли Марлинскаго и его школу на подобныя идеализаціи, и въ общемъ житейскомъ положеніи институтки было, какъ видно, и впрямь что-то способное вызывать искреннее сочувствіе доброжелательныхъ людей. Для институтокъ, трижды въ поэмѣ, измѣнилъ сатирическому смѣху своему авторъ «Мертвыхъ душъ». Онъ долженъ былъ хорошо знать ихъ, потому что самъ былъ преподавателемъ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ и, очевидно, сохранилъ о нихъ доброе воспоминаніе, такъ какъ, за исключеніемъ жены Манилова, институтки Гоголя написаны съ какою-то жалостливою симпатіей; въ нихъ чувствуются «голубки въ черной стаѣ вороновъ».

Политическая ошибка императрицы Маріи Ѳедоровны, которою сломались результаты ея педагогическихъ плановъ, заключалась въ томъ, что, въ качествѣ образованной и офранцуженной нѣмки, она не умѣла вообра-

зить себѣ современное ей россійское дворянство во всей его первобытной прелести. А потому и не предчувствовала роковой пропасти, какую щегольское институтское воспитаніе выроетъ между ея духовными дочерями и столбовою дворянскою семьею, куда этимъ заложницамъ суждено рано или поздно возвратиться. Она не приняла въ разсчетъ глубокаго и мрачнаго невѣжества рабовладѣльческой Россіи. Сотни дѣвушекъ, получившихъ въ строгоохраняемыхъ институтскихъ стѣнахъ—какого бы тамъ ни было направленія, но европейское, идеалистическое и сантиментальное воспитаніе, по окончаніи курса выбрасывались въ дикую, полуграмотную, чувственную, жестокую, пьяную орду родни, которая, даже при самыхъ лучшихъ и добродушныхъ своихъ намѣреніяхъ, возмущала дѣвушку органическимъ несоотвѣтствіемъ со всѣми добрыми чувствами и мудрыми правилами, непреложно воспринятыми ею изъ институтской морали. Сотни дѣвушекъ чувствовали себя въ родительскихъ семьяхъ не лучше, чѣмъ Даніилъ во рву львиномъ. Чуть не каждый бракъ повторялъ старинную исторію дикаря Ингомара и его греческой плѣнницы—съ тою лишь разницею, что у насъ не плѣнница возвышала до своей культуры влюбленнаго Ингомара, какъ разсказываетъ красивая легенда, а, наоборотъ, россійскій Ингомаръ мало-по-малу низводилъ плѣнницу до своего звѣринаго уровня скукою барскаго бездѣлья, а то и просто благословеннымъ дворянскимъ кулакомъ. Царствованіе Николая I—классическая пора несчастныхъ браковъ и «непонятыхъ» женскихъ натуръ. Въ стонахъ семейныхъ трагедій зачались многіе будущіе борцы женскаго вопроса, и, въ числѣ ихъ, на первомъ мѣстѣ надо вспомнить Некрасова, всю жизнь неразлучнаго съ страдальческимъ образомъ «Матери». Женское недовольство разлилось по семьямъ крѣпостниковъ волною справедливаго возмездія; жены чувствовали себя выше мужей, рабыни брака презирали своихъ повели-

телей и роптали. Никто изъ русскихъ классиковъ не оставилъ болѣе яркихъ и потрясающихъ картинъ брачнаго разлада въ дореформенномъ дворянствѣ, какъ А. Ѳ. Писемскій. «Боярщина», «Богатый женихъ», «Масоны», «Люди сороковыхъ годовъ», «Тюфякъ», даже первая, автобіографическая часть «Взбаломученнаго моря»—сплошной, непрерывный вопль за русскую женщину, принижаемую и оскорбляемую въ неравномъ бракѣ. Нигдѣ знамя женской свободы, поднятое вдохновенною Жоржъ Зандъ, не было встрѣчено съ такою радостью, какъ въ Россіи. Все, что было сильнаго въ русскомъ литературномъ и научномъ мірѣ, видѣло въ Жоржъ Зандъ свою пророчицу и примкнуло къ ней словомъ и духомъ. Послѣ Байрона не было иностраннаго писателя съ болѣе нагляднымъ вліяніемъ на русскую литературу, чѣмъ Жоржъ Зандъ. Бѣлинскій, Герценъ, Тургеневъ, Салтыковъ, Писемскій, Достоевскій, при всѣхъ своихъ индивидуальныхъ и групповыхъ различіяхъ, одинаково сходились въ жоржъзандизмѣ, съ одинаковою энергіей проводя въ жизнь принципы великой французской проповѣдницы. Такой успѣхъ, конечно, объясняется, прежде всего, хорошо подготовленною почвою, обиліемъ русскихъ сердецъ, накипѣвшихъ горькими слезами брачнаго разлада. Начиняя своихъ питомицъ въ житейскій путь-дорогу всѣми добродѣтелями, не прикладными къ русской дворянской современности, вѣдомство императрицы Маріи безсознательно готовило крахъ дворянской семьи и, тяжкими разочарованіями, накопляло горючій матеріалъ для приближающихся шестидесятыхъ годовъ: воспитывала рекрутовъ отчаянія въ будущую армію женской эмансипаціи.

Всякая деспотическая школа заключаетъ въ себѣ уже то самоубійственное начало, что она — школа: лабораторія политической тенденціи. Истинно-спокойно и безопасно для себя деспотизмъ можетъ управлять только совершенно безразличнымъ политическимъ человѣческимъ стадомъ. Пресло-

вутый девизъ николаевской цензуры, что правительства нельзя ни порицать, ни одобрять, для насъ звучитъ дикимъ абсурдомъ, но, съ самодержавной точки зрѣнія, онъ—очень дѣльный, логически правильный и практичный девизъ. Обращая институтокъ въ фанатичекъ самодержавія и православія, Марія Ѳедоровна и ея послѣдователи, опять-таки, безсознательно нарушали этотъ девизъ: онѣ привили русской дѣвушкѣ нѣчто,—до институтовъ, ей совершенно чуждое,—опредѣленныя политическія убѣжденія и, главное, потребность въ политическихъ убѣжденіяхъ, привычку и жажду имѣть ихъ. Разумѣется, политическія убѣжденія институтокъ были въ пользу самодержавнаго режима, но, во-первыхъ, гдѣ убѣжденія, тамъ и критика, а, во-вторыхъ, гдѣ убѣжденія, тамъ и позывъ дѣйствовать. Столкновеніе съ наглядностями крѣпостной Россіи обостряло критическій процессъ въ сотняхъ молодыхъ, отзывчивыхъ на добро и правду, сострадательныхъ душъ, и ложные кумиры падали, а истинные боги приходили. Мы видѣли Герценову каррикатуру патріотической институтки, но—нѣсколькими страницами ниже тотъ же Герценъ съ любовью и восторгомъ говоритъ о другой институткѣ изъ Смольнаго монастыря, потому что этой умной и энергичной особѣ онъ обязанъ свободолюбивымъ воспитаніемъ своей жены—этой прелестной Натальи Александровны, чей поэтическій образъ навсегда останется въ русской литературѣ такимъ же грустно благоуханнымъ цвѣткомъ, какъ въ нѣмецкой—дѣвушки Гейне. Безцеремонное въ насиліяхъ надъ личностью человѣка, царствованіе Николая I вело къ монархическимъ разочарованіямъ тысячи матерей, женъ, сестеръ, дочерей, невѣстъ, оскорбленныхъ и обездоленныхъ государственнымъ Молохомъ. Одна изъ любопытнѣйшихъ вспышекъ тайной женской оппозиціи, инстинктивнаго отвращенія къ правительству,—стихотвореніе «Насильный бракъ», совершенно неожиданно, почти непроиз-

вольно сорвавшееся изъ-подъ патріотическаго пера графини Е. Ф. Растопчиной и больно уязвившее Николая, какъ прозрачный и обидный памфлетъ на его политику въ Польшѣ. Въ «Людяхъ сороковыхъ годовъ» Писемскій, въ лицѣ Мари, очень просто и правдоподобно уясняетъ намъ превращеніе институтки-монархистки въ передовую женщину пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Передовыя писательницы эпохи—Хвощинская, Жадовская, Марко Вовчекъ—бывшія институтки. Страшный севастопольскій разгромъ самодержавія ускорилъ и обострилъ процессъ разочарованія. Его можно считать эрою, когда слово «институтка» принимаетъ обидное значеніе существа, безнадежно отравленнаго искусственно привитою патріотическою слѣпотою, сословнымъ чванствомъ, идеалистическимъ сантиментализмомъ—всѣми нравственными тормозами изъ педагогическаго арсенала старинной реакціи. Но, собственно-то говоря, Герценовы монстры были уже далеко не правиломъ, а скорѣе исключеніемъ, и репутація институтскаго цѣлаго терпѣла за часть. Институтки, въ родѣ гувернантки Натальи Александровны, и развитыя ими ученицы звали и вели свой вѣкъ къ совсѣмъ другому берегу. Именно десятилѣтіе пятидесятыхъ годовъ показало, что, потерявъ одну половину своего воспитанія: дутый политическій идеалъ, русская дѣвушка развила въ себѣ другую, драгоцѣнную половину: политическій характеръ,—способность, потребность и готовность къ общественной работѣ, огромную статическую энергію будущей политической дѣятельности. Если мы обратимся къ изящной литературѣ того времени,—то любимая, общая, истинно злободневная и глубоко волнующая общество, схема ихъ почти неизмѣнно одна и та же у всѣхъ корифеевъ эпохи: у Тургенева, у Гончарова, у Писемскаго. Дѣвушка, сильная характеромъ, но слабая знаніемъ, ищетъ выхода изъ эгоистическаго сытаго прозябанія въ самоотверженную

дѣятельность на благо общее и проситъ помощи у краснорѣчиваго мужчины, богато одареннаго талантами и знаніемъ, но слабаго характеромъ и безъ настоящаго аппетита къ политическому труду. Это—Ольга и Обломовъ въ «Обломовѣ», это—Шаликовъ и Вѣра въ «Богатомъ женихѣ», это—Настенька и Калиновичъ въ «Тысячѣ душъ», это—Саша и баринъ въ «Сашѣ» Некрасова, это — знаменитыя «тургеневскія женщины» и тургеневскіе же «лишніе люди». Отрицательно покаянное отношеніе къ мужскимъ характерамъ образованнаго барства, начатое Пушкинымъ, продолженное Лермонтовымъ, достигло своего апогея у реалистовъ пятидесятыхъ годовъ и, въ особенности, у Писемскаго, пропитавшаго свой стихійный талантъ глубочайшимъ благоговѣніемъ къ современнымъ ему новымъ женщинамъ и ядовитѣйшимъ презрѣніемъ къ мужчинамъ. Жалѣть «лишнихъ людей» началъ лишь Тургеневъ, но вывести ихъ изъ этого плачевнаго званія, все-таки, не могъ. Чтобы соединять энергическихъ русскихъ дѣвушекъ любовными узами съ достойными ихъ людьми, русскимъ реалистамъ приходилось прибѣгать къ пріемамъ совсѣмъ не реалистическимъ: выписывать изъ Болгаріи фантастическихъ заговорщиковъ (Елена и Инсаровъ въ «Накапунѣ»), или выдумывать какихъ-то сверхъ естественно-дѣловитыхъ нѣмцевъ (Ольга и Штольцъ въ «Обломовѣ».

V.

Севастопольскимъ разгромомъ кончился дворянскій періодъ русской культуры. Буря всколыхала русское море до дна, во всѣхъ слояхъ его. Непочатыя глубины поплыли наверхъ. Крѣпостное право зашаталось и рухнуло. Россія не могла и не хотѣла болѣе оставаться государствомъ ни военнымъ, ни дворянскимъ. Кличъ всесословности проносится надъ страною, вызывая къ

жизни рядъ либеральныхъ, уравнительныхъ реформъ Александра II. Развитіе ихъ непродолжительно. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе самодержавное правительство чувствуетъ себя на пути ложномъ,—едва дана реформа, какъ въ ней уже раскаиваются и пытаются ограничить ее попятными мѣрами. Къ концу шестидесятыхъ годовъ маски сброшены: правительство Александра II повернуло къ открытой реакціи. Но было поздно да и никогда не было рано: время требовало своего, выростее и огромно расширенное общество искало правъ, и когда монархія отказалась довершить реформы, ихъ взялась дать Россіи революція. Для нея кончился легендарный періодъ романтической красоты, начатый декабристами и продолженный лондонскими изгнанниками. Революція изъ литературы перешла въ жизнь и потребовала къ отчету и въ свои ряды всѣхъ, кто въ нее вѣрилъ. Она кипитъ полвѣка, тяжкими героическими жертвами слагая свои мученическія побѣды и все, что сохранилось и вновь выростаетъ порядочнаго въ политическомъ строѣ Россіи, обязано своимъ происхожденіемъ ей, потому что вынуждено страхомъ предъ нею. Мы живемъ въ самый обостренный ея періодъ, наиболѣе мученическій и наиболѣе побѣдоносный. Хочется вѣрить, что близко берегъ. Хочется вѣрить, что всѣ частичныя побѣды революціи скоро сольются въ одной великой общей побѣдѣ, которая освѣтитъ наше отечество солнцемъ народнаго правительства, свободно сложеннаго всѣми расами, націями, исповѣданіями, сословіями и профессіями великой русской громады, въ равномъ представительствѣ обоихъ половъ.

Оглянемся на колоссальную роль женщины въ воинственномъ пятидесятилѣтіи русской революціи. Дворянскій политическій крахъ заставилъ искать другихъ общественныхъ слоевъ, куда бы перемѣстить надежды Россіи, не только тѣхъ великихъ «кающихся дворянъ», которымъ

русскій народъ обязанъ первыми программами и кодексами своей свободы, — необходимость устремиться въ глубь отчасти понимали и люди правительства. Пятидесятые годы—счастливая пора изученія русской народности. Литературная группа беллетристовъ-этнографовъ, покровительствуемая великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, славянофилы «Русской Бесѣды», побѣдоносные семинаристы и разночинцы прогрессивныхъ группъ равно ищутъ народныхъ слоевъ, годныхъ подъ фундаментъ новаго общественнаго зданія.

Ищутъ народности географически, ищутъ ея сословно и, по пути, открываютъ женщину низшихъ русскихъ классовъ—забытую чуть не съ вѣчевыхъ временъ. Островскій находитъ ее въ купечествѣ и пишетъ «Грозу», привѣтствуемую Добролюбовымъ, какъ «лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». Писемскій—въ крестьянствѣ и создаетъ «Горькую судьбину», которую, и сорокъ лѣтъ спустя, невозможно смотрѣть безъ волненія. Марко Вовчекъ пишетъ протестующую поповну. Мельниковъ-Печерскій одною рукою, чиновничьею, беретъ взятки съ раскольниковъ и ломаетъ старообрядческія часовни, а другою, литераторскою, славитъ игуменій и скитницъ той самой двуперстной вѣры, которую онъ гонитъ, какъ богатырскія кряжевыя натуры, полныя нетронутой почвенной силы: какія-то Марѳы-посадницы будущаго! Помяловскій бросился съ «Молотовымъ» и «Мѣщанскимъ счастьемъ» въ мелкое чиновничество, выбранился по пути «кисейною барышнею», но и здѣсь нашелъ и Надю, и Леночку, свѣжія, дѣвственныя силы большого характера, ищущія новой жизни. Сразу всплыла со всѣхъ угловъ русская женская жизнь, таившаяся подъ спудомъ, и всюду, на всѣхъ пунктахъ жизни, оказалась она одинаково полною громкаго протеста, одинаково ищущею выхода изъ мрака къ свѣту, одинаково враждебною насиліямъ старины и алчущею свободы, знанія и самостоятельной дѣятельности. Сводя счеты съ царство-

ваніемъ Николая I, наблюдатели съ изумленіемъ видѣли, что на 7.000 крѣпостныхъ, сосланныхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, было болѣе трети женщинъ. Въ 1819 г., въ чугуевскомъ бунтѣ, женщины вели возставшихъ казаковъ. 29 изъ этихъ воительницъ были брошены подъ розги и ни одна не попросила пощады. Когда одного изъ зачинщиковъ запороли на смерть, старуха-мать его—въ присутствіи генераловъ-палачей—подвела внуковъ къ трупу отца:

— Учитесь, хлопцы, у батька умирать за громаду!

Въ севастопольскомъ бунтѣ 1830 г. 375 женщинъ приговорены къ гражданской смерти: онѣ шли на пушки и несли, и вели предъ собою своихъ дѣтей. Новгородскій бунтъ военныхъ поселянъ былъ также вдохновляемъ женщинами. Въ судебныхъ дѣлахъ о неповиновеніи крѣпостныхъ помѣщичьей власти—женщинъ 25%. Могучія настроенія свободы всегда находили откликъ въ сердцахъ русскихъ женщинъ на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ и, однажды выйдя на защиту какихъ-либо попранныхъ правъ, русская женщина далеко опережала мужчинъ энергіей и стойкостью своего святого фанатизма.

Учиться и освобождаться—стихійный женскій потокъ, смутившій своею широкою волною даже тѣхъ, кто его будилъ къ жизни. Жоржъ-зандисты сороковыхъ годовъ очень сплоховали, когда русская женщина взялась добиваться эмансипаціи рѣшительно и серьезно. Даже Тургеневъ, съ грустною ревностью «лишняго человѣка», закрылъ глаза на Лизу, Наталью и Елену, когда онѣ, не дождавшись на свои «проклятые вопросы» отвѣта отъ Рудиныхъ и Лаврецкихъ, пошли искать учителей въ Добролюбовѣ, Чернышевскомъ, въ молодой редакціи «Современника», въ Писаревѣ, Некрасовѣ, Салтыковѣ. Тургеневъ уклончиво отдѣлался отъ новыхъ женщинъ каррикатурами Евдоксіи Кукшиной и Матрены Суханчиковой и только въ «Нови» попробовалъ найти для освобождающейся дѣвушки симпатичныя краски Маріанны. Но и то было поздно: картина

устарѣла и «не вышла». Писемскій грязно плевался фельетонами Никиты Безрылова и «Взбаломученнымъ моремъ». Гончаровъ сокрушался о грѣшной строптивой Вѣрѣ и возводилъ на пьедесталъ, какъ богиню «женственности», красивую двуногую телку, кроткую Марфиньку. Если прослѣдить въ литературѣ 1860—1870 годовъ отношеніе авторовъ къ женскому вопросу, то наблюдается слѣдующее странное дѣленіе: противъ новыхъ женщинъ всѣ крупные беллетристы эпохи, но ни одного сколько-нибудь талантливаго публициста; за новыхъ женщинъ—всѣ первоклассные публицисты въ прозѣ и стихахъ, но ни одного крупнаго беллетриста. Чернышевскій взялся поправить пробѣлъ и, въ стѣнахъ Петропавловской крѣпости, написалъ «Что дѣлать»: романъ соціалистическихъ грезъ, лишенный художественнаго значенія, но опредѣляющій цѣлую эпоху въ русскомъ женскомъ вопросѣ своимъ громовымъ успѣхомъ, котораго вполнѣ заслужила его дидактическая энергія, строгая ясность силлогизмовъ, стойкость и логическая доказательность программы. Вѣра Павловна—эта Елена изъ тургеневскаго «Наканунѣ» въ демократическомъ варіантѣ, наконецъ нашедшая себѣ русскій идейный бракъ и русское идейное дѣло,—стала идеаломъ для сотенъ образованныхъ дѣвушекъ и женщинъ, а мастерская ея—откровеніемъ ихъ и руководствомъ къ практической работѣ. Участвуя въ недавней газетной кампаніи въ пользу разрѣшенія «Что дѣлать» къ обращенію въ Россіи, я долженъ былъ изучить полемическія нападки на романъ и перечитать всѣхъ, кто сему яду пытался дать противоядіе. Ничто не возмущало ихъ больше стремленія женщинъ сложиться въ рабочеобразовательныя ассоціаціи: Свободные трудъ и общежитія, коммуны женщинъ, сбросившихъ съ себя зависимость отъ мужней власти и отцовской опеки, вызывали ярое озлобленіе, цѣлые томы клеветъ и доносовъ по начальству. Особенно знаменита осталась въ лѣтописи женской эмансипаціи петербургская коммуна, организо-

ванная Слѣпцовымъ, не потому, что она была удачна, но потому, что ее атаковали съ нарочитымъ бѣшенствомъ. Противъ нея направлены два романа: «Некуда» Лѣскова и часть «Кроваваго пуфа» Всеволода Крестовскаго. Это эпоха трагическихъ воплей объ угнетенныхъ дочерями родителяхъ и обиженныхъ женами мужьяхъ. Въ дѣйствительности же, *patria potestas* стояла на фундаментѣ своемъ столь прочно и такъ мало разсчитывала поступиться своими правами, что десятки дѣвушекъ, чтобы вырваться изъ подъ семейнаго гнета, вступали въ фиктивные браки съ мужчинами одинаковыхъ съ ними убѣжденій, получая отъ мужа немедленно вслѣдъ за обрядомъ вѣнчанія отдѣльный видъ на жительство, съ полною свободою дѣйствія. Въ концѣ шестидесятыхъ и въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ фиктивный бракъ становится въ русской интеллигенціи только что не институтомъ обычнаго права. Особенно усердно прибѣгали къ нему дѣвушки, желавшія получить заграничный паспортъ, чтобы учиться въ Цюрихѣ, Парижѣ, Гейдельбергѣ. Политическіе процессы семидесятыхъ годовъ провели предъ глазами русской публики десятки фиктивныхъ женъ и фиктивныхъ мужей. Интересно въ этомъ отношеніи «дѣло пятидесяти» (1877 г.), гдѣ фиктивный бракъ, вообще, то и дѣло является, какъ излюбленное и очень удачное орудіе совсѣмъ не брачныхъ цѣлей. Въ частности же имѣлся въ немъ такой эпизодъ, очень полно характеризующій смыслъ и цѣль этого освободительнаго компромисса. Свидѣтель священникъ Ансеровъ обвинялъ подсудимыхъ сестеръ Субботиныхъ въ томъ, что онѣ сбивали дочь его, гимназистку, на выѣздъ за границу съ цѣлью полученія высшаго образованія: у дѣвушки были большія математическія способности. Такъ какъ Ансеровъ не соглашался отпустить дочь ранѣе, чѣмъ она выйдетъ замужъ, то Субботины не замедлили подыскать подругѣ фиктивнаго жениха, въ лицѣ Кардашева, тоже

подсудимаго по дѣлу пятидесяти. Но Ансеровъ прозрѣлъ хитрость, и бракъ не состоялся. Въ семьѣ не безъ урода, и впослѣдствіи многіе изъ фиктивныхъ браковъ стали очень фактическимъ несчастіемъ для сторонъ, ихъ заключившихъ; были мужья, которые, измѣнивъ принципамъ идейнаго братства, нагло порабощали своихъ номинальныхъ женъ предъявленіемъ супружескихъ правъ по закону; были и жены, которыя, старѣя, болѣя, утомлялись жизнью, очень безцеремонно садились на шею своихъ условныхъ супруговъ. Но несравненно больше примѣровъ, что фиктивный бракъ обращался въ фактическій и иногда очень счастливый—съ теченіемъ времени, по взаимному уваженію и сознательной любви ознакомившихся супруговъ. Вѣдь и бракъ Вѣры Павловны съ Лопуховымъ, собственно говоря, сложился въ бракъ такимъ образомъ, а въ началѣ онъ тоже фиктивный, ради законнаго бѣгства отъ папеньки съ маменькой. И наконецъ, *nomina sunt odiosa*, но можно бы указать примѣры фиктивныхъ браковъ, тянувшихся десятки лѣтъ, при строгомъ сохраненіи мужемъ и женою дружескихъ отношеній, съ честнымъ соблюденіемъ обоюдной свободы во всѣхъ отношеніяхъ. Достоевскій бросилъ очень черныя краски на нигилистическій фиктивный бракъ въ «Бѣсахъ» (чета Шатовыхъ). Какъ всякій компромиссъ, и этотъ обычный институтъ семидесятыхъ годовъ заключалъ въ себѣ самоубійственныя противорѣчія, которыя своими неудобствами и свели его нанѣтъ. Но грязно клеветали тѣ, кто, какъ впослѣдствіи Дьяковъ и Цитовичъ, старались изобразить фиктивные браки «нигилистовъ» уловкою для распутныхъ людей разнуздать свои прихоти и похоти. Здѣсь не тѣло выходило за тѣло, а документъ за документъ. Насколько мало значенія придавали фиктивно брачущіеся, не говоря уже о половомъ интересѣ, просто вопросу личности, можетъ служить примѣромъ опять-таки «дѣло пятидесяти»: княгиня Циціанова, рожденная Хоржевская, вышла замужъ (фиктивно) за князя

Александра Циціанова въ городѣ Одессѣ и вѣнчалась съ нимъ 13-го іюля 1875 г., т. е. въ тотъ же самый день, когда князь Александръ Циціановъ присутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля въ г. Москвѣ при бракосочетаніи (тоже фиктивномъ) супруговъ Гамкрелидзе.

VI.

«Много, очень много обвиненій сыпалось на насъ со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвиненій я не буду ничего говорить,—я всѣ ихъ подтвердила на дознаніи, но относительно обвиненій меня и другихъ въ безнравственности, жестокости и пренебреженіи къ общественному мнѣнію, относительно всѣхъ этихъ обвиненій я позволю себѣ возражать и сошлюсь на то, что тотъ, кто знаетъ нашу жизнь и условія, при которыхъ намъ приходится дѣйствовать, не броситъ на насъ ни обвиненія въ безнравственности, ни обвиненія въ жестокости».

Эти спокойныя, скромныя слова русской дѣвушки-революціонерки были произнесены почти что подъ висѣлицею: это послѣднее слово подсудимой Софьи Перовской въ отвѣтъ на обвинительную рѣчь Муравьева, по дѣлу 1-го марта. Въ половинѣ девяностыхъ годовъ я имѣлъ случай познакомиться съ старымъ свитскимъ генераломъ, который допрашивалъ Перовскую. Этотъ человѣкъ пропустилъ сквозь свои руки сотни, если не тысячи, борцовъ русскаго освободительнаго движенія, смотрѣлъ на нихъ съ чиновнаго высока, равнодушно-злобно, какъ на беззащитнаго врага, подлежащаго, сколько онъ тамъ ни барахтайся, роковому, непремѣнному растоптанію. Но Перовскую онъ уважалъ.

— За что?

Генералъ долго молчалъ, потомъ признался:

— Ужъ очень она насъ презирала. Другія ненавидѣли, а эта презирала.

Мужество сознательнаго энтузіазма борьбы и презрѣнія къ врагу не оставило Перовскую до роковой петли. Ужасный экзаменъ смертной казни былъ ею выдержанъ съ безпримѣрнымъ мужествомъ. Почти неслыханная вещь произошла: всѣ казнимые, какъ бы храбро ни встрѣчали конецъ свой, блѣднѣютъ на эшафотѣ, а Софья Перовская вдругъ загорѣлась румянцемъ, точно невѣста предъ алтаремъ.

Софья Перовская—заключительное по энергіи слово того политическаго энтузіазма, въ которомъ жила и которымъ жила женщина семидесятыхъ годовъ. Лучшую характеристику этого энтузіазма дала въ 1874 году записка испуганнаго врага—знаменитый докладъ министра юстиціи гр. Палена. Этотъ докладъ приписываетъ главный успѣхъ революціонной пропаганды «имѣющимся въ ея средѣ въ немаломъ количествѣ молодымъ женщинамъ и дѣвушкамъ», содѣйствовавшимъ «покрыть сѣтью революціонныхъ кружковъ большую половину Россіи». Изъ 23 пунктовъ пропаганды, поименованныхъ Паленомъ, 6 находились подъ руководствомъ женщинъ: Лешернъ фонъ Герцфельдъ, Субботиной, Цвѣтковой, Андреевой, Колесниковой, Брешковской, Охременко. Паленъ съ нескрываемымъ ужасомъ отмѣчаетъ факты многочисленныхъ побѣдъ революціи въ семейныхъ нѣдрахъ самыхъ, казалось бы, благонадежныхъ и монархическихъ очаговъ. «Такъ,—жалуется онъ,—жена оренбургскаго жандармскаго полковника Голоушева не только не отклоняла сына своего отъ участія въ дѣлѣ, а, напротивъ того, помогала ему совѣтами и свѣдѣніями. Такъ, весьма богатая и уже пожилая женщина, курская помѣщица Софья Субботина, не только лично вела революціонную пропаганду среди ближайшаго крестьянства, но склонила къ тому же свою воспитанницу Шатилову и дочерей, даже несовершеннолѣтнихъ, посылала доканчивать образованіе въ Цюрихъ. Такъ, дочери дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ,

Наталья Армфельдъ, Варвара Батюшкова и Софья Перовская, дочь генералъ-маіора Софья Лешернъ фонъ Герцфельдъ и многія другія шли въ народъ, занимались полевыми поденными работами, спали вмѣстѣ съ мужиками, товарищами по работѣ, и за всѣ эти поступки, повидимому, не только не встрѣчали порицанія со стороны своихъ родственниковъ и знакомыхъ, а, напротивъ, сочувствіе и одобреніе». По счету Палена, на 620 мужчинъ, привлеченныхъ въ 37 губерніяхъ по политическимъ дѣламъ, приходится 158 женщинъ. Это отношеніе 1 : 4, очень характерно,—болѣе того: оно національно, если мы вспомнимъ указанное выше 25%, 30%-ное отношеніе женщинъ къ мужчинамъ въ простонародныхъ бунтахъ николаевскаго времени и въ ссылкѣ за неповиновеніе помѣщичьей власти.

Женщины чайковцевъ, женщины долгушинцевъ, женщины нечаевскаго дѣла... Но первымъ политическимъ процессомъ, который потрясъ общество зрѣлищемъ именно женской революціонной готовности, остается все-таки «дѣло пятидесяти», съ шестнадцатью обвиняемыми женщинами. Изъ нихъ шесть пошло на каторгу, двѣ—въ рабочій домъ, а остальныя—въ Сибирь на поселеніе.

Глазамъ не вѣрю—
На казнь идти и гимны пѣть
И въ пасть некормленному звѣрю
Безъ содроганія глядѣть!

Это мрачное изумленіе майковскаго Деція охватило всю старую Россію, когда предъ нею, какъ восторженно разсказываетъ Степнякъ, «лучезарныя фигуры дѣвушекъ, съ спокойнымъ взоромъ и съ дѣтски безмятежной улыбкой на устахъ, прошли туда, откуда нѣтъ возврата, гдѣ нѣтъ мѣста надеждѣ». Умирающій Некрасовъ послалъ участницамъ дѣла стихотвореніе—послѣдній стонъ своей измученной души. Потрясенный, растерянный Полонскій явился простодушнымъ выразителемъ общественнаго сму-

щенія, написавъ чуть ли не лучшую и самую страстную свою вещь:

Что мнѣ она? Не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь:
Такъ, отчего жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?
и т. п.

А Тургеневъ глубоко задумался и пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы присутствовать на политическомъ процессѣ Южнорусскаго рабочаго союза, отдѣленномъ отъ «дѣла пятидесяти» двумя мѣсяцами. И въ высшей степени знаменательно, что сербскій переводчикъ «Нови» не нашелъ лучшаго способа комментировать этотъ политическій романъ, какъ—приложивъ къ нему предисловіемъ послѣднее слово С. И. Бардиной. Впослѣдствіи Тургеневъ посвятилъ памяти Софьи Перовской свой знаменитый «Порогъ».

У каждаго политическаго движенія есть свои мистики. Одинъ изъ нихъ, въ глухомъ сибирскомъ городкѣ, увѣрялъ меня, что для русской женской эволюціи вообще, а для революціи въ особенности, апокалипсическое имя—Софья. Оно, дѣйствительно, чрезвычайно часто повторяется и въ боевыхъ революціонныхъ реляціяхъ: Софья Перовская, Софья Лешернъ, Софья Бардина, Софья Гинсбургъ, и въ лѣтописяхъ научнаго женскаго движенія: Софья Кавелина, Софья Ковалевская. Софьѣ Перовской, какъ террористкѣ, суждено было взять самую высокую ноту революціоннаго діапазона. Софьѣ Бардиной — выпало на долю суммировать причины, сдѣлавшія русскую женщину душою революціи. Ея знаменитое послѣднее слово на судѣ—евангеліе той «мирной культурной пропаганды», которою дышало русское освободительное движеніе до перелома, ознаменованнаго выстрѣломъ Вѣры Засуличъ. Я позволю себѣ напомнить два мѣста изъ этой общей программы, гдѣ Софья Бардина, какъ женщина, говоритъ за женщинъ:

— Относительно семьи я также не знаю: подрываетъ ли ее тотъ общественный строй, который заставляетъ женщину бросать семью и идти для скуднаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо развращаются и она, и ея дѣти; тотъ строй, который вынуждаетъ женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться въ проституцію и который даже санкціонируетъ эту проституцію, какъ явленіе законное и необходимое во всякомъ благоустроенномъ государствѣ; или подрываемъ семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнѣйшей причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій, въ томъ числѣ и разрушенія семьи?

И—конецъ рѣчи, который хорошо и справедливо звучитъ еще и для нашихъ дней:

— Наступитъ день, когда даже и наше сонное и лѣнивое общество проснется и стыдно ему станетъ, что оно такъ долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своихъ братьевъ, сестеръ и дочерей и губить ихъ за одну только свободную исповѣдь своихъ убѣжденій! И тогда оно отомститъ за нашу гибель... Преслѣдуйте насъ—за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи—увы!—на штыки не улавливаются!

Бардина, безъ ложной скромности, могла бы прибавить:

— А не улавливаются идеи на штыки потому, что мы идемъ на штыки за идеи! И идемъ не однажды, не случайно, не мгновеннымъ порывомъ и вдохновеніемъ страсти, но изо дня въ день, годъ за годомъ, всю свою жизнь!

Для всѣхъ этихъ женщинъ, покуда онѣ въ Россіи, жизнь дѣлится на тюрьму и дѣятельность. Если онѣ не въ тюрьмѣ, значитъ—онѣ агитируютъ. Если онѣ не агитируютъ, значитъ, онѣ въ тюрьмѣ. Какой фантастическій

романъ можетъ сравниться съ біографіей Перовской, съ ея арестами, побѣгами, переодѣваніями, отчаянною работою въ подкопахъ, тюрьмами и перелетами изъ конца въ конецъ по Россіи? Но вѣдь Перовская—только наиболѣе типическая индивидуальность, болѣе или менѣе такъ жили всѣ ея подруги по дѣлу. Ихъ фанатизмъ къ работѣ свободы страшенъ въ своей несокрушимой гибкости, какъ клинокъ толедской стали. Когда, въ 1878 г., не удалась вооруженная попытка отбить у жандармовъ Войнаральскаго, участники покушенія гораздо больше, чѣмъ полиціи, боялись: что скажутъ женщины партіи? что скажетъ Перовская? Гартманъ съ товарищами рѣшили—въ случаѣ обыска, не отдаваться живыми, похоронить себя вмѣстѣ съ жандармами подъ развалинами дома. Но у кого не дрогнетъ рука произвести самоубійственный взрывъ? Общимъ рѣшеніемъ выбираютъ Перовскую. Софьѣ Лешернъ смертная казнь замѣнена пожизненною каторгою. Она впала въ истерику и рыдала весь день, оскорбленная, что у нея отняли честь умереть съ товарищами—Браднеромъ, Антоновымъ и Осинскимъ. Лешернъ была взята при вооруженномъ сопротивленіи. Гдѣ женщины революціи, тамъ, послѣ выстрѣла Засуличъ, почти всегда и вооруженное сопротивленіе. Онѣ не боялись ни боя, ни тюрьмы, ни казней. Онѣ—«неисправимыя». Кутиновская бѣжитъ изъ Нерчинска. На свободу? Нѣтъ—только, чтобы стрѣлять въ генералъ-губернатора Ильяшевича. Имя Вѣры Засуличъ впервые мелькаетъ мимоходомъ еще въ нечаевскомъ процессѣ! Кто разъ появился на роковомъ красномъ фонѣ, остается на немъ вѣчно, лишь перемѣщаясь, какъ свѣтящаяся муха. Мужчины устаютъ, мужчины мѣняютъ мнѣнія, мужчины иногда просятся на отдыхъ и сдаются на капитуляцію подъ милостивыя условія частныхъ амнистій. Въ женской революціи процентъ сдающихся до того ничтоженъ, что даже не легко припоминаются имена. Въ организаторскихъ съѣздахъ 1879 года,

рѣшившихъ судьбу Александра II, участвовали равно мужчины и женщины, но женская группа ихъ не выдѣлила впослѣдствіи ни Тихомирова въ кофточкѣ, ни Гольденберга въ юбкѣ. Когда женщина старой русской революціи устаетъ и не надѣется на свои силы, чтобы далѣе нести свой крестъ мести и печали, у нея одинъ выходъ— въ могилу. Бывали годы, наполненные такимъ отчаяніемъ женскимъ, что самоубійства повторялись чуть ли не эпидемически. Ужасенъ въ этомъ отношеніи некрологъ 1883-го года, въ теченіе котораго въ Женевѣ застрѣлилась Софья Бардина, въ Бернѣ отравилась Евгенія Завадская, въ Красноярскѣ отравилась Колстилова, въ Енисейскѣ—Лидія Клейнъ, въ домѣ предварительнаго заключенія повѣсилась Настасья Осинская, сестра знаменитаго Валеріана Осинскаго, повѣшеннаго въ Кіевѣ въ 1879 году—и рабочій Бочинъ въ Якутской области задушилъ Елену Южакову, въ развязкѣ романической исторіи, что, собственно говоря, слѣдуетъ отнести тоже къ разряду нравственныхъ самоубійствъ. И, все-таки, опять надо сказать: женскіе нервы выдерживали борьбу съ большею выносливостью, чѣмъ мужскіе. Просматривая въ книгѣ Бурцева некрологи революціи съ 1875 года по 1896 годъ, я насчиталъ 48 мужскихъ самоубійствъ на 15 женскихъ. Количество женскихъ сумасшествій относится къ мужскому, какъ 5 : 12. Цифры эти, конечно, далеки отъ точности и, при томъ, говорятъ только о вождяхъ, такъ сказать, объ аристократіи движенія: масса отъ нихъ ускользнула и врядъ ли поддается подсчету, — но схему отношеній онѣ, во всякомъ случаѣ, даютъ—и съ достаточною выразительностью. Наоборотъ, выносливость физическая, какъ и слѣдовало ожидать, несравненно дольше сохраняетъ мужчинъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ и дѣлаетъ болѣе удачными ихъ побѣги. Для женщины Восточная Сибирь и каторжная тюрьма—смертный приговоръ, растянутый не болѣе, какъ на два, на три года, много—на пять лѣтъ. Поразитель-

ный примѣръ Вѣры Фигнеръ, которую не могли ни заморить, ни измѣнить двадцать лѣтъ шлиссельбургской кельи, своею исключительностью только подчеркиваетъ общее правило. Уходя въ революцію, женщина твердо знала, что обрекаетъ себя на смерть скорую и неминуемую—отъ правительственной ли кары, отъ своей ли руки, что революціонная работа есть самый быстрый и вѣрный способъ украсть у себя жизнь. Но рѣдко кого смущало это сознаніе. Сильные женскіе характеры встаютъ одинъ за другимъ непрерывною цѣпью — и не только по одиночкѣ, а очень часто цѣлыми группами. Революція имѣетъ свои женскія династіи: сестры Фигнеръ, сестры Любатовичъ, Субботины. Разсматривая женскія революціонныя самоубійства, не трудно видѣть, что большинство ихъ создано или, дѣйствительно, такою безысходностью положенія, что только и остается—перерѣзать себѣ осколкомъ стакана сонную артерію, какъ Гинсбургъ въ Шлиссельбургѣ, или вполнѣ понятнымъ отчаяніемъ ранней юности. Въ 1881 году въ Красноярскѣ повѣсилась семнадцатилѣтняя Викторія Гуковская, осужденная на поселеніе по одесскому дѣлу въ 1879 году, когда ей было всего 14 лѣтъ. Не то удивительно, что ребенокъ лишилъ себя жизни, — удивительно, что онъ терпѣлъ жизнь два года!

VII.

Система «просвѣщеннаго абсолютизма» оказалась не по плечу русской монархіи, и въ 1887 году императоръ Александръ III написалъ на докладѣ графа Делянова свою знаменитую резолюцію:

— Прекращай образованіе!

Резолюція опоздала: Александръ III, съ обычною ему откровенностью, только прямо приказалъ и назвалъ по имени процессъ, длившійся уже 15 лѣтъ. Для мужского образованія рѣшительною эрою прекращенія была побѣда

толстовской классической системы. Для женскаго—одновременное правительственное сообщеніе, направленное противъ русскихъ студентовъ въ Цюрихѣ, отъ 21 мая 1873 года. Этотъ замѣчательный документъ, сохранившись для потомства, будетъ возбуждать въ грядущихъ вѣкахъ такое же печальное изумленіе, съ какимъ мы читаемъ «Молотъ на вѣдьмъ» какого-нибудь Спренглера или «Демономанію колдуній» Бодена: несокрушимый мавзолей человѣческаго самодурства и лукаваго суевѣрія! Извѣстно, что въ документѣ этомъ русскія учащіяся женщины приравнены къ проституткамъ, а дѣвушки обвинены въ изученіи акушерства съ спеціальною цѣлью дѣлать выкидыши. За неимѣніемъ другого авторитета къ подтвержденію этихъ сплетенъ, правительственному сообщенію пришлось ссылаться на квартирныхъ хозяекъ города Цюриха: Марта Швердлейнъ приглашена въ судьи и законодательницы нравственности! Въ политической части своей документъ гласитъ чистосердечно: не желаю студентокъ за границею, потому что ими держится революціонная почта и создается вихрь политической агитаціи. «Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два—три докторскіе диплома могли искупить зло, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному движенію».

Такимъ образомъ, государство не постѣснилось оклеветать своихъ образованныхъ женщинъ предъ цѣлымъ міромъ. Правда, что, мимоходомъ, оно и себя не пожалѣло въ этомъ правительственномъ сообщеніи, торжественно и буквально провозгласивъ себя «отставшимъ отъ другихъ европейскихъ государствъ». Клевета эта русскимъ учащимся женщинамъ, что называется, сокомъ вышла—даже и за границею, не говоря уже объ отечественныхъ нѣдрахъ. Невѣроятный цинизмъ правительственнаго сообщенія важенъ и любопытенъ еще и тѣмъ, что онъ санкціонировалъ почти дословно литературную

травлю и полемическія идеи Лѣскова, Клюшникова, Всеволода Крестовскаго, Болеслава Маркевича, Авенаріуса, отчасти Достоевскаго и другихъ борцовъ противъ женскаго просвѣтительнаго движенія, всуе призывавшихъ имя «семейнаго начала». Въ будущемъ же правительственное сообщеніе приготовило полную программу для публицистической порнографіи Цитовича, для пасквилей Дьякова-Незлобина и для фельетонной дѣятельности гг. Мещерскаго и Буренина, благополучно длящейся даже и до сего дня. Недостаетъ въ программѣ только пагубнаго вліянія инородцевъ и, въ особенности, евреевъ. Какъ ни дико правительственное сообщеніе, все же оно датировано царствованіемъ Александра II, когда государство не усовершенствовалось еще до взаимотравли гражданъ своихъ кишиневскими и бакинскими погромами. Но и этотъ малый пробѣлъ государственнаго акта былъ успѣшно пополненъ усердіемъ частныхъ добровольцевъ—ташкентцовъ слова, ташкентцовъ печати, ташкентцовъ дѣйствія. Два свойства поражаютъ безпристрастнаго человѣка, когда онъ читаетъ плоды двадцатипятилѣтней литературно-государственной войны съ женскимъ умомъ: откровенный ирреализмъ ея — совершенное отсутствіе фактическаго наблюденія, да и нежеланіе наблюдать, и головной развратъ всѣхъ этихъ отсебятинъ, преподносившихъ обществу, подъ видомъ семейной сатиры и морали, безудержную и вычурную порнографію. Больше всего претерпѣвали отъ этихъ половыхъ извращеній общественной мысли женщины-врачи. Не только отдаленные потомки, но уже и молодые люди XX-го вѣка съ трудомъ повѣрятъ, что, всего пятнадцать лѣтъ назадъ, можно было изображать сельскую школу уютнымъ и чуть не бархатами обитымъ гнѣздышкомъ устарѣвшей полудѣвицы на содержаніи вліятельнаго земца; въ школѣ говорятъ по-французски, смакуютъ Арманъ Сильвестра и пьютъ тонкіе ликеры. Между тѣмъ, это лишь одна изъ невин-

нѣйшихъ фантазій, которыми угощалъ свою публику покойный и, я думаю, тогда уже полубезумный Житель.

Инородческое вліяніе на женскій вопросъ въ Россіи опредѣляется соприкосновеніемъ русскаго прогресса съ польскимъ освободительнымъ движеніемъ и еврейскимъ равноправіемъ. Польское вліяніе сказывалось на русскихъ дѣвушкахъ болѣе отвлеченно,—какъ общій примѣръ неутомимаго національнаго стремленія къ свободѣ. Первый русскій политическій процессъ, въ которомъ участвуетъ женщина, — въ 1855 году, Возницкаго съ дочерью, за распространеніе въ Тамбовской губерніи прокламацій о возстановленіи Польши. Въ 1863 году русскія образованныя женщины стояли нравственно на польской сторонѣ, какъ, впрочемъ, и большая часть тогдашней интеллигенціи. Было много участницъ повстанья не только мыслью и словомъ, но и дѣломъ. Знаменитая Анна Пустовойтова тутъ не примѣръ, потому что она была полька по матери, получила польское воспитаніе, жила и вращалась исключительно въ польскомъ обществѣ, такъ что русскаго въ ней — только фамилія. Но были русскія сестры милосердія въ польскомъ лагерѣ, были свѣтскія женщины, энергично собиравшія деньги для повстанцевъ. На это въ одинъ голосъ жалуются всѣ художественные и фактическіе лѣтописцы-патріоты той эпохи: Лѣсковъ, Всеволодъ Крестовскій, въ особенности, Клюшниковъ, выбравшій для своего «Марева» героинею русскую амазонку въ польской бандѣ. Но гораздо серьезнѣе этихъ единичныхъ явленій оказалось то сердечное сочувствіе и участіе, съ какимъ русскія женщины встрѣтили плѣнныхъ польскихъ бойцовъ за свободу послѣ муравьевскихъ проскрипцій. Вліяніе ссыльныхъ поляковъ на русскую интеллигенцію началось еще съ Екатерининскихъ временъ, но никогда не получало большей интенсивности, чѣмъ послѣ 63-го года. Учениковъ и, въ особенности, ученицъ польскихъ ссыльныхъ колоній мы ви-

димъ въ той «молодой Сибири», которая неизмѣнно оказывается на передовыхъ постахъ каждаго русскаго освободительнаго движенія. Помимо теоретическихъ средствъ культурнаго воздѣйствія, громадное значеніе имѣли, конечно, смѣшанные польско-русскіе браки. Матери-польки подарили русскому обществу много доблестныхъ сыновей и дочерей. Мать Некрасова была полька. Съ 1896 года я, съ постояннымъ вниманіемъ, слѣжу за процессомъ, покуда еще очень отвлеченнымъ и теоретическимъ, такъ называемаго польско-русскаго примиренія. Никто не вноситъ въ него столько доброжелательной страстности, какъ женщины смѣшанныхъ польско-русскихъ семей, переживающихъ личнымъ, домашнимъ надрывомъ глубокую скорбь проклятаго «спора славянъ между собою». Будемъ надѣяться, что наступающія великія времена принесутъ успокоеніе и этимъ удрученнымъ сердцамъ: дѣло свободной Россіи — понять свободную Польшу, дѣло свободной Польши — подать братскую руку свободной Россіи.

Всесословныя учебныя заведенія, развитыя эпохою реформъ Александра II, сблизили русскую дѣвушку съ дѣвушкою-еврейкою. Польское вліяніе на русскую женщину парализовалось нѣсколько аристократичностью польской интеллигенціи и ярко выраженнымъ націонализмомъ ея стремленій. Русскія передовыя движенія всегда демократичны по существу, и, кажется, нѣтъ на земномъ шарѣ мастеровъ, болѣе искусныхъ освобождаться отъ національныхъ привязокъ для всемірнаго гражданства, чѣмъ мы, русскіе «всечеловѣки». Космополитическій идеалъ входитъ въ насъ вмѣстѣ съ западнымъ образованіемъ, а Достоевскій даже проговорился, что мы съ нимъ родимся. Надежды національной свободы всегда сливались у насъ съ мечтою международнаго братства. Русская свобода всегда грезится намъ, какъ ступень къ переустройству соціальнаго строя во вселенной, какъ сигналъ къ свободѣ всего міра. И нѣтъ

въ цѣломъ мірѣ движенія свободы безъ участія русскихъ бойцовъ. Необыкновенно типическая и яркая тѣнь Бакунина безсмертна въ русской революціи, и женщины отзываются ея призывамъ едва-ли не съ большею живостью, чѣмъ мужчины. Русскія сестры милосердія перевязывали раны гарибальдійцевъ и герцоговинскихъ повстанцевъ. Онѣ были всюду, гдѣ мужчины дрались за свободу. Баррикады парижской коммуны имѣли русскую представительницу, въ лицѣ Корвинъ-Круковской (Жакляръ), а въ организаціи миланскаго возстанія 1897 г. на первомъ планѣ стоитъ русская соціалистка, женщина-врачъ Анна Кулишова. Этотъ природный демократизмъ и космополитизмъ русской натуры дали широкое поле къ сближенію нашихъ дѣвушекъ съ еврейками. Несмотря на всѣ ужасы и массовыя преступленія, направленныя противъ евреевъ въ Россіи послѣднихъ двухъ десятковъ лѣтъ, въ настоящее время ясно, что антисемитизмъ не есть наше органическое зло и никогда имъ не былъ. Это преходящій наносъ. Онъ вспыхиваетъ въ русскомъ народѣ, какъ скверная историческая привычка, поощряемая и подстрекаемая еще болѣе скверною политикою самодержавной бюрократіи Игнатьевыхъ, Плеве и Булыгиныхъ. Впечатлѣнія кишиневскаго погрома съ поразительною яркостью доказали единство въ духѣ обществъ русскаго и еврейскаго. Глубокій стыдъ покрылъ тогда всю мыслящую Россію, и для десятковъ тысячъ русскихъ людей, до тѣхъ поръ беззаботныхъ къ политическимъ вопросамъ, дата кишиневскаго погрома сдѣлалась датою прозрѣнья внутрь себя, сигналомъ къ воплю: такъ дальше жить нельзя! такъ жить позорно! Дѣло еврейскаго равноправія и дѣло русской свободы неразрывны, и одно не осуществимо безъ другого. Нагляднѣйшимъ показаніемъ искусственности русскаго антисемитизма является его однополость. Русскій антисемитизмъ— сплошь мужской, женскаго антисемитизма въ Россіи не было и, смѣю думать, нѣтъ. Единичныя выходки противъ

евреекъ какой-нибудь старой начальницы гимназіи или классной дамы, начитавшейся въ «Новомъ Времени» доказательствъ г. Меньшикова, что евреи виноваты въ бѣдствіяхъ японской войны, говорятъ только о дурномъ вліяніи антисемитическихъ демагоговъ на весьма рѣдкія, исключительно слабыя головы, къ тому же—отходящаго поколѣнія. Товарищескія отношенія мальчиковъ-евреевъ съ русскими мальчиками въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ иногда портятся, и даже довольно обостренно, антисемитическими предубѣжденіями, перенятыми отъ взрослыхъ. Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ это большая рѣдкость. И, гдѣ есть подобная вражда, можно быть твердо увѣреннымъ: ее породила и развиваетъ искусственная дрессировка, приказанная свыше. Тамъ же, гдѣ дѣти предоставлены сами себѣ, — напротивъ: я, напримѣръ, лично слыхалъ много разъ, какъ русскія дѣвочки выражали негодованіе, что вотъ такая-то учится въ классѣ лучше всѣхъ, но ей не даютъ перваго мѣста, потому что еврейка. Въ высшемъ образованіи, еврейки-курсистки заняли передовыя позиціи съ такою твердостью и такъ по достоинству, что опять-таки всякое русское общественное дѣло находило въ нихъ самый живой и дѣятельный нервъ свой. Въ русскую женскую силу подругиеврейки внесли свою быструю отзывчивость, впечатлительность, свой общительный пламенный и упорный темпераментъ. При томъ, русская образованная еврейка—обыкновенно, пылкая энтузіастка именно русскаго соціальнаго прогресса. Типы современной еврейской молодежи, изображаемые талантливымъ Юшкевичемъ, чрезвычайно многозначительны въ этомъ отношеніи. Даже соблазнительный націоналистическій идеалъ сіонизма, повидимому, часто встрѣчаетъ камень преткновенія въ этомъ своеобразномъ патріотизмѣ. А революціонная русская исторія считаетъ въ своемъ недолгомъ прошломъ столько еврейскихъ жертвъ за русское дѣло, что могильными

курганами ихъ можно бы уставить дорогу отъ Парижа до Петербурга. Классическій тезисъ петербургскаго охранительства, что «революцію дѣлаютъ жиды» звучитъ слишкомъ розовымъ самоутѣшеніемъ, но, конечно, безъ еврейской энергіи, русская освободительная борьба шла бы впередъ гораздо болѣе медленнымъ шагомъ. Сочетаніе двухъ народныхъ темпераментовъ сдѣлало ее гибкою, живучею, безсонною. Еврейскій элементъ—дрожжи, которыя поднимаютъ богатую опару талантливой русской обломовщины.

VIII.

Много враговъ имѣла русская женщина за сорокалѣтіе, отдѣляющее насъ отъ эпохи реформъ, друзей же и союзниковъ—мало. И тѣ, съ которыми осталась она въ семидесятыхъ годахъ и шла дальнѣйшими десятилѣтіями, были, если сильны талантами и крѣпки убѣжденіемъ, то слабы государственнымъ авторитетомъ. Все свое современное просвѣтительное значеніе русская женщина создала и завоевала сама — безъ штурмовъ, но долгими и упорными блокадами, отразивъ тысячи жестокихъ вылазокъ. Въ свое время мы видѣли, какъ переродились русскіе жоржъ-зандисты, когда идеи женской эмансипаціи стали переходить изъ мечтаній въ дѣйствительность. Ученики Чернышевскаго, Михайлова, Писарева, Шелгунова оказались много тверже своихъ предшественниковъ, и теоретическая защита женскаго вопроса не умолкала, послѣ шестидесятыхъ годовъ, ни на единый день. Но, во-первыхъ, образъ жизни трибуновъ переходной эпохи былъ кочевой до такой непроизвольной степени, что, выйдя изъ дома въ редакцію, публицистъ вмѣсто того вдругъ оказывался въ Олонецкѣ или въ Пинегѣ. Во-вторыхъ, вожди—не войско. Восьмидеся-

тые годы во многомъ напоминаютъ Павловъ терроръ съ тою разницею, что, вмѣсто безумной запальчивости, правительственный обухъ воскресшаго гатчинскаго режима опускался на оцѣпенѣлую Россію холодно, разсчетливо, а потому и съ болѣе тяжкими результатами. Этому времени, помимо прямыхъ его репрессій, удалась та реакція, которая опаснѣе ссылокъ, тюремъ и висѣлицъ: оно успѣло развратить общество. Режимъ эпохи неутомимо твердилъ о семьѣ, націи, долгѣ, подвигѣ и пѣлъ сладкогласные гимны à la russe во славу добродѣтели. Однако, на самомъ дѣлѣ, во всѣхъ культурныхъ отрасляхъ жизни онъ строго проводилъ программу весьма недобродѣтельнаго Наполеона III: убивай политическую мысль и оставь людямъ ихъ удовольствія. Это пора систематическаго оглупленія университетовъ, печати, театра, — всего, что можетъ содѣйствовать политическому общенію подданныхъ. И, наоборотъ, пора открытаго покровительства всѣмъ эгоистическимъ наклонностямъ и страстишкамъ, — съ поразительною быстротою переработавшимъ огромную часть нашей интеллигенціи въ обывательщину чеховскихъ разсказовъ. Однимъ изъ наиболѣе мрачныхъ и хроническихъ симптомовъ этого разврата эпохи была открытая война противъ женскаго образованія и труда. Правительство вело ее при полномъ сочувствіи значительной доли буржуазныхъ группъ, въ которыя частію выродились и отъ которыхъ слишкомъ много зависятъ даже и свободныя русскія профессіи.

Удивительную скачку съ головоломными препятствіями представляетъ собою исторія русскаго женскаго просвѣщенія въ два послѣднія царствованія! Съ 6-го августа 1882 года по 8 мая 1886 года тянется смертельная агонія женскихъ высшихъ курсовъ. Сыпятся циркуляры, обрывающіе или стѣсняющіе доступъ въ среднія учебныя заведенія для дѣвочекъ низшихъ сословій и для дочерей недостаточныхъ родителей. Много и справедливо писано

въ защиту «кухаркина сына», съ тѣхъ поръ, какъ ему, къ восторгу кн. Мещерскаго, объявилъ войну покойный графъ Делян овъ. Педагогическія мытарства и страданія «кухаркиной дочери» проходили и проходятъ подъ шумокъ. Обществу все какъ-то не до нихъ! И это «не до нихъ» опаснѣе и горше правительственной репрессіи. Когда какая-нибудь высоко-поставленная патронесса лепечетъ депутаціи дѣвушекъ, ищущихъ высшаго образованія, полурусскимъ своимъ языкомъ о необходимости быть женою и матерью и прясть шерсть у домашняго очага, это не удивительно: другого и ждать нельзя. Но, когда подобныя же разсужденія всплывали на страницахъ спеціальныхъ журналовъ, обороняя отъ женской конкурренціи мужчинъ-врачей или адвокатовъ, то становилось жутко и «за человѣка страшно». А вѣдь такіе Геростратовы эффекты въ девяностыхъ годахъ повторялись сплошь и рядомъ.

Конецъ девяностыхъ годовъ ознаменованъ въ Европѣ ростомъ такъ называемаго феминистическаго движенія. У насъ въ Россіи теоретическими именами оно представлено очень слабо. Но, если вглядываться въ культурную работу послѣднихъ десятилѣтій, то онѣ оказываются полны практическаго, инстинктивнаго феминизма, трудившагося, не называя себя, можетъ быть, иногда и безсознательно, но не покладая рукъ и поднявшаго русскую женщину на уровень гражданскаго развитія, которое, въ настоящее время, дѣлаетъ очереднымъ вопросомъ приближающейся русской свободы—вопросъ о женскомъ политическомъ равноправіи въ будущемъ государствѣ.

Съ поразительною быстротою идутъ времена. Когда мы перевалили изъ XIX столѣтія въ XX-ое, русское общество очень увлеклось было симпатичною соціальною игрушкою, извѣстною подъ громкимъ именемъ «борьбы съ проституціей». Борьба эта, поставленная на почву

филантропическихъ, полицейскихъ и просвѣтительныхъ средствъ, при всѣхъ своихъ частичныхъ успѣхахъ, всегда казалась мнѣ доброжелательною, но довольно безплодною суетнею совѣстливаго благодушія. Возливая цѣлительный елей на явленія, аболиціонизмъ забываетъ о причинахъ, елеями не исцѣляемыхъ. Причины же кроются въ томъ, что проституція—единственный способъ труда, который выгоденъ женщинѣ русскаго городского пролетаріата, ибо цифра честнаго заработка рабочей труженицы кончается у насъ тамъ, гдѣ начинается цифра заработка проститутки. Наилучшая работница-портниха (это высшій заработокъ женскаго ремесленнаго труда въ Петербургѣ) получаетъ 30 рублей въ мѣсяцъ, самая плохая неудачница—проститутка 40 рублей. Въ этой книгѣ въ большей части своей посвященной вопросу о проституціи, я стою на такой точкѣ зрѣнія. «Наша проституція происхожденія экономическаго. На иныя причины къ проституціи, не экономическія, русская статистика отдѣляетъ всего лишь отъ 5 до 10% проститутокъ. Корень проституціи — женское неравенство съ мужчиною въ трудовыхъ правахъ и заработной платѣ. Женщина поставлена въ невозможность существовать иначе, какъ на счетъ мужчины, пріобрѣтающаго ее семейно или внѣсемейно. Самостоятельная жизнь для женщины окупается такимъ жестокимъ, тяжелымъ, почти аскетическимъ подвигомъ, что нести его бодро и успѣшно дано только натурамъ выдающимся, необычайнымъ, святымъ: это—героини и мученицы идеи труда. Для женщины средняго уровня способностей и энергіи, самостоятельная трудовая жизнь — крайне неблагодарно вознаграждаемая житейская каторга. Для женщины слабой утомленіе этою неблагодарною каторгою фатально разрѣшается въ дезертирство изъ подъ трудовогоз намени самопродажею обратно подъ мужскую опеку и на мужскіе кормы. Таковы печальные браки съ пер-

вымъ встрѣчнымъ, лишь бы хлѣбомъ кормилъ, т. е. проституція въ семьѣ,—и проституція внѣбрачной женской самопродажи. Поэтому единственною возможностью къ дѣйствительному уничтоженію проституціи,—по крайней мѣрѣ, проституціи экономической, то-есть той, съ которою борется нашъ вѣкъ,—я признавалъ и признаю только совершенное уравненіе обоихъ половъ въ правахъ гражданскихъ, трудовыхъ и образовательныхъ: полное политическое и соціальное равенство женщины и мужчины». За тезисъ этотъ я выслушалъ много укоровъ отъ русскихъ аболиціонистовъ, попрекавшихъ меня «любовью къ дальнему въ ущербъ ближнему», «смотрѣніемъ въ корень» и даже квіэтизмомъ. Вы, молъ, ищете реформы, обусловленной соціальнымъ переворотомъ такой отдаленности, что для нашего вѣка она равна невозможности, и, слѣдовательно, косвенно рекомендуете намъ сложить руки. Но вотъ, господа, прошло всего два года, и—отдаленное стало близкимъ, а невозможное очень возможнымъ. Изъ городовъ русскихъ поднимаются сотни женскихъ голосовъ, требующихъ участія въ близкой перестройкѣ государственнаго зданія, заявляющихъ свое избирательное право, ищущихъ именно того всесторонняго равенства, что такъ недавно казалось мужскому большинству идеалистическою мечтою, отсроченною къ исполненію еще, быть можетъ, не на одинъ вѣкъ. Сегодня этихъ голосовъ сотни, завтра будутъ тысячи, послѣзавтра — десятки, сотни тысячъ... милліоны! Ничто не растетъ быстрѣе, чѣмъ сознаніе своего законнаго права,—а ужъ какъ это право русскою женщиною выслужено! Вѣдь, если исключить два факультета женскаго труда: медицинскій и изящныхъ искусствъ,—въ этихъ профессіяхъ женщина, все-таки, добилась нѣкоторой матеріальной обезпеченности!—то нѣтъ ни одной отрасли, гдѣ женская самостоятельность не работала бы несравнимо больше на общество, чѣмъ на самое труженицу. Женщины выучили читать русскій народъ, имъ всецѣло

принадлежитъ русская наука о народномъ чтеніи и три четверти того тяжкаго школьнаго подвига, которымъ просвѣщался вышедшій нынѣ на политическую сцену русскій пролетаріатъ. Ужасы этого школьнаго подвига неописуемы: это—голодъ, холодъ, рабство и полицейскій сыскъ. Нѣтъ учительницы въ Россіи, которая не несла бы на себѣ политической роли, сознательно ли, безсознательно ли,—уже тѣмъ самымъ фактомъ, что она учительница, тѣмъ, что она подобрала на свои плечи ту часть образовательнаго труда, которая становится уже слишкомъ невыгодною мужчинѣ буржуазнаго строя, вынуждаемому общимъ вздорожаніемъ жизни искать болѣе производительныхъ формъ труда. Я оставлю въ сторонѣ тѣ отрасли, гдѣ русская женщина умышленно отдается идейному подвижничеству на общественной работѣ: подвиги сестеръ милосердія въ войнахъ, фельдшерицъ въ эпидеміяхъ, «кормильныхъ барышень», въ голодовкахъ, дѣятельницъ культурной пропаганды въ революціи. Я оставлю въ сторонѣ геройство и говорю про обыденщину. Всюду, пока, женскій трудъ — отбросъ мужского, черная, кропотливая и мучительно скучная работа, которой мы, мужчины, не беремъ потому, что есть возможность свалить ее на женскія плечи за гроши, какіе мужчинѣ получать уже не разсчетъ—«даже непристойно». Это—вездѣ: въ банкахъ, въ папиросныхъ мастерскихъ, въ библіотекахъ, въ магазинахъ, на фабрикахъ, на телеграфѣ, на полевой уборкѣ, въ типографіяхъ, въ редакціяхъ, на урокахъ,—всюду, отъ малаго до большого, гдѣ трудъ мужской мѣшается съ трудомъ женскимъ. Послѣдніе годы выдвинули очень странное и очень частое женское рабочее преступленіе. Въ теченіе одного 1902 года газетная хроника огласила пять судебныхъ дѣлъ о женщинахъ, проживавшихъ по мужскимъ паспортамъ и выдававшихъ себя за мужчинъ, съ цѣлью получать мужской заработокъ. Одно изъ такихъ дѣлъ, особенно любопытное, въ Пермской губерніи, раскрылось,

потому, что баба такъ увлеклась своею новою жизнью на положенiи мужика, что затѣяла было жениться! Жениться же ей понадобилось, чтобы спасти подругу-односелку отъ мужскихъ приставанiй на заводской работѣ. Въ состоянiи ли современное общество обойтись безъ женскаго труда? Разумѣется, нѣтъ. Устроить для женщины точныя и болѣе выгодныя трудовыя нормы становится неугомонною, крикливою необходимостью, столь же важною для мужчинъ, какъ и для самихъ женщинъ, и растущею не по днямъ, а по часамъ. Быстрое вздорожанiе культурной жизни во всѣхъ странахъ европейской цивилизацiи неуклонно ведетъ къ банкротству современнаго мужевластительства. Однѣхъ мужскихъ силъ дѣлается уже недостаточно, чтобы вести семью: подспорье женскаго труда, жена и мать добычницы, сейчасъ уже настойчиво желательны, вскорѣ будутъ совершенно необходимы. А разъ установляется общественная необходимость труда женщины, не ясно ли, что трудъ теряетъ полъ, и долженъ быть нормированъ одинаковыми экономическими условiями, обоснованными на одинаковыхъ политическихъ правахъ. Восемнадцатый вѣкъ кончился революцiей, создавшей побѣду третьяго сословiя; двадцатый начинается революцiей четвертаго противъ старыхъ трехъ. Неужели эта революцiя повторитъ ошибку своей предшественницы и, оставивъ женщинъ полуправными и безправными, превратитъ ихъ въ новое пятое сословiе, и съ историческою перспективою еще разъ перестраивать мiръ враждою и кровью!?

Я вижу по газетамъ, читаю въ письмахъ, слышу въ разговорахъ, что женскiя претензiи на гражданское, то-есть, покуда избирательное равенство,—встрѣчены недоумѣнiемъ во многихъ дѣйствующихъ кругахъ современнаго русскаго переворота, даже и вполнѣ свободомыслящихъ. Говорятъ, что въ Россiи кипитъ и безъ того такая каша, что не знаешь, какъ ее расхлебать, а тутъ

вдругъ новые ингредіенты, да и при томъ—какихъ нѣтъ нигдѣ въ Европѣ. Говорятъ: мы еще до такой степени не раздѣлили шкуры неубитаго медвѣдя, что не рѣшили, сколько устроить намъ палатъ, да и устроять ли ихъ вообще. Споримъ о всеобщей подачѣ голосовъ, достойны ли ея всѣ россіяне мужескаго пола, не лишенные образа и подобія человѣческаго, или одни грамотники. Споримъ о формахъ конституцій, о монархіи и республикѣ, о цѣльномъ государственномъ тѣлѣ и о федеративномъ расчлененіи, о мирной идилліи соглашеній и о вооруженномъ возстаніи. Радуга русской свободы играетъ десятками спутанныхъ тоновъ, они мучительно трудно размѣщаются по спектру,—а тутъ еще женщины!.. Подождите съ женскимъ вопросомъ! Это—роскошь: желѣзная дорога черезъ болото, по которому до сихъ поръ не было даже битой тропы! Это—надстройка будущихъ поколѣній, а наше дѣло—выстроить фундаментъ.

Что каша въ Россіи заварена крутая, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но русскій народъ повторяетъ пословицу, что кашу масломъ не испортишь. А я нарочно остановился подробнѣе на женщинахъ русской революціи, чтобы напомнить, какъ систематически женское вліяніе, женскій политическій тактъ и женская энергія являлись въ нашихъ революціонныхъ кашахъ масломъ, безъ котораго весьма часто каша такъ и прикипѣла бы къ горшку. За женщину—избирательницу, за женщину—равноправную гражданку,—право экономической необходимости и историческихъ заслугъ. Политическія реформы созрѣваютъ во времени, и пространственные примѣры къ нимъ не всегда подходятъ. Вотъ почему не слѣдуетъ смущаться упреками: нигдѣ въ Европѣ! Не въ томъ дѣло, что было въ Европѣ—это прошлое; и не въ томъ, что есть, доживая,—это тоже прошлое. Дѣло въ томъ, что будетъ и на очереди быть.

Да, каша русской революціи крута, и напрасно упо-

ваютъ оптимисты, что ея кипѣніе остановитъ тотъ или другой конституціонный компромиссъ. Мы только въ началѣ кипѣнія, мы—въ верхней пѣнѣ его, а уже дрожитъ, бурлитъ и гудитъ дно. Близится перестройка не только правительственныхъ формъ и гражданскихъ условій, близится перестройка сословій и народностей. Ея не вмѣстятъ въ себя даже самыя благожелательныя формы той медленной постепеновщины, той проповѣди политическихъ видоизмѣненій въ темпѣ *andante amoroso*, которую можно назвать бюрократіей революціи. И, конечно, если ужъ строить дорогу черезъ болото, то—не шоссе, которое лѣтъ черезъ десятокъ надо будетъ сломать, чтобы замѣнить желѣзнымъ путемъ, а прямо желѣзный путь.

И еще—послѣдняя метафора. Россія строитъ свое новое государственное зданіе не на дѣвственной почвѣ. Для того, чтобы очистилась площадь для постройки, ей приходится разобрать по кирпичу колоссальный вѣковой дворецъ стараго режима. Въ этомъ процессѣ разрушенія, длящемся пятьдесятъ лѣтъ, русскія женщины работаютъ непрерывно и на первыхъ мѣстахъ. Сколько ихъ убито падавшими камнями, сколько искалѣчено, сколько умерло на работѣ! Старыя стѣны таютъ, на очереди—возводить новыя. Неужели этотъ новый трудъ въ новыхъ условіяхъ побѣдоноснаго новаго вѣка уволитъ изъ своей арміи этихъ неутомимыхъ работницъ, страстныхъ вдохновительницъ, часто руководительницъ стараго труда? Вѣдь безъ нихъ еще долго не быть бы и новому! Русскія женщины такъ много и хорошо умѣли разрушать, что—уже разрушеніемъ—выучились и хорошо строить!

1905

Заря русской женщины.

Вступительное чтеніе въ Русской Школѣ соціальныхъ наукъ въ Парижѣ.

Дорогіе Товарищи!

Буря, гремящая надъ нашимъ отечествомъ, поставила на очередь политическаго выполненія одну изъ величайшихъ соціальныхъ реформъ,—если не самую великую,—какими свидѣтельствуется государственная возможность и готовность «отречься отъ стараго міра», оторваться отъ одряхлѣвшихъ устоевъ буржуазно-полицейскаго уклада для перемѣщенія на новые устои строя соціалистическаго. Русская революція четвертаго сословія рѣшительно выдвинула впередъ вопросъ о, такъ сказать, пятомъ сословіи, присущемъ неизмѣнно всѣмъ странамъ и государствамъ, каждому граду и каждой веси,—вопросъ о женщинѣ, женскій вопросъ. Отвѣтъ на него русской революціи,—а кто же изъ насъ сомнѣвается, что устами ея гласитъ предвидѣніе ближайшаго русскаго будущаго?—отличается яркою и дружною опредѣленностію. Въ защиту и признаніе равноправія женщины — равноправія политическаго, юридическаго, рабочаго, образовательнаго, семейнаго—высказались всѣ группы, всѣ программы русскаго освободительнаго подъема. Не говоря уже о партіяхъ соціалистической революціи, въ которой равноправіе женщинъ подразумѣвается само собою, потому что безъ такого равноправія она была бы лицемѣрна, безсмысленна и неосуществима,—не говоря уже о соціалистическихъ партіяхъ, мы видимъ, что необходимости равноправія женщины, хотя бы лишь избирательнаго, подчи-

нился даже буржуазный конституціонализмъ, выражаемый въ Россіи извѣстною кадетскою партіей. Правда, подчинился съ грѣхомъ пополамъ, съ кислымъ лицомъ и скрѣпя сердце. Но дѣло не въ удовольствіи или неудовольствіи гг. кадетовъ, а въ томъ, что логика вѣка заставила придти къ сознанію правоты и неизбѣжности женскаго равенства даже такую, сравнительно правую, доктринерски-буржуазную группу русскаго общества. Двадцатый вѣкъ—вѣкъ женскаго возрожденія: я думаю—не только въ Россіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Онъ началъ жизнь сознаніемъ, что безъ женскаго равноправія немыслимы болѣе ни свобода, ни благосостояніе государствъ, ни самозащита гражданства отъ пестрыхъ средствъ и поползновеній политической и капиталистической тираннія,—немыслимъ тотъ соціалистическій перестрой міра, совершить который—его, XX вѣка, историческая задача. Побѣда соціализма заключаетъ въ себѣ побѣду женскаго равноправія, какъ часть, неотдѣлимую отъ цѣлаго. Я убѣжденъ, что не только дѣтямъ нашимъ, но и намъ еще удастся застать хоть начальные моменты этой великой, святой побѣды, которая искупитъ многовѣковое порабощеніе пола поломъ и сотретъ съ лица земли, по удачному выраженію Куртиса,—«послѣднюю изъ кастъ».

Въ канунъ такой женской побѣды, не лишнее оглянуться на прошлое великой половой войны, которую она заключаетъ. Выяснить источники и средства, которыми женская побѣда исторически подготовилась и создается, а, слѣдовательно, и тѣ начала, которыми предстоитъ ей укрѣпиться въ обществѣ будущаго. Съ этою задачею и предпринимаю я свой небольшой курсъ, предлагаемый слушателямъ Парижской Русской Школы соціальныхъ наукъ.

Обыкновенно, начиная исторію того или другого русскаго института, или бытового или правового, сословія ли, рода ли, изслѣдователь, съ невольною жалобностью,

предупреждаетъ слушателей или читателей о бѣдности данныхъ для изображенія утренней зари поднятыхъ вопросовъ и для научнаго о ней сужденія. Не избѣгаетъ подобной участи и исторія русской женщины. Прямыхъ литературныхъ источниковъ объ ея первобытномъ положеніи такъ мало, они такъ сбивчивы и неопредѣленны, такъ недостойны историческаго довѣрія, что съ ними почти вовсе нельзя считаться, какъ съ фактическимъ матеріаломъ. Даже въ самыхъ лучшихъ случаяхъ, эти источники,—Несторъ, Русская Правда, церковная литература первыхъ трехъ вѣковъ русскаго христіанства, договоры и завѣщанія удѣльныхъ князей, пожалуй, даже упомянемъ сомнительное «Слово о полку Игоревѣ»,—представляютъ собою не болѣе, какъ колодцы болѣе или менѣе подходящихъ подтвержденій для политической, бытовой и правовой экзэгэзы. Они вѣроятны лишь постольку, поскольку оправдываются совпаденіями и аналогіями въ жизни, лѣтописяхъ и юридическихъ памятникахъ другихъ славянскихъ народовъ. Поэтому, введеніемъ и первою главою въ исторіи русской женщины долженъ быть разсказъ и анализъ ея положенія въ славянствѣ вообще, а не въ той лишь узкой Руси, которая нашла свою дикую, хаотическую государственность въ смѣшеніи славянъ съ скандинавами, пруссами или какими-то таинственными южными кочевниками: каждый можетъ выбрать здѣсь ту теорію происхожденія Руси, которая ему больше по душѣ,—нашей темѣ оно сейчасъ совершенно безразлично. Единственный важный для насъ моментъ этой первобытно-государственной Руси—принятіе ею христіанства и, при томъ, христіанства восточнаго, византійскаго. Оно наложило свою тяжелую руку на бытъ славянской женщины съ первыхъ же своихъ шаговъ. Уже «Русская Правда» дышетъ византійскими вѣяніями, а, двѣсти лѣтъ спустя, византійство торжествуетъ по всему фронту русскаго женскаго вопроса, и Даніилъ Заточникъ ищетъ милости у

благочестиваго «князя и господина» ругательствами, проклятіями и сатирическими прибаутками по адресу женщинъ — въ духѣ истинно-византійскаго полемическаго краснорѣчія, воспитаннаго на папертяхъ бродячимъ монашествомъ эпохи Соборовъ. Но объ этой эволюціи мы будемъ говорить особо и послѣ.

Интересъ изученія древности славянства значительно поднимается надъ уровнемъ большинства однородныхъ изученій тѣмъ условіемъ, что, кажется, ни въ одной расѣ, какъ въ этой—младшей среди арійскаго племени по выступленію на историческую арену Европы—государственность, хотя бы и самая первобытная, не сѣла болѣе внезапно и на болѣе неподготовленную для нея почву. Опять таки, дѣло для насъ не въ томъ, были ли призваны какіе-то варяги, и, если да, то кѣмъ, когда, зачѣмъ, откуда. Дѣло въ томъ, что мы застаемъ историческую Русь, уже съ XIV вѣка, въ борьбѣ родового уклада съ государственнымъ началомъ и церковнымъ правиломъ. И, хотя послѣднимъ суждено къ XIV вѣку побѣдить, а первому пойти на послѣдовательное умертвіе, тѣмъ не менѣе уже его невѣроятно долгая жизнеспособность доказываетъ, что государственность застигла предъ-историческіе родовые славянскіе обычаи не заживо согнившими трупами какими-то, а, напротивъ, силами еще здоровыми, свѣжими и даже, можетъ быть, молодыми.

Знаменитый Мэнъ установилъ,—вѣрнѣе сказать, усовершенствовалъ послѣ Моргана,—характеристику рода бракомъ—эндогаміей и эксогаміей, т. е. бракомъ, заключаемымъ обязательно въ нѣдрахъ рода или, наоборотъ, бракомъ, заключаемымъ обязательно въ чужомъ родѣ. Второй способъ брака, эксогамія, представляетъ, съ точки зрѣнія общественной эволюціи, уже довольно крупную прогрессивную ступень. Былинную и лѣтописную Русь мы застаемъ именно на ступени эксогамическаго брака, получившаго свое развитіе, повидимому, задолго до хри-

стіанства, которое приняло его подъ свое покровительство и реформировало по своимъ уставамъ. Между обществами эндогамическими и эксогамическими шла лютая вражда. Типическій представитель старинной эндогаміи, стихійный богатырь Соловей Разбойникъ, хвастаетъ новому богатырю, Ильѣ Муромцу:

„Я дочь вырощу, за сына замужъ отдамъ,
Я сына вырощу, на дочери женю,
Чтобъ Соловейкинъ родъ не переводился“...

Разсердился Илья Муромецъ на грѣшную похвальбу Соловья и убилъ его до смерти. У Нестора мы почти уже не застаемъ славянъ въ періодѣ чисто-эндогамическомъ. Напротивъ, даже въ самыхъ дикихъ племенахъ онъ отмѣчаетъ обычай заключать браки чрезъ умыканіе, т. е. похищеніе невѣстъ: порядокъ эксогамическій. Но, на-ряду съ этимъ, онъ жалуется, что внутри новой славянской семьи живутъ еще пережитки древняго кровосмѣсительнаго строя, во вкусѣ Соловья Разбойника. Тысячу лѣтъ тому назадъ, въ славянствѣ уже свирѣпствовалъ столь частый порокъ русской крестьянской семьи—пресловутое «снохачество». Суровыя средневѣковыя легенды и романы о кровосмѣсителѣ—церковнаго происхожденія, результаты борьбы съ эндогамическими отношеніями, которыя въ глухихъ углахъ Вятской или Пермской губерніи сохранились даже до XIX вѣка. Достаточно вспомнить «Подлиповцевъ» Ѳ. М. Рѣшетникова.

Ни чей фольклоръ, какъ славянскій, не сохранилъ болѣе свѣжимъ преданіемъ той доисторической эпохи, когда разница половъ опредѣлялась только суммою физическихъ внѣшнихъ признаковъ. Борьба за существованіе, среди суровой первобытной природы, либо сближала мужчину и женщину въ любовное товарищество двухъ равносильныхъ добычниковъ, либо, наоборотъ, сопернически ожесточала къ лютымъ боямъ. Если мы вчитаемся въ греческія легенды о происхожденіи скиѳскихъ народовъ или въ бы-

линный эпосъ любого славянскаго племени, мы всюду застаемъ женщину въ борьбѣ съ мужчиною за превосходство,—вровень съ нимъ и весьма часто съ преобладаніемъ надъ нимъ. Одинъ изъ изслѣдователей русской старины совершенно справедливо отмѣчаетъ, что первобытный славянскій бракъ черезъ умыканье заключался не только черезъ похищеніе женщинъ мужчинами, но и женщинами мужчинъ. По Геродоту, скиѳы произошли отъ вынужденнаго сожительства Геркулеса съ Ехидною, женщиною-змѣею, похитившею у него коней и назначившею такой любовный выкупъ. На курганахъ южнорусскихъ и сибирскихъ степей высятся сѣрыми громадами человѣкообразныя глыбы каменныхъ бабъ. Это монументы свидѣтельницъ и, какъ думаетъ Флоринскій, вдохновительницъ первобытнаго искусства въ ту доисторическую эпоху, когда по степямъ этимъ «шатались», подобно «сѣннымъ копнамъ», богатыри, «паленицы удалыя». Наѣздничая удалѣе всякаго мужчины, онѣ, по былинной гиперболѣ,—хватали богатырей «за желты кудри, опускали во глубокъ карманъ», чтобы разсмыслить на досугѣ— «то-ли молодца смертью убить, то-ли за молодца замужъ пойти». Чѣмъ чище кровью славянскій народъ, тѣмъ богаче его легенда о старинномъ женскомъ богатырствѣ, о временахъ женскихъ царствъ, городовъ, княженій. Это—Ванда у поляковъ, Любуша и Власта—у чеховъ, полуисторическая Ольга—у русскихъ славянъ, совсѣмъ уже историческія Елена и Рикса—у поляковъ. По всѣмъ славянскимъ землямъ разсѣяны урочища съ названіями, въ родѣ Дѣвій городъ, Дѣвинъ, Бабье городище и т. д. Какъ показали археологическія изслѣдованія, они гораздо древнѣе печальной возможности получить подобныя названія отъ невольничьихъ торговъ или стоянокъ татарскаго полона. Волшебныя сказки русскаго народа полны памятью женскихъ богатырскихъ городовъ, замковъ, крѣпостей, которыми владѣетъ какая-нибудь

Царь-Дѣвица, Елена Прекрасная, Сонька Боготворка, и въ которые, пока она бодрствуетъ, не дерзаетъ проникнуть самый мужественный витязь, потому что—убьетъ богатырша, оберегая свою дѣвственную свободу. Всѣ эти амазонки, покуда дѣвушки, сильнѣе и грознѣе мужчинъ. Сила и воинственность теряются ими только въ замужествѣ. Все это, если снять съ основы легендъ волшебную призрачность сказочныхъ размѣровъ, если роскошные города обратить въ лѣсныя деревни, а дворцы въ шалаши, свидѣтельствуетъ, что славянскій эпосъ не успѣлъ забыть той общественной раздѣльности половъ, которую, въ пережиткахъ, путешественники наблюдаютъ еще въ нѣкоторыхъ поселкахъ Австраліи или центральной Африки.

Покореніе властной женщины-богатырки грубою силою или, чаще, хитростью мужчины открываетъ эру ея семейнаго порабощенія. Первое орудіе послѣдняго—отнятіе у женщины права носить оружіе, воспрещеніе физическихъ упражненій, развивающихъ воинственную готовность и ловкость. Въ одной изъ русскихъ былинъ, богатырь-Дунай убиваетъ жену за то, что она лучше его стрѣляетъ изъ лука. Въ польской легендѣ—мужчины, избирая новаго князя по условію—кто первый переплыветъ озеро Гопло, отстранили отъ состязанія женщинъ, опасаясь ихъ соперничества. Мечъ и плетка—орудія воинственнаго кочевья—монополизируются мужскимъ поломъ; на долю женщинъ выдвигается Schlusselgewalt, право ключей, право домашняго управительства въ осѣдломъ мирномъ быту. У народовъ германскихъ,—нѣсколько старшихъ культурою сосѣдей славянъ по европейскому разселенію,—эта борьба съ женскою воинственностью успѣла вызрѣть не только въ обычаѣ, но и въ нормахъ права. Такъ лонгобардскій законъ оцѣниваетъ преступленія противъ женщинъ пенею вдвое выше, чѣмъ преступленія противъ мужчинъ, но лишь въ томъ случаѣ, если женщина не

могла защищаться и, вообще, вела себя, какъ существо слабаго и робкаго пола. Наоборотъ, убійство женщины, хотя бы случайно попавшей въ драку между мужчинами, оцѣнивалось, какъ обыкновенное убійство. Законъ баварскій предоставлялъ женщинѣ право судебнаго поединка, но, если она выставляла бойца-замѣстителя, то, въ случаѣ побѣды, получала двойную композицію, а, если дралась сама за себя, то лишь ординарную. Впослѣдствіи ухищренія разобщить женщину съ оружіемъ и обратить изъ воительницы въ ключницу выразились, какъ пережитокъ, въ средневѣковыхъ запретахъ женщинамъ одѣваться въ мужское платье, за чтò полагались тяжелыя пени, а иногда даже смертная казнь. У датчанъ это было поводомъ къ разводу.

Славянская борьба съ первобытною женскою свободою и самостоятельностью не успѣла догнать германскаго запретительнаго обычая, почему не отразила его и въ правѣ. Славянство было почти совершенно чуждо того элемента «половой опеки», который легъ въ корень женскаго права германскихъ народовъ и породилъ въ нихъ пресловутое «рыцарство» съ тѣмъ фальшивымъ идеаломъ «женственности», что и по-сейчасъ оплакивается всѣми романтиками-реакціонерами. И какъ жутко приходится расплачиваться за уклоненіе отъ него передовымъ женщинамъ, ищущимъ живого общаго дѣла и свободы! Средневѣковый статутъ города Офена опредѣляетъ женщину, какъ «тварь робкую и слабую, которая, поэтому, должна быть охраняема и защищаема». Извѣстно опредѣленіе половой опеки Вальтеромъ, какъ «власти надъ женщинами въ отношеніи ко всему, что касается собственнаго блага самой женщины, а также чести и интересовъ цѣлаго семейства». Опредѣленіе весьма полное, и было бы безспорно, если бы прибавить: «при воспрещеніи женщинѣ опредѣлять самой, въ чемъ почитаетъ она это собственное благо». Такого вы-

бора женщина не имѣла за всѣ тысячу слишкомъ лѣтъ исторической жизни германскаго племени, и только грядущій соціалистическій строй способенъ возвратить ей первобытное, съ доисторической почти потерянное, право.

Славянство встрѣтилось съ христіанскою проповѣдью и законодательствами—изъ Рима и Византіи—въ такомъ бытовомъ періодѣ, когда не могло быть и рѣчи о «половой опекѣ». Полу, который назвался, а впослѣдствіи и дѣйствительно сталъ «сильнымъ», не было не только никакой надобности, но даже и положительно вреднымъ оказалось видѣть въ женщинѣ, хотя бы уже и подчиненной брачно, «полъ слабый». Отмѣтимъ, что даже при Иванѣ Грозномъ населеніе Руси равнялось полутора милліонамъ жителей, и густота разселенія была менѣе, чѣмъ нынѣ въ Архангельской губерніи. Половая опека германцевъ выработана каменнымъ замкомъ въ горномъ ущельѣ и городомъ, который выростаетъ подъ охраною замка. Славянство же встрѣтилось съ христіанствомъ отнюдь не въ городской формѣ разселенія: это—еще жизнь лѣсного или степного хутора, избяное скваттерство на родовыхъ началахъ. Въ опасностяхъ и приключеніяхъ этого рода, первобытный славянинъ искалъ въ женѣ существо—умиротворенное для домашней жизни, но совсѣмъ не «слабое, робкое, долженствующее быть защищаемымъ». Знаменитый славянофилъ Константинъ Аксаковъ когда-то обратилъ вниманіе на слово «супротивница», которымъ ласкательно и уважительно характеризуютъ былинные богатыри своихъ невѣстъ и женъ. Супротивница здѣсь значитъ не то, какъ теперь понимаютъ: «которая мнѣ перечитъ, противъ моей воли идетъ», но—«ровня мнѣ, способная выстоять противъ меня въ моемъ подвигѣ, въ моей работѣ». Это были вѣка, когда расчищались лѣсныя чащи и выкорчевывались первые участки подъ будущее общинное земледѣліе, когда шелъ рукопашный бой со звѣремъ и съ человѣ-

комъ чужого рода-племени за право мирнаго сосѣдскаго существованія. Естественно, что въ такой тяжкій рабочій и опасный бытъ женщина нужна, именно, какъ «супротивница» мужчинѣ, а не какъ чувствительная Эльза изъ «Лоэнгрина», за которою половая опека приставляетъ семь нянекъ и семь сторожей—блюсти ея лилейную безпомощность. Жена Ильи Муромца одѣвается въ его доспѣхи, чтобы биться съ Тугариномъ, за отсутствующаго мужа. И «бѣжалъ Тугаринъ въ свои улусы загорскіе, проклинаючи Илью Муромца, а богатырь Илья Муромецъ знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ, кто за него бился съ Тугариномъ». Это физическое равенство женщины съ мужчиною ползетъ черезъ много славянскихъ вѣковъ, всплывая то фигурами былинными, то лѣтописными, то пѣсенными изъ позднѣйшаго новгородскаго эпоса и разбойничьей лирики. Когда ушкуйникъ, а по слѣдамъ его, піонеръ съ топоромъ и сохою двинулись отъ Ильменя и Ладожскаго озера на дальній сѣверъ и волжскій востокъ, туда передвинулся и богатырскій типъ женщины-добычницы, «супротивницы» своему мужу. Для западной Руси онъ сдѣлался уже излишнимъ въ развивающемся городскомъ быту. Тѣмъ не менѣе, не только въ новгородскомъ эпосѣ о Васькѣ Буслаевѣ, но даже и въ лѣтописяхъ новгородскихъ встрѣчаемъ мы женщинъ, предводительствующихъ уличными смутами, которыми былъ такъ учащенно богатъ этотъ странный городъ, съ его безалабернымъ народоправствомъ. Поволжье полно преданіями объ участіи «могутныхъ» воинственныхъ женщинъ въ колонизаціи края: достаточно напомнить, хотя бы, легенду объ Усольѣ подъ Казанью. На Мурманѣ поморки до сихъ поръ сохранили отзвуки самостоятельности, столь свойственной доисторическимъ прабабкамъ ихъ. Море и климатъ не измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ славянка впервые увидала предъ собою волны Ледовитаго океана, слѣдовательно, почти не измѣ-

нилась потребность дружной работы обоихъ половъ въ обезпеченіе тяжкаго существованія, почти не измѣнилась первобытная трудность для мужчины-побѣдителя обратить побѣжденную женщину въ слабосильную игрушку, въ предметъ семейной роскоши, почти не измѣнились отношенія женско-мужского равенства. Поморка, какъ мужчина, работаетъ, какъ мужчина, получаетъ за трудъ, какъ мужчина, пьетъ водку и, какъ мужчина, горланитъ на сходкѣ.

Итакъ мы исторически застанемъ славянскую женщину въ первомъ періодѣ побѣды сильнаго пола надъ слабымъ,—когда побѣда эта еще не порабощеніе, но лишь капитуляція по договору—на условія мужской гегемоніи. Женщина согласилась стать вторымъ номеромъ, но отнюдь не отказалась отъ самостоятельности,—нѣтъ лишенія правъ, нѣтъ ухода въ «половую опеку». Старинныя славянскія «правды» и статуты суть памятники той послѣдовательной борьбы, какъ вяли обычныя начала женской свободы подъ дыханіемъ византійскаго монастыря и римскаго права, прошедшаго къ славянамъ черезъ сосѣдскіе германскіе фильтры. Но было бы ошибочно предполагать, что правовой обычай уступилъ легко и скоро. Нѣтъ, онъ былъ крѣпокъ одинаково и въ добрѣ, и во злѣ для женщины. Вы, конечно, всѣ слыхали о древнемъ брачномъ обычаѣ славянъ, чтобы молодая снимала съ мужа сапоги въ знакъ будущей покорности. Обычай этотъ, почти повсемѣстный въ славянствѣ, знаменитъ, благодаря романическому преданію о Владимірѣ и Рогнѣдѣ, которая не захотѣла «разуть робичича». Но, быть можетъ, нигдѣ онъ не выразителенъ такъ для старо-славянскаго брака, какъ у славонцевъ. У нихъ молодая снимаетъ съ мужа сапогъ въ знакъ покорности, но затѣмъ бьетъ снятымъ сапогомъ мужа по головѣ — знакъ, что не воображай, будто я всегда тебѣ буду прислуживать. Печать такой договорности лежитъ, въ теченіе среднихъ вѣковъ, на славянскомъ

правѣ во всѣхъ его статьяхъ по женскому вопросу. И, опять таки, чѣмъ чище славянство народа, тѣмъ уступчивѣе его средневѣковое право по отношенію къ женщинѣ. На первомъ планѣ остаются поляки, далѣе—чехи. У нихъ, даже въ памятникахъ XIV и XV вѣка, когда попадается законодательное нововведеніе мужевластнаго типа, связывающее женщину «половою опекою», можно почти безошибочно прослѣдить заимствованное происхожденіе такихъ нормъ отъ германскихъ сосѣдей. Таковы, напримѣръ, ограниченія имущественныхъ правъ женщины въ Вислицкомъ статутѣ, обоснованныя на разсужденіи о fragilitas sexus, о хрупкости или въ старо-польскомъ переводѣ «кревкосци» пола Вы слышите, что разсужденія эти, сошедшіяся въ своей терминологіи съ извѣстнымъ восклицаніемъ о женщинахъ Гамлета, даже первоначальное выраженіе-то себѣ нашли лишь въ латинскомъ языкѣ, юридическомъ волапюкѣ Западной Европы.

Отсутствіе половой опеки, прежде всего, подразумѣваетъ наличность половой свободы, свободы полового выбора. Дѣйствительно, доисторическая славянка, повидимому, пользовалась въ этомъ отношеніи свободою почти неограниченною; и даже пресловутое «умыканіе женъ» являлось результатомъ предварительнаго соглашенія умыкаемой съ умыкателемъ. Насильственное умыканіе наказывалось строго. По чешскому земскому праву умыкнутой насильственно предоставлялось самой отрубить похитителю голову. Мазовецкіе и польскіе статуты, а также всѣ три литовскіе обрекаютъ похитителя на смерть или фактическую, или гражданскую (состояніе «безславія», infamia), если похищенная не спасетъ виновнаго согласіемъ выйти за него замужъ. На Руси—подобныя дѣла быстро подпали подъ руку церкви. Они подлежали епископскому суду и именовались «уволочскія»: аще кто уволочетъ дѣвку. Уволоченной дѣвкѣ Ярославовъ уставъ указываетъ платить «за соромъ, а епископу—за судъ».

Русь никогда не любила смертной казни и, съ самыхъ раннихъ дней своихъ. предпочитала искать ей штрафныхъ, денежныхъ замѣнъ.

Козьма Пражскій, чешскій бытописатель, къ сожалѣнію часто уходившій отъ лѣтописи въ область историческаго романа, даетъ намъ удивительную картину первобытной общности браковъ. «Не было преступленіемъ мужа брать жену другого, а женѣ выходить замужъ за другого. Что нынѣ считается цѣломудріемъ, тогда было великимъ безчестіемъ, если мужъ довольствовался одною женою, а жена—однимъ мужемъ». Въ указаніи этомъ имѣется въ виду не многоженство, которое вошло въ славянскій обиходъ сравнительно поздно и, вѣроятно, подъ восточными вліяніями, но необыкновенная легкость, съ какою возникалъ первобытный бракъ, чтобы такъ же легко разрываться. Козьма Пражскій говоритъ, въ очень поэтическихъ образахъ, даже о мужьяхъ и женахъ на одну ночь, разстававшихся навсегда съ наступленіемъ утра. Браки былинныхъ богатырей кратковременны и непрочны, условны, легко расторжимы, хотя бы и при наличности церковнаго обряда. Каждая отлучка богатыря въ «поле» сопровождается своеобразнымъ договоромъ съ женою, сколько времени должна она мужа ждать, послѣ какого срока властна за другого замужъ пойти. А то, говоритъ Добрыня, «знаю я ваши норовы женскіе: мужъ за дровами въ лѣсъ поѣдетъ, а жена за другого замужъ пойдетъ». Широкое право развода по соглашенію ограничило въ славянствѣ только христіанство, да еще съ превеликимъ трудомъ. Въ 994 году противъ «недозволеннаго расторженія браковъ» гремитъ апостолъ чеховъ, св. Войцѣхъ, но, очевидно, безъ всякаго успѣха, такъ какъ, сорокъ пять лѣтъ спустя, кн. Брячиславъ, надъ гробомъ св. Войцѣха, вынужденъ объявить вѣчное изгнаніе тѣмъ виновнымъ, «если мужъ оставитъ жену или жена мужа». Врядъ ли, однако, законъ такого рода могъ быстро противодѣйство-

вать вкоренившемуся обычаю,—чехи и моравы были сосѣди полякамъ, а у послѣднихъ, въ то же самое время, самъ законодатель, знаменитый Болеславъ, три раза разводился съ женами, не спрашивая разрѣшенія у церкви. У поляковъ обычай свободнаго развода держался настолько долго, что впослѣдствіи съ выборныхъ королей бралось даже обязательство—не разводиться съ женою иначе, какъ въ церковномъ порядкѣ. Послѣдній примѣръ подобнаго обязательства мы имѣемъ отъ столь поздней эпохи, какъ XVI вѣкъ: его долженъ былъ дать панамъ-избирателямъ Генрихъ Французскій, Валуа. Нѣкоторые законодательные памятники средневѣковья германскаго прямо называютъ разводъ венедскимъ, т. е. славянскимъ обычаемъ. На Руси церковь, съ первыхъ же дней своихъ, объявила войну добровольному разводу тѣмъ, «иже свое подружіе оставятъ и поимаютъ инѣхъ, также и жены». Однако, обычай боролся съ закономъ необыкновенно стойко и живуче. Двусторонній разводъ, по соглашенію мужа и жены, даже въ Россіи держался исподволь до XVIII вѣка: лишь въ 1769 году былъ изданъ указъ, рѣшительно уничтожившій такъ называемыя «разводныя письма». У славянъ, сохранившихъ остатки старинныхъ нравовъ, напр. черногорцевъ, гражданскій разводъ существуетъ и въ наши дни. Обрядъ его приблизительно тотъ же, что описывали старинные путешественники для Малороссіи XVII вѣка. Символомъ расторгаемаго брака является ткань,—поясъ или кусокъ полотна—которую супруги тянутъ въ разныя стороны, покуда она не лопнетъ. Послѣ этого и браку конецъ, и жена возвращается въ свой дѣвичій домъ, вмѣстѣ съ приданымъ. Если она была замужемъ болѣе десяти лѣтъ, то мужъ обязанъ платить ей пожизненную пенсію, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ міровою сходкою. Славянскій институтъ полюбовнаго развода былъ настолько народенъ, что—мы увидимъ впослѣдствіи—онъ приспособилъ къ своимъ потребностямъ даже и воин-

ствующую противъ него церковь. Удѣльный періодъ подготовилъ и выработалъ ту оригинальную форму развода черезъ постриженіе въ монашество, злоупотребленіе которою современные путешественники изъ Европы отмѣчали единогласно, какъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей московской Руси.

Итакъ, славянская женщина, порабощаясь, узнавала постепенно опеку мужа, опеку рода, но половой опеки—опеки только за то, что она женщина, а не мужчина, столь свойственной германскому праву, она не узнала. Вамъ, конечно, извѣстно, что родовой бытъ классифицируется двумя преемственными подраздѣленіями, въ зависимости отъ того — господствуетъ ли въ немъ начало материнское или отцовское, ведутъ ли свое родословіе потомки колѣнами, исходящими отъ праматери, или исходящими отъ праотца. Въ первомъ случаѣ, родъ называется когнатическимъ, утробнымъ; во второмъ случаѣ—агнатическимъ. Родовая опека надъ славянскою женщиною—уже агнатическая, но сохранила въ себѣ очень много чертъ когнатизма, говорящихъ о томъ, что древнія преданія матріархата, женовластительства были, въ эпоху правовой формировки, если даже изжиты уже, то не забыты народомъ. Въ особенности сказывается это обстоятельство въ оригинальномъ институтѣ «материнской власти», materna potestas, бытовая наличность котораго выдѣляетъ славянскія права изъ всѣхъ другихъ въ средневѣковьѣ. И съ такою яркостью, что нѣкоторые историки права даже отрицали существованіе въ славянскомъ обычномъ правѣ спеціальной отцовской власти (mundium, patria potestas), столь характерной для древнихъ уложеній Западной Европы, и предполагали, вмѣсто нея, вѣроятность смѣшанной родительской власти. Это—преувеличеніе. При жизни обоихъ родителей, материнская власть была силою скорѣе моральнаго вліянія на дѣтей, чѣмъ правового воздѣйствія. Обычай признавалъ за матерью преимущество

воспитательной роли и требовалъ ея участія, если не рѣшающаго, то вѣско-совѣщательнаго въ вопросѣ о бракѣ потомства. Но со смертью мужа, славянская «матерая вдова» оставалась существомъ не только лично свободнымъ, но и властнымъ надъ семьею своею, хотя бы въ ней были и возрастныя дѣти. Лишь съ XV вѣка начинаются мужскія ограниченія опекунства вдовы-матери. Ранѣе—оно простирается не только на семейственныя и имущественныя отношенія, но даже и на политику и администрацію первобытныхъ славянскихъ племенъ—государствъ. Такими властными матерями-опекуншами были на Руси Ольга, у чеховъ Драгомира, мать Вячеслава, у поляковъ Елена, мать Лешка, и Рикса, мать Казимира. Въ частной жизни—любопытенъ примѣръ матери знаменитаго аскета Ѳеодосія Печерскаго: жестокія истязанія, которыя претерпѣвалъ этотъ восторженный юноша отъ своей родительницы за пристрастіе къ монашеству, свидѣтельствуютъ о полнотѣ правъ материнскаго распорядительства свободою и благополучіемъ потомства. Опека матери и вдовы прекращалась только вторичнымъ выходомъ замужъ, т. е. переходомъ ея въ другой родъ и отчужденіемъ отъ рода своихъ дѣтей, черезъ самоотдачу подъ новую родовую опеку. Любопытно, что въ былинахъ матери богатырей—почти всѣ вдовы и неизмѣнно всѣ держатъ могучихъ сыновей своихъ въ ребяческомъ повиновеніи. Даже пресловутый Васька Буслаевъ, буйный типъ новгородской вольницы, что «не вѣровалъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, только вѣровалъ въ свой червленый вязъ», трепещетъ передъ волею матери, какъ мальчишка, котораго сажаютъ въ карцеръ на хлѣбъ и воду. Тѣмъ же огромнымъ уваженіемъ къ матери-вдовѣ, какъ былины, дышатъ завѣщанія удѣльныхъ князей. Мы видимъ мать—вдову то имущественною опекуншею своихъ дѣтей, то ихъ нераздѣльною совладѣлицею—чаще всего съ младшими дѣтьми, послѣ выдѣла старшихъ, то безапелляціонною

распорядительницею наслѣдственныхъ выдѣловъ, и это, опять-таки, включительно до отношеній государственныхъ. Даже на закатѣ удѣльной Руси и на зарѣ московскаго самовластія, Іоаннъ Калита и Дмитрій Донской оставляютъ вдовамъ своимъ полномочія блюсти удѣлы дѣтей. «Если одинъ изъ сыновей умретъ, то удѣлъ его мать дѣлитъ между остальными сыновьями; если по смерти отца родится сынъ, мать должна подѣлить его, взявши части отъ удѣловъ старшихъ его братьевъ; наконецъ, если у одного изъ сыновей, по какимъ-нибудь причинамъ, убудутъ вотчины, мать придаетъ ему отъ удѣловъ остальныхъ его братьевъ» (Шпилевскій).

Всякая имущественная опека основывается на презумпціи общественной правоспособности лица, которому она ввѣряется, и возможности для этого лица представительствовать предъ судомъ. Конечно, и эти основныя права, обезпечивавшія древнюю женскую свободу, мы застаемъ уже въ значительномъ разрушеніи попытками государства и церкви навязать женщинѣ половую опеку. Тѣмъ не менѣе,—въ рѣзкій контрастъ съ памятниками германскими,—славянскіе, повсемѣстно и дружно, признаютъ за женщиною процессуальную правоспособность, даже и въ замужествѣ. Особенно любопытно выражено это въ «уставѣ чешскаго земскаго права». Онъ даетъ женщинѣ широкія процессуальныя полномочія по дѣламъ уголовнымъ и о кровной мести, а также о недвижимой собственности, наслѣдственномъ имуществѣ, по искамъ за приданое. Въ дѣлахъ, требующихъ разрѣшенія судебнымъ поединкомъ, таковой предоставляется вдовамъ и дѣвицамъ, но замужняя женщина должна была довольствоваться очистительною присягою отвѣтчика «самъ седьмъ», т. е. съ шестью поручителями. Возможности мужу представительствовать за жену предъ судомъ чехи не только не допускали, но даже воспрещали мужу быть въ процессѣ жены свидѣтелемъ за или противъ нея. У другихъ славян-

скихъ народовъ судебное представительство мужа за жену регламентируется не ранѣе XIV и даже XV вѣка. Въ древнемъ русскомъ правѣ о возможности такого представительства упоминаетъ всегда лишь одинъ памятникъ— Новгородская судная грамота, да и то въ условіяхъ, которыя скорѣе говорятъ о привилегіи женщины имѣть въ мужѣ особаго защитника сверхъ ея собственнаго, личнаго представительства.

Нечего и говорить о томъ, что лицо, вооруженное правами распоряжаться имущественными отношеніями третьихъ свободнорожденныхъ лицъ, хотя бы и собственныхъ дѣтей, должно быть само широко одарено имущественными правами и средствами къ ихъ защитѣ. Такъ какъ невозможно отрицать наличности у славянъ отцовской власти, равнымъ образомъ мужней и родовой опеки, то, на первый взглядъ, кажется страннымъ, какъ ухитрялась совмѣщаться женская свобода со всѣми этими опеками. Но, изучая характеръ послѣднихъ, нельзя не придти къ заключенію, что, во множествѣ личныхъ и имущественныхъ отношеній, онѣ оказывались бытовыми взаимоограниченіями, въ пользу опекаемой, въ защиту ея свободной воли отъ самовластія и произвола опекуновъ. Возьмемъ хотя бы вопросъ о вступленіи въ бракъ. Вдовій выборъ второго мужа былъ свободенъ во всемъ славянствѣ до XVI вѣка, когда Краковскій статутъ (1532) нарушилъ это единство закономъ о конфискаціи вдовьяго имущества, буде вдова дастъ согласіе на ея похищеніе. Браки дѣвушекъ стояли въ зависимости отъ власти отцовской, которая усилялась изъ года въ годъ и отъ вѣка къ вѣку по мѣрѣ того, какъ слабѣла и вырождалась опека родовая. Но въ древности бракъ дѣвушки, отпускъ ея въ чужой родъ, былъ дѣломъ всего рода, и дѣвушка, приневоленная къ непріятному для нея союзу, могла апеллировать къ союзу родственниковъ, какъ по отцу, такъ и по матери, какъ въ агнатическомъ порядкѣ, такъ

и въ когнатическомъ. Русскія свадебныя пѣсни полны воспоминаніями этихъ временъ, а иногда—жалобами невѣсты на несправедливость или бездѣятельность родственнаго совѣта, который лишь «притакнулъ» крутой волѣ батюшки съ матушкою. И, наоборотъ, родственный совѣтъ могъ побуждать родителей къ выдачѣ дочери замужъ, хотя бы они тому и противились. Особенно это правило касалось родителей овдовѣлыхъ. По литовскому статуту, по законамъ далматинскаго побережья,—если вдовый отецъ или вдовая мать перечатъ совершеннолѣтней дѣвушкѣ въ ея намѣреніи выйти замужъ, она можетъ вступить въ бракъ съ согласія родственниковъ. Если мы при этомъ обратимъ вниманіе, что, чѣмъ древнѣе памятникъ права, тѣмъ раньше обозначаетъ онъ срокъ женскаго совершеннолѣтія, то узда на родительскій произволъ получалась изрядная. Вѣдь встрѣчаются сроки совершеннолѣтія въ 12 и въ 10 лѣтъ. А самая сѣдая древность даже и не опредѣляла сроковъ цифрами, довольствуясь физическими признаками зрѣлости, въ родѣ чешской рекомендаціи—считать дѣвушку совершеннолѣтнею, если у нея начали развиваться груди. Совершеннолѣтіе дѣвушки, несомнѣнно, парализовало нѣсколько родительскую волю, и, быть можетъ, стремленіе обойти обычай родственнаго вмѣшательства въ защиту дочери надо считать въ числѣ причинъ, объясняющихъ возмутительно ранніе браки въ кіевской, галицкой и владимірской Руси. Напримѣръ, великій князь Всеволодъ III выдалъ дочь свою за Ростислава Рюриковича, въ Бѣлгородъ, восьми лѣтъ, хотя очень плакалъ при этомъ, потому что, прибавляетъ лѣтописецъ, была она ему «мила и молода». Наконецъ, въ самой глухой полуисторической древности, опека рода надъ брачнымъ выборомъ дѣвушки имѣетъ характеръ не запрещенія или побужденія ея воли, но защиты ея всѣмъ родственнымъ союзомъ отъ насильственнаго брака. Въ свободныхъ обрядахъ

славянскихъ народовъ до сихъ поръ остались слѣды тѣхъ воинственныхъ сценъ, которыми родъ отвѣчалъ на попытки «умыкателей» заключать браки чрезъ похищеніе, разбойничьимъ набѣгомъ. При той легкости, съ какою заключался и разрывался славянскій бракъ не только до христіанства, но и долгія десятилѣтія, если не столѣтія, послѣ него, отказъ сватаемой невѣсты жениху былъ, повидимому, тяжкимъ оскорбленіемъ и отомщался жестоко. Однако, романическая легенда о Рогнѣдѣ или историческій примѣръ Предславы, сестры Ярослава Мудраго. наглядно показываютъ, что священную волю дѣвушки распоряжаться своимъ замужествомъ родъ ставилъ выше риска пострадать даже отъ такихъ могучихъ противниковъ, какъ Владиміръ Кіевскій или Болеславъ Польскій.

Упомянутое сейчасъ имя Владиміра Кіевскаго невольно приводитъ насъ къ мыслямъ о многоженствѣ, которымъ такъ прославился этотъ князь—до принятія христіанства. Лѣтописная, мало правдоподобная, легенда приписываетъ ему шесть женъ и восемьсотъ наложницъ. Дѣло, конечно, не въ томъ, какъ удивляется кто-то въ сатирѣ Щедрина, «на кой чортъ понадобилась ему такая уйма бабъ?» а въ томъ, что эту уйму совершенно немыслимо было прокормить съ той лапотной маленькой Руси, населенной по одной душѣ на пять квадратныхъ верстъ, которою правилъ Владиміръ. Вопросъ о многоженствѣ у славянъ очень спорный. Трудно отрицать, что оно было въ обычаѣ, когда христіанство проникло въ славянскія дебри, но, повидимому, оно никогда не господствовало въ народѣ—оставалось лишь терпимою роскошью привилегированныхъ классовъ, перенятою отъ тюркскихъ кочевниковъ и, значитъ, пришедшею на Русь поздно. Владиміръ—единственный русскій князь, котораго легенды окружаютъ какимъ-то волшебнымъ восточнымъ гаремомъ. О предкахъ его легенда

не передаетъ ничего подобнаго. Свидѣтельства арабскаго путешественника, знаменитаго Ибнъ-Фоцлана о славянскомъ многоженствѣ, очень выразительны, но больше указываютъ на широкое развитіе наложничества, чѣмъ на многократный и одновременный бракъ, что, въ средніе вѣка, повсемѣстно весьма различалось, а въ славянствѣ—классифицировалось съ особенною подробностью категорій. Мы не можемъ сейчасъ остановиться подробно на вопросѣ о славянскомъ многоженствѣ, такъ какъ я буду вынужденъ еще вернуться къ нему въ слѣдующемъ чтеніи, говоря о тѣхъ византійскихъ и монгольскихъ вліяніяхъ, которыми создалась московская, до Петра Великаго, семья. Сейчасъ же достаточно будетъ кратко повторить старый выводъ извѣстнаго слависта Макушева: «У славянъ преобладала моногамія, хотя было дозволено и многоженство; въ послѣднемъ случаѣ, однако, число женъ было ограничено». Необходимо прибавить, что, на-ряду съ терпимымъ многоженствомъ, новѣйшею полигаміей, не вымерли еще преданія стариннаго многомужія, родовой поліандріи. Объ этомъ—наилучшій показатель упомянутый уже Ибнъ-Фоцланъ, описавшій похороны русса, умершаго холостымъ, и его загробное вѣнчаніе съ дѣвушкою, обреченною ему въ жены. Не входя въ подробности этого наивнаго обряда, нѣсколько щекотливыя для современнаго уха, отмѣчу лишь, что супружескія права мертвеца на загробную супругу были реализированы представительствомъ шести его родичей: «самъ седьмъ».

Выше я говорилъ о непрочности и кратковременности легко расторжимыхъ былинныхъ браковъ. Но, при этомъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что былина, пѣсня, сказка—это, все-таки, своего рода, беллетристика, занимающая слушателя интереснымъ случаемъ общественной жизни. Поэтому—въ тѣхъ же самыхъ былинахъ мы встрѣчаемся, какъ съ крайностями женскаго легкомыслія въ брачныхъ перемѣнахъ, такъ и, наоборотъ, съ

крайностями вѣрности,—включительно, напримѣръ, до требованія, чтобы овдовѣвшій мужъ погребалъ себя вмѣстѣ съ покойной женою (Потокъ-богатырь), до самоубійствъ жены надъ прахомъ мужа (Василиса Микулишна) и мужа надъ трупомъ жены (Дунай-богатырь). Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ этихъ трагедіяхъ чувствуются отголоски ритуальныхъ самоубійствъ арійской, подъ-Гималайской древности. Но гораздо чаще звучитъ чисто-психологическій, настояще любовный, можно бы сказать даже: идеалистическій мотивъ—одной души въ двухъ тѣлахъ. Какъ всякій бракъ, возникающій по свободному выбору, поддерживаемый равенствомъ супруговъ и имѣющій возможность быть расторгнутымъ по обоюдному ихъ согласію, славянскій первобытный бракъ былъ напитанъ дружествомъ, незнакомымъ для послѣдующихъ поколѣній церковно-государственныхъ. Они обратили бракъ въ орудіе и ѳорму женскаго порабощенія и обратили мужа и жену въ двухъ принципіальныхъ враговъ, между которыми согласіе—не болѣе, какъ счастливо длящееся перемиріе. Я уже имѣлъ случай отмѣтить отвращеніе славянства къ повторности брака,—подразумѣваю: безъ согласія на то мужа и жены. Вживѣ, супруги легко сходились и расходились, но, если одинъ изъ нихъ умиралъ въ бракѣ, то смерть не разрывала брака. Мы видѣли, какимъ уваженіемъ пользовалось въ славянствѣ вдовство. Наоборотъ, вдовецъ или вдова, вступающіе въ новые браки, подвергались не только умаленію личнаго достоинства, но и органиченіямъ личныхъ и имущественныхъ вліяній своихъ по первому браку.

Итакъ, изъ картины, бѣгло набросанной мною передъ вами, вы легко усмотрите, что первобытное состояніе славянской женщины отличалось такимъ количествомъ свободъ и преимуществъ, что съ трудомъ вѣрится процессу послѣдующей соціальной эволюціи, которая отвела женщину отъ лѣсной воли и степного равенства въ вы-

рубленный изъ этого лѣса и поставленный среди этой степи теремъ. Въ слѣдующихъ чтеніяхъ я буду имѣть честь разсказать вамъ постепенныя ступени этой эволюціи, руководимой заимствованными со стороны, изъ-за моря и изъ-за горъ, началами церковности и государственности. Мы послѣдовательно разсмотримъ исторію паденія тѣхъ правовыхъ институтовъ, которые грубо и инстинктивно опредѣляли собою свободу первобытной женщины, но, въ формахъ тонко выработанныхъ и логически развитыхъ принциповъ, должны опредѣлить и свободу женщины будущей—свободу близкую, наступающую, уже озаренную привѣтнымъ, краснымъ свѣтомъ соціалистическаго утра. Мы разсмотримъ, какъ искоренился на Руси свободный бракъ и выросла половая опека съ нерасторжимымъ церковнымъ бракомъ, какъ ограничивались имущественныя права женщины и ея почетное значеніе въ родѣ, какъ закрылись для нея судъ и привилегіи культа, какъ въ рукахъ ея оказались ключи безсильные предъ мужнинымъ мечомъ и плеткою,—словомъ, разсмотримъ семисотлѣтнее торжество агнатическаго рода надъ когнатическимъ и переработку перваго въ мужевластное государство.

Устои мужевластнаго государства, почитавшіеся незыблемыми сотни лѣтъ, заколебались лишь въ XIX вѣкѣ, когда машинныя производства и ростъ рабочаго класса быстро вызвали банкротство старой европейской семьи, покоившей на трудѣ и заработкѣ мужа хозяйственное и постельное содержанство жены, искусственно выработанное половою опекою. Въ теченіе XIX вѣка, наростала для русской женщины та потребность и необходимость возвратить себѣ роль и значеніе «супротивницы» мужа-добычника, которою,—какъ мы сейчасъ видѣли,—характеризовался первобытный славянскій бракъ. Женскій вопросъ назрѣлъ къ разрѣшенію въ государствѣ, назрѣвшемъ къ разрушенію, въ государствѣ, которое было построено на

семейномъ обездоленіи женской половины человѣчества и объявило торжественно, что баба—не человѣкъ. Мы видимъ, однако, что женскій вопросъ, при всей своей многострадальности, оказался прочнѣе и живучѣе государства и смотритъ въ его умирающіе глаза съ такою же побѣдною и властною силою, какъ смотрѣлъ въ глаза его дѣтства. Эгоистическія лжи искусственнаго мужевластнаго права отпадаютъ, просыпается природная мораль и правда—правда основного равенства половъ. Имъ предстоитъ воскресить — въ формахъ правовой сознательности, въ детальномъ, логическомъ и крѣпко защищенномъ соціальномъ распредѣленіи, — ту свободу, которую смутнымъ хаосомъ, наивно и по-дѣтски намѣчалъ для женщины первобытный естественный коммунизмъ. Свободу брака, свободу воли, свободу труда, свободу имущественнаго распоряженія, свободу общественной дѣятельности, свободу политическаго представительства.

1906 г. 17/12. Парижъ.

Французская барышня.

Талантливый, хотя порою черезчуръ парадоксальный, литературный отшельникъ Реми де-Гурмонъ, равно извѣстный теперь какъ поэтъ, романистъ, философъ, а всего удачнѣе и глубже — какъ критикъ, посвятилъ одну изъ удачнѣйшихъ статей своего превосходнаго сборника «Le Chemin de Velours» изслѣдованію типа современной французской «барышни», то есть молодой дѣвушки въ образованныхъ и зажиточныхъ классахъ общества, созданныхъ и охраняемыхъ буржуазною культурою минувшаго вѣка. Фактическимъ источникомъ и фундаментомъ этому блестящему этюду, не лишенному недостатковъ слишкомъ широкаго сатирическаго обобщенія, но въ цѣломъ полному правды и тонкаго, инстинктивнаго чутья, послужилъ солидный томъ Оливье де-Тревиля: «Наши дѣвушки въ собственныхъ признаніяхъ» (Les Jeunes Filles peintes par elles-mêmes). Пользуясь матеріаломъ двухъ тысячъ шести опросовъ Тревиля, котораго онъ остроумно называетъ «Донъ-Жуаномъ анкеты», Реми де-Гурмонъ написалъ весьма неутѣшительную картину французскаго «женскаго нестроенія» въ томъ раннемъ и подготовительномъ, коренномъ фазисѣ его, что обусловленъ вліяніями школы, домашняго воспитанія и литературы.

По вѣрному историческому наблюденію Реми де-Гурмона, французская «барышня» («la jeune fille»—въ ка-

вычкахъ)—типъ сравнительно недавній: ему едва минуло сто лѣтъ. До великой революціи «барышенъ» не было. Были дѣвчонки, отроковицы (fillettes), жившія на дѣтскомъ положеніи до наступленія половой зрѣлости. И были молодыя дамы, вышедшія замужъ четырнадцати, пятнадцати лѣтъ. Того промежуточнаго, внѣ-замужняго состоянія, которое выражаетъ собою слово «барышня» и которое часто тянется десять и болѣе лѣтъ,—состоянія, такъ сказать, «длящейся невѣсты»,—XVIII вѣкъ не зналъ. Конечно, и тогда не всѣ дѣвственницы рано находили жениховъ, и многія подолгу ожидали замужества. Но, по литературѣ и историческимъ памятникамъ стараго режима, очень замѣтно, что между такою, «засидѣвшеюся въ дѣвкахъ», особою лѣтъ 18—30 и молодою замужнею дамою въ до-революціонномъ обществѣ не было той глубокой разницы быта и нравовъ, какую выростилъ XIX вѣкъ. Лишенная по какой-либо причинѣ брачныхъ узъ, взрослая дѣвушка пользовалась довольно широкою свободою внѣ ихъ, и «дѣвичьи грѣшки», въ эпоху регентства и Людовика XV, не возбуждали ни общественнаго изумленія, ни, тѣмъ болѣе, негодованія. Донъ-Жуанъ XVIII вѣка—побѣдитель, по преимуществу, дѣвичьихъ сердецъ, соблазнитель и погубитель дѣвушекъ брачнаго возраста. Реми де-Гурмонъ справедливо замѣчаетъ, что въ нашъ вѣкъ пресловутый Казанова покорялъ бы только замужнихъ дамъ, ищущихъ приключеній адюльтера, развеселыхъ вдовицъ, да продажныхъ женщинъ: современная французская барышня ограждена отъ подобныхъ господъ надежной стѣною личной и общественной морали. Сто лѣтъ назадъ было иначе. Въ дополненіе къ хвастливымъ анекдотамъ Казановы, Restif de la Bretonne оставилъ намъ характеристику той же легкой доступности для дѣвушекъ среднихъ классовъ общества, Laclos—для барышенъ придворной аристократіи. Паденіе дѣвушки разсматривалось XVIII вѣкомъ, какъ неизбѣжная уступка непобѣдимой

природѣ. Уклониться отъ рокового закона почитали возможнымъ лишь компромиссомъ ранняго брака, то есть— не давая женщинѣ времени быть «барышнею», переводя ее прямо отъ куколъ въ объятія законнаго супруга.

Въ психологіи раннихъ браковъ стараго режима явственно опредѣляются два рѣшающихъ мотива: со стороны родителей—желаніе поскорѣе отдѣлаться отъ обузы опекать добродѣтель дочери, со стороны жениховъ—желаніе обезпечить продленіе своего рода двумя, тремя первыми дѣтьми несомнѣнно законнаго происхожденія. Къ двадцати двумъ или тремъ годамъ роль замужней женщины, какъ производительницы рода, уже кончалась, и охладѣвшіе супруги начинали жить каждый своею личною жизнью. Женщинѣ XVIII вѣка не оставляли права выбирать мужа,— зато она впослѣдствіи выбирала себѣ любовника. На долю супружества доставалась пассивная чувственность только что не малолѣтней самки, на долю внѣбрачной связи—сознательная страсть созрѣвшей женщины, въ самомъ счастливомъ и разумномъ возрастѣ, когда прелесть красиваго чувства любви говоритъ въ человѣкѣ гораздо громче грубой половой потребности. Отсюда истекали единовременно и поразительная легкость нравовъ старинной французской семьи, и та изящная, то рыцарская, то пастушеская, сантиментальность, въ которую эта легкость нравовъ облекалась.

За сто лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ тѣхъ временъ, не только бытовыя условія, но и самое чувство стыда у французской женщины измѣнило свой характеръ очень рѣзкою и глубокою эволюціей. Люди лѣтъ пятидесяти-шестидесяти помнятъ еще, изъ своихъ юношескихъ дней, величественныхъ старухъ, которыя родились въ двухъ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVIII в. или въ первомъ десятилѣтіи вѣка XIX и выходили замужъ по пятнадцатому, шестнадцатому году. Они вспоминали дѣтство, вспоминали впечатлѣнія супружества, но воспоминаній о дѣвической юно-

сти, воспоминаній «барышни», у нихъ не было. Не было у старухъ и того особаго спеціальнаго стыда, который характеризуетъ и наполняетъ переходный добрачный возрастъ современной женщины условною добродѣтелью житейскаго невѣдѣнія. Онѣ хорошо понимали стыдъ того или другого дѣтскаго порока, чутко воспринимали мотивы, вызывающіе стыдъ у замужней женщины, но тотъ слѣпой «стыдъ знать стыдное», что нынѣ почитается величайшимъ достоинствомъ хорошо воспитанной «барышни», оставался имъ чуждъ и незнакомъ: этимъ бабушкамъ казались смѣшными и жалкими кривляками двадцатилѣтнія внучки, цѣломудренно краснѣвшія отъ безцеремонныхъ анекдотовъ и откровенностей беранжеровскихъ старушекъ, съ ихъ допотопно наивною манерою называть всѣ вещи своими именами.

Итакъ, типъ «барышни», исторически—прежде всего, результатъ позднихъ браковъ, введенныхъ въ необходимость измѣнившимися экономическими условіями французскаго быта послѣ революціи. Его вызвала къ жизни ликвидація наслѣдственной дворянской собственности, упрочило и выростило торжество благопріобрѣтенныхъ буржуазныхъ капиталовъ. Нарожденіе типа можно опредѣлить хронологически съ большою точностью. Въ 1798 году Демутье издаетъ книгу для дѣвицъ—«Письма къ Эмиліи о миѳологіи», въ 1809 году выходятъ въ свѣтъ «Сказки для моей дочери» Буйльи. Между двумя этими произведеніями, обращенными, на разстояніи всего одиннадцати лѣтъ, къ одному и тому же возрасту—непроходимая нравственная пропасть. Демутье говоритъ еще съ молодою дѣвушкою стараго режима—юнымъ существомъ, предназначеннымъ волею всемогущей природы къ восторгамъ любви и жизнерадости. Книгу Демутье нельзя дать въ руки современной «барышнѣ»: ея лукавое, веселое, животное, почти языческое міросозерцаніе—школа сантиментальнаго сладострастія,—можетъ быть, пригодная, въ своемъ родѣ, для

женскаго поколѣнія, переходившаго непосредственно изъ дѣтской комнаты въ супружескую спальню, но совсѣмъ неудобная для поколѣнія, которому, въ ожиданіи брака, надо цѣломудренно заглушать въ себѣ голосъ инстинкта въ теченіе трехъ, пяти, семи, десяти и болѣе лѣтъ. Буйльи, Жанлисъ и прочіе авторы для юношества въ первую четверть XIX в. направляютъ всю свою дѣятельность, чтобы притупить инстинктъ въ его прямыхъ, натуральныхъ требованіяхъ, съ подмѣномъ ихъ идеалистическими суррогатами эѳирной мечтательности, красивой сантиментальности, отвлеченныхъ порывовъ въ неизвѣстное, съ суровымъ противодѣйствіемъ имъ обновленными мотивами, заимствованными изъ прописей, забвенной было аскетической морали: покорность Провидѣнію, скромность, послушаніе, чувство долга и пр. Такимъ образомъ, дата рожденія «барышни» падаетъ для Франціи, а слѣдовательно и для всѣхъ европейскихъ странъ, отражавшихъ ея культурную эволюцію, на первое десятилѣтіе XIX вѣка. У насъ, русскихъ, въ это время Наташѣ Ростовой было 7—9 лѣтъ, Татьяна Ларина только-что родилась, будущія жены декабристовъ — «Русскія женщины» — едва умѣли лепетать и ходили пѣшкомъ подъ столъ, а Вѣра и княжна Мэри еще не зачинались. Сопоставляя съ этими литературными образами первыхъ русскихъ «барышенъ» Софью изъ «Горе отъ ума», которая значительно старше ихъ всѣхъ, нельзя не убѣдиться и по роднымъ примѣрамъ, что хронологія Реми де-Гурмона построена остроумно и основательно: Татьяна, «Русскія женщины», — это уже будущій XIX вѣкъ, воспитанницы Буйльи, тогда какъ «дочь! Софья Павловна, срамница!» — вся еще въ прошломъ восемнадцатомъ, — ученица Демутье.

Во французскую жизнь и литературу «барышня» вошла, какъ вездѣсущій символъ показной цензуры нравовъ. Книга для барышенъ, — язвитъ Реми де-Гурмонъ, — важный предметъ торговли, ежегодно поощряемый къ производству ака-

деміей и нѣкоторыми другими благотворительными обществами. Ради барышенъ переводятся безвкусно-добродѣтельные ханжескіе романы чопорныхъ англійскихъ лэди. Ради барышенъ классическая антологія противоестественно превращена въ руководство добрыхъ нравовъ. Ради барышенъ преслѣдовали судебнымъ порядкомъ автора «Мадамъ Бовари» (Г. Флобера), и услужливая критика замалчивала талантливыхъ беллетристовъ, не слишкомъ щепетильныхъ по части морали. Ради барышенъ не былъ допущенъ въ число «безсмертныхъ» академиковъ Эмиль Зола. Ради барышенъ правительственные театры изгнали со своихъ сценъ Шекспира. Ради барышенъ исторія сочинила изъ подлѣйшаго вѣка Людовика XIV героическую эпоху добродѣтели и рыцарскаго достоинства. Ради барышенъ—тысяча условныхъ лжей науки, искусства и литературы, въ которой умерла искренность слова такъ же, какъ въ жизни умерла откровенность темперамента, прямота чувствъ, ясный языкъ страстей.

Теченія реалистической литературы, начиная съ Теофиля Готье, Флобера въ романѣ, съ Бодляра въ поэзіи, представляютъ собою какъ бы мужской бунтъ противъ тираннической опеки «барышни» надъ мыслью вѣка. До извѣстной степени, именно бунтомъ вызываются крайности натурализма, которыя ввела въ моду французская беллетристика послѣ второй имперіи, усердствуя въ нихъ съ преувеличенною настойчивостью и часто, надо сказать правду, безъ особой въ томъ необходимости. Это—крайности возстанія, крайности людей, мстительно разсвирѣпѣвшихъ на первопричины своего рабства. Реалисты, натуралисты сознательно и гнѣвно зачеркнули для себя семейную публику, гдѣ «барышня»—центръ, идолъ, конечная цѣль, термометръ и барометръ домашняго культа и строя. Они пишутъ только для мужчинъ и для тѣхъ, сравнительно очень немногихъ, французскихъ женщинъ, которыхъ идейная эмансипація вѣка успѣла поставить на точку мужского

міросозерцанія. Отсюда тѣ капризныя бравады талантливаго Зола, едва-ли не геніальнаго Гюи де-Мопассана и др., что, при всемъ совершенствѣ ихъ творчества, все-таки, вотъ уже слишкомъ сорокъ лѣтъ, держатъ французскую «настоящую литературу» въ зыбкой пограничности съ литературою «непристойной». Вѣкъ идеалистическихъ лицемѣрій выработалъ предразсудокъ, что «знать все»—привилегія однихъ мужчинъ, и вотъ—литература, открывающая «все», тоже становится исключительно мужскимъ достояніемъ, запретнымъ въ силу обычая (по крайней мѣрѣ, оффиціально!) для женскаго пола. Типъ «барышни» и брачныя метаморфозы, развивающіяся на подготовительной почвѣ этого типа,— злѣйшіе враги и тормозы прогресса французской литературы. Въ буржуазныхъ семьяхъ авторы дѣлятся на такихъ, чьи книги «можно забыть на столѣ въ гостиной» рядомъ съ цвѣтами, альбомами, бездѣлушками, и на такихъ, чью книгу оставить на столь добропорядочномъ и благонравномъ столѣ — чуть не уголовное преступленіе. Одинъ австріецъ французскаго воспитанія, путешествуя со мною по далматинскому побережью, усердно пряталъ отъ моей жены книги, взятыя имъ въ дорогу. Я думалъ, что это потайная и, очевидно, стыдная литература—по меньшей мѣрѣ, какіе-нибудь забубенные томы съ задворковъ порнографическаго издательства Оффенштадта или ему подобныхъ спекулянтовъ, и удивлялся охотѣ нашего умнаго и даровитаго спутника засорять свои мозги такою дребеденью. Каково же было мое изумленіе, когда запретныя книги оказались романами Флобера, съ «Саламбо» во главѣ, «Rouge et Noir» Стендаля и «Mademoiselle Maupin» Теофиля Готье! У русскихъ дамъ этотъ эпизодъ вызоветъ презрительныя, а можетъ быть, и не совсѣмъ довѣрчивыя улыбки, но—да! невѣроятно, а оно такъ: Стендаль, Флоберъ, Теофиль Готье, Бодлэръ, Зола, Гюи де-Мопассанъ, Октавъ Мирбо и пр. заперты въ индексѣ librorum prohibitorum, въ незримомъ, но всѣмъ извѣстномъ каталогѣ книгъ, которыя «нельзя за-

бывать въ гостиной» и о которыхъ еще болѣе нельзя спросить французскую барышню: читали ли вы?

Цензурою постояннаго соображенія: годится ли для барышенъ?—объясняются низкій уровень и бѣдность выбора семейнаго чтенія во Франціи. «Настоящую литературу» добропорядочный буржуа не пускаетъ въ домъ, потому что ее неудобно забывать въ гостиной, а литература для барышенъ не нужна взрослымъ людямъ, ибо скучна выше всякаго терпѣнія, лишена правдоподобія и здраваго смысла. Французская провинціальная семья перестала читать,—говоритъ Реми де-Гурмонъ,—потому что г. Онэ глупъ, а г. Поль Абданъ не имѣетъ нравственности. Идеалы провинціи: ахъ, если бы къ генію Бальзака да чистоту Фенелона! Русскому читателю эти трагикомическія вожделѣнія напоминаютъ мечты Агаѳьи Тихоновны о женихахъ: вотъ кабы къ носу Подколесина да фигура Яичницы! Однако, подобныхъ желаній и разсужденій не чужды даже самыя передовыя семьи Франціи: я думаю,—уязвляетъ мимоходомъ Реми де-Гурмонъ,—даже до семьи г. Жореса включительно!

Что же читаетъ французская барышня? Изъ 133 молодыхъ образованныхъ дѣвушекъ, опрошенныхъ Реми де-Гурмономъ о любимомъ ихъ авторѣ, объявили таковымъ: Расина—19, Корнеля—17, Боссюэта—11, Севинье—10, Мольера – 9, Ламартина—8, Шатобріана—7, Буало—6, Лафонтена—5, Гюго—4, Фенелона—3, Мэнтенонъ—3, Малерба—3, Ронсара—2, Сталь—2, Жюля Верна—2, Мюссе—2, Ростана—2. По одному разу указаны: Вальтеръ Скоттъ, Эжени де Геренъ, m-me Сегюръ, Перро, Андерсенъ, Мишле, Монтэнь, Зинаида Флеріо, Толстой, Бюффонъ, Додэ, Сарсэ, Б. де Сенъ-Пьеръ, Гонкуры, Жуанвиль, Коппе, Паскаль, Карлъ Орлеанскій,—и одинъ изъ новѣйшихъ поэтовъ, «недавно умершій», котораго Реми де-Гурмонъ не называетъ, но, судя по намекамъ, вѣроятно, Поль Верленъ.

Не трудно видѣть изъ этого списка, что литературныя привязанности юныхъ французскихъ читательницъ сложились не по самостоятельному выбору, и подавляющее большинство ихъ—школьнаго происхожденія. Самое значительное число поклонницъ неожиданно оказывается у авторовъ XVII вѣка, усердно изучаемыхъ въ классахъ словесности; гораздо меньше симпатій на сторонѣ романтиковъ (Ламартинъ, Гюго, Мюссе), которыхъ школьныя программа допускаетъ въ классы, но безъ особаго покровительства; самый плачевный недостатокъ почитательницъ—у авторовъ послѣ 1850 года, категорически отрицаемыхъ пуританскою критикою среднихъ учебныхъ заведеній.

Вторая, ярко замѣтная особенность списка—строго выдержанный національзмъ симпатій: полное отсутствіе иностранныхъ именъ. За исключеніемъ сказочника Андерсена и уже полусказочника Вальтеръ Скотта, только одному Льву Толстому удалось проникнуть въ очарованный кругъ 133 дѣвичьихъ міросозерцаній, спящихъ въ глубокой родной старинѣ! Намъ, русскимъ, съ нашею международною энциклопедичностью, при огромной жаждѣ нашихъ дѣвушекъ къ чтенію, подобная узкость вкуса такъ же мало понятна, какъ и его поразительная архаичность. Вообразите себѣ русскую дѣвушку интеллигентнаго круга, откровенно признающуюся, что она незнакома съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Байрономъ, Гейне, Диккенсомъ, Сервантесомъ, Викторомъ Гюго, Гюи де-Мопассаномъ, Мицкевичемъ! Вообразите себѣ, что она заявляетъ, будто «не любитъ» Чехова, Льва Толстого, Максима Горькаго, Тургенева, Достоевскаго и лишь съ грѣхомъ пополамъ допускаетъ Пушкина и Лермонтова, но зато упивается одами Державина, баснями Хемницера, повѣстями Карамзина и балладами Жуковскаго! Между тѣмъ, во французской параллели, результаты опроса Реми де-Гурмона именно таковы, и никого во Франціи это, казалось бы, очень плачевное—показаніе не удивляетъ, очень немногихъ смущаетъ, а возму-

щаетъ уже и совсѣмъ мало кого. Самъ Реми де-Гурмонъ, напримѣръ, лишь успѣваетъ высказать мимоходомъ сожалѣніе, что французская дѣвушка не знакомится съ классическими литературами античнаго міра, да наградитъ отечество совѣтомъ: «женщина не должна быть ретроградкою,—довольно, если она консервативна»! Такъ что и онъ къ французской программѣ женскаго чтенія относится, хотя и отрицательно, однако, безъ остраго негодованія и даже, пожалуй, безъ негодованія вовсе.

При націоналистической и архаической окраскѣ своего чтенія, французская барышня, понятно, должна оставаться очень вдалекѣ отъ соціальныхъ идей своего вѣка. Возобновимъ сравненіе: часто ли можно встрѣтить въ русской интеллигенціи дѣвушку, которой чужды имена Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, Герцена, Салтыкова, Михайловскаго, Владиміра Соловьева? Марксистокъ и народницъ у насъ было не меньше, чѣмъ марксистовъ и народниковъ; «идеалистокъ» чуть ли не больше, чѣмъ идеалистовъ. Во Франціи—ничего подобнаго. Изъ 133 барышенъ ни одна не обмолвилась именами не только какихъ-либо новыхъ свѣтилъ соціальной философіи, вродѣ Фулье или покойнаго Гюйо, но весьма очевидно, что для собесѣдницъ Реми де-Гурмонъ не существуютъ ни Прудонъ, ни Фурье, ни Огюстъ Контъ, ни даже Вольтеръ и Руссо и энциклопедисты XVIII вѣка. Ихъ философскія симпатіи умираютъ съ Боссюэтомъ и Фенелономъ, чтобы воскреснуть въ Шатобріанѣ. Вѣкъ деизма — для нихъ мертвая точка прошлаго. А въ XX столѣтіи онѣ ухитряются жить, не зная и не нуждаясь знать Дарвина, Шопенгауэра, Карла Маркса, Спенсера. Ницше...

При всемъ отвратительномъ направленіи школьной науки, создающей литературное невѣжество французской барышни, нельзя не отдать справедливости этой школѣ въ томъ отношеніи, что ея нравы, методы и люди обладаютъ тайною привлекать къ ней любовь и слѣпое довѣ-

ріе питомицъ. Ея умственная и нравственная дисциплина воспринимается съ пассивною готовностью, достойною лучшаго примѣненія, чѣмъ указываютъ педагоги, отставшіе отъ вѣка на добрыхъ двѣсти лѣтъ и, тѣмъ не менѣе, по какому-то чудесному мастерству, умѣющіе и охранять свой авторитетъ, и навязывать юнымъ мозгамъ свои допотопные вкусы. Мы знаемъ слишкомъ хорошо, что въ русской школѣ лучшее средство сдѣлать автора ненавистнымъ для учениковъ, это—обратить его въ предметъ класснаго чтенія. Прекрасный трудъ г. Петрищева «Замѣтки учителя» даетъ прелюбопытныя иллюстраціи къ этому глубоко-прискорбному, но неопровержимому положенію. Всѣ авторы, которыхъ каѳедра рекомендуетъ, какъ образцовыхъ представителей истинной литературы, презираются на партахъ, какъ не литература вовсе. Литература же начинается для партъ съ тѣхъ, на кого каѳедра налагаетъ свое отлученіе. Такимъ образомъ, внѣ литературы остались Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ, Крыловъ, Карамзинъ, Жуковскій. Г. Петрищевъ высказываетъ даже сожалѣніе—не безосновательное, хотя па первый взглядъ оно и кажется парадоксальнымъ: зачѣмъ школа включила въ свои программы Пушкина, Лермонтова и Гоголя? По его словамъ, даже и къ этимъ свѣтлымъ именамъ русскій школьникъ сталъ относиться теперь несравненно холоднѣе, чѣмъ раньше, когда читалъ «Демона» и «Онѣгина» контрабандою. Гаснетъ обаяніе, вянетъ довѣріе къ геніямъ, увѣнчаннымъ въ Капитоліи русской оффиціальной программы! Литература для русскаго школьника—Чеховъ, Горькій, Короленко, Гаршинъ, Надсонъ, Салтыковъ, Некрасовъ, Успенскій, Чернышевскій, Левъ Толстой, Тургеневъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ: «отреченные» писатели, которыхъ школа или не хочетъ знать вовсе, или принимаетъ, скрѣпя сердце, съ подозрительнымъ долгимъ искусомъ и безжалостными ограниченіями. Не то у французовъ. Несостоятельная образованіемъ, ихъ

школа—совершенство воспитательнаго гипноза. Вкусы и внушенія своихъ классовъ словесности француженка уноситъ въ жизнь очень надолго, если не навсегда. Реми де-Гурмонъ собралъ любопытную коллекцію критическихъ мнѣній, высказанныхъ французскими барышнями и молодыми дамами. Они поражаютъ однообразіемъ мысли, общимъ шаблономъ симпатій и антипатій,—всѣ сужденія, какъ на подборъ, старомодны и выражены въ ходячихъ, явно внушенныхъ, фразахъ, лишенныхъ субъективной окраски, затрепанныхъ, какъ старый праздничный флагъ, и рѣшительно ничего не говорящихъ ни уму, ни сердцу современнаго человѣка. Умы, затянутые въ схемы Корнеля, Расина, Боссюэта, Шатобріана, какъ таліи—въ корсетъ, какъ нога китаянки въ дѣтскій башмачекъ! И, какъ китаянка гордится ножкою, изуродованною въ дѣтскомъ башмачкѣ, такъ француженка гордится своимъ образованіемъ въ ржавыхъ псевдо-классическихъ и романтическихъ оковахъ. Головы, работающія внѣ освященныхъ благословеніемъ школы схемъ, ей кажутся столь же распущенными, непристойными и не должными быть, какъ талія безъ корсета! Француженка полна подозрѣніемъ и ненавистью къ литературнымъ новшествамъ:

— Прекрасное никогда не старится, — побѣдоносно увѣряютъ эти фанатическія старовѣрки,—зачѣмъ же пытаться его обновлять?

Самостоятельное критическое сужденіе—большая рѣдкость у французской женщины. Одна изъ собесѣдницъ Реми де-Гурмона высказала о братьяхъ Гонкурахъ мнѣніе очень умное, ясно, хорошо и полно формулированное, но—въ устахъ русской курсистки, даже не изъ очень бойкихъ, оно рѣшительно никому не показалось бы ни оригинальнымъ, ни выдающимся. Скорѣе, напротивъ, сказали бы: ну еще бы иначе! экую Америку открыла! А Реми де-Гурмонъ до того изумленъ и обрадованъ своею рѣдкостною находкою, что торжественно восклицаетъ по

адресу столь счастливаго и исключительнаго «урода въ семьѣ»:

— Вамъ слѣдовало бы открыть для нашихъ учителей курсы добросовѣстности и здраваго смысла!

Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ, быть можетъ, даже многихъ случаяхъ, отвѣты, полученные Реми де-Гурмономъ, грѣшатъ лицемѣріемъ, по желанію барышенъ выставить себя въ наиболѣе красивомъ, приличномъ, серьезномъ свѣтѣ. Но тогда еще болѣе характерно то обстоятельство, что лицемѣріе принуждено играть свою кокетливую комедію именно въ такомъ странномъ направленіи! Понятно невинное притворство иной русской барышни, авторитетно толкующей о Марксѣ или Владимірѣ Соловьевѣ, хотя она и въ глаза не видывала ни «Капитала», ни «Оправданія Добра», но кому въ голову придетъ щеголять, въ свидѣтельство своей литературности, цитатами изъ Кантемира, Сумарокова, Новикова? Такъ что даже случаи лицемѣрныхъ отвѣтовъ подтверждаютъ все то же любопытное наблюденіе: только литература, рекомендованная школою, признается французскими барышнями за хорошую и достойную ихъ вниманія, только въ знаніи такой литературы имъ не стыдно сознаться; что̀ осталось внѣ школы, — значитъ, запретно, неприлично, нехорошо...

Въ послѣдніе годы выдвинулся изъ рядовъ французскаго журнализма фельетонистъ, пишущій подъ псевдонимомъ Вилли (Willy). Къ сожалѣнію, выдвинулся не надолго, такъ какъ успѣлъ уже и размѣняться въ порнографа очень мутной воды. Но первыя его повѣсти о «Клодинѣ», какъ обличительныя разоблаченія быта французской женской школы, были талантливы и мѣтко попали въ цѣль: недаромъ же имя Claudine стало въ Парижѣ нарицательнымъ для пансіонерокъ-подростковъ, наканунѣ окончанія курса въ среднемъ учебномъ заведеніи! Вилли вывелъ на свѣжую воду множество грѣшковъ и учащаго, и учащагося женскаго поколѣнія, въ особенности ярко

подчеркнувъ недостатки той сантиментальной аффектаціи того институтскаго «обожанія», которыя во французской женской школѣ замѣняютъ товарищество и слишкомъ часто перерождаются въ самыя некрасивыя страсти и пороки... иногда на всю жизнь! Десятки французскихъ художниковъ слова, наблюдателей жизни, намекали публикѣ, что такъ называемая «лезбійская любовь»,—къ сожалѣнію, слишкомъ частый и чуть не національный порокъ французской женщины зажиточныхъ классовъ,—обыкновенно выносится изъ монастырскихъ школъ и закрытыхъ пансіоновъ. Вилли—того же мнѣнія. Но ни этотъ бойкій обличитель, ни его безчисленные подражатели почти не касаются вопроса о запретномъ чтеніи, тогда какъ у описателей тайнъ русской школы онъ всегда и обязательно выступаетъ на первый планъ. Если героини Вилли читаютъ что-нибудь потихоньку отъ начальства, это, навѣрное какая-либо изъ ряду вонъ скабрезная книга, въ знакомствѣ съ которою и мужчинѣ-то не слишкомъ прилично сознаваться. Запретнаго чтенія для саморазвитія нѣтъ. Французская школьница не прячетъ подъ тюфякъ Ренана или Прудона, какъ русская—Писарева и Герцена, и не читаетъ ихъ воровски по ночамъ, при трепетномъ свѣтѣ припасеннаго огарка. Фабрикацію своей мысли и своего вкуса француженка, не только номинально, но и дѣйствительно, предоставляетъ, какъ нѣкую монополію, школѣ—съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, что учебныя программы дадутъ ей и именно тѣ знанія, какія надо, и аккуратно столько знаній, сколько надо. Самой, значитъ, заботиться не о чемъ, кромѣ успѣшной сдачи экзаменовъ: ими школа провѣряетъ свою паству, а государство и нація—школу.

Пассивность воспріятія, воспитанная дрессировкою на «хорошій вкусъ», выростаетъ во французской женщинѣ до суевѣрій изумительныхъ. Знакомыя барышни и дамы Реми де-Гурмона чистосердечно сознаются въ полной неспособности одолѣть болѣе десяти страницъ братьевъ

Гонкуръ; другимъ Шекспиръ кажется страшнымъ и темнымъ, въ родѣ дремучаго лѣса, куда лучше и не вступать, чтобы не заблудиться; третьи совершенно глухи къ красотамъ Верлэна, тогда какъ необыкновенно чутко и тонко разбираются въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ и оттѣнкахъ Расина и Корнеля... Расинъ! Корнель! О!... И всѣ декламируютъ:

— Rodrigue! As tu du coeur?

Единственная фраза, которая,—по ядовитому мнѣнію Реми де-Гурмонъ,—дожила бы до нашихъ дней изъ всего Корнеля, не будь на свѣтѣ французскихъ барышенъ и ихъ тетрадокъ для упражненій по словесности,—такъ какъ ее спасли бы игроки въ вистъ и червонная (coeur) карточная масть...

Сила можетъ навязать молодымъ умамъ ненужное знаніе, но не въ состояніи заставить молодые умы любить ненужное знаніе. Лучшій историческій примѣръ—наша пресловутая классическая система, пропитавшая нѣсколько русскихъ поколѣній ненавистью и недовѣріемъ именно къ тѣмъ мертвымъ наукамъ, формальною гимнастикою по лѣстницамъ и трапеціямъ которыхъ обусловливался для нихъ аттестатъ зрѣлости. Если ненужное, мертвое знаніе, пріобрѣтаемое молодыми француженками въ школахъ, не возбуждаетъ къ себѣ ненависти, но, напротивъ, хранится съ уваженіемъ и любовью на многіе годы, то виною тому, во-первыхъ, разумѣется, какъ уже сказано, искусные методы, нравы и люди французскаго преподаванія; а во-вторыхъ и въ-главныхъ,—полагаетъ Реми де-Гурмонъ,—тайное сочувствіе юныхъ женскихъ сердецъ къ красивому идеализму той старомодной литературы, которою питаетъ ихъ школа. Француженка едва-ли не больше всѣхъ другихъ женщинъ Европы обладаетъ способностью и склонностью замкнуться всею полнотою жизни въ чувство любви. Предъ ея глазами—всегда идеалъ матери семейства, созданнаго любовью. Она—жена и любовница, по пре-

имуществу. Не удивительно поэтому, что она такъ много слышитъ въ Корнелѣ, когда онъ говоритъ съ нею устами Химены, такъ много видитъ въ Расинѣ, когда онъ показываетъ ей, какъ нѣжныя тѣни старшихъ подругъ, Ифигенію и Беренику. Оливье де-Тревиль упросилъ нѣсколько десятковъ барышенъ написать, какъ онѣ воображаютъ свой житейскій идеалъ. Изъ этого громаднаго матеріала Реми де-Гурмонъ выбираетъ нравственныя качества, на которыя предъявляются больше запросовъ и притязаній. Въ первой очереди—по 31 разу—оказываются: доброта, послушаніе, преданность, милосердіе, любовная нѣжность, чувствительность. Затѣмъ—по 30 разъ – заявлены: хорошее воспитаніе, почтительность, скромность, мягкость, простота. Въ третьемъ классѣ (по 19 разъ): любезность, грація, маленькое кокетство. Противъ религіи не высказалась ни одна дѣвушка, но только 14 выдвинули религіозность на первый планъ жизни, къ тому же съ оговоркою, что онѣ ищутъ религіи просвѣщенной и благочестія, прочно обоснованнаго. Почти столько же (13) партизанокъ у широкаго образованія, причемъ 7 тоже оговорились: но безъ педантизма! Претензій на энергію, силу воли, смѣлость, рѣшительность, самолюбіе, гордость высказано, сравнительно, немного: къ первому классу симпатій этотъ относится лишь какъ 13:31. Серьезный образъ мысли и возвышенные порывы понадобились 13. Развязность и веселость—11. Хорошо постичь домашнее хозяйство желаютъ 8. Способности къ наукѣ, критическій даръ, пытливость ума ставятъ выше всего 7. Любопытно, что съ тѣхъ поръ, какъ музыка ушла отъ простой звуковой иллюстраціи вѣчной любовной поэмы къ программамъ болѣе отвлеченнаго содержанія и часто даже философской окраски, симпатіи къ ней французской барышни значительно понизились. Мечту быть великою музыкальною артисткою выразили Оливье де-Тревиль только двѣ барышни, тогда какъ честолюбіе отличиться въ живописи

оказалось у четырехъ, а въ поэзіи—у шестерыхъ. Къ совершенству въ спортѣ вожделѣли двѣ, но также и двѣ сдѣлали къ своимъ показаніямъ приписку: не надо спорта!

— Въ этихъ признаніяхъ,—приводитъ списокъ де-Тревиля къ одному знаменателю Реми де-Гурмонъ,—такъ мало «революціи», что можно вообразить себя въ вѣкѣ королевы Амеліи или въ тѣ времена, когда королева Берта пряжу пряла!

Сказать по-нашему: при царѣ Горохѣ!

Любить и быть любимою—весь смыслъ жизни для французской женщины буржуазнаго строя. Она обожаетъ житейскій комфортъ, но жажда богатства въ ней очень невелика, и пріобрѣтательный инстинктъ умолкаетъ, какъ скоро она видитъ своихъ любимыхъ близкихъ обезпеченными на безбѣдное существованіе, на возможность жить, что называется, не хуже людей: bons bourgeois. Октавъ Мирбо очень умно и тонко поставилъ въ своей пьесѣ «Les affaires sont les affaires» рядомъ съ ненасытнымъ хищникомъ-милліонеромъ, Изидоромъ Леша, фигуру его жены, которую въ ужасъ приводитъ почти машинальное наростаніе ихъ несмѣтныхъ богатствъ—замки, земли, кредитныя побѣды... Во французѣ-мужчинѣ вѣчно живъ темпераментъ воина: за упраздненіемъ «великихъ Конде», Тюренней, Неевъ, Наполеоновъ, этотъ темпераментъ, приспособляясь къ духу времени, бросаетъ Леша и Саккаровъ въ биржевыя кампаніи, съ битвами, хоть и безъ холоднаго и огнестрѣльнаго оружія, но тоже на жизнь и смерть, со всѣми ужасами и отвѣтственностями человѣческой взаимонеnависти. Если живъ, хоть и перерядился на новый ладъ, исконный французскій боецъ—истинный галльскій пѣтухъ—весельчакъ, любезникъ, драчунъ и каналья, то нѣтъ мудренаго сохраниться въ неприкосновенности и женѣ этого забіяки, la belle chatelaine—прекрасной, немножко игривой, но, въ концѣ концовъ, все-таки очень цѣломудренной блюстительницѣ

средневѣкового замка, и невѣстѣ, которая пряла въ башнѣ на золотой прялкѣ серебряныя нитки, въ влюбленномъ ожиданіи своего рыцаря: «Иль на щитѣ, иль со щитомъ вернусь къ тебѣ изъ Палестины»!.. Тѣмъ болѣе, что къ наилучшему консервированію сихъ антиковъ и общество, и школа приложили, какъ мы видѣли, замѣчательно дружныя усилія.

1905.

Прошлое гражданскаго брака.

Въ настоящее время довольно много шума въ печати дѣлаетъ письмо г-жи Несторъ и г. Огузъ, торжественно огласившихъ черезъ газеты свой гражданскій бракъ, за невозможностью или за нежеланіемъ вступить въ бракъ церковный. Поступокъ г-жи Несторъ и г. Огузъ вызвалъ цѣлый рядъ интервью съ писателями, изъ которыхъ самыя умныя и дѣльныя мнѣнія высказали Леонидъ Андреевъ и г. Розановъ. Первый—объ идейной сторонѣ публикаціи: что не стоило такъ много шума дѣлать, чтобы похвалиться практическимъ примѣненіемъ института, который въ русской интеллигентной средѣ давнымъ давно уже упрочился и процвѣтаетъ, при безмолвномъ признаніи его фактической необходимости со стороны общества, формально скованнаго запретными традиціями церкви. Второй—о христіанскомъ оправданіи брака простымъ согласіемъ двухъ сторонъ, даже и съ церковой точки зрѣнія. По компетентному мнѣнію такого знатока церковныхъ вопросовъ, какъ В. В. Розановъ, таинство брака осуществляется именно общественнымъ оглашеніемъ желанія сторонъ быть мужемъ и женою. Самый же обрядъ вѣнчанія религіозно не обязателенъ, такъ какъ онъ лишь результатъ и форма государственнаго захвата брачныхъ отношеній подъ свой контроль. Эру захвата этого В. В. Розановъ относитъ къ X-му вѣку, то есть къ проникновенію въ Россію христіанства въ византійскихъ его формахъ.

Эра, конечно, правильная. Но она слишкомъ рѣшительна, такъ какъ можетъ опредѣлять собою лишь начало претензій церкви, внесшей въ удѣльно-вѣчевую Русь вѣянія византійской государственности и ея властное каноническое право, подчинить себѣ институтъ свободнаго брака, столь характерный для зари всѣхъ славянскихъ народовъ. Но было бы ошибкою думать, чтобы институтъ этотъ сдался византійскому новшеству безъ борьбы. И борьба была не только упорная, но и долгая. Въ каждой новообращенной славянской странѣ христіанство начинало свое вліяніе епископскими судами, въ компетенцію которыхъ, въ первую очередь, входили дѣла о неправильныхъ (съ церковной точки зрѣнія) бракахъ. Задачею судовъ этихъ было лишить гражданскихъ правъ браки, которые возникали, существовали и прекращались, такъ сказать, въ явочномъ порядкѣ, обходя пришлый епископскій авторитетъ.

Многоженство—не коренной славянскій институтъ,—наносный отъ тюркскихъ кочевниковъ, но христіанство застало славянъ въ многоженствѣ, не только укоренившемся, но и обычномъ, юридически признанномъ. Церковные суды объявили многоженству рѣшительную борьбу. Однако, уничтожить гражданскую сторону полигамическаго брака христіанство не смогло даже на первыхъ порахъ своихъ, даже въ семьѣ такого благочестиваго человѣка, какъ креститель Руси, Владиміръ Святой. Онъ разстался съ своимъ языческимъ гаремомъ, но его новый христіанскій бракъ не погасилъ законности прежнихъ браковъ, и дѣти отъ Анны греческой не получили въ надѣлахъ своихъ преимуществъ предъ дѣтьми отъ Мальфриды, Рогнѣды, плѣнной инокини, вдовы Ярополка. Духъ рода еще торжествовалъ надъ силою церковнаго обряда, и актъ условленно-открытаго плотскаго сожительства и дѣторожденія былъ властнѣе мистическихъ понятій и словъ. Очень можетъ быть, что Борисъ и Глѣбъ погибли жерт-

вами именно церковной попытки провести преимущество первородства въ христіанской семьѣ надъ родовымъ старшинствомъ въ свободномъ языческомъ бракѣ. Но и затѣмъ славянскій обычай отстаивалъ свое право соединять христіанство съ полигаміей цѣлыми столѣтіями. Иногда же оно охватывало славянскіе края съ новою силою, какъ вспышка угасающаго пожара. Такъ было, напримѣръ, въ Польшѣ, въ XVI-мъ столѣтіи. Учащеніе многоженства стало замѣтнымъ еще въ началѣ вѣка,—въ концѣ же его (1573) краковскій епископъ Франпискъ Красинскій жалобно характеризуетъ полигамію, какъ обычай всеобщій. Тутъ надо очень помнить, что дѣло идетъ не о наложничествѣ, но именно о законномъ бракѣ, получавшемъ юридическую силу черезъ обычай, помимо церкви,—«кромѣ сея вѣры нашея и *греческое* благовѣрьство житія», какъ типически жалуются на русскихъ многоженцевъ правила митрополита Іоанна. Такъ что одноженство, то есть лишеніе гражданскихъ правъ всѣхъ женщинъ, съ которыми живетъ мужчина, кромѣ одной, церковно обвѣнчанной, признавалось на Руси чужимъ, греческимъ, духовнымъ вторженіемъ, подобно тому, какъ чехи почитали его насиліемъ нѣмецкаго католическаго духовенства. Что касается наложничества, оно представляло собою институтъ особый, и еще Несторъ умѣлъ различать «водимыхъ женъ» отъ наложницъ. И эти послѣднія также не были совершенно безправны предъ лицомъ церковнаго брака. Владимиръ Святой былъ «робичичъ»—сынъ наложницы, равно какъ и многіе князья и именитые люди удѣльно-вѣчевого періода. Московскіе вѣка сурово гнали конкубинатъ, но петровская реформа и екатерининъ вѣкъ умягчили нравы. XVIII столѣтіе—эпоха возникновенія дворянскихъ фамилій, возникшихъ изъ знатнаго конкубината: Репнины, Бецкіе, Бобринскіе, одна вѣтвь Татищевыхъ, Лицыны, Рапцовы и пр. Что въ сознаніи множества даже очень религіозныхъ людей обрядъ вѣнчанія, и

въ XVIII вѣкѣ, оставался скорѣе повинностью внѣшняго суевѣрія и приличія, чѣмъ сознательною потребностью вѣры, свидѣтельствуютъ до комизма легкомысленныя многоженства, которыми необычайно богата сказанная эпоха. Когда скончался одинъ изъ дядей знаменитаго Вигеля, къ испуганному племяннику явились просить помощи восемь овдовѣвшихъ тетокъ, потому что «честность правилъ дяди была видна даже среди волненій его страстей; слово «наложница» пугало его добродѣтель, и всякій разъ онъ, влюбясь въ какую-нибудь простую дѣвку, спѣшилъ соединиться съ нею законными узами».

Вторымъ дѣломъ, церковь наложила руки свои на свободу и порядокъ заключенія брака по согласію сторонъ. Всѣмъ извѣстна старинная языческая форма славянскаго брака черезъ «умыканіе», т. е. похищеніе невѣсты женихомъ по взаимному съ ней соглашенію. Похищеніе безъ согласія дѣвицы даже въ самыхъ древнихъ славянскихъ памятникахъ разсматривается, какъ наглый разбой, влекущій за собою жестокую родовую месть и смертную расправу. И, опять таки, церковные суды на Руси оказались безсильны справиться съ такъ называемыми «уволочскими» дѣлами («аще уволочеть кто дѣвку») въ теченіе восьми вѣковъ: въ 1722 году Петръ Великій передалъ эту компетенцію свѣтской власти. Въ Польшѣ разгаръ воскресшаго брака чрезъ умыканіе относится къ XVII вѣку. Въ сербскихъ земляхъ онъ держался до XIX вѣка,—быть можетъ, держится и сейчасъ. Вообще, въ концѣ концовъ, «умыканіе», въ эволюціонныхъ своихъ метаморфозахъ, оказалось непобѣдимымъ для церкви, и она должна была примириться съ нимъ въ рядѣ компромиссовъ, вынужденныхъ необходимостью выбора, чему торжествовать—или карѣ за брачное своеволіе, или принципу нерасторжимости брака, хотя бы заключеннаго черезъ своеволіе. Принципъ нерасторжимости былъ дороже для церкви. И, такимъ образомъ, вся исторія умыканія сводится къ скачкѣ съ препятствіями

двухъ захватовъ, которые справедливо отмѣтилъ г. Розановъ въ дѣлѣ Несторъ и Огузъ: если брачущіеся опережали церковно-государственный захватъ ихъ брачнаго права своимъ захватомъ воли побрачиться, то церкви и государству не оставалось ничего иного, какъ признать бракъ, заключенный противъ ихъ воли.

Церковное вѣнчаніе было и не по вкусу, и не по карману новокрещенному народу. Да и разстоянія въ древней Руси были такъ огромны, а пути сообщенія такъ трудны и опасны, что попа достигнуть и ханжѣ представлялось серьезнымъ странствіемъ. Люди же, религіозно безразличные, спокойно брачились фактически, такъ сказать, въ кредитъ будущаго таинства: набѣжитъ, молъ, попъ—такъ обвѣнчаемся, не набѣжитъ—такъ и безъ попа хорошо. Такъ и до сихъ поръ ведется у сибирскихъ инородцевъ, съ ихъ номинальнымъ христіанствомъ: оптовые браки post factum и оптовыя крестины. Обычай неблагословенныхъ свадебъ вокругъ ракитоваго куста благополучно дожилъ въ народѣ до XIX вѣка. Стенька Разинъ, который зналъ, какъ потрафлять на народную психологію, совсѣмъ отмѣнилъ церковное вѣнчанье въ пользу старинныхъ лѣсныхъ браковъ у священнаго дерева. Окраины Московскаго государства, въ особенности восточныя, всегда были пріютомъ гражданскаго брака, съ которымъ тщетно вело борьбу духовенство, хотя и усердно покровительствуемое царями. За неблагословенные браки били батогами, сажали въ тюрьмы, ссылали, а они, знай себѣ, держались и процвѣтали. Гражданскій бракъ даже и сейчасъ еще извѣстенъ во многихъ заволжскихъ углахъ подъ типическимъ названіемъ сибирскаго. Дѣйствительно, Сибирь и была, и осталась классическимъ пріютомъ безцерковныхъ союзовъ, что̀ объясняется тамъ не только рѣдкостью церквей и религіознымъ индифферентизмомъ сибиряковъ, но и безумною дороговизною мѣстныхъ свадебныхъ гуля-

нокъ *). Расколъ получилъ благословеніе на гражданскій бракъ еще отъ протопопа Аввакума: «аще кто не имать іереевъ да живетъ просто». Государственное отрицаніе гражданскихъ правъ за внѣцерковными браками старообрядцевъ началось лишь съ тридцатыхъ годовъ XIX в., когда воинствующій николаевскій Сvнодъ открыто принялъ подъ защиту свою сотни ренегатовъ, воспользовавшихся буквою свирѣпаго закона, чтобы покинуть и разорить своихъ не вѣнчанныхъ женъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, старообрядческій гражданскій бракъ устоялъ противъ преслѣдованій не только въ раціоналистическихъ сектахъ, каковы молокане, или у мистиковъ, какъ духоборы, но даже и въ пріемлющихъ священство торговыхъ группахъ старой вѣры, и даже у городскихъ безпоповцевъ не нашлось большой охоты, ради формы, сгибать голову «подъ большіе колокола». Народная совѣсть честно замѣнила законъ обычаемъ, и подлости противъ семьи, не огражденной закономъ, въ старообрядчествѣ очень рѣдки. Расколъ выдержалъ характеръ и заставилъ-таки признать свой бракъ. Еще недавно вся сановная Москва то и дѣло угощалась и пировала въ домѣ знаменитаго фабриканта-старообрядца (впослѣдствіи застрѣлившагося) и очень почтительно лобызала ручку красивой и образованной супруги его, и никого изъ этихъ презосходительствъ, свѣтлостей и сіятельствъ нисколько не смущало соображеніе, что милліонеръ обвѣнчанъ со своею супругою—лишь трижды объѣхавъ съ нею въ саняхъ вокругъ священнаго озера. Но вѣдь съ равнымъ правомъ можетъ считать себя обвѣнчаннымъ съ нею и кучеръ, который тогда ихъ возилъ,—острила Москва. Странность перваго вѣнчанія не помѣшала впослѣдствіи одному изъ самыхъ вліятельныхъ превосходительствъ даже жениться на вдовѣ покойнаго капи-

---

*) См. мои „Сибирскіе этюды", изд. 2 е, или повѣсть „Побѣгъ Лизы Басовой" въ „Фантастическихъ правдахъ". (Москва, у Сытина).

талиста, какъ скоро она унаслѣдовала милліоны. «Тако, по надобности, и закону премѣна бываетъ».

Обѣднѣніе, недороды всегда сказываются въ народѣ учащеніемъ гражданскихъ браковъ въ ущербъ церковнымъ, которые, вслѣдствіе алчности иныхъ поповъ съ таксами, становятся крестьянству недоступными. Толкаетъ крестьянъ въ гражданскій бракъ и совершенная уже недостижимость для нихъ развода—едва-ли не самаго дорогого процесса русскаго. Въ мѣстностяхъ, гдѣ мужчины живутъ отхожимъ или морскимъ промысломъ, а бабы эманципировались одиночествомъ и монополіей домохозяйства, гражданскій бракъ быстро пускаетъ корни и начинаетъ предпочитаться церковному. Еще недавно я имѣлъ письмо изъ Архангельской губерніи о безцерковномъ брачномъ союзѣ въ знакомой крестьянской семьѣ, который такъ и характеризовался—«гражданскій бракъ». То же самое въ пріисковыхъ мѣстностяхъ, на заволжскихъ солеварняхъ, на Поморьи. Во множествѣ мѣстностей русскихъ, въ особенности на сѣверныхъ, былыхъ новгородскихъ земляхъ,—церковному браку обязательно предшествуетъ долгое внѣбрачное «пробное» сожительство невѣсты съ женихомъ, при чемъ, въ случаѣ появленія на свѣтъ потомства, фактическій авторъ его обязанъ выдавать матери извѣстное содержаніе, даже еслибы разошелся съ нею, и бракъ не состоялся бы. Такъ называемое «привѣнчиваніе» дѣтей, теперь съ 1902 года утвержденное очень запоздалымъ закономъ, въ обычаѣ русскомъ держится уже десятки десятилѣтій. Самъ Петръ Великій подалъ примѣръ тому, «привѣнчавъ» въ бракѣ съ Екатериною I дочерей своихъ Анну и Елизавету, впослѣдствіи императрицу.

Что касается современнаго интеллигентнаго общества русскаго, то, конечно, Леонидъ Андреевъ совершенно правъ, находя, что гг. Несторъ и Огузъ не стоило устраивать такой громкой помпы изъ-за такого обыденнаго дѣла, какъ интеллигентный гражданскій бракъ. Однажды, въ Петер-

бургѣ, на юбилейномъ обѣдѣ М. Г. Савиной, гдѣ собрался весь цвѣтъ столичной интеллигенціи, я и художникъ К., между томительными рѣчами, отъ скуки стали считать, кто изъ присутствующихъ за столомъ можетъ похвалиться, что онъ прожилъ жизнь свою въ единобрачіи по церковному правилу и обряду. Обѣдало человѣкъ 300, но врядъ ли мы насчитали даже 30. У Лѣскова даже, который былъ ханжа, и то есть разсказъ о «Дамѣ и фефелѣ», въ высшей степени сочувственный гражданскому браку въ литературной средѣ и очень мрачно рисующій неразрывныя узы незадачи въ бракѣ церковномъ; о лѣвыхъ писателяхъ — нечего и упоминать: ихъ протесты противъ брачныхъ закрѣпощеній безсчетны. Въ литературныхъ организаціяхъ взаимопомощи гражданскій бракъ имѣетъ такое же юридическое признаніе, какъ церковный, и даже больше, потому что подобнымъ организаціямъ не разъ приходилось отстаивать, напримѣръ, наслѣдственныя права фактической гражданской семьи покойнаго литератора противъ претензій семьи по законнымъ документамъ давно прекратившагося, но формально нерасторгнутаго брака. Очень часто подобныя претензіи возникали на почвѣ бывшихъ когда-то въ модѣ, фиктивныхъ церковныхъ браковъ, значительная часть которыхъ изъ-за того и заключалась, чтобы стороны нашли свободу для фактическаго гражданскаго брака съ третьими лицами, не обладающими наличностью правъ къ супружеству. Сближеніе народностей русскихъ, потребности запретныхъ церковью союзовъ съ лицами не православнаго и даже не христіанскаго исповѣданія являются частыми факторами и гражданскаго брака и — какъ вспомогательной ступени къ нему — фиктивнаго. Особенно часты гражданскіе браки между евреями и русскими женщинами и, обратно, между еврейками и русскими мужьями. Вообще — сейчасъ, вопросъ о томъ, вѣнчана или не вѣнчана въ церкви жена литератора, художника, артиста, адвоката, словомъ, интеллигента свободныхъ профессій, —

въ городской жизни—врядъ ли очень интересуетъ кого-либо посторонняго, кромѣ участковаго пристава, прописывающаго ихъ паспорта. И немногочисленные ригористы, «зубры» своего рода, пытающіеся «лѣзть не въ свое дѣло», частенько попадаютъ въ глупѣйшія положенія. Церковно женатый X. встрѣчаетъ граждански женатаго Z. и снисходительно освѣдомляется о семьѣ его, но «женою» и м-мъ Z. назвать не хочетъ, а «дамою сердца» или тому подобнымъ милымъ прозвищемъ не смѣетъ. Поэтому мямлитъ и мычитъ:

— Ме-ме-ме-ме... Ну, какъ поживаетъ ваша прелестная.... ме-ме-ме-ме?.....

— Недурно, благодарю васъ, — съ хладнокровіемъ отвѣчаетъ Z.,—а какъ драгоцѣнное здоровье вашей очаровательной бе-бе-бе-бе?

У гражданской жены У. трудное, длинное имя. Нѣкоторый писатель, святоша и фатъ, бесѣдуя съ нею о мужѣ, тонко даетъ ей догадаться, что супругами ихъ не считаетъ. Подслащая пилюлю, онъ, въ разговорѣ, учащенно величаетъ г-жу У. по имени и отчеству.

— Зачѣмъ вы даете себѣ столько труда?—спокойно остановила его молодая женщина.—Зовите меня, какъ всѣ: м-мъ У.... этого довольно!

Князь X.—плодъ гражданскаго брака очень знатной особы съ гувернанткою. Отецъ, человѣкъ очень порядочный, узаконилъ его. Молодой человѣкъ, на высотѣ, заважничалъ, забылся, сталъ заносчивъ и дерзокъ. Однажды, ухаживая за не весьма уже молодою актрисою W., о которой весь Петербургъ знаетъ, что она давнымъ давно—гражданская жена художника V., князекъ упорно, подчеркнуто, вызывающе зоветъ ее не мадамъ, но мадемуазель.

W., съ растроганнымъ лицомъ, благодарно беретъ его за обѣ руки.

— Милый! Вотъ когда я вѣрю, что вы, дѣйствительно, любите меня, какъ... свою родную мать!

— Мадемуазель?!

— Да, да. Вы не замѣчаете даже, какъ вы меня съ нею смѣшиваете....

Всѣ эти три случая—съ петербургской натуры.

Свобода брака опредѣляется двумя моментами его: заключеніемъ и прекращеніемъ—одинаково по волѣ брачущихся сторонъ. Начиная съ IX вѣка, повсемѣстно въ славянскихъ земляхъ восточная и западная церкви борются съ усвоенною обычаемъ свободою развода. Такъ называемый «отпускъ» женъ былъ распространенъ и въ удѣлахъ, и въ Московскомъ государствѣ, къ нему не стѣснялись прибѣгать даже недовольные своими супругами князья, вѣрные союзники и опорные столпы церкви: Симеонъ Ивановичъ Московскій, Всеволодъ Александровичъ Холмскій. Отпускъ жены не препятствовалъ вторичному браку ни жены, ни мужа,—только съ XVI вѣка священнослужителямъ запрещено благословлять вторые браки лицъ, произвольно разрушившихъ свой первый бракъ: «на тотъ бракъ не ходи, иже двоеженецъ, или (!) треженецъ, или мужъ жену пуститъ *безъ вины*. Если же съ виною пуститъ, то, значитъ, можно вѣнчать: дѣло сводилось къ взаимодовѣрію между попомъ и прихожаниномъ. Въ Польшѣ знаменитый Болеславъ отпустилъ послѣдовательно двухъ женъ, пока не нашелъ счастья въ третьей. Въ концѣ XVI вѣка Генрихъ Валуа, избранный въ короли польскіе, еще долженъ былъ присягать, что онъ не разведется съ женою иначе, какъ въ церковномъ порядкѣ. Отпуску женъ мужьями соотвѣтствовало такое же произвольное оставленіе женами мужей, слѣды котораго доходятъ въ русскихъ памятникахъ также до XVI вѣка. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ съ отпускомъ супруговъ не церемонились ни знатные мужья, въ родѣ Ягужинскаго, либо Ганнибала (прадѣдъ Пушкина), ни знатныя жены, въ родѣ графины Бутурлиной или графини Апраксиной, устраивая безцерковные разводы или по собственному произволу или съ одобренія свѣтской власти.

Петръ поддержалъ разводъ Ягужинскаго, Елизавета, несмотря на свое ханжество, была также терпима къ разлученію супруговъ, Екатерина, по себѣ знавшая, что за радость жизнь съ противнымъ мужемъ, дала разводу фактическую свободу. Катонъ вѣка ея, кн. Щербатовъ насчитываетъ разошедшіяся пары въ Москвѣ и въ Петербургѣ цѣлыми сотнями. Манію развода высмѣивали Фонъ-Визинъ и молодой Крыловъ.

Что произволъ односторонняго развода искони былъ сильнѣе церковнаго закона, свидѣтельствуетъ ранній компромиссъ церковнаго происхожденія, которымъ разводу этому, въ качествѣ faute de mieux, придавалась, по крайней мѣрѣ, хоть внѣшняя каноническая окраска: постриженіе одного изъ супруговъ въ монашество,—дѣйствительное или фиктивное, ибо «клобукъ не гвоздемъ ко лбу прибитъ», острили русскіе люди. Этотъ способъ отдѣлываться мужьями отъ женъ и женами отъ мужей, современемъ, сталъ лютою язвою семейной жизни въ царствѣ Московскомъ. Сотни отвратительнѣйшихъ злоупотребленій заставили въ XVII вѣкѣ выступить противъ развода чрезъ постриженіе ту же самую церковь, которая въ XI-мъ и XII-мъ вѣкахъ дала это обоюдоострое оружіе въ руки недовольныхъ супруговъ. Было запрещено постригать женатыхъ молодыхъ людей, безъ согласія женъ и родителей (1667 г.). Однако запрещеніе, должно быть, плохо дѣйствовало, потому что въ 1681 году патріарху Іоакиму пришлось его подтвердить особымъ предписаніемъ. Но патріаршія предписанія не предвидѣли Петра, который монашество ненавидѣлъ, но сестру и первую жену свою постригъ. Разведенную жену Ягужинскаго онъ тоже вынудилъ постричься. Царевичъ Алексѣй самъ просился отъ него въ монастырь. Вообще, Петръ, какъ человѣкъ, еще полный отголосками старой Москвы, находилъ монастырь очень удобнымъ видомъ безкровной гильотины, тихимъ способомъ гражданской смерти.

Еще менѣе властна была церковь надъ разводомъ двустороннимъ, по мирному соглашенію желающихъ разлучиться супруговъ. Такъ называемыя разводныя письма, упоминаемыя еще Герберштейномъ, благополучно дѣйствовали въ Россіи, вопреки соборнымъ воспрещеніямъ и патріаршимъ грамотамъ, до второй половины XVIII вѣка: только въ 1769 году, т. е. въ Екатерининъ вѣкъ, былъ изданъ законъ, рѣшительно воспретившій такое, уже совершенно гражданское, погашеніе брака. Но мы видѣли, что, противодѣйствуя разводу de jure, фактически Екатерина была на его сторонѣ, и потому власти смотрѣли сквозь пальцы, а самовольные разводы практиковались почти открыто и свободно до воцаренія Павла. Ему, мстительному сыну несчастнаго брака, въ которомъ взяли верхъ самостоятельность и геній женщины, принадлежатъ тѣ рѣзкія ограниченія свободы брака вообще и, въ частности, по разводу, которыя вошли впослѣдствіи въ николаевскій сводъ законовъ. Извѣстно, что ограниченія эти суровѣе, чѣмъ требуетъ даже Кормчая книга, и Павелъ выдержалъ изъ-за нихъ цѣлый богословскій споръ съ президентомъ Сѵнода, митрополитомъ Гавріиломъ, который, несмотря на свой высокій духовный санъ и преклонный возрастъ, оказался гораздо либеральнѣе. Вообще, духовенство не было противъ разводныхъ грамотъ—настолько, что еще въ 1730 году понадобился указъ противъ священниковъ, которые, по просьбѣ духовныхъ дѣтей, скрѣпляли своими свидѣтельскими подписями самовольныя разводныя письма. Шестьдесятъ лѣтъ спустя Павелъ бросилъ Сѵноду въ упоръ обвиненіе, что духовенство потворствуетъ и разводамъ, и новымъ бракамъ разведенныхъ. Образцы разводныхъ грамотъ сохранились въ достаточномъ количествѣ, чтобы судить о силѣ и характерѣ этого правового обычая. Въ одной изъ нихъ, отъ 1697 года, особо оговорено разрѣшеніе мужу жениться на другой. Такъ было на верхахъ общества. Въ народѣ раз-

водъ осуществлялся еще того проще. Старинный, языческій бракъ заключался у воды, разорвать его также можно было лишь у воды, и языческій разводъ на много вѣковъ пережилъ языческую свободу. Мужъ и жена становились по двумъ сторонамъ ручья и тянули черезъ него тонкое полотенце, покуда оно не разрывалось пополамъ. Кусокъ символическаго холста оставался въ рукахъ мужа, кусокъ въ рукахъ жены, и бракъ объявлялся уничтоженнымъ, а супруги—вольными идти, куда имъ угодно, и жить—каждому по своей волѣ и съ кѣмъ хочетъ. Въ Черногоріи очень схожій обрядъ существовалъ еще въ XIX вѣкѣ, при чемъ, если расторгаемый бракъ продолжался болѣе десяти лѣтъ, мужъ обязанъ былъ выдавать женѣ пенсію въ размѣрѣ, опредѣляемомъ мірскою сходкою.

Итакъ, мы видимъ, что процессъ закрѣпощенія русскаго брака закончился не такъ ужъ безнадежно давно, и что въ вопросѣ о раскрѣпощеніи его современность колеблетъ совсѣмъ не тысячелѣтія и даже не вѣковыя традиціи, а просто-напросто сводъ законовъ Николая I, который санкціонировалъ пылкіе запреты Павлова trop de zèle. Только конецъ XVIII и первая половина XIX вѣковъ объявили безповоротными преступленіями — какъ произвольное вступленіе въ бракъ, такъ и произвольное его прекращеніе, а церковное бракосочетаніе и церковный разводъ обставили узкими ограниченіями, которыя превратили гражданскій бракъ, какъ естественный суррогатъ, изъ случая въ постоянное явленіе и изъ возможности въ необходимость. Даже въ вѣкѣ Ярослава умѣли уважать психологическія и экономическія причины къ разводу. Такъ — супруги имѣли право разойтись, если одна сторона убѣждалась, что другая промышляетъ воровствомъ, если мужъ, обремененный долгами, грабилъ имущество жены. Въ московскій періодъ—если мужъ былъ настолько тяжело боленъ, что пришлось совершить надъ нимъ обрядъ соборованія, то, по выздоровленіи, воля жены была

*

жить съ нимъ дальше или покинуть его, какъ заживо мертваго, и выйти за другого (Маржеретъ). Вообще, старая Русь, при всѣхъ деспотическихъ недостаткахъ ея брачнаго уклада, имѣла на вопросъ о брачной устойчивости взглядъ довольно трезвый. Его превосходно выразилъ послѣднiй человѣкъ старой Москвы и первый человѣкъ новой Россiи, Петръ Великiй, когда уговаривалъ Ягужинссаго развестись съ женою, одержимою припадками меланхолiи: «Богъ установилъ бракъ для облегченiя человѣка въ горестяхъ и превратностяхъ жизни, дурное супружество прямо противно волѣ Божiей, и потому столько же справедливо, сколько и полезно, расторгнуть его; продолжать же его крайне опасно для спасенiя души». Лишь XIX вѣкъ, создавшiй государственную и духовную бюрократiю, постарался, въ союзѣ этихъ двухъ страшныхъ силъ, обратить церковный бракъ въ пожизненную тюрьму безъ просвѣтовъ и щелочекъ на свободу, съ довѣчными кандалами обрядовой формалистики, нерасторжимой между двумя существами, даже когда между ними расторгнуто все и по душѣ, и по плоти. Такъ что въ IX-го и X вѣкахъ, о которыхъ помянулъ г. Розановъ, гг. Несторъ и Огузъ, пожалуй, еще никого не удивили бы, да и не нуждались бы въ громкомъ оглашенiи своего гражданскаго союза: онъ былъ бы въ порядкѣ вещей. «Бунтъ» ихъ—гораздо современнѣе. Онъ идетъ далеко не противъ глухой старины, а, напротивъ, воюетъ лишь съ результатами тѣхъ, еще не столѣтнихъ даже, новшествъ, что внесены въ русскiй семейный строй бюрократическимъ дыханiемъ Павловщины и Николаевщины. Россiя успѣла уже столько изъ наслѣдiй эпохъ этихъ переработать на новое, что неприкосновенными святыни ихъ почитаться болѣе нигдѣ не могутъ. Россiя сняла безобразные николаевскiе мундиры съ сословiй, суда, войска, науки, литературы,—пора ей снять старый заношенный мундиръ и съ брачнаго института. Или—не удивляться, что общество, выросшее

изъ брачнаго мундира, вовсе перестаетъ его добиваться, и союзъ мужчины и женщины все чаще и чаще находитъ осуществленіе самъ по себѣ, по взаимнымъ довѣрію и совѣсти, равнодушно обходя и угрозу церкви — грѣхомъ, и угрозу государства — семейнымъ безправіемъ.

1907.

Насильники.

Прочиталъ я объ отвратительномъ преступленіи на Николаевской желѣзной дорогѣ, разоблаченномъ, благодаря студенту Феликсу Борецкому....

— Опять!... Когда же этимъ свинствамъ конецъ будетъ?

Въ то время, какъ мы, передовые россіяне XX-го вѣка, жуемъ и пережевываемъ вопросъ о женскомъ политическомъ равноправіи, съ тѣмъ, чтобы, въ конечномъ результатѣ жеванія, выплюнуть постыдное «нѣтъ», — нравы милаго отечества нашего весьма замѣтно и увѣренно пятятся къ вѣку X-му: къ древлянской патріархальности, которая умыкала женъ у воды, жила обычаемъ звѣринымъ и срамословила предъ матерями и снохами своими. Тонъ этому восхитительному попятному движенію общественнаго темперамента дали, конечно, безстыдства разнузданныхъ хулигановъ, на службѣ у погромной политики, воинствующей подъ знаменемъ «Все позволено». Пресловутое паломничество черной сотни за оптовою индульгенціей отъ іерусалимскаго патріарха сѣло на мель. Но оно, собственно говоря, и не нужно было, — лишняя роскошь. Они, паломники эти, давнымъ-давно сами себѣ все позволили. Сейчасъ по Руси мечется, будто стая бѣшеныхъ волковъ, не одна сотня, быть можетъ, даже не одна тысяча, ополоумленныхъ проклятымъ девизомъ этихъ человѣкоподобныхъ павіановъ—Карамазовыхъ, которымъ карамазовщину прививаетъ политика не только ласкательной и заигрывающей, но даже взяточной без-

наказанности. Все позволено,—лишь бы «мѣткій твой кистень» пребылъ съ нами во всѣ дни, всегда наготовѣ засвистать надъ враждебнымъ станомъ «погибающихъ за великое дѣло любви»! Россія переживаетъ сейчасъ времена, очень похожія на тѣ, когда по Италіи бродили стада двуногаго сброда, которыя народъ выразительно называлъ «сволочью Бурбона». Встрѣча съ сими человѣкообразными несла для мужчины грабежъ и смерть или увѣчье, а для женщины—непремѣнное изнасилованіе. И на нихъ не было никакого суда—ни человѣческаго, ни божескаго. Потому что re Bomba авансировалъ имъ уголовную амнистію, а папа Пій IX отпущеніе грѣховъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ. При всей своей гуманности, при всемъ своемъ отвращеніи къ пролитію крови, Гарибальди разстрѣливалъ «сволочь Бурбона», именно какъ бѣшеныхъ волковъ.

«Сволочь Бурбона», въ Италіи, была арьергардомъ и отраженіемъ арміи и полиціи деспотическаго королевства, развивавшихъ тѣ же нравы. Русскимъ, пережившимъ 1905—1907 годы: ужасы черносотенныхъ погромовъ и усмирительныхъ экспедицій, тутъ комментаріи излишни: sapienti sat!..... Позволю себѣ напомнить читателямъ маленькій эпизодъ изъ исторіи еще первой Думы, навѣрное, забытый ими,—такъ мимолетно скользнулъ онъ въ отчетахъ, да и приключился-то онъ чуть ли не въ предпослѣднее засѣданіе покойнаго «парламента». Кто-то изъ депутатовъ требовалъ интерпелляціи по поводу отчаянныхъ телеграммъ изъ Подольской губерніи, что «солдаты насилуютъ дѣвушекъ и разбиваютъ сундуки». Противникомъ интерпелляціи выступилъ Михаилъ Стаховичъ. Онъ съ жаромъ доказывалъ, что Думѣ незачѣмъ отвлекаться отъ очередныхъ занятій, такъ какъ запросъ, возбуждаемый по поводу подольской телеграммы, не принадлежитъ къ числу спѣшныхъ.... До какого отчаянія въ странѣ своей надо дойти, чтобы провозгласить вопросомъ второстепенной

категоріи и неспѣшнымъ къ разрѣшенію протестъ противъ изнасилованія женщинъ: есть, молъ, у насъ счеты кое съ чѣмъ поважнѣе!... На чувствѣ русскаго человѣка, уже нѣсколько лѣтъ одержимаго, изо дня въ день, чудовищными впечатлѣніями совершенно сказочной дѣйствительности, набился претолстый мозоль, который болитъ только въ томъ случаѣ, если на него наступаютъ прямо и непосредственно.

Когда вся Россія полна была шумомъ по дѣлу Спиридоновой, пріятель, возвратившійся изъ Ниццы, разсказывалъ мнѣ разговоръ, случайно слышанный имъ на Promenade des Anglais, между двумя няньками, завезенными изъ Россіи катать вдоль моря въ колясочкахъ какихъ-то высокопоставленно-рахитическихъ дѣтей. Русскія Ѳетиньи чрезвычайно интересовались участью Спиридоновой, ужасались ея жестокими страданіями, ругали ея палачей и очень одобряли лицъ, энергически развивающихъ ея защиту. Но и критиковали.

— Вишь! — сказала одна изъ Ѳетиній — какъ господа крѣпко взялись, когда это самое дѣло дошло до своей сестры...

Стрѣла простодушная, несомнѣнно неумышленная, но тѣмъ болѣе болѣзненно ранящая нашего брата, интеллигента, прямо въ сердце. Вѣдь, вѣрно, правда это, господа. До того прочно рабство, столѣтіями воспитаннаго въ насъ и не успѣвшаго еще перевоспитаться, стараго классоваго чувства, со всѣми натертыми мозолями его симпатій и безразличій, что даже для такой примитивной эмоціи, какъ возмущеніе нарушеніемъ женской чести, русскому обществу необходимо было дождаться, чтобы это дѣло, какъ выражается ниццская Ѳетинья, «дошло до своей сестры». Дѣло Спиридоновой всколыхнуло негодованіемъ всю Россію, а потомъ Европу и Америку, потому что была опозорена интеллигентка, гимназистка, революціонерка. Сколько исключительныхъ условій, отяг-

чающихъ вину, чтобы мерзости Жданова и Аврамова произвели должное впечатлѣніе. Все, что пережила Спиридонова, безпредѣльно ужасно. Но, увы, не одна Спиридонова въ Россіи.—Какъ водится у насъ, затрепавъ своимъ вниманіемъ единичный актъ насилія до того, что онъ сталъ нарицательнымъ, общество гипнотизировалось имъ, почти не отвѣчая на тѣ видѣнія, однородныя и еще болѣе чудовищныя, которыя клубятся позади этой гипнотизирующей точки. Спиридоновыхъ въ Россіи была не одна, а сотни. Но эти, сотнями исчисляемыя Спиридоновы, не учились въ гимназіяхъ, не участвовали въ политическихъ партіяхъ, не стрѣляли въ чиновниковъ,—словомъ, для интеллигенціи, для образованныхъ людей, пишущихъ въ газетахъ и проповѣдующихъ съ трибунъ и каѳедръ, онѣ не были «своими сестрами». И вотъ бѣда ихъ, къ стыду общества, оказалась—какъ-будто—въ полъ-бѣды. Она оставалась предметомъ теоретическихъ негодованій, безъ всякаго перехода въ практическій протестъ дѣйствіемъ. Эти несчетныя, темныя Спиридоновы страдали, гибли, позорились не за борьбу, не за войну съ правительствомъ, а просто потому, что онѣ женщины, что у нихъ есть женская честь, которую можно отнять, и есть достаточно вооруженныхъ скотовъ, охочихъ до этого занятія, которымъ женская честь предавалась въ наградное пользованіе—въ родѣ прибавки къ пайку, что ли, или приварка какого-нибудь.

Мы возмущались Спиридоновскимъ бѣдствіемъ. Но много ли въ Россіи женщинъ были гарантированы отъ того, что вся спиридоновская исторія не будетъ продѣлана съ ними, при томъ, съ гораздо большею легкостью, быстротою и удобствомъ, такъ сказать, въ упрощенномъ изданіи, чѣмъ продѣлывали господа Аврамовъ и Ждановъ, все-таки, хоть сколько-нибудь да стѣсненные—ну, просто хотя бы соображеніями о томъ, что ввѣрена имъ не какая-нибудь случайная, заурядъ преступница, а важная

политическая арестантка, которая и въ тюрьмѣ не безващитна, потому что за ея судьбою слѣдятъ глаза многихъ... Изъ того, что Аврамовъ и Ждановъ посягнули на Спиридонову, слѣдуетъ, что эти господа, не тѣмъ будь помянуты, были исключительно дерзкими и безстрашными по части какой бы то ни было отвѣтственности. Эти господа,—что называется, о двухъ головахъ. Но надъ тѣми злополучными сестрами Спиридоновой, которыя «не свои сестры», издѣвались и ругались совсѣмъ не исключительные изверги рода человѣческаго, а просто сѣрая солдатская блажь, одурѣвшая отъ крови, пожара, бойни по командѣ и любезной терпимости начальства ко всякому пороку.

Безчисленныя, безотвѣтныя, беззащитныя женскія жертвы солдатскаго разврата—быть можетъ, самый большой русскій ужасъ нашего времени, страшнѣйшій даже массовыхъ убійствъ, которыя одѣваютъ трауромъ города и села нашей родины.

Семья въ Россіи не есть соціальное правило, но лишь своеобразное государственное отличіе, даруемое за политическую благонадежность и отнимаемое за сомнительность оной. Еще въ тѣ дни, когда Оболенскій, послѣ знаменитыхъ безпорядковъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, положившихъ начало русской аграрной революціи, сѣкъ и истязалъ усмиренныхъ крестьянъ, генералъ, начальствовавшій экзекуціоннымъ отрядомъ, по окончаніи сѣкуціи, безцеремонно говорилъ выпоротымъ мужикамъ: «Теперь вы больше намъ не нужны, ступайте, хохлы, въ степь, а казаки позабавятся съ вашими бабами».

И хохлы, подъ берданками, шли въ степь, а деревня наполнялась воплемъ преслѣдуемыхъ бабъ... Мнѣ разсказывали очевидцы, что несчастныхъ позорили всенародно, въ солдатскомъ кругу, а вельможное начальство, укрывшись для приличія въ избу получше и почище, смотрѣло изъ оконъ, попивая шампанское, хохотало и отпускало

каламбуры... А мужики, безоружные, стояли въ степи, подъ дулами берданокъ... Вотъ тема беллетристу-психологу, не боящемуся натуралистическихъ картинъ...

Читая газетные отчеты и частныя письма объ усмиреніяхъ солдатами и, въ особенности, казаками русскихъ окраинъ, можно подумать, что тамъ дерутся съ крестьянами не люди и даже не черти, а полки переодѣтыхъ въ сѣрыя шинели и въ черкески сладострастныхъ обезьянъ. Что же? Въ индійской миѳологіи былъ и такой случай. У Вишну былъ союзникомъ обезьяній царь Гануманъ, онъ командовалъ обезьяньей арміей и даже благополучно побѣдилъ кого-то. Ну, такъ вотъ, я думаю, что въ моментъ своей побѣды эта обезьянья армія вела себя, все-таки, лучше, чѣмъ казаки въ Закавказьи, и ни о какомъ Гануманѣ нельзя разсказать того, что вытерпѣла бумага оффиціальнаго отчета по слѣдствію о злоупотребленіяхъ казаковъ-усмирителей, произведенному г. Вейденбаумомъ въ Шушинскомъ уѣздѣ. Если бы эти вещи не были засвидѣтельствованы оффиціальнымъ дознаніемъ, всегда склоннымъ смягчать происшествія, непріятныя для правительственной репутаціи, до минимумовъ дѣйствительности, эти строки можно было бы принять за отрывокъ изъ романа какого-либо сумасшедшаго эротомана, въ родѣ знаменитаго маркиза де-Садъ. Отчетъ г. Вейденбаума заключаетъ въ себѣ такія грязныя подробности, что прочитать ихъ вслухъ съ эстрады или съ каѳедры не поворотится самый смѣлый языкъ. А это уже не «революціонная сказка», но оффиціальный отчетъ!

«Командированная кавказскимъ намѣстникомъ слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ Г. Д. Вейденбаума, объѣхала пострадавшія армянскія селенія, свыше пятнадцати. Удостовѣрены факты грабежа и насилій; изнасилована родильница. Г. Вейденбаумъ лично посѣтилъ эту несчастную женщину. Въ Гюнэ и въ Чертазѣ констатированы многочисленные факты физическаго насилія.

грабежи и поджоги. Въ Сусѣ обнаруженъ большой грабежъ и фактъ поголовнаго избіенія крестьянъ, изнасилованія одиннадцати женщинъ и растлѣнія параличемъ разбитой двѣнадцатилѣтней дѣвочки, которую изверги вырвали изъ объятій старика-дѣда. Разслѣдованіе фактовъ произвело на комиссію невыносимо тяжелое впечатлѣніе. Сообщенія епископа Ашота объ ужасахъ не только подтверждаются, но блѣднѣютъ предъ дѣйствительностью. Нѣтъ селенія, гдѣ бы не были сожжены дома со всѣмъ имуществомъ. Въ Тугѣ сожженъ двухъэтажный домъ Муселяенца, съ хлѣбнымъ амбаромъ и складомъ мануфактурныхъ товаровъ. Вездѣ казакамъ давалась полная свобода. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ нѣсколько дней грабили, избивали, истязали, изнасиловали женщинъ и дѣвицъ, вырывая ихъ подъ часъ изъ рукъ отцовъ, братьевъ и мужей, ловя ихъ въ горахъ, въ садахъ и въ лѣсахъ. Рѣдко кто избавился отъ побоевъ, истязаній, ограбленія, а изъ женщинъ спаслась отъ позора лишь часть убѣжавшихъ или скрывшихся въ секретныхъ мѣстахъ домовъ. Въ селеніи Сосъ умеръ отъ побоевъ Аванесъ Айрапетянцъ. Товарищу прокурора было заявлено объ этомъ, но слѣдствія и вскрытія произведено не было до сихъ поръ. Мать Аванеса, семидесятилѣтняя старуха, изнасилована пятью казаками. Въ селеніи Азохѣ казаки требовали отъ Хосрова Карапетянца отдать жену. Получивъ отказъ, они повалили ее и изнасиловали. Одна азохская женщина изнасилована на глазахъ дѣтей, затѣмъ ее заставили цѣловать половые органы. Уничтожено казаками многое, чего не могли они взять. Награбленныя же вещи, навьючивъ ими лошадей, они отвезли въ переселенческое селеніе Скобелевку, частью же продавали дорогой. Пострадали преимущественно тѣ селенія, которыя подвергались раньше нападенію татаръ. Въ селеніи Чертазѣ саблей казака раненъ священникъ, у другого священника ограбленъ сосудъ со Св. Тайнами. Есть при

смерти избитые, неизлечимые, изувѣченные, преждевременные роды, выкидыши, случаи смерти новорожденныхъ. Въ горахъ многія женщины сдѣлались истеричными. Паника настолько сильна, что, когда комиссія подъѣзжала къ селеніямъ, женщины, несмотря на предупрежденія быть спокойными, бѣжали въ горы и въ сады. Названныя селенія окончательно разорены и опустошены на глазахъ мѣстныхъ военныхъ и административныхъ властей. Отрядъ былъ подъ начальствомъ полковника Веверна, офицеровъ Бирюлкина, Гаджіева, въ сопровожденіи уѣзднаго начальника Фрейлиха, мирового посредника Ермолаева, пристава Фота. Ермолаевъ по свидѣтельству многихъ, поощрялъ казаковъ, а нѣкоторые дома самъ обливалъ керосиномъ и поджигалъ».

(№ 76 „Тифл. Листка“).

Прудонъ говорилъ, что изнасилованіе женщинъ—неизбѣжное зло всѣхъ войнъ и осадъ: во всякой цивилизаціи, все равно, женщины побѣжденныхъ—добыча побѣдителей. Но даже въ городахъ, взятыхъ самымъ дикимъ штурмомъ, гнусности, подобныя описаннымъ въ отчетѣ Вейденбаума, бывали только какъ отвратительныя исключенія. Солдаты Суворова не болѣе свирѣпствовали въ Измаилѣ и сволочь Бурбона во взятомъ съ боя Римѣ, чѣмъ русское казачество среди мирнаго населенія шушинскихъ армянъ. Комментировать тутъ нечего. Отчетъ говоритъ самъ за себя. Пьянство виномъ и кровью свело съ ума толпу людей. И вотъ—мы свидѣтели эпидеміи какого-то повальнаго садизма, насильническаго щегольства развратомъ не нормальнымъ, противнымъ, на зло и на перекоръ естественному инстинкту,—rien n'est sacré pour un sapeur!—нѣтъ, молъ, ничего такого, на что казакъ не смѣетъ посягнуть! Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, семидесятилѣтняя старуха, родильница, паралитическій уродецъ—всѣхъ въ одну кучу!.. Надругательство утонченное, фокусническое, именно садистическое,—не толь-

ко порывъ къ грубому наслажденію, но и злорадное, бѣсовское желаніе унизить, насладиться страданіемъ, позоромъ, оплеваніемъ жертвы... Еще Достоевскій отмѣтилъ, что садизмъ—частое явленіе въ русскомъ старчествѣ. Ну, судя по отчету Вейденбаума, хороша бываетъ и воинственная молодежь. О такихъ фактахъ, какъ изнасилованіе параличныхъ, семидесятилѣтнихъ старухъ, цѣлованіе половыхъ органовъ и т. п., до сихъ поръ міръ узналъ только изъ психопатологическихъ наблюденій Крафтъ Эбинга, Маньяна, Тарновскаго, по лечебницамъ нервныхъ и психическихъ больныхъ. Это сумасшедшій домъ, адъ половой психопатіи, вырвавшійся на волю!

Ну, да ужъ хорошо. Кавказъ,—край, такъ сказать, экзотическій, а армяне суть «бунтовщики», съ коими христолюбивому воинству предписывается поступать, какъ съ воюющей стороной, и даже хуже, ибо войны имѣютъ хоть какіе-нибудь свои международные законы, а войны гражданскія подъ наблюденіемъ Женевской конвенціи не состоятъ. Обратимся внутрь Россіи, въ тихую украинскую ночь. «Знаете ли вы украинскую ночь? Нѣтъ, вы не знаете украинской ночи!»

Городъ Конотопъ. Десять часовъ вечера. Молодая телеграфистка Ц. возвращается со службы домой.

На Дворцовой улицѣ ее встрѣтили два донскихъ казака и остановили ее грубыми окриками: «куда идешь? Пропускъ есть?» Зная, что подобные вопросы предлагаются казаками всѣмъ встрѣчнымъ, г-жа Ц. совершенно спокойно отвѣтила, что пропуска у нея нѣтъ, но что, если они сомнѣваются въ ея личности, то могутъ дойти вмѣстѣ съ ней до почтово-телеграфной конторы, гдѣ начальникъ и удостовѣритъ, что она служащая. Казаки долго молчали. Тогда Ц. снова повторила свою просьбу отпустить ее домой или же, въ крайнемъ случаѣ, отправиться въ полицію и не держать на улицѣ. Казаки пе-

регляну лись, и одинъ изъ нихъ, сходивъ за чѣмъ-то въ ближайшій дворъ, заявилъ своему товарищу:

— Теперь можемъ расправляться, какъ хотимъ!..

Предчувствуя что-то недоброе, дѣвушка снова начала упрашивать отпустить ее. Тогда одинъ изъ казаковъ, обнаживъ свою шашку и приложивъ ее къ шеѣ перепуганной Ц., крикнулъ:

— Вы знаете, что намъ дано право рубить! Идите за нами, а тамъ скажутъ, какъ съ вами поступить.

Само собой, что послѣ такихъ аргументовъ дѣвушка пошла за ними безпрекословно. Казаки повели ее въ пустую чайную, но, убѣдившись, что она заперта, повернули на базаръ и стали подыскивать соотвѣтствующій ихъ намѣреніямъ торговый навѣсъ. Въ это время проходилъ какой-то человѣкъ, и у дѣвушки появилась надежда на спасеніе, но казаки ударили этого незнакомца палкой, и онъ пустился бѣжать. Теперь все было кончено и потеряно. Безлюдная площадь, темная, глухая ночь, слабая дѣвушка—два вооруженныхъ звѣря-казака. Ц. бросилась на колѣни и стала умолять казаковъ пощадить ее, но одинъ изъ донцевъ, побуждаемый своимъ товарищемъ «работать быстрѣй», ударилъ ее обнаженной шашкой по головѣ, схватилъ за шейный платокъ и бросилъ на уже разостланную шинель...

Казаки чередовались...

Наконецъ, они встали, и она нашла еще въ себѣ силы снова умолять ихъ—отпустить ее, хотя бы теперь. Они о чемъ-то пошептались, и одинъ изъ нихъ заявилъ ей, что проводитъ ее до дому. Они повели ее въ конюшню и тамъ начали «угощать» ею своихъ товарищей.

Ц. была въ безпамятствѣ.

Когда уже не было желающихъ, ее привели въ чувство и потащили въ полицію.

Дорогой имъ встрѣтился ея отецъ. Старикъ искалъ ее по всему городу. Ц. увидѣла отца, и съ ней сдѣла-

лась истерика. Казаки поспѣшили скрыться. На слѣдующій день о всемъ происшедшемъ было заявлено полиціи, и началось разслѣдованіе.

Освидѣтельствовавшій врачъ удостовѣрилъ, что Ц. «не болѣе сутокъ тому назадъ лишена невинности и что грубое насиліе надъ ней производилось много разъ подрядъ. Потерпѣвшей было предъявлено нѣсколько казаковъ, среди которыхъ она сразу узнала своего главнаго, перваго насильника, того, что все грозилъ ей шашкой—Вѣнцова. Затѣмъ она припомнила еще двухъ—Вяликова и Латошникова. Остальныхъ же она узнать не могла,—во-первыхъ, тогда было темно, во-вторыхъ, она долгое время находилась въ состояніи безпамятства.

Военный судъ приговорилъ Вѣнцова къ 10-ти-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, двухъ же остальныхъ оправдалъ. Гражданскимъ истцамъ предоставлено право искать съ осужденнаго въ порядкѣ общихъ установленій.

Конотопскіе насильники, все-таки, по крайней мѣрѣ, какъ будто получили возмездіе за свои безобразія, хотя россійское правосудіе, по обыкновенію, и здѣсь обрушило громы свои на «стрѣлочниковъ», а истинные виновники катастрофы остались безнаказанны и въ сторонѣ. Въ концѣ-концовъ, что сдѣлалъ Вѣнцовъ? Только то, что ему было разрѣшено начальствомъ. Онъ дисциплины не нарушилъ и самовольно дѣвицы Ц. не насиловалъ. Какъ истинный служака, онъ сперва отправился въ офицерскую, заручился тамъ разрѣшеніемъ изнасиловать дѣвицу Ц. (удивительно, какъ еще разрѣшеніемъ лишь на словахъ, а не на бланкѣ полковой канцеляріи!) и только уже тогда приступилъ къ «дѣйствію по командѣ»:

— Теперь можемъ расправляться, какъ хотимъ.

По-моему, это конотопское изнасилованіе еще болѣе ужасный показатель деморализаціи, чѣмъ шушинскій адъ. Адъ—такъ онъ адъ и есть. Люди обезумѣли, преврати-

лись въ дьяволовъ и совершаютъ безсознательныя дьявольскія мерзости. А тутъ—все спокойно, хладнокровно, въ порядкѣ дисциплины, съ разрѣшеніемъ по командѣ,—изнасилованіе по всѣмъ правиламъ воинскаго артикула... Я долго искалъ въ газетахъ, будутъ ли привлечены къ отвѣтственности офицеры, подъ командою которыхъ находились Вѣнцовъ, Латошниковъ и Вяликовъ. Но напрасно. Въ каторгу пошелъ «стрѣлочникъ». Начальники движенія остались безвѣстны и безнаказанны.

Какъ бы то ни было, въ удовлетвореніе телеграфистки Ц. была сыграна хоть комедія правосудія. Я увѣренъ, что Вѣнцовъ находится въ глубочайшемъ недоумѣніи, по какимъ, собственно, причинамъ онъ присужденъ въ каторгу? Онъ «спросился», ему разрѣшили, онъ исполнилъ,—и вдругъ въ Сибирь. «Нешто моя вина? Спрашивай со старшаго»... Но о старшихъ исторія умалчиваетъ и Ѳемидѣ не приказываетъ разговаривать. И самъ Вѣнцовъ-то понесъ отвѣтственность только потому, что, подобно Спиридоновой, телеграфистка Ц.—опять-таки—«наша сестра», интеллигентка, и у нея оказался родитель, съ которымъ шутки плохи: умѣлъ дойти до суда... А сколько, быть можетъ, тотъ же Вѣнцовъ, Латошниковъ или Вяликовъ до того случая, какъ имъ попасться въ своихъ мерзостяхъ, спокойно и безнаказанно перепортили безотвѣтной «ихней сестры», городской и деревенской, мѣщанской и крестьянской дѣвки, у которой отцы безотвѣтны и беззащитны, какъ она сама?.. Въ особенности, жутко поставленъ роковой вопросъ о женской чести въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ. Военные постои въ Польшѣ, Литвѣ, Закавказьи, Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ чертѣ еврейской осѣдлости,—всѣ опозорены надругательствами надъ честью туземныхъ женщинъ, настолько откровенными и гласными, что факты эти, когда дѣлались достояніемъ печати, то даже не вызывали хотя бы формальныхъ опроверженій.

Стоитъ, молъ, разговаривать о такой обыденщинѣ! Вы бы еще о томъ, что дважды два не пять, а четыре! И—опять—нечего уже говорить объ адахъ на землѣ: объ изнасилованіяхъ подъ громъ такихъ острыхъ моментовъ реакціи, какъ кишиневскій, одесскій или бѣлостокскій погромы. Тамъ люди были звѣри. Они не всегда будутъ звѣрьми. Пройдетъ экстазъ звѣрства, они очнутся, и для многихъ изъ нихъ, быть можетъ, ужасомъ на всю жизнь останется воспоминаніе о неисправимыхъ подлостяхъ, въ которыя они увязли, наглотавшись ядовъ провокаціи,—водки, клеветы, анархіи, произвола насиловать жизнь, честь, имущество. Гораздо страшнѣе та спокойная, самоувѣренная, сознающая свою постоянную силу и «права», обыденщина безраскаянной власти надъ женщиною, которую вкрапило въ сѣрую, трусливую жизнь запуганной русской обывательщины наше проклятое время.

Въ майской книжкѣ «Русской Мысли» въ воспоминаніяхъ г. Пана «Изъ недавняго революціоннаго прошлаго» я встрѣтилъ такой эпизодъ. Мѣсто дѣйствія—жандармская комната на станціи Окницы, гдѣ арестовали г. Пана.

Я улегся на скамейкѣ и сталъ дремать. Спать я не могъ, мѣшалъ свѣтъ; а, главное, разговоры приходившихъ и уходившихъ жандармовъ; не стѣсняться же имъ было меня, комната эта была мѣстомъ отдохновенія для отдежурившихъ свои часы жандармовъ. Здѣсь они выпивали, обмѣнивались новостями. И мнѣ пришлось весь остатокъ ночи прослушать сквозь дремоту такую пакость и мерзость, что и сейчасъ, какъ вспомню объ ихъ разговорахъ, душа содрогается.

— Былъ я вчера у жидка Мойши. «Ты что-жъ,—говорю ему,—такой-сякой, сукинъ сынъ, жидъ паршивый, подводить вздумалъ? Гдѣ же твоя Хайка, что ты мнѣ обѣщалъ? Что-жъ ты,—говорю, жидюга, думаешь,

что я тебѣ спущу твою кражу?» Да далъ ему подзатыльника. Жидъ и затрясся. «Что-жъ вы, господинъ жандармъ, деретесь? Хайка сама не хотѣла идти, я ее къ вамъ посылалъ». А тутъ и Хайка пришла. А я тогда былъ здорово выпимши, и здорово же она мнѣ тогда, чертовка, приглянулась. Я къ ней, облапилъ ее... пищитъ, жидовская морда, кусается. Разобрало меня: наклалъ ей въ шею такъ, что даже разревѣлась. Ушелъ я отъ нихъ, пригрозилъ жиду, что арестую его. Ну, да Хайка отъ меня не уйдетъ!

— Да что съ нею церемониться, посторожилъ бы ее гдѣ-нибудь ночью и сдѣлалъ, что нужно,—пусть жидовка жалуется и доказываетъ.

— А я вотъ Фроську-то уломалъ, тоже артачилась, и отецъ грозилъ. А что взяли?—кукишъ съ масломъ! Онъ же воровать, да покрывай ему, да онъ же и артачится, сволочь этакая!

Такіе милые разговоры пришлось мнѣ прослушать всю ночь. Какими беззащитными и униженными представились мнѣ всѣ мѣстные обыватели, особенно бѣднота, если простые жандармы могли позволять себѣ такъ гнусно и безнаказанно насильничать надъ ними.

Когда Аппій Клавдій изнасиловалъ Виргинію, отецъ зарѣзалъ ее на улицѣ, и поднялся въ Римѣ великій бунтъ, который низвергъ децемвировъ. Позоръ Лукреціи стоилъ царства роду Тарквиніевъ и былъ начальнымъ моментомъ римской республиканской революціи. Поруганная честь сестры неаполитанскаго рыбака Мазаньелло потрясла величественную власть короля обѣихъ Сицилій. Лопе-де-Вега, Лессингъ и Шиллеръ оставили намъ революціонныя трагедіи объ отцахъ, разрушающихъ тираннію абсолютизма, въ отмщеніе за своихъ поруганныхъ дочерей... Все это очень ярко, сильно, ослѣпительно-могуче, но было очень давно и, очевидно, не въ нашихъ нравахъ. Россійскіе Виргиніи, Коллатины, Ма-

заньелло, Саломейскіе алькады, Одоардо Галотти и Веррины обладаютъ большимъ хладнокровіемъ и большею приспособленностью къ подлостямъ своей эпохи. Я много жилъ въ Италіи и на Балканскомъ полуостровѣ. Тамъ дико было бы сказать, что честь изнасилованной дѣвушки осталась неотомщенною. И это не по мужскимъ предразсудкамъ о мистической святости дѣвства, не по пережиткамъ средневѣковаго тюремнаго и замковаго рабства женщины, не потому, что невинность дѣвушки разсматривается, какъ собственность ея будущаго супруга. Нѣтъ, мстительные взрывы общественнаго мнѣнія противъ посягателей на женскую честь очень часты даже въ такихъ мѣстностяхъ (напр., въ нѣкоторыхъ уголкахъ Сербіи или въ Провансѣ), гдѣ мужчины къ цѣломудрію прекраснаго пола относятся съ самымъ философическимъ равнодушіемъ, дѣвушки-невѣсты пользуются полною свободою, и рѣдкая изъ нихъ, какъ у насъ поморки, идетъ замужъ, не будучи уже въ интересномъ положеніи. Мстители встаютъ не за условную физическую честь, нарушенную насильникомъ, а за абсолютный, нравственный принципъ ея,—за свободу женщины въ распоряженіи своею половою волею, за низведеніе женщины на степень безсловеснаго и безотвѣтнаго животнаго. Къ величайшему русскому горю, безправіе крѣпостного права стоитъ еще слишкомъ близко позади, за нашими плечами. А ужасное право это, по которому до сихъ поръ вздыхаютъ высоконравственные хранители семейныхъ очаговъ, выносило въ трехсотлѣтнемъ чревѣ своемъ и родило такія, напримѣръ, милыя сентенціи,—именно о женской чести,—что «тѣмъ море не испоганилось, что собака лакала»... И, въ концѣ концовъ, Оболенскій поретъ хохловъ нагайками и угоняетъ ихъ въ степь слушать издали, какъ на селѣ вопятъ насилуемыя хохлушки, а въ какой-нибудь Окницѣ простой жандармъ едва не негодуетъ, что Хайка или Фроська смѣетъ барахтаться и

кусаться, когда онъ лѣзетъ къ ней со своими звѣриными ласками.

Тамъ, гдѣ поруганная честь женщины можетъ оставаться не отомщенною, нѣтъ общества, потому что общество начинается съ уваженія къ чести женщины и признанія за женщиною права на половую волю.

Въ странѣ, гдѣ имѣются человѣческія группы, которымъ, на извѣстныхъ политическихъ условіяхъ, «все позволено», нравственное разложеніе распространяется, быстрою заразою, отъ привилегированныхъ группъ этихъ, во всѣ слои общества. Воинъ, неистовствовавшій надъ злополучными подолянками или грузинками, уходя въ запасъ, не сниметъ съ себя, вмѣстѣ съ аммуниціей, той презрительной грубости, того безстыжаго одичанія, которыя воспитала въ немъ временно потакаемая распущенность. И многія, многія грубыя и темныя силы, присущія неразвитому, полуинтеллигентному слою, представляющему собою, такъ сказать, подпочву русскаго общества, проникнутыя отъ воина завистью къ его порочной удали и увѣренностью, что порокъ, самъ по себѣ, не есть порокъ, и преступленіе есть не столько преступленіе, сколько веселое препровожденіе времени, и вся штука — лишь въ томъ, чтобы поставить свой грѣхъ въ условія безнаказанности. Солдатъ пронесъ въ народъ грамоту, которой обучила его служба. Но, если служба развращаетъ солдата, то солдатъ же, неминуемо, пронесетъ въ народъ и свой развратъ. И не даромъ преступленія противъ женской чести, чуть не эпидемическія въ послѣднее время, развиваются, преимущественно, въ служебной средѣ, тѣсно родственной съ отставною и запасною военщиною, дружественной съ полиціей и жандармеріей, каковы, напримѣръ, стали теперь кадры желѣзнодорожныхъ служащихъ. Въ особенности, на дорогахъ, значенія, такъ сказать, внутренне-стратегическаго, каковы всѣ, примыкающія къ Петербургу.

Изнасилованіе женщины въ поѣздѣ или на станціи желѣзнодорожными служащими, за послѣдніе годы, сдѣлалось настолько частымъ преступленіемъ, что—еще немного, и газеты начнутъ печатать подобныя сообщенія мелкимъ шрифтомъ, какъ пожарный случай безъ сбора всѣхъ частей или кражу на сумму не свыше 300 руб. Даже вѣдь и пресловутая золотовская исторія, которою, лѣтъ пять тому назадъ, открылся рядъ разоблаченій о «служебныхъ» покушеніяхъ на женскую честь, началась въ вагонѣ, продолжилась на станціи и лишь кончилась въ полицейскомъ участкѣ, при казацкой казармѣ. Развратъ въ русскомъ поѣздѣ—дѣло настолько обычное, что, напримѣръ, я самъ, собственными своими ушами, слышалъ трижды на разныхъ линіяхъ, какъ путешествующіе бонъ-виваны заказывали, безъ всякихъ церемоній, проводникамъ спальныхъ вагоновъ:

— Пошарьте-ка, любезный, въ поѣздѣ, не найдется ли какой хорошенькой.

Одинъ разъ это было на участкѣ Одесса—Кіевъ, другой разъ—на Варшавской желѣзной дорогѣ, третій разъ—на Николаевской. Случалось и получать не менѣе откровенныя предложенія отъ поѣздной прислуги: не угодно ли, молъ?—въ сосѣднемъ вагонѣ имѣется подходящій товарецъ, а мы рады стараться!.. Особенно, когда ѣдешь на дальнее разстояніе. Сибирскіе курьерскіе поѣзда проституированы до такого дѣловитаго постоянства, что промышляющія собою пассажирки являются, мало сказать, обычнымъ,—почти обязательнымъ придаткомъ къ прочимъ удобствамъ передвиженія. Гдѣ мѣняется бригада, тамъ мѣняются и кочующія проститутки. Сибирь—районъ частыхъ фамильныхъ передвиженій; чиновники, промышленники, достаточные люди изъ политическихъ ссыльныхъ, то и дѣло направляются къ пунктамъ своихъ назначеній или перемѣщеній цѣлымъ домомъ, съ дѣтьми, съ прислугою. Я самъ испыталъ

восторгъ такого странствія, и одною изъ непріятнѣйшихъ подробностей его вспоминаю—постоянную необходимость ограждать няньку и горничную,—хотя обѣ блистали гораздо болѣе честностью и добрыми нравами, чѣмъ красотою,—отъ охоты на нихъ чуть не всѣхъ мужчинъ въ поѣздѣ. И посредниками все время являлись кондуктора, истопники и пр.

— Помилуйте!—сказалъ мнѣ проводникъ поѣзда, когда я выразилъ ему нѣкоторое недоумѣніе по поводу подобнаго бѣснованія.—Онѣ у васъ—дуры какія-то. Недотроги, точно принцессы. Впервые такихъ вижу. Вѣдь это для ихней сестры—золотое дно. Иная, за девять дней пути, такъ оперяется, что въ Иркутскъ пріѣзжаетъ богаче своихъ господъ.

Приблизительно то же самое разсказывали мнѣ многіе одесситы о юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ. При кондукторскомъ посредствѣ, къ услугамъ пассажировъ, не робѣющихъ предъ опасностями амурной случайности, всегда находится или въ поѣздѣ, или на станціи отправленія «дама, потерявшая билетъ», «дама, у которой не достало денегъ на доплату», и тому подобныя, благовидно вуалированныя спеціалистки желѣзнодорожной проституціи. Ихъ берутъ, точно билеты въ кассѣ: одна работаетъ до Жмеринки, другая до Раздѣльной и т. д. Еще болѣе удивительна Царскосельская желѣзная дорога. Несмотря на то, что все ея протяженіе—не болѣе, какъ на часъ времени, ея вокзалы въ Петербургѣ, Царскомъ Селѣ и Павловскѣ—настоящіе рынки шикарной проституціи, спеціально обслуживающіе офицерство конвоя и гвардейскихъ стоянокъ этого района. И мнѣ показывали модную знаменитость этихъ рынковъ, которая, — промышляя спеціально извращеннымъ развратомъ,—что называется, не сходитъ съ поѣзда, неутомимо движется по рельсамъ между Питеромъ и Павловскомъ и обратно съ ранняго утра до поздней ночи. Замѣтьте при этомъ, что на Цар-

скосельской желѣзной дорогѣ приняты только общіе вагоны, безъ какого бы то ни было подобія отдѣльныхъ купе! Такимъ заработкомъ, говорятъ, положила начало своему благосостоянію особа, имя которой недавно усердно трепалось и молвою, и печатью по поводу нѣкотораго министерскаго процесса.

Тамъ, гдѣ существуетъ проституція, неразлучно выростаетъ и фабрикація проституціи: сводничество, соблазнъ, подкупъ, обольщеніе, грубое насиліе. Все это нашло довольно подробное изображеніе въ моей «Маріи Лусьевой» и въ статьяхъ о проституціи, вошедшихъ въ настоящую книгу. Помимо книжнаго и газетнаго матеріала, въ основу названныхъ работъ легли, какъ «человѣческіе документы», личные опросы 98 проститутокъ явныхъ и тайныхъ, собранные мною въ 1896—1901 гг. У одиннадцати изъ этихъ женщинъ, то есть болѣе 11%, въ паденіи, выбившемъ ихъ изъ условій трудового или буржуазнаго быта на рынокъ разврата, сыграло рѣшающую роль желѣзнодорожное или пароходное путешествіе. Къ сожалѣнію, при мнѣ нѣтъ сейчасъ моего архива — для болѣе точныхъ данныхъ. Но помню, что изъ 11 три настаивали, что были жертвами насилія со стороны желѣзнодорожныхъ служащихъ или пассажировъ, при помощи желѣзнодорожныхъ служащихъ, а три погибли, опоенныя того же рода безобразниками на волжскихъ пароходахъ. Что нѣкоторые изъ послѣднихъ въ іюнѣ и іюлѣ превращаются въ плавучіе публичные дома,—кому же сей секретъ полишинеля неизвѣстенъ? Не лучше того и служебныя отдѣленія поѣздовъ, подъ командою иныхъ дошлыхъ оберовъ и согласной съ нимъ, дружной бригады. Во Владимирской губерніи фабричная дѣвка жалуется на плохіе заработки, хочетъ уѣхать въ Москву. Ее отговариваютъ:

— На что поѣдешь? У тебя, поди, и на билетъ-то не хватитъ?

— А на кой лядъ мнѣ билетъ?—острить дѣвка,—

меня, за красоту мою, любой оберъ даромъ доставитъ въ служебномъ,—еще и пару золотыхъ въ Москву привезу... Теперь время ярмарочное!

Но все это—опять-таки, Ѳетиньи, «не наша сестра»,—«безпастушное стадо» толстовскаго Митрича, двуногія овцы, которыхъ судьба падать по первому властному натиску человѣка съ начальственнымъ горломъ и въ свѣтлыхъ пуговицахъ. И, пожалуй, найдутся Стаховичи, которые борьбу и съ этимъ зломъ найдутъ «не спѣшною»: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не отмѣнить же движеніе по желѣзнымъ дорогамъ и рейсы пароходные изъ-за того, что время отъ времени тамъ погибаетъ глупенькая довѣрчивая дѣвочка-пассажирка, здѣсь вовлекается въ развратъ опоенная баба... Въ признаніяхъ торговца живымъ товаромъ, изложенныхъ Жаномъ Лорренъ въ его «Florine», изъясняется очень подробно, какую огромную роль играетъ въ этомъ промыслѣ вокзальная ловля пріѣзжающихъ въ Парижъ провинціалокъ и какъ участвуютъ въ этой облавѣ кондукторы поѣздовъ, еще въ пути намѣчающіе дѣвушекъ, пригодныхъ почтеннымъ коммерсантамъ, и направляющіе ихъ по предательскимъ адресамъ «рынковъ бѣлыхъ невольницъ». Можемъ ли мы съ увѣренностью утверждать, что подобнаго сообщничества не знаютъ наши желѣзныя дороги? Что касается вокзальной вербовки въ проституцію, то противъ нея, въ Петербургѣ, напримѣръ, неоднократно принимались полицейскія мѣры, потому что она доходитъ до наглой откровенности и работаетъ en masse—въ тѣ весеннія полосы, когда подходящіе къ столицѣ поѣзда выбрасываютъ на дебаркадеръ тысячи новгородскихъ, псковскихъ, вологодскихъ, олонецкихъ, архангельскихъ чернорабочихъ «аравушекъ», съ холщевою котомкою за плечами, съ двугривеннымъ капитала, завязаннымъ въ угловой узелокъ платка, съ деревенскою свѣжестью лица и тѣла и съ весьма малымъ количествомъ мозга подъ черепною покрышкою.

Но, если отъ «малыхъ сихъ» мы подымемся повыше, въ мягкія обстановки второго и перваго классовъ, то увидимъ, что и здѣсь приключенія, въ родѣ обличеннаго Борецкимъ, далеко не невозможны, даже не исключительны. Пусть дамы, странствовавшія много и одиноко, вспомнятъ свои путевыя впечатлѣнія: почти у каждой встанетъ въ памяти какое-либо—и не одно! —желѣзнодорожное или пароходное ухаживаніе, въ которомъ любезность такъ тѣсно граничила съ наглостью, что дамѣ едва доставало такта, чтобы тянуть время безъ скандала, покуда не выручало ея появленіе какихъ-либо третьихъ лицъ. Правда, что бываетъ и наоборотъ. Существуетъ, напримѣръ, прелюбопытная порода кочевыхъ дамочекъ изъ пожилыхъ Еленъ, скучающихъ при вовсе дряхлыхъ Менелаяхъ, изъ старѣющихъ разводокъ, неутѣшныхъ вдовицъ и полудѣвъ, не обрѣтшихъ мужа, — для которыхъ путешествіе по Волгѣ — такое же систематическое средство избывать озлобленіе тѣлесное, какъ для ялтинскихъ и кисловодскихъ курортныхъ барынекъ—прогулки съ проводниками, но гораздо болѣе дешевое и менѣе огласочное. Правда, что на душу такихъ веселыхъ грѣшницъ приходится переложить много грѣха изъ той амурной наглости, что встрѣчаетъ и окружаетъ на русскихъ поѣздахъ и пароходахъ едва-ли не каждую одинокую и красивую пассажирку. Но, все же, вина путейскаго Адама не таетъ отъ извинительной ссылки на Еву, и яблочные соблазны ея, и безобразіе остается безобразіемъ, а подлецы — подлецами.

Я старый журналистъ, всегда жилъ въ тѣсномъ общеніи съ публикою, и на вѣку своемъ много принялъ конфиденцій. И, такъ какъ я много занимался женскимъ вопросомъ, то, преимущественно, удостаивался конфиденцій женскихъ. Много видѣлъ я женскихъ слезъ, катящихся изъ глазъ по щекамъ во время устной исповѣди, или расплывшихся, вмѣстѣ съ чернилами, по бумагѣ испо-

вѣди письменной. Словомъ, слезами меня не удивишь. Но однѣ изъ самыхъ ужасныхъ слезъ, которыя я помню, падали изъ глазъ прекрасной женщины,—уже не слишкомъ молодой, лѣтъ за тридцать, матери семейства, съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ,—пріѣхавшей ко мнѣ въ 1898 году посовѣтоваться... куда ей бѣжать отъ семьи и любимаго мужа, чтобы скрыть беременность, невинно возникшую изъ приключенія, почти однороднаго съ дѣломъ Егоровой. Разница была только въ томъ, что «героемъ» явился контролеръ, воспользовавшійся ночнымъ одиночествомъ несчастной красавицы въ вагонѣ перваго класса... Ну, что же было дѣлать съ этимъ негодяемъ? Заявить жалобу станціонному жандарму? Составить протоколъ? Себѣ дороже. Насиліе—для женщины извѣстныхъ буржуазныхъ круговъ — несчастіе, съ которымъ она, въ современномъ обществѣ, можетъ раздѣлаться лишь двумя способами: либо трагическимъ скандаломъ—убійствомъ и самоубійствомъ во вкусѣ римской Лукреціи, либо скрывъ свой позоръ такъ, чтобы о немъ и подушка подъ головою не слыхала... Есть неповинные срамы, обличать которые не найдетъ въ себѣ гражданскаго мужества ни одна «порядочная женщина». А если найдетъ, то предразсудочная среда цѣломудренной буржуазіи, все равно, отлучитъ ее, какъ зачумленную овцу, и приготовитъ ей судьбу той «мадамъ Баттистъ», потрясающую трагедію которой разсказалъ намъ Гюи-де-Мопассанъ.

Ни одно преступленіе не съѣдается такъ часто и полно беззащитнымъ и робко-разсудочнымъ молчаніемъ жертвы, какъ изнасилованіе. И, поэтому, когда выплываютъ на чистую воду мерзости, подобныя егоровскому дѣлу, общество въ правѣ ждать отъ юстиціи своей, — даже въ тѣхъ обломкахъ, какъ мы имѣемъ ее сейчасъ, — самаго тщательнаго и гласнаго ихъ разслѣдованія, самой суровой ихъ кары участвовавшимъ негодяямъ и, затѣмъ, самыхъ дѣятельныхъ мѣръ къ принципіальному искорененію

передвижныхъ разбойничьихъ компаній, женолюбивые подвиги которыхъ то и дѣло вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ, на рельсовой сѣти русской, подобно сквернымъ болотнымъ огонькамъ. Пути сообщенія должны быть путями сообщенія, а не засадами разбоя, а не пріютами проституціи, альфонсизма, сводничества и насильничающаго сатиріазиса. Въ Англіи, если купе занято одною дамою, пассажиръ никогда не войдетъ въ него, потому что такой tête à tête почитается двусмысленнымъ (тоже нравы!).. У насъ, наоборотъ, пассажирка боится остаться одна въ купе, потому что къ ней — «можетъ влѣзть всякій», а, пуще всякаго, сами же присяжные тѣлохранители путешествующихъ странниковъ и странницъ — желѣзнодорожные Соловьи Разбойники.

1907.

